ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

СИБИРСКИЕ ОГНИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

36226

КНИГА ПЯТАЯ

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

НОВОСИБИРСК
1928

г. Новосибирск,
тип. СКС, Советская ул.,
№ 6. Наряд № 1622
Тираж 2.000.

Сибкрайлит № 3129 от 1 октября 1928 г.

П. ПЕТРОВ

Борель

РОМАН

I.

С низин от рек Пичунги и Удерки видно, как темными зигзагами протянулись лесистые горы. В пролеты гребней, голубыми зубцами, нависают клочья облаков. Верхушки гор стрелами выкинулись в высь к голубому безбрежному небу.

И небо и горы, кажется, слились в одно, замыкая небольшую, набитую снегом долину.

По отложинам по стремительным кручам густой щетью засели кедрачи, сосняки, пихтачи и мелколесья. А внизу—на равнине, поросшей стволистым березняком и малинником, в беспорядочной скученности раскинулся заброшенный прииск Боровое.

На отвалах и в рухляди когда-то богатейших построек торчат столетние извилистые, с густыми шапками хвои, сосны. Сосны уцелели, видимо, потому, что не попали в полосу разрезов и не пригодились на дрова.

Посредине прииска, разорванной цепью, тянутся покосившиеся столбы, а с них, точно рваное лохмотье, треплются на ветру остатки почерневших тесниц,—это были тесовые желоба, по которым много лет текли золотые пески.

Теперь и коновязи около огромных конюшен смотрят покривившимися скамейками: перекладины со столбиков наполовину отрублены и истесаны на щепу для подтопок: местами они свалились на землю и сгнили.

Крыши большинства низких казарм и когда-то красивых, с верандами и изразцами, домов, провалились, как впадины хребтов.

Сменялись люди, целые поколения, оставляя истлевать следы своих дел. Звон золота и кандальный звон долгие годы оглашали тайгу. А теперь вот—Боровое умерло.

В изогнутых локтях золотоносной Удерки одинокими чучелами, полузанесенные снегом, с обломанными, расщепленными и изрытыми ветром очипами, стоят почерневшие четыре драги. Беспризорные, не ремонтированные с 17 года, стоят сиротами механические чудовища тайги, и будто нет до них никому дела.

Боровое умерло в семнадцатом году—последние хозяева его стали «жертвой революции». Их пышная жизнь, с европейским комфортом и азиатским разгульным ухарством, как тройка с бубенцами, прокатилась эхом в наступающее раннее утро.

Большинство рабочих ушло в эти годы с прииска. Качка революции разметала людей, и кто к какому берегу пристал?

О том, что Боровое находится в руках тунгусников, Василий Медведев узнал еще на зимовьях, когда коротал почти двухсотверстный свой путь через тайгу. Он узнал также, что эти хищники называли себя свободными золотничниками. Но не верилось, как не верилось и тому, что отца его, вечного слесаря, изрубили казаки и бывшие стражники в девятнадцатом трясучем году, когда он, Василий, ушел в партизанскй отряд.

— Да неужели это так?—в сотый раз спрашивал он себя, лежа на нарах в квартире молотобойца Никиты Вялкина.—Неужели вся бражка ханула за понюх табаку?

Сквозь брюшинное окно на стену казармы пробивался слабый свет. Взгляд Василия упал на висевшие двумя дорожками камосные лыжи и спиртоносную баклагу.

— Неужели и Никита занялся тунгусничать? Сволочи, розини!

Но тут же пришла и другая дума:

— А чем виноваты они, коли голод? На зимовье также передавали, что и на руднике Баяхта почти все уцелевшие шахтеры занялись расхищением приска. Вот от Никитки, лешака, ничего толком не добился.

Он содрогаясь, подкрючил к животу озябшие ноги.

Никиту ночью полумертво-пьяного привезли на нартах из какой-то дальней казармы (лошадей на приисках не было), и баба его, Настя, бывшая скотница хозяев, брякала долго языком, но ничего нельзя было понять, кто на приисках остался цел и почему они там с тунгусниками и спиртоносами?

Ему вспомнился семнадцатый год, когда все пять приисков Удерской системы были рудкомом об'явлены государственными. Вспомнил, как он, девятнадцатилетний забойщик, в рядах членов рудничного комитета, под красным знаменем, с красной повязкой на левой руке и с вишневым загаром на лице,—шел к зданию главных мастерских для приветствия первого с'езда приисковых рабочих депутатов. Как затем на с'езде был избран членом рудничного совета.

А какие речи говорились на этом первом с'езде... Какие речи! Сколько было принято решений с'ездом по поводу переустройства Борового и других приисков.

— Неужели этот первый с'езд был и последним?

Василий, вздрагивая от холода и тоски, снова перевернулся на живот и вздохнул, зарываясь с головою в какое-то тряпье, брошенное ему вчера Настей.

— Ах, пакостники! Ах, собачья отрава! А еще рабочие, земляная сила... Прошиби их каменной стрелой! Уехать обратно—пропади они тут к чорту...

В другом углу, разворашивая скрипучую осоку, заворочался, закашлялся Никита, и слышно было, как потянулась Настя.

Рассвет сероватой струей просачивался сквозь мутные брюшинные окна. В щели простенков врывались звонкие струи ветра, наполняя казарму холодом.

— Ты чего там, комиссар, хрюкаешь? Встал, что ли? И не спал, кажись?—спросил Никита простуженным басом.

Василий вскочил. Черная шапка его волос тенью зашевелилась на стене, а под сиденьем заскрипели нары. Никита тоже поднялся и, отыскивая трубку, толкнул Настю:

— Эй, ты, баптиска, вставай! Чево дрыхнешь? Ставь котелок. У гостя-то, поди, в животе урчит. Мотри, ужо солнце в бок упирает.

Небольшая женщина приподнялась с нар и, ворча, прошла к печи.

— А чем кормить-то будешь? Вчера все пролакал, язва болотная,— ворчала она... Только и живем на твою бездонную глотку... Скоро с голоду окочуришься!

— Не мурмуль, чортова кукла!.. Разживляй печку!—крикнул Никита, шаря по нарам огниво и трут*).

Василий красными от бессонья глазами смотрел в пол и будто только от слов Никиты очнулся.

— Никитка! а кто из наших, ну из старых рабочих, здесь остался?— спросил он, повертывая голову в его сторону.

Никита полюжил трут на кремень и высек желтый клубок огня. Отсыревшая губа не занималась, и он с раздражением начал ударять раз за разом, гоня сплошную ленту искр, пока не зажег.

— Из наших? да кто?.. Рогожкин, Пашка Вихлястый, Алешка Залетов, Старик Качура, Ганька Курносый, да так человек десятка три-четыре наскребется.

— А из шахтеров здесь никого?

— Нет, они все на Баяхту утянулись... И, затягиваясь «самосядкой», взглянул на Василия.

— Да, брат Васюха, порасшвыряла нас эта петрушка. А жисть-то, жисть-то пришла! Посмотри,—в гроб краше кладут.

Никита провел по провалинам щек шершавою, потрескавшейся рукой и засопел трубкой.

— Хотели на Ленские, друг, а на вши, что ли, поднимешься отсюда. Когда партизанили—лучше братва жила, ей-бо! Там не знали, что будет и ждали чего-то... а тут вот гнус заедает, и податься тебе некуда. Крышка, Вася, всему.

Голос Никиты задрожал еще сильнее и захлебнулся.

Около загудевшей печки не то от слез, не то от холода клокотала и подергивалась Настя.

— Завоевали слободу, своею собственной рукой,—хихикала она..— Рабочих поморили... Тунгусишки, как мухи на моху, коченеют. Вся тайга провоняла падалью человеческой, и только зверье жиреет!

— Вот, гляди, в каких ремотьях остались,—все проели!

Василий ежился от внутренней досады и молчал.

Никита надернул на босые ноги рыжие бродницки и подошел к нему вплотную. Его рубаха лоснилась от грязи и пестрела буграми разноцветных заплат, а одна штанина до самого полу была разорвана вдоль.

— Все тут! У всех такая хламида, Вася. За дровишками в мороз не в чем вылупиться из этого острога. Охоты нет. Соли два месяца не видим. Сухарей в неделю раз отламывается. Ребятишки передохли, а бабенки, как подсушенные селедки, от кырканья житья нет. Снова на бога лезут с голодной-то утробой. Вот до чего довела нас наша власть...

И, отойдя к печке, добавил:

— Зря, Васюха, зря! Неужто для того мы полили рабочей и партизанской кровью тайгу, чтобы гнусь там разная плодилась?.. А кто виноват? Куда денешься?.. В городе—там тоже люди дохнут, и только, говорят, комиссары галифой трясут, как прапора прежние. Никудышная жистянка пришла, Вася. Зарез!

У Василия задрожали руки и искривилось измятое со сна лицо. Он приподнялся и схватил Никиту за костлявые плечи, разражаясь руганью:

— Не каркай, моль! Не ы ли, сукины сыны, в двадцатом улизнули в свои вонючие норы?! Бабью вонь пронюхали. Пропили, пролежали, протун-

*) Проверенная и высушенная губа—гриб, нарост на стволах березы.

гусничали прииски! Тюлени! Не сами ли вы, вместе с каторжной шпаной, гробили, потрошили свое доброе и кидали серке под хвост. Чем это делали вашего брата? Революцию пролежали в казармах, а теперь пенять!.. Зря, говоришь, а что зря?

Настя кошкой соскочила с обрубка от печки—зафыркала, залилась частой пулеметной трескотней:

— Обдиралы! Богохульники! Комиссары над рабочим народом. За это и воевали? Не даром в писании сказано...

— Цыть, балалайка, трепушка!—рявкнул на нее Никита.—Чай грей, сестра паршивая... Может из-за тебя, из-за таких же вот лоскутин и терпит наш брат эту лавочку. Сама гнидой засела здесь и меня прищемила. Начетчица ты плевая! Лихорадка крапивная!

Настя снова заклюкотала, давясь слезами, и отошла в угол.

Василий отпустил Никиту. Что-то занозой шевельнулось у него в груди, а в глазах уже теплилось участие к судьбе старого товарища и раскаяние за внезапную непрошенную вспышку.

— Вороны вы, полоротые,—вот откуда вся оказия на вас свалилась... Знаешь, Никитка! Республика сколачивает золотой фонд, чтобы им расшибить брюхо буржуям в мировом масштабе, а вы—вместе с рвачами. Ах ты, Никитка, партизан, таежный волк... Захныкал! В два года захотел закончить всю кутерьму и оглушить голодуху, а сам блох в штанах разводишь.

Василий выпрямился во весь свой высокий рост и тряхнул всклокоченной шапкой волос. В плечах и в коленках громко хрустнули кости. Он схватил Никиту за желтый мох бороды и уже легонько притянул к себе.

— Дурило! Пугалу ты, воронье! Овечкой оказался, когда надо быть волком. Будем дергать до конца. Надо моль выкурить с прииска. К чорту эту свору барахольную. Надо гоношить приски. Трудовой фронт, товарищ... Новая экономическая политика... Новые камешки закладываем...

Настя поставила на стол вскипевший котелок... Нудно, по-бабьи, ворчала:

— Слышали мы орателей! Не в первый раз. До мору людей довели. Рассея, говорят, вся выдохла. Люди людей жрут. Зверье среди белого дня на человеков охотится, а у нас все говорят, говорят...

Она накинула рваную из мешечного холста ремуху на такое же платьишко и за дверью уже запела:

Хвалите, хвалите, хвалите,
Хвалите Иисуса Христа.

— Вот видишь, опять закаркала,—сказал уныло Никита... Серпом по горлу легче, чем слушать эту панафиду каждый день. Каюсь окаянными слезами, что ушел из армии... Но ты все по продразверстке хлестал. Мужиков судил за то, что хлеб не уродился. И там надо было каменное сердце. А я не мог обирать свои же партизанские злыдни у мужиков. Они ведь не хуже нас стояли и кормили в тайге. Кабы чужие, Вася, а то своя шатия—горе наземное.

Василий беззлобно рассмеялся.

— Эх ты, потютюй. Своей и чужой крови не жалел, а за барахло, за наживную рухлядь слизнячишь. Да ежели бы колчаковская власть сбила нам клычки, тогда что бы? А? Ведь все бы мы на сосенке засушили свою шкуру... Чубук!

Настя вернулась с яйцами в подоле и кружком мороженного молока, а за нею ввалились приисковые бабы.

— Талан на майдан*),—пробасила старая Качуриха, крестясь в пустой угол. Василию все они показались на один покрой: на бабах мешочные юбки,—как надеты, так ни разу не мыты. У передней—сквозь редкую ремугу—виднеются черные пятна набухших грудей. Бабы смерили Василия глазами и почти враз хлопнули себя по коленям.

— Да ты, чисто енерал, матушки мои! Штаты-то, штаты-то, а мундер—только епалетов нехватает,—язвительно хихикнула старуха.

— Да, кому как,—вздохнула Настя,—кто завоевал, а кто провоевал.

— А вырос-то! до матки, почитай. Видно, там хлеба не наши?! Своя рука—владыка, говорят!..

— А вот потянуло же сюда!

— Видно своя-то сопля далеко видна?!

К нему вплотную подошла Качуриха и уставилась в лицо серыми глазами.

— А отец-то, отец-то!.. А?!

Старуха закашлялась и утерла глаза рукою.

Настя опустила яйца в котелок и поставила его на печку.

— На могилу бы сходил,—сказала она, щупая Василия глазами.—Разрыта, размыта водою, поди и косточки волки повыдирали. Али не любите вы могил родителев? У вас ведь все равно, что человек, что скотина: души не признаете, сказывают?

И уже незлобно улыбнулась.

— Не квакай!—снова крикнул на нее Никита.

Но Василий уже остыл. По-медвежьи схватил он в беремя старого товарища-молотобойца и завертелся под хохот баб по казарме.

— Вот-то молодо-зелено,—смеялась Качуриха, как утка крякая,—худому горе не вяжется...

Василий бросил Никиту и подошел к бабам.

— Эх ты, Качуриха, бубновая твоя голова! Заплесневели вы тут, как черви в банке. Там мировая революция, а вы тут, начетчицы-квакуши, гыркаете на свою же листвяжную башку. Прогоркли самогонной брагой и мозгой рехнулась. Надо учитывать нашу пролетарскую обстановку, а не плевать себе на грудь, вот что, бабочки!

— Ух, батюшки, слов-то каких набрался—не то по-французски, не то по-тунгусски,—усмехнулась высокогрудая рыжая женщина.

— Все новое: и дела, и слова, а вы вот только старые... Все прошло мимо ваших берлогов и ничего не ковырнуло, видать,—сказал Василий, подмигнув Никите.

Но за чаем долго и уже мирно беседовали. За столом Василий достал свои сухари и передал вместе с сумкой Насте.

— Вот все и гостинцы,—засмеялся он раскатисто.—Будем мантулить, ребята,—небось, кайла и драга хлеба дадут... Подоим эту коровушку.

— На сухарях, на черемше грохнули белогвардейщину на лопатки, дело теперь на мирный фронт идет. И будем катать. Оторевать будем приски. Лупить разруху с обеих рук. Вот наша боевая задача!

Он так хлопнул ладонями, что бабы вздрогнули, как от внезапного выстрела. И долго, с разинутыми ртами, слушали его.

Качуриха шевелила бледно-синей резиной морщинистых губ, а Настя колола его зелеными иголками глаз. На бледном красивом лице ее выступали розовые лепестки.

---

*) Приветствие сибирских приискателей.

И никто не узнавал в нем прежнего подростка-слесаренка, но с первого же разу почувствовали его силу, какой не видели здесь на приисках давно.

— Эх ты, зеленая малина! Баптистка! Ах, Настя, Настя!—внезапно загрохотал Василий на всю обширную казарму. Его низкий баритон, как раскатистое призывное ржанье лошади, бухал о почернелые стены казармы и вздымал клочья паутин.

Старуха Качуриха задыхалась от кашля и смеха:

— Будь ты не ладный! Вот, молодо-зелено, как гусиный помет на воде...—И, скажи, какой голосино нагулял, как жеребец стоялой!

II.

От казармы до казармы утоптаны, точно вымощены, узкие тропы. Тропы, как мелкие ручьи, идут дальше к крайним длинным зданиям—бывшей конторе и хозяйским амбарам. От них двухаршинным желобом—дорога на рудник Баяхту и Алексеевский прииск. Дальше по прииску и в тайгу только одни лыжные да собачьи следы. Санные дороги рыхлы и занесены снегом.

— И по дрова никто не ездит. Вот же обленились и опустились до какой степени варначьи души. Приисковые постройки дожигают.

Василий посмотрел от дверей на занесенный снегом прииск, на проломанные крыши и обтесанные стены, и в гневе стиснулись челюсти. Напряженные мускулы дрожали и наливались горячим, а в глазах стоял соловый туман. Вчерашнее чувство обиды и злобы вернулось с новой мучительной силой. Сзади хрипло скрипнула дверь. Никита, с открытой грудью и кочкой скатавшихся волос, робко остановился на пороге.

— Перемена погоды будет,—сказал он, царапая волосатую грудь...—Скоро обоз Еграшкин, стало-быть, придет. Ты знаешь его?..

Но Василий приковал глаза к тайге. Солнце в дымчатом кругу выходило из-за темных верхушек. В лесу, тут же на задах, кололся легкий треск. Леса, сквозь золотую ленту лучей, щетинились прозрачными иголками.

Вчера на солнцепеках дорога под ногами мякла, а сегодня замерзший слой снега сжался в крупинки и хробостит под ногами.

— Стало-быть, есть наст,—подумал Василий.

— Никитка! Тащи лыжи,—задорно крикнул он.

Никита засуетился в приготовлениях. Дружески-покорно заглядывал в загоревшее лицо товарища и подлаживал ремни.

— Лыжи, брат, почем зря—камосные, только и житья-бытья,—хвастливо заметил он...

Солнце багряным пламенем остановилось над стрельчатою макушкою Баяхтинского хребта. Над тайгою повисло седоватое марево. Василий вскинул винтовку и пустил вперед себя поводок собаки.

Около соседней казармы старик, в сером изрешеченном азяме и тюменских опорках-броднях, тесал кедровое бревно и отлетавшие щепки бросал на костер под таган. Смолье теплилось ярко и беззвучно, как масло в жировике, пуская смолистый запах.

— Талан на майдан!—сказал Василий, придерживая собаку.

Старик уперся на него выцветшими чужими глазами. Заметно дивился военной форме и, только вглядевшись, выпустил топор.

— Васюха!.. Ядят тя волки! Ты откедов? Ах ты, Аника! Пришел?!

— Качура! Лесной ты леший!—вскрикнул в свою очередь Василий.

Синие побледневшие губы Качуры ткнулись в обмороженную щеку Василия.

— Пошто не наведал стариков? Зачахли мы тут. Вот хорошо, что ты... Ах, ядят тя Егорьевы собаки! Куда же ты? Завертай в халупу!

— Нет, надо на Баяхту кости размять, а может и козенку бабахну— видишь погода-то?!.

— Да наст, куда с добром... А у меня, Вася, и ружьишка тю-тю...— сказал сокрушенно старик.

Василий поправил ремни и подвязал лыжи. Они, шеборча, лизнули по ледянистой корке снега.

Василий оглянулся и издали крикнул:

— Заверну, Качура, обязательно заверну!

От непривычки покачивало и слегка зыбались ноги. Но, пройдя саженей десять, он взял полный ход. Собака, слегка взвизгивая, едва заметно маячила в снежном вихре.

Качура с открытым ртом долго смотрел вслед и вскрикнул:

— Ай и ловкач! не забыл—скажи! Эк и голову не мудрено свернуть.

Василей, раскачиваясь из стороны в сторону, все быстрее двигал ногами. Вот он прошел мимо драг и нырнул в тайгу. Колючие ветки хлестнули в лицо, а за ворот посыпались заледеневшие снежинки. Разгоряченному телу это было приятно. Еще нажал на лыжи и, вьюном огибая деревья, чертил и чертил кривую.

Солнце описало круг и выше поднялось над вершинами леса. Туман редкой сетью уходил в высь. Под лыжами уже не шуршало—они беззвучно давили снежную корку. Как тонкий резец—два следа лыжниц оставались сзади.

Перевалив вторую покоть, он остановился и приткнулся на ствол колодины, выступившей одним концом из трехаршинного снега. Из-за ворота красного полушубка валил пар, а ресницы и верхнюю губу стягивало ледяными сосульками. Заиндевелая собака калачиком завернулась у него под ногами и часто дергалась животом.

Василий бросил ей сухарь и сам с жадностью начал хрустеть другой.

В приятной давно неиспытанной свежести, как после бани, распускалось тело. Мысленно прикидывал, сколько прошел? В памяти воскресли когда-то знакомые затеси, летние тропы, ручьи и хребты. Всего выходило около двадцати верст.

Сам удивился и внутренне улыбнулся. После каторжной работы по сбору продразверстки, после бешеной зыби событий, ругани, неприятностей с мужиками, ночных сходок в облаках самогонного дыма, через которые он прошел в эти годы, грудь поднималась ровно и легко. Только ноющей занозой, глубоко внутри, шевелилась обида за прииск.

— Ведь, если бы все сгорело в пожарах войны, а то отдали на разграбление хамью! Пропили, пролежали...

В дальней пади, что лежала впереди, тяжелый стук раскатился по вершинам леса. Собака с лаем кинулась на выстрел. Когти проволочным визгом царапали поверхность снежного пласта. Василий перекинул через плечо сумку и пошел за собакой.

Безлесная разложина узким жолобом тянулась вниз к болотам. Лыжи со свистом неслись на покоть, оставляя позади вихри пуха. Чтобы сдерживать их разлет, Василий все время держал одну лыжу на ребро и тормозил сорванным с дерева суком.

От встречного воздуха свистело в ушах, а глаза застилал легкий туман.

Собака, как черный мяч, стремительно катилась вниз и ворчала Но вот она остановилась, мокрая шерсть седыми слитками защетинилась на хребте. А затем, ворча и взвизгивая, она мелькнула вправо между редкими

деревьями. Василий поставил лыжи на ребро и приостановился. От охотничьего задора сердце учащенно билось, а ноги в коленях дрожали и подгибались. Через мгновение, между редкими кедрами, послышался тяжелый глухой хруст.

Он машинально сорвал с плеча винтовку. Сверкнуло засеребрившееся от легкого инея дуло. Хруст приближался... И вот, в снежном бусу, вздымаясь на задних ногах и отмахиваясь головой от наседавшей собаки, огромный марал буровил снег.

Собака кружила зверя из стороны в сторону, хватая то за морду, то за задние ноги.

Олень, завидя охотника, изменил направление и, кряхтя, прибавил ходу. Василий опустил ружье.

— Можно живого поймать,—подумал он.

Зверь выскакал на бугорок и по мелкому снегу пошел быстрее. Подзадоренный Василий, изогнувшись, прибавлял размах за размахом. В глазах сливались собака и зверь.

Испуганный олень, высоко подбрасывая то голову, то зад, заметно уходил от охотника и собаки. Собака, догоняя его, вытянувшись почти до земли и бороздя мордою снег, отставала все дальше и дальше.

Обогнув густой курень, зверь свернул в лощину и ухнул в снег, как в глубокую яму. Подымаясь на дыбы, он испуганно и сердито метался от подбежавшей собаки. Завидя Василия, прыгнул от него два раза и, выбившись из сил, весь дергаясь, с высунутым языком, распластался, выкинув голову на верх снежного пласта. По прикатанной шерсти и морде скатывались крупные сероватые капли пота.

Василий наклонился и провел рукою по мокрой голове оленя. Зверь прыгнул вперед и снова свалился. Глаза его залились желтоватой мутью и потом.

Собака с отчаянным визгом прыгала, вырывая клочья остистой шерсти из спины животного.

Василий отогнал ее прикладом.

И в этот же момент, отвязывая ремни от винтовки, он совсем близко услышал голоса людей. Через минуту двое охотников в оленьих дохах, с распахнутыми грудями, спускались по покати оленьим следом.

— Вот ан, якорь его!—крикнул передний...—Го-гох! Другому попал... Но нет, брат, добыча пополам, а то и тятю с мамой не увидишь...

Василий из-под ладони всматривался в подходивших, и в то же время другая рука туго сжимала накаленное морозом дуло винтовки.

— Пополам, так пополам,—какие разговоры!—крикнул он. И тут же углы губ растянулись от смеха.

— Ах ты, птица ты мымра—волосяные крылья! Чорт ты, Вихлястый!.. Когда это ты насобачился на пушку брать?

И Василий обхватил обеими руками курносого драгера Вихлястого. Оба они были одинакового роста и одних лет. Но Вихлястый выглядел старше.

— Как же мне твоя бабенция не сказала, что ты здесь?.. Ну, как, дружба, жистянка? А это кто?

Среднего роста плотный человек с упрямым лбом, который выпирал из-под тонкой выпоротковой шапки, испытующе, с улыбкой, сверлил своими черными глазами в лицо Василия.

— Да техник Яхонтов! Ума, брат,—сума в этой голове. Это тебе не жабья копоть... Наш вождь всего боровского честного пролетариата. Он с Ленских сюда перекочевал.

— Что-то не помню... Василий почесал себе лоб и протянул руку Яхонтову и тут же почувствовал силу его руки.—Дурите вы тут, ребятишки, от безделья. Полечить бы вас орясиной, ох-как, надо!

Яхонтов снова кольнул его острым блеском глаз.

— Так скоро?—растяжно пробасил он... С наскоку и на полати, а если шею вывихните?

Василий незлобиво улыбнулся.

Солнце, вместе с голубым полукружием, скатывалось за темную стену лесов. В тайге потрескивало. Василий начинал чувствовать холод от прилипшей к телу рубахи.

— Надо кончать,—сказал Вихлястый, выплевывая желтый огрызок цыгарки.

— Да, пожалуй, время-то не рано,—согласился Яхонтов.—Отдохнет еще, тогда новую баню задаст.

Вихлястый щелкнул затвором и, в раздумии, взглянул на Василья.

— Может ты, Васюха, чебурахнешь?

— Нет, хлопай ты.

— Ну, а ты-то што?

— Да бей же, вот чорт горбоносый!—рассердился Василий...—Не хочу лежачего...

Вихлястый прижал к плечу ложу винтовки. Выстрел раздался резко и где-то далеко в темных вершинах отозвался глухим стуком.

Как темная завеса, ночь накрывала тайгу. Звезды яркими огоньками вспыхивали и мелькали сквозь густые ветви пихтачей и кедров. Кругом будто темная стена вдруг огородила костер и охотников. И только изредка, из мертвой тиши, долетало тяжелое хлопанье крыльев: это сонные глухари срывались с седал и поднимались обратно.

На ночлег охотники расположились тут же—посредине густого куреня. Освежеванного оленя Вихлястый разрубил на три равные части и всем задал работу.

Дальше, как за полночь, шла суета. Василий с Яхонтовым срубили сухой кедр и мельчили его на короткие чурки, а Вихлястый пристраивал лыжи на нарты—настраивал надью*).

В глубокой, почти доходящей до груди, снежной яме ярко горело, казалось—плавилось смолье. А когда работа была закончена, Вихлястый скомандовал на ужин. Сначала на шашлыки жарили печенку, которая без соли была в самый раз.

С голоду Василий обкусывал подгорелые края и снова жарил.

Яхонтов остановил его:

— Обождите! Не портите свадьбу!

Он достал из-за пазухи походную баклагу и сунул ее Василию.

— Вот, хоть вы и продкомиссар—говорите, а на охоте и святые пивали—дергайте! Первак—я те дам!

Василий заметил, что техник нарочито вставляет иногда ангарские выражения. Он глотнул раза два и, морщась и икая, передал баклагу Вихлястому.

— Ну, что? Какая первая заповедь большевика?—басисто хохотал Яхонтов.—Чти партию свою!..

Василий крутил головою, а из глаз выступили слезы. Вихлястый долго держал баклагу над лицом; глотки, булькали, как вода в лагуне.

---

*) Надья—два бревна в крест. Охотничий способ разводить костры зимою в тайге.

— Вот, стервоза, до чего же жгучая!—наконец, выговорил Василий.— Однако, всю глотку испекло?!.—Голос его задрожал сипотой.

Вихлястый крякнул и передал баклату Яхонтову:

— Ну, Ераха! Прямо чудотворец—волчья выть. Где и выкопает, дери его в тридыхало?!

Ужинали с тройным аппетитом. Василий чувствовал легкое опьянение и приятную теплоту. От костра курило смолой и талым снегом. Ноги слегка зудило внутри. Тело, после сильного непривычного напряжения, нежилось на мягких пихтовых ветвях.

Яхонтов даже унты снял, а Вихлястый, почти касаясь щеки Василия, надтреснутым высоким голосом будоражил свои и чужие обиды.

— Воевали, воевали, а шиш, видать, завоевали... Кому кресты да медали... А еще рабочая власть... Дихтатура, говоришь! А над кем она?! Васька, кобель ты кудластый,—да где же оно равенство, когда, примерно, все поют с чужого тону?! Вот я бы, примерно, драгер, слесарь и красный партизан, захотел по-своему? Нет, ша!.. Дисциплина, едри ее в утробу! Дисциплина человека слопала. Да расшиби тя совсем в три-дыхала. Разве за это воевали?! В армии—одно белье. В учреждениях—погонники да спекулянты. Вася, да как же они нас осоврасили! Нет правильных людей... Вот техник Яхонтов, без малого инженер и свой человек, а ушел из города сюда на приски—потому—правильности нет и согреву своему сердцу нет. Забросили приск, миллионное дело! И ни гу-гу!.. Ерашка Сунцов здесь царь и бог!..

Яхонтов искоса посматривал на Василия, ожидая возражений и будто изучал его. Но Василий не хотел давать боя Вихлястому.

Позевывая и вытягивая ноги к огню, он усмехнулся:

— Чудачите вы тут, ребятишки. От безделья ошарашило вам головы.

— Это вы верно сказали,—чеканно, с удареньем, поддержал Яхонтов.—Все мы здесь только воем, а дела нет и жить нечем. Вы первый человек, который заговорил о деле. Только боюсь, что и вы сломаете охоту поставить приски.

С юга—с гор—чуть-чуть колыхнул ветерок. Шумом отдаленной мельницы встрепенулась тайга. И воспоминания, легкими птицами закружились вокруг костра. Каждый вспоминал свою историю. Из отрывков, из сплетений событий, смутно намечались пути каждого под свинцовыми дождями, в удушливом огне и потоках крови.

И Василий из сказанного нутром понял, что Яхонтова и Вихлястого занимают те же самые мысли. В глубине души он чувствовал, что нашел здесь для себя опору в предстоящей борьбе с тунгусниками и спиртоносами.

Яхонтов ему очень нравился и за свою преданность приисковому делу и за то, что он не ныл, как остальные, а все же верил в скорую возможность восстановления приисков.

Раздумывая таким образом, он решил назавтра вернуться снова на Боровое.

Только под утро притихли.

Из-за темных гор сероватой паутиной расплывалась полоса рассвета. Звезды, как заливаемые дождем огоньки, гасли одна за другою.

Первым проснулся Вихлястый и начал раздувать костер. С зевотой, дрожью, поднимались охотники. Звонко потрескивал холодный утренник.

Собака, блестя посеребреной щетиной, взвизгивая, бросилась вперед и пропала в чаще тайги.

III.

На восходе солнца Настя бегала от казармы к казарме. Никита пропал с вечера и утром его еще не было дома. Во всех копотных, с паутинами и нечистой вонью, квартирах плескался разговор об одном и том же:

— Приехал Егораха Сунцов. Обоз с провизией идет...

По высоким, утрамбованным тропам топтались бабы, ребятишки. Теплый ветерок шевелил вершины леса и играл тряпьем на плечах рабочих. Приискатели, с обросшими сонными лицами, из-под ладоней всматривались на Алексеевскую дорогу, а затем гуськом тянулись к мастерским и дальше— к драгам. Над приском, серыми столбами, поднимался дым и кудрявился вместе с легким туманом над вершинами деревьев.

— Ты чо, девка, суматошишься?—одернула около дверей своей казармы старуха Качуриха Настю за рукав продырявленного военного полушубка. Лицо старухи дрожало похмельной старческой дрожью, а из углов выцветших глаз, по носу, насохли гноевые бороздки. Настя повернула к ней свое строгое лицо. В ее васильковых глазах горело отвращение и упрек. По лицу Качурихи догадалась, что Никита пил с ними всю ночь.

— Будет ерохориться, сестра Настасья! Только и до нас дойдет,— виновато засмеялась старуха и глазами указала на свою казарму.

— У нас свалился, дрыхнет. Буди, ступай, а то зевка дадите,—скоро базар начнется.

Настя крутлой кубышкой вкатилась под темную крышу казармы, и через минуту оттуда послышалась ее надрывная ругань.

Бабы, ребятишки, сталкивая друг друга в снег, рваной шелестящей кучей, обступили двери Качуриной квартиры.

— Представление! Первое действие! Вход за три сухаря,—балагурил высокий парень с расплюснутым носом, притаптывая большими полуболотными сапогами.

Из казармы слышались частые шлепки и человеческий хрип. Парень откинул дверь и, повернувшись к гогочущей толпе, закричал:

— «Контракт» на пять минут!..

Любопытные бабы, цепляясь друг за друга, запрудили дверь. Наперерыв кричали:

— Прибавь, Настасья! По мусолам-то, по мусолам!.. Не все им изгаляться над бабами. Прибавь! Прибавь!

В темном углу на нарах, размахивая руками у себя под носом, ругательно бурчал старик Качура.

Растревоженный и взлохмаченный Никита долго подставлял под удары руки и, наконец, обозлился. Как поднятый медведь, он вскочил и, рыча, облапил Настю сильными руками.

Толпа заулюлюкала.

Настя, кукольной игрушкой, взлетела кверху и вцепилась в густую льняную кучу Никитиных волос. Толпа ворвалась в дверь. Бабы курами закудахтали, навалились с разных сторон. Дергали за лохмотья, за волосы и щипали Никиту.

Парень с расплюснутым носом, пересиливая шум, потешался:

— На улицу их! В снег!..

Забежав в спину Никите, он толкнул обступивших баб, и вся ревущая масса, кучей, в хрипоте, вывалилась за порог казармы.

Лицо Никиты залилось кровью, а в волосах и бороде заплелись клочья сухой осоки.

Парень с расплюснутым носом набрал в руку снегу и умыл им лицо Никиты.

В толпе, на руках баб, рыдала Настя.

— И все-то люди, как люди!.. Последнюю юбчонку пролак-а-а-л!

Но на нее уже не обращали внимания.

С Алексеевской дороги послышался скрип саней и визгливый звон колокольцов. Треск упряжки отдавался в тайгу тяжелыми отрывчатыми шорохами. Голоса ямщиков сливались с общим шумом.

Вот в узком, как белая лента, проулке показалась первая дуга, и праздная толпа боровских жителей, с ревом, бросилась навстречу обозу.

Истощенные, подобравшиеся лошади, едва тянули по убродной узкой дороге. На крутом взвозе, около самого приска, передовик остановился, и весь обоз скучился. Голодные кони рвали мешки с хлебом. Передние, не сдержав натиска, лезли на сани, залазили в сторону и по самую спину увязали в снегу.

Вывалившиеся навстречу золотничники в рваной одежде и обуви, с открытыми грудями, бросились помогать ямщикам.

С десяток человек, уцепившись за сани и оглобли, с уханьем и свистом, выводили одну за другой подводу на взгорок. Все знали, что ямщики привезли самогон по дешевке, и почти каждый старался подделаться к ним, чтобы выпить наширмака.

Около большого здания бывшей конторы приска, под навесами, подводы становились в стройном порядке. Ямщики щелкали кнутами, загоняя лошадей. Бабы, поочередно и наперебой, зазывали их на постой:

— К нам милости просим,—зимовье слободно и тепло!

— А у нас и сенишко найдется и сохатина сушеная есть!

— По три калача с человека в сутки берем, чай и ежели што сварить, можно...

Но ямщики не торопились. В развалку переходили они от подводы к подводе и, улыбаясь в бороды, убирали лошадей на выстойку.

Еще ранним вечером приск огласился песнями и ущемленными взвизгиваниями гармошек. От казармы к казарме в обнимку, мужчины и женщины, потянулись подвыпившие компании. Подмерзшие лошади, побрякивая колокольцами, топтались около прикрепленных к оглоблям препонов. Затянувшиеся туманом горы гулким эхом отзывались ожившему Боровому.

Радовалось сердце Евграфа Ивановича Сунцова. Верхом на круглом малорослом иноходце, в новом черном полушубке и расшитых бисером тунгусских унтах, он под'езжал то к одной, то к другой компании. На шее у него и через плечо развевался белый шарф. И везде его встречали потрясающими криками:

— Живем, Егpаха!

— Махай нужду!

— Гни кручину!

— К чорту комиссаров!

Бойко повертываясь из стороны в сторону, Евграф Иванович улыбался белками цыганских глаз золотничникам.

Сунцов поселился на Боровом год тому назад и вот уже второй раз пригнал обоз. Приискатели знали только одно,—что он бывший тунгусник из Туруханска и парень жох! В течение последних лет, на глазах у всех, Евграф Сунцов богател, но не скупился при крайней нужде выручить хлебом, который у него не переводился.

Зато всю летнюю добычу золота он забрал за себя.

По замашкам и привычкам догадывались, что семья Сунцовых не из простых. Недавно Евграф Иванович привез с Баяхты пианино, и его кудрявая красавица-сестра день и ночь брякала на этой барской музыке, а жухлая, как выдра, жена собирала баб и устраивала с ними баптистские моления. Говорили также, что она из ревности к сестре ножом пыряла мужа.

Да какое кому дело?! Все знали, что на этом золотом клочке земли, оторванном от всего живого мира, они умерли бы с голода, если бы явившийся Егpаха не вызвался доставлять им хлеба. И никому не было дела до того, что Сунцовы занимают лучшую квартиру, хотя втихомолку, в последнее время, гнездился и полз по углам глухой бабий ропот:

— Вот говорили орателн—буржуев не будет. А оно, смотри!

— Да чего там—побасенки одни. Как был наш брат Кузька, так он и до окончания века будет горе куликать!..

Под'езжая к большой артели, Сунцов отпустил поводья и нажал ногами в бока горячившемуся иноходцу. Лошадь, под общий рев баб, бросилась в кучу, но Сунцов вздернул повода и осадил ее на задние ноги.

— Испугались?!.—крикнул он сипловатым высоким голосом. Его цыганские глаза смеялись белками, а на смуглом, еще молодом лице стягивалась в коросту обмороженная кожа.

— Живем, ребятишки, и никаких козырей!—еще громче крикнул он, ловко спрыгивая с седла.

— И хлеб жуем!—пьяным хохотом отозвались в толпе.

Сунцов взял коня под уздцы и выпрямился во весь свой высокий рост, так что иноходец головою тыкался к нему в спину.

Пьяная компания обступила и стянулась кольцом вокруг.

— Если у кого нет за что покупать хлеб, приходи—выручу,—сказал он, всматриваясь в сторону на Баяхтинскую дорогу.—Только уговор дороже денег,—золотишко не сдавать на сторону... А потом же я расходы имею по поездке... Прохарчился, как мамин сын...

Но Сунцову договорить не удалось.

Василий с Вихлястым и техником Яхонтовым выходили из-за угла казармы. На связанных в кучу лыжах каждый из них вез окровавленные части оленьей туши. Толпа загоготала и взглядами кинулась к ним:

— Мясо! Вот в пору—выпивка и закуска!

Но, завидя Василия, остепенилась.

Со слов Насти и Качурихи уже знали, что на прииск приехал Василий с какими-то «полномочиями».

— Он или нет?—шептались бабы.

— Какой важнецкой стал!

— Мотри, каким гоголем выступает, што твой офыцер!

Мужчины вызывающе, исподлобья, меряли глазами Василия.

Весь в поту и куржаке—он остановился посредине круга. Глаза черными угольями обожгли собравшихся и встретились с такими же колючими и упрямыми глазами Егpахи Сунцова. Они поняли друг друга и также одновременно отвели глаза в сторону, как и встретились.

Сунцов повернулся на кублуках и легко взлетел в седло.

В морозном воздухе в горах отдавалось визгливое цоканье копыт разгоряченного иноходца. Под взмах руки лошадь приседала и долгими скачками рвала вперед.

С прищуренными глазами Василий долго смотрел вслед, не обращая внимания на обступившую его публику. И, будто про себя, громко крикнул:

— Это и есть боровский коновод! Здорово летаешь, да где-то сядешь?!

— А зачем же оскорблять, товарищ?—крикнул чей-то пьяный голос.

— Не знамши человека,—подхватили другие,—стараются уязвить, оплевать... Вот все теперь так пошло! Не поймамши птицы, щиплют перо!

— Вишь, напялил на арбуз громоотвод со звездой и фуфырится: я не я!.. А по правде-то сказать, если бы не Ераха, чо бы кусал народ?!

— А ты не гыркай! Такая же сволочь горластая! Эх вы, барахольщики! За Ерашку держитесь, лизоблюды, а свово парня опешить норовите, не обогревши места. Да кто он вам?!

Василий сквозь шум узнал этот голос. Никита без шапки, расталкивая публику, пробирался к нему.

— Дергай, Васюха, и шабаш! Ударь по кумполу, штобы зазвонило!

— Да ты што, парень, осапатил? Чего молчишь-то?—добивался Никита, хватая его за ворот шинели... Я, брат, тут агитнул за тебя. Разобьем Ерахину компанию вдрызг!..

Его оттолкнул Вихлястый.

— А ты накорми сначала человека!.. А то пристал, как банный лист... Небось, не спросил, сколько верстух стебанули. Языки изгрызли, а ты, тоже, пожалел—пятнай тебя!

Василий еще раз оглянул собравшихся и дернул за веревку лыжи.

Никита, суетясь, старался помочь, но оступился с тропы и завязил в снегу бродень. Толпа разразилась пьяным хохотом.

Не раздеваясь, без ужина, Василий свалился на нары. Настя вскользь взглянула и заметила, что на лице у него переплетались чуть заметные морщины, а подглазицы посинели.

— Заболел, што ли?—допрашивала она, дергая его за ногу.—Да ты каку язву молчишь-то? Оканунился ли чо-ли?!

Но Василий сопел, налитый своими свинцовыми думами. В казарме шумела железная печь, и ворчал закипающий котелок. Никита подсел к Василию и заплетающимся языком говорил:

— Из-за тебя выпил... Ты растревожил душу... А все-таки наша возьмет... Ерашкину сволочь разметем по матушке-борели*). Поверь мне, Васюха... Я и на Баяхту заказал... А вчера у нас было собрание у Качуры... Все старые приискатели за тебя, как щетина. Вот гляди-гляди—сюда нагрянут.

IV.

Легким лебедем пролетел утренник. В воздухе кружились белые пушинки снега. Густой туман сеял, как из сита. Над тайгою и прииском неводами расстилались дымчатые облака. Темные волны их нависли на крыши построек и вершины тайги.

С хребтов неслись переклики проснувшихся сов и дробные выстукиванья дятлов.

А вблизи, здесь же за углом, в ста саженях от Вялкиной квартиры, густым шорохом неслось топтание и фырканье подмерзших лошадей. И, будто в ответ совам, в гулкий воздух улетали музыкальные звуки колокольцов.

С кровавым румянцем поднималось солнце. В бледно-розовых судорогах догорала утренняя заря.

Но по восходу уже знали о приближении оттепели.

Василий торопливым, но размеренным шагом направился от Никитиной казармы. На его вытянутых щеках курчавились колечки куржака и широкие скулы вздрагивали в такт шагам. Придерживая правой рукой желтую

*) Тайгу со смешанным лесом сибиряки называют борелью.

кобуру, а левой—длинные полы кавалерийской шинели, он не смотрел на мелькающие впереди—в мороке и инее—тени и сам шел такою же длинною тенью в журчащий говор и сутолоку.

И опять на пути стал Евграф Сунцов.

Обрюзглый с похмелья и красный от мороза, он прохаживался между возов в сопровождении молодой высокой женщины.

Обернувшись через плечо, Василий встретился с глазами женщины—с черными большими, но не хитрыми, как у Евграфа Сунцова.

Она бросила косой взгляд на маузер Василия и длинные полы шинели и, спрятав улыбку, отвернулась к возам.

На санях, в стройном порядке, дыбом стояли развязанные мешки с мукою, лагуны самогона, капуста в лагушках, творог и кружки мороженого молока.

Вокруг возов, по утоптанным буграм, бабы, в птичьем переполохе, крутили в руках мужицкое добро.

Ямщики ведрами, кадушками и просто пригоршнями размеривали муку.

Покупателей не зазывали—они сами, как оводы в июльский день, облепляли подводы.

С другого конца от драг, задыхаясь в припадках торопливости и давке, золотничники заваливали ямщиков приисковой рухлядью.

К Василию подошли техник Яхонтов и Вихлястый.

— Вот видите нашу барахолку... Все чалдонье перевозило домой,— мрачно бросил Яхонтов, не глядя на Василья.

Василий покосился на него и молча дернул за ворот мимо проходящего старика. Из рук старика рассыпалось на снег целое беремя напильников, зубил и две кайлы. Он в недоумении разинул рот и налитыми кровью глазами взглянул снизу вверх на чернеющую звезду шлема.

— Да ты што, парень, балуешься, али как?

Старика колотила собачья дрожь. На его худых плечах, будто от ветра, трепались желтые лоскутья азяма.

— Загоняешь, говоришь, приисковые шуры-муры, старая крыса?! Дранащепина ты сухая!..

И старик понял, что не в шутку Василий выбил у него вещи из рук. Вокруг их нарастала куча людей, стискиваясь плотным кольцом.

— А люди-то?.. А жить-то чем?—бессвязно лепетал старик.—Ты вот на пайках раздобрел, а нам как?

Василий оттолкнул его и, как в былое время перед партизанским отрядом, выкинул кверху руки с маузером и выпрямил широкую грудь. На залитом краской лице пробежала судорога и расплылась по вытянутым щекам.

У возов остались только ямщики. Бабы, с разинутыми ртами, глотали слова-удары. Тунгусники и спиртоносы косились на желтую кобуру маузера. Толпа росла... Старые приискатели, пробирались ближе и, улыбаясь, следили жадными глазами за вздрагиванием шлема на голове Василия.

Давно приискатели не слышали здесь таких слов.

— А вы саранчей транжирите приисковое богатство... А дальше что?! Мужик за мешок отрубей перетащит всю драгу и поставит ее там курам на седалу или на часовню... И будем молиться... А вы пустите его с оглоблей в рот. И я, как ваш товарищ, не позволю хамить народное добро и об'являю реквизицию и конфискацию всех мужицких продуктов, которые вы видите здесь.

В толпе хлестнул взрыв негодования и одобрения:

— Не имешь права!

— Как это не имешь?!

— Полное право имеем прижать продухту,—пискнул бабий голос Вихлястого.

Ямщики, трепля косматыми бородами, в испуге заметались около возов. В сплошном реве рвались и дробились отчаянные споры.

Техник Яхонтов сделал жест рукою и залез на торчащий из снега широкий пень. Упрямый лоб глубоко разрезала продольная борозда, а из-под густых бровей острием бритвы сверлили черные глаза. Не поднимая головы, натужно, взмахивая морщинами на лбу, не сказал, а отрубил:

— Я вполне и бесповоротно поддерживаю слова товарища Медведева. Рабочий без производства, что мужик без телеги. У нас и так одни голые руки остаются и их некуда девать. Ангара слопает до последу все имущество прииска, ну, а дальше что?!

Шум голосов и лошадиной упряжи поглотил последние слова Яхонтова. Передняя подвода тронулась с места, и за нею, стуча о поперечины саней и наскакивая на воза, потянулись другие.

Ангарец с рыжей бородой направил прямо в гущу горячего коня, но Вихлястый ухватился за вожжи и осадил лошадь на задние ноги.

— Стой, чортово помело!—захрипел он.

Из-под белых ресниц драгера часто мигали серые маленькие глаза.

— Стой!.. Все ликвидируется—понял?..

Бабы, в переполохе, шарахнулись в сторону. Увязали в снегу и гудели, задыхаясь от своего крика.

Ангарец, в бешенстве передергивая вожжами, поставил коня на дыбы. Вихлястый с лошадью вместе отделился от земли, но не отпустил ее.

— Ты что, сволочь, давить рабочий народ?!—закричал Никита, замахиваясь кайлой на ангарца.

Мужик отпустил вожжи и клубком скатился за головки саней. В испуге застонал, как из-под земли:

— Што же это, товарищи? Дневной грабеж! Убийство!

Из-за возов, сквозь кучу столпившихся ямщиков, пробрался Сунцов. Ободренные его появлением, закоренелые тунгусники и спиртоносы теснее зажали круг около Василия с Яхонтовым.

— Ваш мандат на право реквизиции?—обратился он к Василию.

Голос Сунцова слегка дрожал, а цыганские глаза ворочались неуловимыми омутами. По раздувающимся ноздрям и бегающим глазам Василий понял упадок духа противника и взмахнул маузером.

Сунцов, закатывая белки глаз, попятился назад. В толпе, за спиною у Василия, пронесся громкий хохот, а среди тунгусников и спиртоносов шипенье.

— Накололся на своего,—хихикнул кто-то в толпе...

— Это не то, что с нашим братом!—подхватил другой.

Василий шагнул к Сунцову и рванул его за грудь:

— Ты кто здесь такой?

— Вы оставьте, гражданин,—задыхаясь, вырвался Сунцов...—Я, может быть, действую на законном основании, а вы какое право имеете делать самочинство?!

Василий обернулся назад и дико расхохотался.

— Слыхали?! Контра заговорила о законных основаниях...

Между ними выросла девушка в оленьей дохе. Ее выдровая шапочка сбилась на затылок, и глаза Василия на мгновение остановились на проборе черных волос с завитками на висках.

А она, бросая на него злые взгляды, увлекла Сунцова в толпу.

Василий видел, как его противник проглотил невысказанные слова и мелькая пестрыми унтами, затерялся в людском потоке.

Никита вскочил на сани и вопросительно посмотрел на Василия.

— Гнать к амбарам, Васюха?

Василий кивнул ему.

Подводчик ухватился за вожжи, но от пинка Вихлястого отлетел в сторону и, корчась на снегу, застонал снова.

Несколько человек старых приискателей, во главе с Яхонтовым, отгоняли одну за другою подводы. Золотничники, потрясая криками воздух, хлынули за обозом.

Под ногами, в беспорядочной свалке, путались затоптанные в снег инструменты.

Солнце медленно скатывалось за темные гребни гор. С юга колыхал теплый ветерок и шептался с лесной хвоей.

V.

На углу бывшей конторы трепались от ветра пожелтевшие, вырванные из старой конторской книги, листы бумаги—об'явление о собрании.

Карандашные буквы косыми линиями пересекли красные графы и на конце каждого слова красовались хвостики с закорючками:

— «Обчее собрание всех рабочих, как мужчин, так и женщин».

На повестке—выборы Ревкома и Рудкома.

Мужчины, почесывая затылки, улыбались, а голоса баб раскатывались в звонком смехе:

— Комы, комы—не знакомы... Хлеб забрали, а как-то накормите?

— Это как же написано-то?..

— Рудком-то знакомо слово, а ревком—должно от реву ли, как ли?..

— Ничего не разберешь!..

Недоуменья в шутку рассеял Евграф Сунцов.

— Это, ребята, не про русских писано тут.

Его жена, сухая, маленькая, в оленьем мешке, взвизгивала от хохота, показывая золотые зубы. Оглянулась на нахмуренного Вихлястого и закатила насмешливо зеленые глаза.

У Вихлястого скорчилось желтое, точно копченое, лицо, и дернулась бровь. Отвернулся и с матом выплюнул слова, точно рашпилем по ржавому железу:

— Лахудра истасканная—соплей перешибить, самой грош цена, а в плевалку золота на сотню напхала.

Около об'явлений появился веселый парень с расплюснутым носом. Парня встретили восторженным криком:

— Вот Ганька шахтер! Он мастак по грамоте... Всю подноготную под голик раскроет... Пусти его, кобылка!

А Ганька уже корчил широкую арбузообразную физиономию в тонких бороздочках морщин, отчего бабы тряслись и покатывались в припадке смеха.

— Ком в спину... Ком в голову... Ком в брюхо, а вместо касторки—еловое сало. И через месяц в Могилевскую губернию за советским пайком!—острил Ганька, покусывая тонкие злые губы.

Около угла, упершись острым плечом в кромку бревна, тряс азямом старик Качура. Его копченая от самосядки борода висела разрозненными клочками, а с конца носа падала капля за каплей на захватанную до лоска одежду.

— Мойте, мойте зубы-то!—укоризненно кивнул он на баб.—Над чем ржете, как кобылы на овес?!

Ганька схватил его за опояску и, втаскивая в круг, заорал:

— Вот он, предраспред, коптелый дед. Ума сума, а заплат палата!

И тряхнул за опояску кувырком в снег.

Толпа грохнула, опьяненная зрелищем.

Качура, вихляясь и подпрыгивая, махал около груди Ганьки сморщенным кулаком, стараясь достать до лица и, на потеху публике, плюнул в его сторону.

— Эх ты, криночная блудница!.. Варнак третьего сорта...—Голос старика срывался и пищал.

При появлении Василия смолкли. И только бабы сквозь рваные полушалки пускали защемленные смешки. Мужчины косо и загадочно меряли глазами его плотно перетянутую фигуру. На поклон отвечали нехотя, холодно и даже с лукавой улыбкой. Это кучка Сунцовских приятелей.

— Видишь, как выхолены комиссары, а нашего брата короста заела,— сказал Ганька, толкнув Качуру в плечо...

— Не даром пословица говорит: рабочий конь солому ест, а овес плясунам.

И опять ершом ощетинился Качура.

— А он кто! Эх, боталы, боталы! Не из дворян и князей каких-нибудь. Ежели порядки нам наводит—свой парень, то к чему и над чем зубоскалить? Мы должны гордиться своим человеком!..

А толпа исподтишка колола Качуру насмешками.

— Заткнись, лоскутина! Вчера—нашим, а седни вашим... Видно, пайку получил от старого соседа?!

Ущемленный обидами тунгусников, старик махнул рукой и засеменил вслед за угрюмым Вихлястым в контору. Там уже собрались и свои.

В дымном, пропахшем плесенью, помещении вьются темные сети паутин, накопленных годами запустенья. Посредине большого зала Никита установил еще с утра громадную железную печь с трубами в крышу. Посредине помещения—с десяток искалеченных стульев, на двух-трех ногах. С потолка, прямо на голову, сочится мутная капель.

Начиная от пола и до потолка, шел густым столбом пар вперемежку с едучим дымом. В углу, под вершковым слоем пыли, одинокое знамя. Василий усмехнулся, когда прочел едва заметные тени на темном:

«Вся власть хозяину земли русской—Учредительному Собранию».

— Всем служило в свое время,—кивнул Яхонтов.

Вскоре зал был запружен от передней стены до порога. Двери уже не затворялись, и в них, как в трубу, валил дым и пар.

Ехидные смешки и говор стихли. Василий подошел к столу. С минуту молча всматривался в лица приискателей. Вспомнил прежний приск и прежние лица рабочих. Со злобой сжал челюсти и отмахнул дым перед лицом. Толпа с азартным любопытством щупала его глазами и от нетерпенья ширяла друг друга под бока:

— Вишь, думат, как лучше опутать народ!..

— Нет, должно, забыл, с чего начинать...

— Котелюк заклинило. Изговорился весь чисто, видать...

Но, к удивлению всех, собрание открыл Вихлястый.

— Товарищи... Как мы, специяльно ячейка и трудовой народ, при советской власти, то председателем назначаем старика Качуру, а секретарем товарища Алеху Залетова. И как повестка собрания всем известна, то специяльно приступаем к докладу товарища Медведева.

Из угла послышался дребезжащий бас Сунцова:

— Это какая же такая ячейка об'явилась?

И толпа от дверей подхватила. Резкими взрывами бухали голоса о пустые стены конторы:

— Сам себя выбрал?! Вот те на!!!

— Вот те и демократическая республика!

— Дак за каким лешаком нас сгоняли сюда?

— Как и раньше, самозванство пошло!

Это кричали опять сунцовские.

Василий говорил сначала не то, что нужно.

— Колчак, покойник, тоже был за демократическую. Деникин, Юденич тоже и вы, стало-быть, тоже?.. Но она—весь подол обтрепала и всю прическу помяла эта ваша демократическая... Опять хотите говорилку с теми, кто хлопает по диктатуре пролетариата... Но нам нужно поставить приписи и золотым фондом ошарашить буржуя. И не говорилкой сделает это рабочий и крестьянин. Мы чихать хотели на говорилки. Берите покруче говорильщиков за самую дыхалку. А гражданину Сунцову мы тоже работу дадим. Надо прищемить сабачий хвост, когда он перед глазами болтается.

Из толпы:

— Просим без угроз, товарищ, и ближе к делу!..

— Ну, я и говорю ближе к делу. Хлеб мы реквизировали у мужиков не для Сунцовых, а для трудового народа. «Ест только трудящийся»—вот как ставит вопрос советская власть... Мы прозевали первую советскую власть, а теперь кое-чему научились. Будем равняться на Москву и никаких косарей... По-военному—животы подтянем, а приписи сгоношим... К чорту нары пролеживать!.. Одурманили вы себя самогоном да баптизмом, растащили прииск, а какого бобра убили? Довольно выть, что вам не давали хлеба,—а за какую рожу давала бы его советская власть хищникам? Будет Рудком, будем грохать во все двери. А Ревкому—боевая задача отрубить длинные языки и выкурить из тайги гнус. Рабочий класс не может сейчас отдать управление чорту лысому и нечего тут хамить. Кто не желает, тому—тайга широка, а можем повернуть дело и другим манером... В Ревком предлагаются т. т. Медведев, Вихлястый и Залетов, а в Рудком—Яхонтов, Качура и Никита Лямин. А техническую братию притянем по трудмобилизации.

И не успел докончить, как грохнул новый взрыв... Казалось, порыв налетевшей бури отдирал крышу здания.

— Себя-то не забыл!

— И своих тоже...

— И Борис Николаевич продался, а еще интеллигент!

— А вам не глянется, так вон отсюда!

Качура вскочил и в каком-то одичании крутил у себя перед носом трубкой.

От топота и криков дрожали стекла... Но Василий видел два лагеря, и глаза его горели в улыбке.

Старый приискатель, ростом под потолок, с сивой, как конский хвост, бородой и лицом саваофа, схватил за грудки Евграфа Сунцова. Голос, как хриплое точило, резал по стенам:

— Будя волынить! Ша!.. Заткнись!..

В свалке, с шумом, грохнулась железная печь... Длинная труба с дымом и огнем хлестнула в колыхающийся рокот. Толпа, в давке, застряла в дверях... Тунгусники с руганью покидали собрание.

Вихлястый с разбегу, вытолкнул ногою широкую раму и, выскочив за окно, начал пригоршнями бросать снег.

Когда пожар был затушен, в конторе остались только старые приискатели, которых Василий знал или видел раньше. И будто только теперь начали узнавать его. Сразу заговорли о деле.

— Как живут города?..

— Правда ли, что там всех собак поели?

— С чего начинать работу?

— Какую пайку определить?

В окна и открытую дверь тихо ползли теплые сумерки и также тихо укладывались тяжелые, непривычные думы. И в первый раз после семнадцатого года в стенах конторы пели, не зная слов, протяжно и нестройно, Интернационал. Глухие, разрозненные голоса шли в таежную ночь...

VI.

Евграф ввалился в самую большую казарму. На широких нарах, в кружок, сидели десятка три пришлых сюда золотничников, с взлохмаченными волосами и расстегнутыми воротниками рубах. Это была головка. Посредине майдана стояла, черная от грязи, лагушка с самогоном. На берестянке—нарезаны большие куски свиного сала.

Казарма освещалась одним светцом, пристроенным к русской печи, посредине помещения. Около самого светца, верхом на скамейке, лицом друг к другу, два парня тешились в любимую игру. Они стравляли двух вшей: чья перетянет, тот выигрывал сухари и самогон.

Сунцов поморщился, но, не подавая виду, привычно заскочил на нары в круг пьющего майдана.

К нему сразу протянулось несколько рук с деревянными чашками. Старый золотничник с безбородым сморщенным лицом оттолкнул их и протяжно зашамкал:

— Кобылка!.. Найдем почище...

Он поднялся и достал из сумки бутылку с желтым настоем.

— Вот,—стукнул он о берестянку,—по гостю будет и вино!

Старик вытер подолом залощенной рубахи чашку и налил ее Сунцову. Но Евграф Иванович приподнялся и протянул вперед руку.

Голоса смолкли.

— Гуляли ребята,—начал он,—да, видно отгуляли!.. Перо вставляют нашему брату... Нашел волк на капкан—дергай в тайгу, пока советская псарня не слюпала... Или лезь в этот капкан... Так вот, куда—в капкан, или лыжи смазывать дальше?!

И будто стены и потолки разорвались пополам:

— Нашим потом и кровью пропахли приписки—в веру, в бога!

— Тайга ничья!.. Никто не сеял в ней золота!

— Новая пакость хуже старой!

— Нистожат народ на пайке и забивают баки пустоголовому рабочему пролетарии!—исступленно кричал Ганька.

Сунцов спустился с обрубка. С красного лица катился крупный пот, в глазах переливалась неуловимая муть.

— Не нам печалиться, ребята,—уже спокойнее начал он, озираясь по сторонам...—У них все шьется на живульку. Только глоткой мир потрясают...

И самодовольно рассмеялся:

— Американцы и немцы строят машины, а у нас накачивают политчехардой.

— Это да...—замахал руками безбородый старик, давясь жвачкой.

По казарме шарахнулся пьяный смех.

— Проедят все, пролежат, проговорят, а потом снова амбары от ветра загудят.

— Ого-го! Это нашему козырю в масть!..

— А местечко мы найдем, тайга не клином сошлась. Вон она, матушка-борель, до океана шваркай!..

Только перед рассветом Сунцов вывалился из казармы. На сером фоне ярко выделялось его красное лицо. В горах резко отдавалось звонкое цоканье подков.

Из казармы вслед тянулась, в грохоте и чаду, старинная песня:

Ты к-а-а-л-и-нушка, да с-а-а-м-а-линушкой,
Ай-да ты не стой, не стой на горе-е кру-у-той!..

Пришлые золотничники пили мертвую, и Евграф Иванович знал, что они будут пить до тех пор, пока есть хлеб и самогон.

Еще вместе с покойным отцом он тунгусничал здесь, а вот пришли чужие порядки и перевернули все по-своему. Но не из таких «Егграха» Сунцов, чтобы падать духом. «Тайга—пустыня, а хлеб и золото есть. Ну, махнуть на «Калифорнийский»,—на «Забытый»,—тунгусы везде шляются»...

Однако, внутри копошился какой-то страх и злоба вместе: это Медведевская угроза запала в сердце и шевелилась там занозой.

— Надо действовать осторожно, а то слопают «товарищи»,—шептал чей-то чужой голос.

Закинув за луку седла поводья он соскочил с иноходца у своего крыльца. Разгоряченная и привычная лошадь прыгнула через жерди забора и остановилась у стойла, потряхивая сбруей. Она знала, что будет стоять здесь до утра, пока не выспится хозяин и не пустит ее к корму.

Рудком, Ревком и Распред поместились в одном здании—в старой конторе. Дыры в проломанных окнах затыканы травой, а снаружи Вихлястый еще с утра, на второй день после собрания, приколотил дощечку с надписью углем:

«Рудуправление».

Внутри—три стола на всех служащих, а Качура с Распредом приютились в углу около ветхого топчана.

На изрытых каблуками полах и изрубленных подоконниках заплатами в'елась засохшая грязь. Сиденьями служат четыре-пять обрубков и столько же безногих стульев. Посредине помещения все та же чугунная печь. Вверху, под самым потолком, в густых паутинах, колышется чад. В дверях и на подоконниках, сидя и стоя, с утра до вечера, в базарной сутолоке, толкутся приискатели. И тут же, в облаках пыли, секретарь Ревкома Залетов, бывший десятник, изо дня в день ворошил старинный шкаф с конторскими книгами (Книги уцелели, видимо, потому, что толстая бумага не годилась на раскурку).

На желтом маленьком лице Залетова такая же чахлая бородка. Сквозь тонкую, еще фронтовую шинель, выпирают маслы узких плеч. По росту и сложению секретарь похож на мальчика и с резвостью и задором подростка воюет с архивным склепом.

— Это вот тебе, Качура, на выдачу провизии!..

И на скрипящий топчан летит толстая книга в матерчатом переплете.

— А завтра, товарищ Медведев, тебе секретаря мобилизнуть распорядился, Сунцову Валентину... Девка на-ять...—хихикнул старику в бороду и снова катышком умчался к шкафу.

Качура, как старая лошадь, отмахнулся, точно от овода, и повернул сонное лицо в толпу. И в этот же момент на топчан прилетел затасканный кусок мерзлой свинины.

К самому столу протискалась Вихлястиха. Полная грудь ее колыхалась, как у загнанной лошади. Голос клокотал перерывами, а в серых глазах пылало одичанье. И бабья трескотня раскатилась по конторе:

— Што сам деле—за собак, што ли, считаете... Ты вот сам попробовал бы этой маслятины... В рожу бы натыкать... Кошка другой раз жирне этой бывat... Мы на Ленских семь лет робили и не однова такую падлу не варили, а вы, комитетчики, к чему приставлены?! Небось, Никитка своей Насте не такой дал, а самый зад отлящил.

Толпа грохнула хохотом.

— Вот отчихвостила во все лопатки!.. Да на што тебе зад, когда у тебя самой гузно шире телеги!..

— Не оттого ли Вихлястый и чахнет?!.

Из задних рядов вывалился на середину бородач. Жесткие усы старика топорщились и шевелились вместе с морщинами.

— Тише, кобылка, ш-ша!.. Мое слово будет такое. Раз ты баба идейнова человека, то гожа или не гожа эта говядина, лопай за обе шшоки и не бреши на постную молитву, окаянная душа!.

В толпе баб ручейком пробежал насмешливый колючий ропот:

— Вот как за вши-то жисть куражат!

— Нате девки. Без году неделю на должности, а задается!.. Што твоя хозяйка прежняя, того гляди по сусалам с'ездит...

— Харкнул бы ей, Качура в гляделки-то, чтобы со смеху закатилась...

А Качура морщил подслеповатые сонные глаза и будто искал кого-то среди собравшихся.

На галдеж из-за дальнего стола поднялся Вихлястый и пьяной походкой направился к топчану.

— В чем дело?!

Завидя свою жену, без слов, одной хваткой за колышущиеся плечи, завернул ее лицом к дверям. Но бабы, как утки в испуге, дружным ревом вступились за нее:

— А ты языком болтай, да рукам воли не давай. Ячеешник таловой.

— Как ране, так и теперь такие, видно, бабьи права...

— Ты словом улести, а не своими медвежьими хваталками...

— Так, понужай их, бабы! Они распустили на вас своих собак, а вы должны показать им свои клыки!—крикнул Залетов, сморщив в шутку физиономию.

Василий, в накидку в красном полушубке, с улыбающимся лицом, приподнялся из-за стола и будто смехом кольнул баб в самое нутро:

— Молились вы тут, а видно и баптистский бог велит баб колошматить, как сидоровых коз?!

Мужики рванули дружным смехом:

— Да бабу, чем больше бухать, тем крепче любит!..

Снова загомонил испуганный птичник:

— Чорт вас любит, затхлых...

— Псиной от самогона пропахли и нас научили лакать...

— Дак куда тут денешься?!

— Завезли в звериную яму на изгальство и кочевряжетесь, как кобели.

Василий вышел на середину в самый круг баб. Черная шапка волос заколыхалась на его голове. Круглый подбородок вздрогнул, а черные глаза смеялись.

— Мы с вами еще сварганим работешку, бабы, когда немного оперимся телом и мозгой. Вот только женорга бы нам выколупать. Грохнем трудмобилизацию сначала и докажем мужчинам свою ухватку... А там швальную и детясли завернем!..

И тут же хлопнул по плечу Вихлястиху.

— Вот кого бабьим руководом назначим—гвардеец баба. Со всех сторон не слаба!.. Приходи проинструктируем и навертывай на все сто процентов.

— Да, сваи забивать можно!—острили мужики.

А бабы, надрывно, в перебой, плескались угарной бранью и насмешками:

— Гвардеец-то гвардеец, да только с другого конца!..

Вихлястиха, отплевываясь во все стороны, легко выбежала на двор и уже за дверями, покрытый смехом, послышался ее голос:

— Псы! Суки! Ошкоульники!

В один из вечеров после бесчисленных заседаний, Василий одиноко бродил между разрушенных построек. По дороге и на узких тропах валялись разбросанные инструменты и просто куски ржавого железа. Над темными вершинами Баяхтинского хребта, в рваных облаках, над развалинами прииска, едва мерцал крюк умирающей луны.

— «Вот здесь где-то могила его родителей и безвестные могилы товарищей?! Четыре с половиной года не был в этих местах, и вот что произошло!..».

— Чья воля отняла жизнь у этих омертвелых, ссутулившихся в белые сугробы драг? Паровой молот огромной кузницы тогда потрясал грохотом тайгу, а теперь, из пустых закоптелых стен черною пастью оскалились чуть не доверху заметанные снегом отверстия, где висели тяжелые двери. Теперь двери изрублены на растопки, и у простенков кое-где, черными птицами, приросли ржавые петли. С наметанных сугробов можно без затруднения взойти на крыши строений. Только раскопками можно узнать, что осталось в целости. А еще в восемнадцатом году здесь были гладкие, под метелку вычищенные, дороги...

Здесь, в мастерских они проводили ночи в тяжелое время, когда на приске царил казачий хмельной разгул, и отсюда же они устроили нападение на карательный отряд.

На повороте к своей казарме Василий встретил Яхонтова. Сквозь бледную сетку лунных теней видно было, как упрямый лоб техника морщился, а глаза впивались далеко в темные мертвые дебри.

— Чортово провалище!—заговорил он, как всегда размеренно и чеканно.—Сотни раз думал и передумывал сняться с якоря, а все остаюсь, точно обреченный. Диковинная штука это—прошлое!.. Я ведь здесь по тайге шляюсь пятнадцать лет и становится страшно, когда подумаешь о выезде. А по ночам мне чудится ход машины и треск канатов и когда под-ряд не сплю две-три ночи, то ухожу в тайгу лечиться... Хороший врач—эта тайга!

Они прошли уже Васильеву квартиру и по хорошо раз'езженной дороге повернули влево в тенигус. На взгорье, около темной грани тайги, три окна смотрели тусклыми огнями. Там раньше была квартира управляющего, а теперь живет семья Сунцовых.

— Странная семья,—угрюмо продолжал Яхонтов, обрывая нить начатого разговора. Я встречался еще с их отцом. Он в каком-то городе имел несколько домов—здорово грабил за квартиры, а сам почти всю жизнь скоротал здесь, в тайге, среди тунгусов и приискателей. Сам он, как будто из ссыльных цыган, а женился на дочери управляющего, вернее, увез девушку

и скоро доканал ее. Учил детей...

— Чему? Своему ремеслу?..—усмехнулся Василий.

— О, нет! Это само собой пришло, по наследственности, что ли?! А на самом деле Евграф сбежал из шестого класса реального.

— А сестра?

У Яхонтова в темных орбитах вспыхнули неуловимые огоньки, и Василий, заметив это, сморщил брови.

— Ну, сестра—из другой оперы. Она окончила гимназию и совсем не того сорта... Эта—маркой выше обыкновенного... Может петь, философствует... А вот попала в эту прорву и тоже зачичеревела. В окружении варначья, в попойках, в затхлости—все ржавеет. Вот и я помогал вам и сам хочу работать, но иной раз сгорает нутро, а руки связаны, и живешь только потому, что живешь!.. Развал, озверение, голодный вой! Будто с земли ушел куда-то человек, и на ней поселились другие существа, перевоплощенные чорт знает во что. Я сам судился и был сослан, как анархист-коммунист, верил, творил, ждал... Я понимаю ваше марксистское об'яснение событий и неизбежность разной там закономерности и знаю, что вы будете основательно возражать, но, вот представьте, когда увидишь, как человек по-волчьи перегрызает горло за обглоданную кость своему же ближнему, то не хочется верить, что это человек. Ни религии, ни нравственности, ни сострадания!.. Над этими шутками я смеялся, а теперь вот думаю,—что же взамен их мы дали?!

Они подходили вплотную к глазеющим тусклыми огнями окнам, и слух явственно уловил глухие звуки женского хора и звуки пианино.

— Вот она, чертовня,—указал пальцем Яхонтов.—День грабят, а ночью молятся, как дикари над растерзанной ими жертвой. Вот вам прогресс человеческой психологии. Табунизм?! Нет, х у ж е!..

Они повернули назад. С пригорка были чуть видны кисейные тени выходящего из множества труб дыма. С южной стороны дохнула теплая волна, и снег почти не хрустел под ногами. В хребтах дробно, как треск медленно сваливающегося дерева, прокричала одинокая, видимо спугнутая птица. На прииске надрывисто залилась воем собака.

Яхонтов вздрогнул от неожиданной хватки за руку.

— Стой, брат,—почти крикнул Василий.—Бездельная эта штука—ваша интеллигентская бессоница.

Он выкинул в воздух зажатый кулак—большой кулак с маленькую голову.

Может быть, потому, что мысли Яхонтова и слова веяли таким мраком, или потому, что на пути стало новое препятствие, не открывшееся в первые дни появления в Боровом,—он снова, как перед боем, встрепенулся и насторожился.

— Ты не враг рабочему классу—вижу тебя на аршин в земле, а этим вот рассуждением—ты становишься врагом. Зажми зубы до треску, а не выпускай таких птиц на волю. Так теперь надо.

Они, незаметно для себя дошли до казармы.

— Пойдем—посидим?!—позвал Василий Яхонтова, уже не волнуясь.

В казарме, в дыму, как и всегда, на полу и нарах, сидели старые приискатели; но уже разговоры были не прежние. Говорил старик Качура и на полслове оборвал:

— А я те говорю—двинем... С таким, как Васюха и Борис Николаевич, можно горы спихнуть...

У Качуры не было прежней землистой пелены на лице, а выцветшие гнойные глаза горели старческим тяжелым блеском. И Василий узнал в нем

прежнего бунтаря, организатора забастовок и руковода прискового подполья.

Появление Василия с Яхонтовым ободрило Вихлястого. Он вытянулся, по-журавьи, среди казармы и, тыча в грудь одному из приискателей, начал доказывать:

— Качура дело говорит. Одни мы, конешно, фу! А надо гарнизовать вместях Баяхту и Лексеевский. Там есть наша шпанка, а остальные придут, когда кусать нечего будет. Вот мое какое мнение.

Василий с размаху сбросил шинелку и, ухватив Вихлястого поперек, под общий смех собравшихся, закружил его по казарме.

А на нарах, нежной кошкой, прижималась к Никите Настя. На ее круглом красивом лице еще ярче, чем в первое утро встречи, выступали розовые лепестки, а васильковые глаза подернулись маслянистой поволокой.

Никита с озабоченным лицом одной рукой теребил свою кудластую бороду и незлобно отстранял другою жену.

— Ты же баптистка, а я большевик.

В казарме снова раздался смех.

Как подброшенная пружиной, Настя спрыгнула с нар и, сверкая глазами, срамила в шутку мужа.

— Не таскался бы за чужой бабьей стороной да не лакал бы на последние злыдни... Бревном стал за эти годы... И какой согрев от вас был бабам. Днем—нужда, вечером—голод, а ночью—ты пьяный, вонючий кобель! Поди, кишки-то все переело самогоном?!

Будто ругала, а масляная поволока в глазах лучила ласку и тепло. Никита и все присутствующие любовались хорошим сложением и милым лицом Насти. А она, будто в поучение всем приисковым мужикам, продолжала:

— Ты думаешь, от доброго все бабы без животов и как бешеные собаки цапаются на бездельных посиденках и ворожат на лесного?.. Да какая это жизнь? Ни тебе поесть, ни тебе одеться, а у мужиков думки в самогон ушли... А нашу бабью подмогу забыли в отделку! Партизанами скрывались,—кто вас, язвенских, наблюдал? А пришли домой и час-от-часу не легче.

Никита насмешливо щурил серые глаза и тянул ворчащую трубку, а Василий подсел к ней на нары и в шутку хотел ухватить за груди, но Настя ловким толчком отбросила его руку и еще пуще рассыпалась пулеметной дробью.

— Не лапай, парень, ты не ростил их... Такой же хлюст!.. Поди, побросал там не одну, а пачками, по шарам видно! Гляди, парень, как бы твово мастерства щенят не подбросила какая сюда...

И, как спугнутая с гнезда наседка, залилась хохотом. И сразу стала прежней Настей, веселой девицей, не дававшей себя в обиду. В крутое время партизанщины Настя приходила и была надежной связью с блуждавшим вокруг прииска отрядом.

— И чортова ты, Настя, баба! Да разве же тебе в эту куриную слепоту играть на баптистских спевках, когда из тебя женорг на-ять... Я еще и раньше знал, что из тебя толк выйдет,—говорил Василий, подвигаясь к ней.

Настя строго взглянула на него и уже прежним, обидчивым и неприязненным, голосом подавила веселое настроение.

— Ты по себе и о себе, а бога не подтыкай! Твоему делу я не помеха, и ты мне не суй в рот, чего я еще не хочу.

— Да врешь ты, трепачка проклятая!.. Ведь только что судачила о бабьих собраниях... А, язва! Одно слово, баба!

Никита подхватил ее за шею и под ноги и куклой взметнул вверх, как тогда же—во время драки.

Приискатели задорно гоготали...

А после ужина, когда в казарме остались трое,—Настя, греясь около Никиты, расспрашивала Василия о городских порядках, об отношении советской власти к религии, к женщине...

В мерцающих сумерках, под гуд железной печи, мирно текла беседа, и Василий ощущал теплое успокоение надежды. Сон уходил, а мысли, сменяя одна другую, заворошились в голове. И не мог понять сначала, отчего не спится...

— А ведь Яхонтов прав! Эта однобокость и забота о навалившихся тяжелою горою делах (на завтра и многие дни впереди) вывернет хоть кого.

Вслух, не отдавая отчета, спросил:

— А что, эта Валентина Сунцова, с перцем? Звезда, видать?

Настя фыркнула в его сторону смешком:

— Звезда-то звезда, да не про тебя... Напрасно прицелился... Смотри, как бы техник Яхонтов не сломил тебе лен?!

И непрошенно, по-бабьи, намеками, похвалами, почти до утра, дразнила любопытство Василия.

— Они с ним, с Яхонтовым-то, пара... Давно он подкатывает коляску, да не так девка скроена! Так и держит его, видать, на сухом... А он все глазоньки проглядел. Вот антилигент и то краем обходится, а тебе эта зазноба не к роже, подико, парень?!

— А, и чорт с ней,—зевнул Василий...—Теперь не до баб.

— Ой, не ври!.. Ой, не морочь! Разве я не видела, как ты кобелил шарами на нее. Но только напрасно, а, впрочем, кто знает нашу сестру?!

— Да дрыхните вы к чорту!—огрызнулся Никита, перевертываясь на другой бок.

И оттого, что здесь рядом чувствовал Василий маленькое счастье других, избыток собственной силы и накопленных желаний сразу отшибли сон. Он поднялся и начал рыться в сумке.

— Ты, что это?—прохрипел Никита.

— Надо написать информацию в город, да вот инструментов не найду.

— Брось, завтра наворочаешь!

Но Василий отыскал и подживил светец. Пламя смолья беззвучно бросало косые лучи на темные стены казармы. Около двери тенью отражалась крупная фигура Василия, склоненная над высоким обрубком, служившим столом и сиденьем.

Квартира Сунцовых состояла из трех комнат. В передней около кухни была столовая, в двух остальных жили хозяева. Здесь сохранился необыкновенный для того времени и порядок и уют. В комнатах мебель из красного дерева. Тропические цветы поднимаются до потолка, на стенах портреты, северные пейзажи, написанные масляными красками, по углам громаднейшие маральи рога. Всюду чучела: птиц, белок, полярных лисиц. На полах бурые медвежьи шкуры. В углу, в передней, целая пирамида разнокалиберных ружей, патронташей и лыж. А поправее—стена-гардероб. Здесь висят оленьи дохи, песцовые тужурки, пыжевые шапочки, несколько пар мужских и женских унтов.

В этом доме, до семнадцатого года, жил управляющий приском—инженер Стульчинский. Он сам был живописцем и сам умостил это уютное гнездо, но в революцию бежал с хозяевами приска и где-то в тайге нашел свой покой.

Рабочие не успели занять дом, и, может быть, потому он и сохранил былую важность, чистоту и чопорность своего владельца. Но для Валентины Сунцовой этот дом с широкими итальянскими окнами, стал черным склепом почти с первого дня приезда на прииск.

Вот уже два года, как она занималась одним и тем же: ела, читала, играла на пианино, проклинала, вместе с братом и невесткой, революцию и боялась большевиков.

По ночам, в жутком одиночестве, припоминала разгром гимназии, где засели юнкера, смерть отца, которого она раньше ненавидела инстинктивно, и после вступления Красной армии в их город бегство в тайгу...

В этот год она чувствовала недужную усталость и старческую рыхлость. Жизнь была в прошлом, она не могла найти другой жизни в обществе невестки и приисковых баб, так как после бесед с Яхонтовым ни во что не верила.

Она только под утро задремала и проснулась поздно, с головной болью. Слегка откинув песцовое одеяло на шелковой голубой подкладке, она потянулась рукою за открытой книгой... Все читано и перечитано десяток раз.

Валентина достала портрет.

Крупное, вздохновенное дерзкой радостью лицо, и слегка прищуренные глаза под черными скобками бровей.

Как-то незаметно наплывали сравнения:

Чьи это глаза? Где она еще видела такие же глаза? Только почему они, «те» глаза, смотрели на нее, кажется, враждебно?..

Но и этот студент-юнкер в прошлом. Он уже не существует...

Валентина встала и долго смотрела в круглое туалетное зеркало на свои полные, нетронутые ни одной морщинкой, руки и налитые, точно выточенные, шею и грудь. В гимназии считали ее первой красавицей и однажды, на вечеру, она была признана королевой бала. Тогда это придавало ей гордость и уверенность в себе, а теперь только усиливало сознание своей никчемности.

В зеркале массивными прядями отражались кудрявые черные волосы, откинутые на обе стороны и ослепительной белизны прямой пробор. Как и всегда, на минуту залюбовалась своим лицом и блеском глаз. Забывала, что это ее глаза, хотелось, чтоб они были чужие.

Сегодня заметила, что подглазицы посинели и подернулись едва заметными шелковистыми морщинками. Чувствовала, как сердце забилось чаще, а румянец щек стал бледножелтым. С досадой тряхнула кудрями и отвела глаза от зеркала. Вспомнила, что давно уже не ухаживала за своим лицом.

— Да и зачем это? Кому здесь нужно любоваться ею?—снова зашевелилась неотвязчивая мысль.

В сознании смутно, встали бесстыдные преследования брата и бешеная ревность невестки. С братом она с детства не дружила, а позднее, когда его исключили из реального, она старалась не встречаться и перед революцией, намеренно, не ездила в каникулы к отцу, на север. Стыдилась, когда при ней упоминали имя брата, а вот пришлось у него искать убежище...

В это утро она поочередно перебрала все свои книги, альбомы и ни на чем не остановилась. От всего веяло далеким невозвратным. Все в прошлом, а настоящего и будущего—нет.

Она наскоро оделась и хотела выйти на кухню. Вдруг около самых дверей ее комнаты послышались шорох и борьба.

— Ты подглядывать, мерзавец! На сестру?.. К сестре?!. Окаянный!..

Маленькая Галина с изможденным лицом, как белка, скалила золотые зубы и со сжатыми кулаками наступала на мужа. А он, в наглой улыбке

растягивая рот, смеялся белками цыганских глаз и, уклоняясь от ударов, отступал в глубь Валентининой комнаты. Оба они были в спальном белье и босые.

Тощая грудь Галины лихорадочно тряслась, на лице и шее выступили багровые пятна.

— К сестре, негодяй!—шипела она и, ухватив венский стул, бросила его в мужа. Но Сунцов подставил руки, и стул рикошетом ударился в туалетный стол.

По гладкому полу гулко отдались брызги разбитого зеркала. Галина бросилась на пол и задергалась в истерических судорогах.

Валентина испытывала прилив жгучей обиды. Ноги ее подкашивались, а в горле застрял гневный, отчаянный крик. Она набросила на плечи олений мешок и, не глядя на брата, выбежала на двор.

С пригорка был виден весь прииск. Над крышами казарм расстилался голубой дым и уходил к хребтам в тайгу. По прииску разными тропами двигались люди и оттого ли, что день был теплый, или потому, что Валентина плохо слышала, их разговоры были глухи, как из-под земли.

Еще не отзвенела утренняя заря. Где-то в сенях казармы рубили дрова. Звуки также тихо уходили в высь к темным вершинам горных гребней и там мягко таяли.

У казармы золотничников Валентина почувствовала запах прелых стелек и жженого хлеба.

Около амбаров и внутри их бабы, с кошелями на плечах, в сорочьей тревоге, осаждали Никиту Вялкина.

Валентина едва поняла, что получают пайки, и тут же вздрогнула от ненавистного прикосновения чужих глаз.

Чей-то насмешливый голос глухой обидой толкнул:

— Недолго, барышня, на музыке брякать... Скоро в нашу компанию запишешься!..

Рваные, прокоптелые, с истрескавшимися руками и лицами, бабы плескались своей маленькой животной радостью. У них было что-то свое, непонятное ей.—«Что сталось с ними?». Многих из них она видела на баптистских моленьях, с укрощенными, как у запуганных животных, лицами, а теперь эти лица озарены воскресным светом...

Из амбара, сквозь дружеские толчки баб, задевая шлемом о дверную колоду, выскочил Василий.

Его рот растягивался от задорного хохота, а лицо заливалось румянцем. Отряхивая побелевшую от насевшей муки шинель, он погрозил бабам кулаком и смело шагнул к Валентине. Она как-будто теперь только пришла в себя и посторонилась, думая уступить ему дорогу.

Их одинаковые глаза встретились в жгучем вопросе. Василий улыбнулся.

— Здравствуйте, тов. Сунцова! Мы вас мобилизовали секретарем в наш распред. Собирайтесь с духом и выходите на работу... Республика не терпит прогулов. А грамотные люди не могут собак гонять.

Он сощурил глаза и, тряхнув головой, зашагал мимо к конторе.

Валентина, как прикованная, стояла на месте, и, казалось, не поняла ни слова.

У амбара раздался бабий хохот, и опять тот же голос уколол глухой болью.

— Берегись, барышня, военные—мастера обихаживать вашего брата... А с брюхом приходи ко мне,—сбабничаю не хуже кушерки!

Валентина повернулась и пошла обратно, пошатываясь, как пьяная. Не глядя на домашних, она прошла в свою комнату и только здесь припомнила встречу с Василием и его прищуренные глаза. Она порывисто подняла с пола портрет юнкера и долго всматривалась, ища сходства этих угасших глаз с живыми глазами Василия.

В комнату вошла заплаканная Галина. Она в запальчивости сунула Валентине желтую залапанную бумажку и от задышки присела на стул.

— Разбойники! Звери! Они нас разорят!.. Они!..

Галина закрыла изуродованное морщинами лицо и снова задергалась в судорогах.

Валентина равнодушно прочла безграмотный текст самодельного ордера на конфискацию имущества и ниже приписку:

— А также гражданка Валентина Сунцова мобилизуется для работы в Рудкоме, куда предлагается ей явиться к тов. Качуре.

И в самом конце—размашистая, неразборчивая подпись... Но поняла, что эта подпись его—Медведева.

Трудмобилизация была об'явлена на Боровом в субботу вечером на общем собрании рабочих и служащих. Это второе собрание, под председательством техника Яхонтова, прошло спокойно. Он же докладывал и ближайший план предстоящих работ.

Тунгусников было немного и те, видимо, пришли из праздного любопытства и желания подтрунить над медведевской затеей. После доклада было принято громкое решение:

— Открыть работы воскресником. Невышедших лишить пайка и жилища.

Утренний сбор был условлен в конторе, а после собрания секретарь Залетов составлял именной список боровских жителей и улыбался в свою желтую бороденку, когда очередь доходила до тунгусников.

— Ваше социальное происхождение и занятие, товарищ?

— Такое же, как и ваше,—острили те.

— Родились все из одного места, а вот крещены по-разному—заметил в шутку Сунцов.

В этот вечер он был необыкновенно подвижен и даже услужлив. На глазах у всех он два раза подходил к Василию и дружески заговаривал с ним.

Старые приискатели перемигивались при этом.

— Смотри, как подсевает...

— Без мыла прет...

— Вишь, как скоро взял тон...

Утром, в серые сумерки, в первый раз после восемнадцатого года зазвонил приисковый колокол. И будто дрогнула тайга от давно неслыханных звуков. В ответ медным звукам запели эхом окружающие хребты.

День был теплый, на дворе пахло талым снегом. Удары колокола мягко разносились по прииску и где-то в лесах падали затихая.

Около конторы густо скоплялся народ.

Бабы отдельным колком, как тетерева на току, будоражили утреннюю тишину. Мужики пыхали трубками и цыгарками. Некоторые записывались у Залетова и разбирали сваленные у конторы кайлы и лопаты.

— Рваная армия труда,—думал Василий, обходя кучки собравшихся. Глаза его горели непотухающими угольками, а губы растягивались в улыбке.

И чувствовал себя опять так же, как пять лет тому назад—на разбивке. Вот первый штурм, к которому он готовился с начала приезда на прииски. Сотни рук сегодня сделают первый толчок в мертвые недра, правда, еще холостой толчок, но важна репетиция.

А репетиция удалась: почти все приисковые мужики и бабы высыпали из своих закоптелых казарм.

Секретарь Залетов захлопнул испачканную тетрадь и подошел к Василию с открытыми от улыбки зубами.

— Все собрались, кроме шпаны,—и отмечать нечего!—сказал и раскатисто рассмеялся, не зная чему.

— А ну, постройся в два ряда!—крикнул Василий и вытянул руку, указывая фронт.

Мужики, один за другим, начали примыкать. Неумело и от этого забавно подражали военным; у большинства бродни задрали кверху рыжие утиные носы, а на головах—не шапки, а лохмотья звериных шкур.

Бабы, одной скученной фалангой слева, беспорядочно топтались и галдели в споре за места (Такой народ эти бабы!).

Мужчины пускали колкие смешки:

— А ну, подровняйсь, бесштанная команда...

— Эй, женский батальон!

Василий прошелся вдоль по вытянувшейся нитке. В глазах у каждого чувствовалась скрытая радость, у Василия сильнее стучало сердце.

В стороне строились подростки. В реве детских голосов слышался весенний гомон и молодой задор.

Солнце еще не поднялось под хребтами, когда разрозненные кучки людей двинулись к мастерским. Василий пошел впереди и первый ударил лопатой в сугроб.

В конторе и клубе заправляла Настя.

Подоткнув высоко подол и громко шлепая голыми пятками по полу, она расплескивала направо и налево бурный поток своих слов.

— Эй, почище, почище, бабочки...

— Вот тут дресвой прихватите!

— Не для кого-нибудь, а для себя, бабочки!..

Бабы наперебой бросали ей колкости и вечное недовольство.

— Ой, для себя ли?

— Да она-то для себя задницу дерет, а нас-то тут и в пару не увидишь.

— Вишь, команду взяла,—как муж, так и жена.

— А как же?—Где болото—там и чорт, это обязательно!

— Вот все у нас так... Давно ли к бахтистам нас суматошила, а теперь в кумынию волокет.

— Это уж, как наповадится собака за возом бегать, хуть ты ей хвост отруби, а она все свое...

— Ой, не грешите, охальницы,—заступались другие.

Солнце клонилось к паужину. С юга, с гор, тянул легкий ветер. Кучки рабочих, захватив равные участки, отходили все дальше и дальше.

Валентина, в оленьей дохе и унтах, неумело долбила лопатой снег и мешала Качуре с Яхонтовым. Их участок оставался белым островком.

Рабочие обидно посмеивались:

— Ну, ну, нажимай, антелигенция!..

— Вишь, собрался битой да грабленой и плетутся на козе.

— Эй, богадельщики!

— Лопатка-то, видно, не музыка... На ней не так завихривать—барышня!..

Другие степенно унимали.

— Да бросьте вы, трепачи... Вишь, деваха и так разомлела, как паренка в печке... Дай, привыкнет—нашим бабам пить даст... Силы-то у ней, как у ведмедицы... Вон как сложена... Выгуль девка!

— А дух из ее вон!

— Пусть помантулит за всю свою породу!..

Василий, смахивая пот со лба, подошел к Валентине.

— Что, упарились, тов. Сунцова?.. А ну-ко, давайте я...

Он взял у нее из рук лопатку и весело заглянул в глаза.

— На первый день с вас хватит... Садитесь, отдохните, а мы докончим этот ключок.

Ударяя раз за разом, он разбил на куски снежную глыбу и, выкидав наверх комья, свалился, обливаясь потом, в кружок к бабам.

— Куча мала!—крикнула Настя, вскочив верхом к нему на спину.

Бабы одна за другую цеплялись, громоздились, но Василий обхватывал их в сильное оберемя и все вылезал наверх.

— Вот же конь гулялой,—смеялись приискатели.

— Он двадцать пудов попрет и не крякнет.

— Здоров, якорь его возьми, как лиственный пень!

Старшие драгеры поднимались и, вскидывая на плечи заблестевшие на солнце лопаты, направлялись к конторе.

— Шабаш!

И так же, как утром, рваная армия с веселыми криками возвращалась к кладовым, стуча инструментами. Василия догнали Качура и Вихлястый. Оба они, с обмытыми потом лицами и горящими глазами, заговорили в перебой.

— После такого воскресника не мешало бы ребят побаловать.

Голос Вихлястого звучал неврастенически-радостно.

— Да и не квасить ее нам,—поддержал Качура, суетливо поспевая шагать за Василием.—Только народ она дразнит!..

— Да о чем вы толмачите?—недоумевал Василий.

— Как о чем, самогонки-то у нас ведерок двадцать поди будет?.. У мужиков-то отняли!—наклоняясь, шепнул Вихлястый.

Василий, дернув головой, засмеялся.

— Сейчас же вылью вон, чтобы не воняла она здесь на прииске.

Вихлястый и Качура враз кинули на него испуганные взгляды.

— Да ты чего, облешачил, парень?—обидчиво заскрипел Качура упавшим голосом.—Ведь здесь тайга, а не город. Там тоже—из рукава, а тянут! Зачем растравлять людей?.. Они кабы не знали про это...

— Выдать, конечно,—отчеканил за их спиною голос техника Яхонтова.—Нельзя испытывать дольше терпение людей!

Василий с удивлением взглянул на него и приотстал, выравниваясь.

На упрямом лбу Яхонтова не было обычных складок, и черные глаза не прятались в глубокие орбиты.

— Вот и я говорю тоже,—обрадовался Качура,—ведь не для пьянства, Борис Николаевич, а так, чтобы добро не пропадало зря. И народу будет веселее.

— Ясно!—отрезал Яхонтов...—Если мы не выдадим, то они сами возьмут и правы будут.

Василий обнял Яхонтова и Качуру за шеи и расхохотался.

— Чудаки! Вам самим хочется нутро смазать... Ну, я же и не возражаю!.. Правду говорит Качура—тайга... А сегодня мы заробили по хорошей баночке. Но только это в последний раз!

На крыльце конторы их поджидала кучка рабочих и баб с Никитой во главе.

— Порцию, начальство!—крикнул кто-то с задорным смехом и за ним раздались десятки осипших, пересохших голосов:

— Порцию!!!...

Толпа, в тесной давке, нажимала на крыльцо, обтаптывая друг другу ноги и обдавая жарким дыханьем в лицо.

— Вот, видишь,—толкнул Яхонтов локтем Василия.—Все в курсе дела. Грамотный народ!..

Василий так же, как и утром, протянул руку.

— А ну, подравняйсь!..

И когда фронт вытянулся и закачался зигзагами, как туловище большого змея, он вскочил на крыльцо.

— Товарищи! Мы сегодня в первый раз трахнули по тяжелой разрухе... И здорово трахнули... Поэтому ничего не будет пакостного, ежели смочим загоревшую утробу. Но только вперед—к чортовой матери эти порции! От них воняет старым дурманом.

Толпа с ревом подхватила его с крыльца, и долгое время высоко над головами взлетал его шлем.

Над тайгою спускался тихий теплый вечер, и чуть слышно шумела дубрава. С гор легкий ветерок приносил смолистые ароматы.

Вечером, когда Валентина вернулась с воскресника, она застала дома большую сутолоку. Со стен были сняты все ценные вещи и свалены в кучу. Галина с прислугой и несколько человек тунгусников увязывали их в узлы.

— Сегодня мы уезжаем на Калифорнийский прииск,—с расстановкой, отчеканил Сунцов и в упор взглянул на сестру красивыми цыганскими глазами.

Но Валентина без малейшего напряжения выдержала этот взгляд и также коротко ответила:

— Я мобилизована на работу и никуда не поеду!

— Ты, что же,—решила подыхать на пайке с этой шпаной и подвергать себя разным домогательствам со стороны этих карманщиков?!

— Негодяй!...—вспыхнула Валентина.—Бесстыдник, потерявший благородство даже по отношению к своей сестре. Тебе ли чернить других?!

Сунцов—не то в испуге, не то в злобе—беззвучно шевелил побледневшими губами. Взгляд Валентины пришиб его к полу. Так она еще никогда с ним не говорила.

К Валентине дробно и виновато подбежала сухощавая и жалкая Галина.

— Ну, Валечка, ты прости его... Прости нас... Ведь какие бы ни были, а мы все же родные, Валечка. Если бы жили в городе и была бы наша власть, то этих гадостей, может быть, и не было бы...

Она, всхлипывая, склонила маленькую голову с измятыми, как изжеванная солома, волосами, на грудь Валентины и в судороге причитала:

— Ты думаешь, мне, ему, легко расставаться с этим гнездом? И опять ты .. Ведь он один у тебя брат!!! Вас двое на всем свете...

Валентина отвела невестку в сторону и, с осторожностью, усадила на мягкий обтянутый шевром диван.

— Опять же, ты знаешь, я беременна и придется быть одной среди тайги,—тянулась к ней руками Галина.—А мы бы прожили год какой и, может быть, в город переехали бы, а там тебе и в университет можно.

Валентина встала и прошла в свою комнату,

— Ну, подумай же, Валя,—не отставала от нее Галина.—С разбойниками... Ну, с людьми, которые оплевали даже самого господа бога и ограбили весь мир. Неужели же тебе не страшно оставаться с ними?!

— Нет,—решительно сказала Валентина... И насмешливо, укоризненно взглянула в изуродованное лицо невестки.

— Чудная ты, Галина! Какая разница?.. Вернее,—большая разница: они грабят и мы с Евграфом грабили... Мы—для себя, они—для всех.

— Милая Валечка!—вдруг припала к ней на грудь Галина,—Я и сама бы не поехала, но куда я—урод, больная? Ты сильная и умная, а я...

Она смахнула слезы и уже твердым голосом спросила:

— Ты у него, у Яхонтова, остаешься? Какая он светлая личность! Какой обаятельный человек... Я бы с ним напоследок... Ну, понимаешь, хотя бы последние дни с ним...

— Вот глупости ты городишь,—остановила ее Валентина.—Я остаюсь просто работать...

Она вытянула перед собой руку и сжала ее кольцом. Около плеча вздулся упругий бугор.

— Вот видишь?.. А знаешь, как приятно поломаться на работе, и мне кажется, я привыкну скоро к ним.

На дворе заскрипели оглобли саней.

— Вот скоро и ехать,—сказала Галина.—Знаешь, с нами едет тридцать семей... Ты бы передумала?

Валентина опустила голову на ладони и тихо сказала:

— Нет! Да и для тебя же хуже будет, если я поеду...

В комнату вошел Сунцов, и несколько человек тунгусников. Они поспешно выносили имущество. Евграф в нерешительности постоял около дверей, но подошел к женщинам развязно.

— Ну-с, собирайтесь!—сказал он обеим.—А ты, Валя, брось из себя революционерку разыгрывать. Если желаешь испортить себе жизнь, то—пожалуйста... Но только напрасно... Мы тебе не враги. И не думаешь ли ты, что здесь будут дражные работы? Ерунда!.. Вот какой-нибудь месяц... и они останутся без хлеба. А время-то уже уходит—летом сюда ничего не завезешь...

Помолчал немного и задумчиво добавил:

— Дураки они, это рабочие, что верят разным Медведевым и Яхонтовым.

Валентина снова, как и в первый же раз, взглянула на брата—и Сунцов понял, что его доводы только укрепляют ее решение.

Валентина молча поцеловала невестку и, не оглядываясь, вышла на улицу. Шел мягкий сырой снежок, застилая темные обледеневшие дорожки. На прииске, в перекличку, хрипели испорченные гармошки и слышались подпевающие голоса: это кучка приискателей гуляла после выпитой самогонки.

Квартира Яхонтова находилась на самом конце приска, под горой. Из низких окон казарм лучился слабый свет. Мелькали тусклые тени людей. У дверей она услышала легкий шорох на пригорке и остановилась с занесенной рукой.

— «Уехали»,—мелькнула мысль.—«Ну да, уехали, и с ними ушло все прежнее».—И удивилась своему безразличию.

С Яхонтовым она не виделась с глазу на глаз с того времени, когда у мужиков были отобраны продукты. Раньше он часто заходил к Сунцовым и просиживал долгие зимние вечера. Женщины привыкли видеть в нем умного, но неряшливого человека.

Валентина в первый раз была у него, и, может быть, поэтому Яхонтов, откинув назад свои черные завившиеся волосы, начал суетливо приводить в порядок комнату.

— У меня и посадить-то вас не на что... Да вот—можно сюда... В шахматы сегодня не сыграем? А я ведь думал, что вы наломались и спите теперь, как убитая. Сегодня все поразмяли косточки.

От его простоты и размеренного задушевного голоса, Валентина чувствовала облегчение. И все здесь было как-то до примитивности незатейливо и грязно. На столе с залитыми чернилами ключками сукна—кривая стопка книг. Рядом шахматная самодельная доска и покрытый слоем сажи эмалированный чайник. На стенах: оружие, лыжи, чертежи шахт и фотографические карточки.

В углу, под порогом, сквозь решетчатую перегородку, скалила белые зубы острорылая, похожая на песца собака. Она била хвостом о таловые прутья и ласково рычала.

В этой обстановке был весь Яхонтов. Лучшей обстановки за всю свою тридцатилетнюю жизнь он не видел и редко был недоволен тем, что имел. Валентина знала, что он из бедной семьи выбился в технологический институт, откуда был исключен за «беспорядки».

— Вот этих вы еще не видели,—сказал он, указывая на две рядом стоящие фотографии.—Это моя мать.

Женщина с выпуклым лбом (таким же, как у Яхонтова) смотрела на нее задумчивыми и колкими глазами.

— А это вот?..

Валентина взглянула на вторую фотографию, с которой на нее взглянуло лицо молодого студента в форменной тужурке и фуражке с техническим значком.

— Какое поразительное сходство!—почти вскрикнула она.

Яхонтов грустно улыбнулся.

— Это перед ссылкой, когда все зеленью пахло, а теперь вот весь мохом оброс.

Он ловко подкинул в железку дров и зажег лучину.

— Так вы из-за ссылки и не кончили институт?—спросила она, не отрывая глаз от фотографии.

— Так и не кончил... Да что об этом вспоминать!..

Его всегда ровный голос, как показалось Валентине, дрогнул.

— Теперь об этом и помышлять не полагается, видите—какая тряска?!

Он налил в чайник воды и поставил его в дверку железной печи.

— Выпьем чаю,—сказал он, подбрасывая на огонь щепки.—Да, кстати, сообщу вам новость: мы на-днях пускаем поровой молот.

Валентина обвела взглядом комнату и только в этот момент вспомнила, что с раннего утра ничего не ела. Она прошлась и, к удивлению Яхонтова, начала прибирать у него на столе и в комнате. И сама себе не отдавала отчета в том, что делает это из уважения к нему.

А за чаем рассказала об от'езде брата и долго рыдала, припав головою к столу. Яхонтов дружески—нежно гладил ее волосы.

В окнах уже показался рассвет, когда Валентина ушла. По приску, в предутреннем тумане, мелькали и бурно таяли бесформенные фигуры людей, В горах, подобно мельничному колесу, шумели леса, и было слышно, как, поднимаясь с ночлега, перепархивали птицы.

(Продолжение следует).

АРИСТАРХ КОЗЛОВ

Баллада о молодом пастухе

1.

У стада
стоит пастух
на посту,
Коль надо—
еще постоит Игнат.
Но день, разожженный над полем, потух,
На отдых Игнат
загоняет ягнят.
Над кепкой рваной
большой простор!
Но грудью не выпьешь, на земи сидишь.
Он видел: рано
из темных нор
Вздохнуть туманом
выходит мышь.
— С земли бы подняться, как мышь из норы,—
Мечтает в поле у стада Игнат,—
Взглянуть бы на поле, как-будто с горы,
На лысины хат,
На знакомых ягнят...
У стада пастух
на посту
стоит,
Задумался крепко, и грозен кнут.
Должно быть, думать решил за двоих,
И думы лицо в морщины мнут.
...Надумал...
Решил и щелкнул кнутом,
— И чорт меня держит, жена или дом?
Есть руки с башкой. Ни кола, ни двора,
И молод, и крепок. Собраться пора!
— В ячейке с учета сняться—раз,
В батрачкоме списаться—два...
И будет дорогой веселый рассказ
Лепетать, шепелявя, листва.

2.

А утром сказал:
— Игнашка, шпарь!..
Котомка за плечи, к ремню котелок.
Знаком увал,
и вкусен сухарь,
И есть вода у проезжих дорог.
Ночевки в поле. Четвертый день.
С устатка легко на земле заснуть.
Под ухо котомку. Не тянет ремень.
...Под вечер город огнями блеснул.
...В одном учрежденьи очкастый зав—
Легко ухмыльнулся:
— А, очень рад,
Хотя не отвык ты мотать на рукав,
Но сторож нам нужен...
Записка—на склад.

3.

У склада
стоит на посту
пастух,
Коль надо—
еще постоит Игнат..
Но полог зари за проспектом потух,
Уходит Игнат—
Не ограбят склад..
А дома тесна и грязна конура,
Коль нечего делать, подохнешь с тоски.
Игнат приходит и спит с утра,
А вечером ходит работать в кружки.
Читает книги и пишет в тетрадь,
И даже дельным прослыл Игнат.
«Как люди учились летать»
—доклад
Собранью кружка прочитал Игнат.
...А дни за днями бегут и бегут.
Ручьями пенными с черных гор.
Скатился год.
— Пожалуй, смогу,—
Решил Игнат:
— Смастерить планер...
Пастух
на посту
задумчив стоит,
Схватился за мысль, как прежде за кнут,
Должно быть, думать решил за двоих,
И думы лицо в морщины мнут.
...Ночами думал, а днем читал.
В получки строг—

копейки берег.
Хотя невелик скопил
капитал,
Но каждый грошик уходит впрок.

4.

В республиках наших почет
труду,
Упорству
черствому
большой почет.
Планер у Игната стоит на ходу,
Весенним утром первый полет.
Простая дорога. Следы телег.
А мир свободному вечно тесен!
С горки хороший большой разбег,
И первый под'ем, словно утро, весел.
...Свистнул ветер мимо ушей,
Ветками ноги целует куст...
...Весел под'ем, но еще веселей
Первый удачный спуск.
И каждое утро с этих пор
Навстречу ветру взлетает Игнат.
Своими руками строил планер,
Планеру Игнат
по-ребячьи рад.

5.

...Взлетают ввысь...
спускаются вниз...
Народом туг
аэродром.
Один планерист
получит приз
И рукоплесканий гром...
Оркестр в вышину раздирает глотку.
— Ну, что ж,—сказал,—побежден—не позор...
Идет Игнат. Вразвалку походка.
Спокойно, по-свойски взял планер.
...На-взлет—секунды, разбег—двадцать метров...
А дальше воля!
Высоты лишь мерь!
Недавний пастух и товарищ ветру
Не все ли равно теперь?!
Товарищ ветер
лететь поможет...
Под крыльями ветер,
под сердцем—огонь!
И слышно: где-то в самом подножье
У публики бьется ладонь о ладонь!

Немного дрогнул и, словно под горку,
Чуть-чуть быстрее... Кончен полет.
Под гомон оркестра крутит махорку
И жесткой ладонью стирает пот.
Победа. Товарищи жмут ему руку.
Одна, красивая, несет букет,
Но что ответить?—вот это штука!
Чуть-чуть не буркнул сердито: нет!
Потом с трибуны кричали речи:
— Спокоен будет наш новый дом,
Когда мы стащим с родимой печки
Таких ребят да учиться пошлем!..

6.

. . . . . .

В анкетах пишется просто: «батрак»,
А в сердце радости буйный взлет.
Игнат зовется как никак:
«Товарищ пилот»...
У границы стоит на посту
пастух,
Коль надо—
Как сердце, зажжет мотор.
Пока огонь борьбы не потух,
Игнат охраняет
советский простор.

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ

Короткий удар

Рассказ.

I.

Штаб Особой армии, состоявшей из корпуса 1 гвардейского и 25 армейского, нуждался в контрольном пленном.

Дело в том, что агент контрразведки, подкинутый в один из польских городов при отступлении русской армии, пробравшись через линию окопов, сообщил о переброске на Владимиро-Волынский участок фронта двух свежих германских дивизий, что указывало на возможность наступления.

Худосочный поляк чахоточного вида так уверенно перечислял номера прибывших полков, что у штабных возникло подозрение:

— А не обслуживает ли шпион обе стороны, выполняя в данном случае директиву германского штаба, цель которой—ввести в заблуждение русское командование?

Проверить слова агента штаб мог лишь одним способом: показаниями пленных, которые, поэтому, на техническом военном языке и назывались контрольными.

Однако, немцы за зиму так обжились в окопах, так укрепились в них и стали столь осторожны, что достать хотя бы одного контрольного пленного для частей Особой армии оказалось задачей непосильной.

Обычно пленных раздобывали команды полковых разведчиков. Они ночью подползали к выставленным за линию проволочных заграждений полевым караулам и снимали их.

Но, пожертвовав за осень десятком людей, немцы уже не попадались на этот нехитрый прием.

Они обнесли проволокой места стоянки караулов, соединив их с окопами глубоким ходом сообщения, также огражденным проволокой.

С этого времени поиски разведчиков оканчивались, как и начинались, с пустыми руками, начальники команд представляли в штабы своих полков в качестве трофеев куски немецкой проволоки, срезанной еще осенью и предусмотрительно хранившейся в командных цейхгаузах.

— Дошли, мол, до проволочных заграждений, начали их резать, но были обнаружены и с огнем отошли.

Вот почему 7 декабря 1916 года командарм Особой генерал Гурко, вызвав к телефону комкора 25 генерала Корнилова, категорически приказал:

— Завтра к вечеру контрольный пленный должен быть во что бы то ни стало!

Как-раз в этот день корпусный врач, выслушав Корнилова, сказал генералу, что у него склероз, вероятно, расширена аорта, и прописал иод. От того ли, что сказал врач, от болезни ли или от разговора с Гурко, которого Корнилов терпеть не мог, но сегодня утром генерал был особенно угрюм.

За обедом в офицерском собрании вынужденная улыбка так криво ползла по его тонким темным губам, что офицерам помоложе становилось муторно: генерал любил молодых штабных неожиданно отсылать в полки.

Обед прошел натянуто.

После обеда комкор вместе с полковником Струйским, старшим ад'ютантом штаба, удалился в оперативный отдел.

II.

В это время, в девяти верстах от деревушки, где был расположен штакор 25, в земляной яме, накрытой бревнами и поверх засыпанной землей, прапорщик Янушевич, толстый неуклюжий студент-математик Московского университета, сопя над маленькой дымившейся печуркой, приготовлял скоблянку, поджаривая в котелке мелко нарезанное вареное мясо из солдатского супа.

Ядево, щедро сдобренное салом, шипело и распространяло вкусный, слюну вызывающий запах.

Денщик Янушевича, тоже москвич, бывший вагоновожатый трамвая, стоял рядом и светил огарком.

— Будет!—сказал он офицеру.—Подгорит, ваше благородие. Ей-богу.

— Подгорит немного, ничего,—чувствуя голодную слюну во рту, вдумчиво ответил офицер.—Вкуснее будет. Я люблю со шкварками. Слаще.

И он старательно мешал в котелке жестяной ложкой, черной и согнутой.

Землянка была без окон, блиндажная, крепко сделанная: на шестидюймовку, полевой не пробьешь. Тяжелый потолок навис грузно и низко. По черным бревнам с оттаивающей земли осклизло ползла сырость.

На узких нарах, укрывшись меховой бекешей, не то спал, не то валялся со скуки другой офицер, ротный, подпоручик Рак, хохол, из подпрапорщиков.

По лесенке в подземелье затопали шаги: солдатские тяжелые сапоги торопливо скользили вниз по обледенелым ступенькам. Рванулась дверь, дохнув облаком сизого потного пара.

— Разрешите войти!—крикнул солдат, уже на пороге стаскивая папаху и не закрыв дверь.

— Двери закрывай, чорт!—выругался Янушевич.—Чего надо?

— Командира роты штаб полка. К трубке!—выдохнул солдат и замер.

Офицер, лежавший под бекешей, стремительно вскочил. Оказывается, не спал. Он метнулся за посыльным, на ходу надевая бекешу.

Когда шум шагов обоих выпрыгнул из колодца подземного хода на изрытое окопами поле, Влас сказал:

— Не люблю я, ваше благородие, когда штаб полка ротного тревожит. Обязательно неприятность.

— А что, разве денщичий телеграф о наступлении толкует?—улыбнулся прапор.—Не скули, Влас. До самой смерти ничего не будет. А вот поджарка готова. Режь хлеб!

Янушевич перенес котелок на самодельный, из ящика, стол и нетерпеливо смотрел, как Влас, прижав к груди тяжелый буханок хлеба, резал толстые ломти.

Опять затопали на лестнице. Вернулся Рак.

Он посасывал черный седеющий ус и морщил переносье, отчего его косматые брови, как две гусеницы, наползали одна на другую.

— Влас, выйди!—приказал ротный.

Неловко положив хлеб на стол, солдат нырнул в низкую дверь и от торопливости, не успев согнуть высокий рост, стукнулся головой о притолку.

— Наступление?—дрогнувшим голосом спросил Янушевич.—Что?

— Хуже,—выругался матерно Рак.—Хуже. Короткий удар!

— Нашей ротой?—чернея лицом, пролепетал прапорщик.

— Вашей полуротой,—подчеркнув вашей, ответил ротный.—За контрольным пленным.

— Быть не может!

У Янушевича разом пропал аппетит. Отодвинув подальше котелок, ибо запах пищи вдруг стал возбуждать тошноту, он стал плаксиво жаловаться:

— Подумайте сами, Василь Яковлевич, разве это возможно на нашем участке? Ведь они кругом в проволоке! Одного ряда не перережешь, как всех положат. Глупо же! Ну, на кой чорт из-за пары пленных жертвовать жизнью ста человек? Да и не возьмешь пленного!

— Не возьмешь!—согласился ротный.—Я так и сказал: «Слушаюсь, господин полковник, но на успех не надеюсь».

— Как же!—подумал прапор.—Так он и скажет, кислая каша*). Да и как скажешь: «Не верите, мол, так сами полезайте!».

И опять заныл:

— Значит пожил, довольно! Так сегодня и домой напишу. Вы сами, Василь Яковлевич, подумайте, возможно ли это? Наверняка всех укокошат.

— И очень просто!—пробасил Рак и вдруг, уже официально:

— Однако, итти надо. Ни фика не попишешь. Дисциплина! Вам полуроту приготовить надо. До самого конца гренадерам не велено говорить. Соврите что-нибудь о разведке. Чего же не едите-то?—вдруг спросил он, учуяв запах жареного.

— А на чорта есть, если меня самого через день черви есть будут!—злобно проворчал прапор.

Он уже завидовал ротному, который сегодня из окопов, в безопасности, будет наблюдать за его вылазкой, завидовал и ненавидел его.

И хохол, хитрый и умный, понял это.

— Ну, так я с'ем,—сказал он.—А насчет червяков—напрасно. Мороз теперь. До тепла в соседстве пролежите.

И вдруг, словно сбрасывая личину наглого фельдфебеля,—расплылся простой добродушной мужицкой улыбкой:

— Да ты очень-то не расстраивайся, парень!—мягко и ласково пробасил он.—Уж я ли в таких переделках не бывал! Страшно вспомнить, как мне дались золотые погоны. А жив. Главное, до ночи еще далеко, глядишь, и передумает начальство.

Как ни маловероятна была надежда на отмену приказа, но последние слова странно успокоили прапора. Человеческое сознание, как и утопающий, тоже умеет хвататься за соломинку.

И Янушевич сказал:

— А все-таки надо приготовить гренадеров!

---

*) ашой, ударение на последнем слоге, в старой армии называли сверхсрочных

— Приготовить надо,—согласился командир, вновь становясь фельдфебелем,—это твой воинский долг. Служишь царю и отечеству.

И Янушевич не понял: глуп ротный, или же просто смеется над ним.

III.

Выйдя в ход сообщения,—глубокий, в рост человека ров, с отвесными стенками, которым соединялись между собой землянки роты, Янушевич зажмурился от яркого солнца, горевшего на снежных сугробах поверх хода сообщения.

Боль в глазах вызвала досадливую мысль.

— И в легких непорядок. Полковой врач предлагал в госпиталь. Не лег, дурак. А теперь, поди ляг! Вот и остался бы жив.

Засвистав от досады, прапор двинулся к землянкам гренадер.

Было тихо, потому что наши солдаты отдыхали, пообедав, а немцы, в этот час пили *каву*, кофе. Только где-то очень далеко погромыхивали пушки.

Замаскированный выглядывавшим из-под снега хилым кустиком, прапор, высунувшись из хода сообщения, стал смотреть на немецкую сторону.

Вон она, немецкая проволока. Триста двадцать шагов до нее. Считано и пересчитано.

Между нею и нашими заграждениями—снег. Белый, ровный, серебряный. Только вчера выпал.

А бугорки на нем—не кочки. Трупы. Вон он, правый сугроб—разведчик Комов, а левый—солдат второго взвода Мактудинов. Два других—немцы.

Подобрать нельзя.

Наших—немцы не дают, немцев—наши. Только сунься. А ночью—прожекторы и ракеты. Да и зачем им, трупам то? Не все ли равно им теперь?

«Вот где-нибудь между ними и я лягу,—подумал Янушевич.—Неужели сегодня ночью. Дьявол!».

Сердце нехорошо сжалось; вспомнился запах поджарки и опять затошнило.

IV.

— Встать, смирно!—закричали в землянке, когда Янушевич нырнул в ее темноту с яркого света воли. Дежурный подошел с рапортом. Еще ничего не видя со света, прапор ощупью нашел его руку, поднятую к папахе, и опустил ее, не приняв рапорта.

Янушевич велел гренадерам сесть и сам сел на край земляных нар.

Солдаты затихли как-то сразу, особенно напряженно.

— Приготовьтесь, ребята!—унылым голосом начал офицер.—Сегодня ночью в разведку пойдем. Унтер-офицеры придите ко мне в восемь часов вечера: я об'ясню задачу.

— Ваше благородие!—послышался молодой голос из темного угла землянки.

— Ну?

— А правда, что мы с вами сегодня пойдем прорыв делать?

— Кто это говорит?—вместо ответа, спросил Янушевич.

Гренадеры, плотно сидевшие на нарах, задвигались и пропустили вперед остролицего солдата, голубоглазого и щуплого. Янушевич с ним никогда не говорил, но знал его: у него на спине шинели была черная заплата, похожая на арестантский бубновый туз.

Он слышал, что этот солдат хорошо играет на губной гармонике.

— Кто тебе сказал?—спросил Янушевич.

— Так, солдатня болтает. Да не верим мы, ваше благородие. Разумысленно!..

— Конешно ж, рази его прорвешь! Полуротой-то!—вдруг тихим рокотом загудела вся землянка.—Чего ж умирать-то зря...

— Все чепуха!—бодрым и веселым голосом вдруг, совершенно неожиданно для себя, закричал Янушевич.—Никакого прорыва не будет. Вздор!..

И, повторяя так облегчившие его слова Рака, и все еще бессознательно веря им, добавил:

— А может и никуда не пойдем. До ночи далеко. Передумает штаб!

Но на солдат утешение не подействовало.

— Никак нет, ваше благородие!—настойчиво повторил востроносый солдатик.—Из седьмой роты ефрейтор прибегал, говорил, что брать нам пленных сегодня велено, коротким то-есть ударом.

— Знают уже!—тоскливо подумал прапор,—а не все ли мне равно. Знают, так им же хуже!

Чувство сосущей тоски, всегда появлявшееся у него перед необходимостью идти в бой, на время забытое, как только он оказался среди солдат,—опять подступило к сердцу.

— А ты молчи!—строго сказал он.—Не ори, раз тебя не спрашивают. Сказано в разведку, так, значит, в разведку. А об остальном узнаешь, когда нужно будет.

И он повернулся к выходу, оставив землянку полной робкого и глухого гула. С ним в ход сообщения вышел взводный, старший унтер-офицер Романченко, высокий стройный красавец с бритым лицом.

«Сейчас будет спрашивать!»—с тоской подумал прапор.—«О, чорт, хоть бы до вечера забыться. Вот спирту-то нет!..».

Романченко остановился на повороте рва.

— Ваше благородие!—тихо начал солдат.

— Ну?—с ненавистью крикнул Янушевич.

— Не по силам это, ваше благородие! Все лягем и пленных не возьмем.

— А разве я этого не знаю!—округляя серые добродушные и теперь почти плачущие глаза, закричал прапор.—Разве я не понимаю этого?

И, повторяя слова Рака, но уже с явной издевкой, он докончил:

— Дисциплина. Служим царю и отечеству!

Но солдат принял его слова попросту:

— Разве я против этого! Но ведь зря-то чего ж погибать?

Будь Янушевич на месте Рака, т.-е посылай он другого, оставаясь сам в окопах, он бы нашел для унтер-офицера слова ободрения, но сейчас говорить было не для чего: оба в одинаковом положении.

Вздохнув от тоски, Янушевич сказал:

— Пойдем в окоп, наметим, как поползем.

И унтер-офицер беспрекословно свернул в ход сообщения, ведущий в передовую линию окопов.

V.

В окопах в этот час были только часовые, наблюдавшие из бойниц за противником. Вернее, они стали наблюдать за ним лишь с того момента, как увидели офицера, а до этого мирно балакали, повернувшись к бойницам спиной.

Прапор с унтером прошли в дальний угол окопа, туда, где над разрушенным снарядом пулеметным гнездом не было козырька.

То же поле с бугорками трупов, но только ближе. Ближе и немецкая проволока.

Надо было наметить ту точку в этой проволоке, куда ночью поползут, а затем побегут восемьдесят гренадер шестой роты 11 Фанагорийского полка, предводительствуемые прапорщиком Янушевичем.

— Ну, как думаешь?—безразлично и уныло спросил прапор.

— Вон там, где пень чернеет, пулемет у них,—также уныло ответил Романченко.—Так что левее сподручнее взять, ваше благородие. И в роде низинки там.

— Ну, возьмем левее,—тоскливо согласился прапор и ужаснулся при мысли, что через несколько часов он под немецкими пулями будет лежать в этой самой «низинке».

Со стороны противника сухо и четко в морозном воздухе щелкнул выстрел и пуля стремительно свистнула над головами. Немец-часовой заметил высунувшиеся головы и открыл огонь.

«Ух!»—дернулось близко: это наш часовой ответил по опаловому дымку противника.

И белое, солнцем горевшее, снежное поле словно ожило, будто разбуженное этими двумя выстрелами.

Справа и слева захлопали винтовки и вдруг, обрывая всю эту бестолковую ружейную болтовню, с немецкой стороны деловито закудахтал пулемет, открыв огонь по бойницам роты. Часовые спрятались, присев на земляную ступеньку.

У унтер-офицера загорелись глаза.

— Ваше благородие, прикажите их из пулемета!—шопотом сказал он.—Они нас из артиллерии покроют, глядишь, и разгорится на сутки. А при огне какая вылазка!

— А что ж!—согласился прапор.

Но «номер» не прошел, не вывезла кривая. По окопу в своей меховой бекеше уже шагал Рак, свирепо матерясь.

— Курок!—кричал он часовым.—Смирно, черти! Не тревожить противника.

И, увидев Янушевича, с усмешкой спросил:

— Ну, как, оглядели?

— А чего тут оглядываться!—огрызнулся прапор, не стесняясь присутствием нижнего чина.—Вон оно, поле-то! До середины не долезем. Да и раненых не вынесем.

— Ну, бог милостив!—не замечая тона, каким были сказаны слова, ответил Рак и вдруг закричал на солдата, который повернулся спиной к бойнице:

— Ты, интеллигентное..., куда смотришь! Два наряда!

Солдат вытянулся и сунулся носом в амбразуру.

А поле гремело. Был сильный огонь и на участке соседней роты (позиция изгибалась по лощине). Шальные пули выли и стонали над головами.

Офицеры свернули в ход сообщения к землянкам.

Унтер-офицер шел за ними. Янушевич молчал. Рак насвистывал. Вдруг сзади крикнули незнакомым, по-бабьи тонким, голосом. Офицеры обернулись. Романченко, прислонившись спиной к отвесной стенке рва, медленно, осыпая комки мерзлю шуршащей земли, сползал на колени.

Ладонью он зажимал шею и ухо.

Сквозь пальцы сочилась темная густая кровь и каплями падала на рукав и желтый гренадерский погон с шифром великого князя Дмитрия Павловича.

В глазах унтера была дикая животная радость.

— Ваше благородие, ранен!—крикнул он.

А глаза вопили: «Значит, на проволоку не лезть!».

И, растеривая капли драгоценной красной жидкости, он бросился было к землянкам.

— Стой!—грозно крикнул Рак.

— Ваше благородие!—отчаянно взмолился унтер,—да разве ж я могу теперь!..

— Стой, стерва!—еще грознее завопил хохол, смеясь одними усами.

— Твое счастье!—уже ласково сказал он, отрывая от ремня походного снаряжения пакет с сулемовым бинтом.—Погоди, перевяжу.

И, многозначительно шевельнув усами в сторону Янушевича:

— Вот видите... Кому везет, так везет. А вы говорите!

И стал заматывать розовым бинтом окровавленную шею солдата, пачкая руки в крови. Откуда-то вынырнувший солдатишка подхватил унтера под локоть и поволок его, томно охавшего, к землянкам.

И не было ничего в мире равного по остроте зависти прапорщика Янушевича, когда он представил себе, как через полчаса санитарная двуколка, потряхивая по плохой дороге, потащит унтера от полкового околодка к дивизионному лазарету, а оттуда—в глубокий тыл.

И от страха и зависти ему захотелось заплакать.

VI.

Вежливо, кончиками пальцев, ад'ютант передвинул на шахматной доске фигуру и сказал:

— Ваше превосходительство, ваш король проигрывает. Кажется, шах и мат.

Комкору нравились вежливые пальцы ад'ютанта и его ласковый голос.

Корнилова не интересовал исход партии, он играл плохо: фантазии не было, была только настойчивость в смелых атаках малых числом фигур.

Ад'ютант играл осмотрительнее и, если и проигрывал, то только из соображений куртизанства.

— Ну, спасибо!—сказал комкор.—Можете итти. У нас есть на завтра что-нибудь?

Ад'ютант напомнил, что завтра, в восемь часов утра, генерал хотел инспектировать парк 46 артиллерийской бригады, что он должен написать письмо своей супруге, которая обеспокоена его здоровьем, и (ад'ютант вежливо улыбнулся) надо принять лекарство, прописанное доктором.

— В молоке, ваше превосходительство!

Корнилов поблагодарил улыбкой и протянул руку. Ад'ютант звякнул шпорами и попятился к двери.

Уже с порога он сказал:

— В Фанагорийском полку короткий удар полуротой.

— Ах, да,—вспомнил Корнилов.

И, взглянув на часы-браслет:

— Еще через два с половиной часа. Мне должат по телефону.

Ад'ютант ушел. В дверь заглянул денщик; увидев, что генерал зевает и потягивается, спросил:

— Приготовить постель, ваше превосходительство?

Корнилов молча кивнул головой.

Солдат боком, на цыпочках, искоса, как на собаку, которая может укусить, поглядывая на генерала, прошел к складной генеральской кровати, расставленной в углу небольшой комнаты крестьянского дома.

Генерал был сух, черств и неразговорчив.

С трудом наклоняясь, Корнилов сам стащил на колодке простые дешевые сапоги. Денщик стоял рядом, не смея помочь: генерал не любил этого.

— Иди!—сказал Корнилов.

— Ад'ютант велели молока вам дать,—строго сказал солдат.

— Не надо, ступай.

Солдат вышел, осторожно затворив дверь.

Генерал, ступая носками по полу, перенес лампу к столику у постели и лег под теплое шерстяное одеяло. Минут пять он лежал, закрыв глаза, отдыхая, ни о чем не думая. На худом темном лице выразительно проступали монгольские черты: выдающиеся скулы, узкий прямой, исчерченный морщинами, лоб.

Что-то неуловимое, но весьма настойчивое делало Корнилова сейчас похожим на монгольского ламу.

По этой голове, так бессильно вдавившейся в испачканную тенями белизну подушки, никак нельзя было угадать, что она, голова эта, принадлежала генералу, решившемуся на авантюристическое бегство из немецкого плена, бегство, стоившее жизни другим его спутникам, генералу, командовавшему теперь одним из образцовых корпусов русской армии.

Он открыл глаза, и невероятное стало фактом.

В его взгляде была настойчивая устремленность и стальной холод большой силы, знающей себе цену.

Корнилов поднялся на локте, взял со столика книгу и начал ее перелистывать. Это был том «Войны и мира».

Корнилова не интересовали ни Пьер, ни князь Андрей, ни истории их любвей, описанные там. Генерал искал то сражение, где пятитысячный русский отряд задержал на сутки превосходную армию короля Мюрата.

Он жадно вчитывался в строки, посвященные Багратиону. Генералу казалось, Багратион—это он, Корнилов.

Потом он отложил книгу, закрыл глаза и, сделавшись вновь похожим на монгольского ламу, стал думать.

В его уме проплывали фигуры знакомых генералов, и Корнилов сравнивал их с теми, что выведены в романе Толстым.

«Те же люди»—думал он,—«и все то же. Шкурничество, карьеризм, желание урвать кусок, заработать деньги или чины на стихийном несчастьи—войне. Ничего не изменилось. Храбрых, честных и талантливых затирают».

Вот, например, ему ни за что скоро не получить армии, да и получить ли? И он, Корнилов, не может руководить большими операциями. А паредворец Гурко командует лучшей русской армией и, вероятно, скоро получит фронт.

Корнилов вспомнил, что месяц тому назад, когда он был в Петрограде, Гучков, с которым он познакомился, возвратясь из плена, что-то туманно намекал ему на возможность крупных перемен и говорил, что считает его демократическим генералом, способным к огромнейшей и ответственнейшей работе.

Генерал вздохнул. Он не верил в возможность революции и не представлял ее себе. Революция вызывала в нем воспоминание о лохматом студенте-еврее, которого он будучи еще артиллерийским полковником, видел во Владивостоке в девятьсот пятом году на митинге.

Студент был ему мало приятен, но вспомнилось крикнутое сегодня в телефонную трубку командармом Гурко:

— Чтобы контрольный пленный завтра был!—и студент показался уже не таким противным.

Корнилов вновь вспомнил о коротком ударе на участке Фанагорийского полка и взглянул на часы, снятые с руки и лежавшие теперь на столике, рядом с кроватью: был двенадцатый час в начале.

— Через полтора часа,—спокойно отметил генерал.

Он ни на секунду не задумался над тем, что переживают теперь люди, которые через полтора часа по его приказанию должны будут броситься на немецкую проволоку и под беспощадным захлебывающимся огнем пулеметов рвать ее привинченными к штыкам автоматическими ножницами.

Он, казалось ему, имел право не думать об этом: сам никогда не щадил себя ни в работе, ни в бою. Но у него была надежда, которой не могло быть у этих людей: стать Багратионом, только более удачливым, более крупным. Пожалуй, Кутузовым, только без его слабости и слезоточивости.

Да и люди ли должны броситься на проволоку?

Люди—это то, что мыслит, говорит, сопротивляется. Люди—это то, с чем очень трудно иметь дело.

Он же имеет дело не с людьми, а с частями, в данном случае с полуротой.

Генерал стал дремать. Хотя дрема была сладка и приятно расслабляла тело, но он сейчас же сбросил ее, как только полевой телефон, соединявший его со штабом,—желтая лакированная коробка, стоявшая прямо на полу у изголовья его кровати,—загудел тревожным вызовом:

— Гу, гу, гу!..

Корнилов любил эти ночные вызовы: они всегда говорили о чем-нибудь, побуждавшем его к деятельности, к проявлению своей находчивости, смелости, неутомимости, т.-е. о том, что приближало его к положению большого военачальника.

Но на этот раз известия были невероятны:

— Гренадеры 6 роты 11 Фанагорийского полка отказались от выполнения боевого приказа. Они не пожелали броситься на немецкую проволоку, ссылаясь на то, что короткий удар не может быть удачно выполнен.

VII.

Теперь приведем дознание военного следователя при штабе 25 армейского корпуса поручика Стеблицкого, произведенное по делу об отказе нижних чинов 1 и 2 взводов 6 роты 11 гренадерского Фанагорийского полка от выполнения боевого приказа.

В дознании говорится:

Командир 6 роты вышеуказанного полка подпоручик Рак, Василий Яковлевич, 37 лет, православный, женат, не судился, показал следующее:

6 декабря 1916 года, в два часа дня, я получил приказание от командира полка полковника Яковлева поручить своему младшему офицеру, прапорщику Янушевичу, с 1 и 2 взводами вверенной мне роты, перерезав проволочные заграждения противника, ворваться в его окопы на участке, лежащем против позиции 6 роты, и, захватив пленных, вернуться в исходное положение.

Прапорщик Янушевич беспрекословно, как подобает доблестному русскому офицеру, взялся за выполнение этого приказа. Предупредив вверенные ему взводы, что ночью будет произведена разведка, он вместе со старшим унтер-офицером Романченко отправился в окопы для того, чтобы наметить точку удара, и я, обходя окопы, застал его за этим занятием.

На обратном пути к землянкам унтер-офицер Романченко был ранен в ходе сообщения шальной пулей в шею и отправлен мною в околодок.

В шесть часов во взводы первой полуроты были выданы белые халаты для маскировки, которые гренадеры называют саванами, и пополнено количество ручных гранат и патронов. В восьмом часу вечера полуроте был роздан ужин и было велено лечь на отдых, при чем под'ем был указан в половине двенадцатого ночи.

В одиннадцатом часу в землянку явился назначенный взводным унтер-офицером, вместо выбывшего Романченко, младший унтер-офицер Климов, и заявил мне, что полурота отказывается от выполнения боевого приказа.

Я вместе с прапорщиком Янушевичем немедленно прибыл в землянку 1 взвода и потребовал у гренадер, чтобы они выдали зачинщиков бунта. Все молчали, кроме гренадера Рябова, который заявил, что никаких зачинщиков нет, и что гренадеры не хотят выполнять приказ, так как он, якобы, невыполним.

Я приказал прапорщику Янушевичу арестовать гренадера Рябова и отправить его с унтер-офицером Климовым в землянку телефонистов, что и было названным лицом исполнено.

Сопротивления со стороны гренадер мне оказано не было. Все молчали. Только ефрейтор Скебловицкий поляк по национальности, сказал, что Рябов никакого бунта не делал, а что, мол, действительно нельзя итти без всякой пользы на верную смерть.

При этом многие зашумели, явно поддерживая Скебловицкого, и я хорошо слышал голос гренадера Бойко. Тогда, рискуя жизнью, но не будучи в силах перенести, что вверенная мне рота отказывается от исполнения боевого приказа и тем покрывает позором доблестный суворовский полк, я вынул наган и крикнул, что застрелю каждого, кто произнесет хотя бы одно слово.

Державшийся мужественно прапорщик Янушевич также вынул револьвер и готов был в случае надобности меня защищать или умереть.

Бойко и Скебловицкий были мною также арестованы.

К написанному прибавить ничего не могу.

Подпоручик *Рак.*

Опрошенный того же числа младший офицер 6 роты прапорщик Янушевич Николай Иванович, холост, православный, под судом не был, двадцати трех лет, показал:

— К сказанному подпоручиком Раком могу прибавить следующее: когда в третьем часу дня я пришел в землянку 1 взвода сказать о том, что нужно приготовиться к ночной разведке, гренадер Рябов стал спрашивать меня, не поручено ли полуроте прорвать немецкую проволоку, что, по его мнению, сделать совершенно невозможно.

Когда я приказал ему замолчать и слушать то, что ему говорят, то он сказал, что говорит так потому, что слышал, что полуроте дан именно такой приказ.

Я вторично приказал ему замолчать, что он и исполнил, хотя не сразу, и у меня явилась мысль, что Рябов дурно действует на солдат. Но, в приготовлениях к вылазке, я забыл об этом доложить ротному командиру.

Больше по этому делу показать ничего не могу.

Спрошенные того же числа гренадеры Рябов Иван (22 лет, православный, холост), ефрейтор Скебловицкий (20 лет, холост, римско-католического вероисповедания) и гренадер Бойко Степан (38 лет, женат, до призыва из запаса отбывал наказание за нанесение тяжелых увечий в драке) показали:

— Никаких зачинщиков не было. Гренадеры отказались от выполнения приказа, потому что знали, что его нельзя выполнить, так как предыдущие разведки показали, что противник, хорошо снабженный прожекторами и не-

прерывно освещающий ракетами пространство между проволочными заграждениями, не подпустит полуроту незамеченной. Кто первый сказал, чтобы не итти в дело, допрашиваемые не помнят, но только не они. По выражению Бойко, «вся земянка гудела»; в отдельности же никто не высказывался.

На вопрос, кричали ли они, чтобы младший унтер-офицер Климов шел к ротному командиру с докладом о том, что полурота не хочет итти в дело, все трое ответили: «да!».

Младший унтер-офицер Климов, спрошенный того же числа, на вопрос, какие он меры принял против вышедших из повиновения гренадер, когда они требовали, чтобы он отправился с докладом об их преступном решении к ротному командиру, ответил:

«И там была смерть, и здесь смерть. Устал я, ваше благородие. Хоть голову рубите!».

VIII.

На дознании комкором была положена резолюция:

«Предать всех поименованных в дознании офицеров и нижних чинов военно-полевому суду, который собрать распоряжением начальника 3 гренадерской дивизии».

Суд состоялся 10 декабря. В этот же день был вынесен и приговор.

Подпоручик Рак отстранялся от командования ротой; прапорщик Янушевич, переведенный в другую роту, приговаривался к одному году крепости с отбыванием наказания после окончания войны, а младший унтер-офицер Климов, ефрейтор Скебловицкий и гренадеры Рябов и Бойко были приговорены к лишению воинского звания и к смертной казни через расстреляние.

Приговор был приведен в исполнение за штабом полка, у кустарников, замаскировавших тяжелую батарею.

Был ясный морозный день.

Приведение приговора в исполнение было поручено сборной команде, по два гренадера от каждой роты. Это приказал Корнилов в назидание, чтобы все почувствовали.

Над кустиками кружился немецкий аэроплан. Высокий, он почти растворялся в бледной голубизне зимнего неба и изредка лишь поблескивал металлическим брюхом.

Солдаты команды, присланной на экзекуцию, и несколько офицеров, присутствовавших по обязанности, боязливо поглядывали на не во-время прилетевшую стальную птицу и слушали настойчивое гуденье ее мотора.

Не боялись аэроплана только приговоренные. Для них он был не врагом, а другом... Эх, если бы он закидал бомбами этих выравнивавшихся перед ними людей с винтовками!..

Но аэроплан не интересовался маленькой кучкой людей у кустарников. Он высматривал батарею.

В тот же день, той же шестой роте Фанагорийского полка, имевшей уже другого командира и другого младшего офицера, было приказано выполнить то, отчего она отказалась два дня тому назад.

Гибель четверых остальных не спасла. Корнилов был упрям. Не пошла полурота, пойдет рота.

IX.

В эту ночь в полку не спал ни один солдат.

Все, замирая, ждали назначенного часа. В одиннадцать часов ночи в землянку, где два дня назад жили Рак и Янушевич и которую теперь заняли новые офицеры грузно, хрипя одышкой, сполз батальонер,—подпол-

ковник Звягин и с места в карьер, для поднятия собственного духа, стал распекать нового ротного за неопрятность в окопах (неогороженное отхожее место, куда он вляпался в темноте).

— Безобразие!—кипятился он.—Не воинская часть, а б....к. Примите меры, штабс-капитан Ярыгин!

Ярыгин, георгиевский кавалер,—аристократия полка, не очень тянулся перед Звягиным.

— Нам там с...ть не придется, Георгий Иванович!—зевая заявил он.—Пусть другой командир старается.

Мягкий и чувствительный Звягин сейчас же струсил.

— Ну-ну-ну,—начал он, похлопывая Ярыгина по плечу.—Разве можно говорить так перед боем. Бог милостив. Где младший офицер?

— В землянках роты.

— Ну, как он? На вас-то я надеюсь, как на себя (Ярыгин улыбнулся). Ну, как он, не струхнет?

— А не все равно!—досадливо, как при зубной боли, ответил Ярыгин.—Да и не нужен он мне совсем. Тут офицерская инициатива ни к чему. Проспят немцы—мы пан, не проспят—мы пропали. Я бы и не брал субалтерна.

— Ну, так нельзя!

— Я понимаю. Да и вы лучше уходите... Немцы ведь заградительный огонь по нашим окопам откроют. С землей сравняют.

— Вы думаете?

— А вы не знаете?

— Да, глупое дело! И на кой чорт! Хотите коньяку, Ярыгин?

— Не пью перед боем, полковник: перебежки невозможно делать, жажда томит... Слабеешь. А командир полка не придет сюда?

— Нет, меня послал. Сам на наблюдательном.

— И вы бы шли.

— Послал, говорю.

По лестнице затопало несколько пар ног. Хлопнула дверь. Вбежавшие офицеры, увидев батальонера, взяли под козырек.

Один из них, молодой и лихой, в папахе, заломленной на затылок, и коротком кавалерийском полушубке, сочно отрапортовал:

— 11 рота, г. полковник, прибыла в ваше распоряжение.

— Займите окопы 6 роты.

— Слушаюсь, г. полковник.

На случай контрвылазки немцев резервной роте было приказано занять окопы, которые опустеют, когда 6 рота пойдет в удар.

Другой из вошедших был младший офицер Ярыгина, подпоручик Жмот.

— Как гренадеры?—спросил его Звягин.

— Вот,—пьяно улыбаясь, показал Жмот об'емистую пачку солдатских писем.—Прощаются с женами и детьми, г. полковник. Все пишут. И тихие до чего, прямо слеза навертывается! Ягнята в роде перед бойней. А я, г. полковник, верю в удачу!—вдруг пьяно заволновался он.—И не страшно ни чуточки.

Звягин похвалил. Пьяный оптимизм Жмота был все-таки лучше унылой зевоты Ярыгина.

Наверху топотали тяжелые солдатские ноги и звякало снаряжение. Это 11 рота занимала окопы шестой. Командир прибывшей роты имел словесное приказание: если 6 рота, покинув окопы, заляжет и не пойдет вперед, открыть огонь по своим.

X.

Тридцатисильный «Бенц» тряско шел по испорченной обозами дороге.

Хотя можно было удобно почти лежать на подушках, Корнилов сидел совершенно прямо, нелепо, так, что иногда на ухабах его папаха ударялась о брезент фордека.

«Сидит, как в двуколке, старый чорт!»—досадливо подумал ад'ютант, расположившийся из вежливости столь же неудобно.

И ласково сказал:

— Ужасная дорога, ваше превосходительство!

— Напомните завтра,—проскрипел Корнилов,—надо будет отметить в приказе корпусному инженеру.

«Бенц» замедлил ход.

— Что такое?—спросил Корнилов.

— Пост, ваше превосходительство,—ответил шофер, сын богатого московского купца, отбывающий воинскую повинность в автороте.

— Стой!—звонко на морозе крикнул впереди солдат.—Кто такие?

В голубом свете электрического фонаря виднелись две солдатские фигуры. В их руках блестели металлическими частями винтовки с примкнутыми штыками.

— Командир корпуса,—ответил Корнилов.

— Пропуск, ваше превосходительство?—настойчиво попросил солдат.

Он вплотную подошел к машине. Другой оставался на месте, загораживая дорогу.

— Разве не знаешь меня в лицо?—досадливо проскрипел Корнилов.

— Темень, ваше превосходительство!—смело ответил солдат.—В темноте время всякий обман может быть.

— Гм!—довольно пробурчал Корнилов.—А если я не скажу пропуск, что ты сделаешь?

— Знамо что,—ответил солдат,—препровожу в штаб полка.

— Молодец, знаешь службу! Ну, антабка,—сказал генерал секретное слово.

— Так точно!—обрадовался солдат и крикнул товарищу: —Махмудка, дай автомобилю дорогу.

Но генерал с ад'ютантом вышли из машины: на холме перед ними был наблюдательный пункт, за холмом—противник.

Корнилов огляделся. Ночь была безлунная, но звездная, и волнистыми скатами белел и поблескивал снег. Справа и чуть назад желтели какие-то светы.

— Что там?—спросил генерал.

— Огонь в землянке артиллеристов,—не задумываясь, ответил ад'ютант.—Два орудия там, ваше превосходительство.

— Не собьемся с дороги?

— Никак нет!

И они стали подниматься на холм, оставив за собой машину с шофером, зевавшим на своем сиденьи.

— А и мягко же у них, язви их в душу!—с восторгом сказал солдат, старший поста, только что разговаривавший с генералом.

Он встал на подножку и щупал кулаком сиденье.

— Прямо для бабьего зада!

— Слезь,—строго приказал шофер.

— А чо? Неужто солдату и рукой нельзя потрогать, на что господа... садятся! Ты сам-то чей, земляк?

— Я московский, деревня!

— А мы с Омского. Ну, да все равно. Дай уж закурить-то, што ли!

Шофер молчал.

— Ишь, гордый!—сказал солдат, обходя радиатор.—А и накручено же здесь всяких фитилей-миглей.

«Ух!» тяжело вздохнуло за горой, и в воздух ввинтился нарастающий звук летящего снаряда.

Блеснуло огнем и тарарахнуло в десяти саженях от машины.

— По нам!—дрогнул шофер.

— А то по кому!—ответил сибиряк.—Рассветился на весь свет. Над горой-то заревом оно выходит.

И крикнул земляку, юркнув в темноту:

— Бежим, Махмудка, лягим в яму. Снаряд в снаряд никогда не угодит!

Но шофер погасил фары, и немцы больше не стреляли. Через минуту ему стало скучно и жутко одному.

— Эй, ребята!—крикнул он,—ходи сюда, покурим!

— Стало быть, так,—ответил ему из темноты веселый солдатский голос,—сопрел один-то, парень.

А Корнилов с ад'ютантом в это время подходили к замаскированному блиндажику наблюдательного пункта на гребне холма.

От куста, где фыркала лошадь, отделилась темная высокая фигура и грубо крикнула:

— По тропе иди, дьявол! Не порти снег.

Не обращая внимания на окрик, генерал шел прямо по снегу к черневшей бревенчатым тылом землянке. Фигура сунулась вперед, всмотрелась и, вытянувшись, замерла, держа в правой руке повод мотавшей головой лошади.

В тесную каморку наблюдательного пункта зашел один Корнилов и сейчас же вышел с двумя офицерами: командиром полка и его ад'ютантом.

Генерал и полковник взошли на самый гребень.

Ад'ютант комкора мотнулся было за ними, но ад'ютант командира полка ласково удержал его за руку.

— Не стоит ходить, поручик. Артиллеристы просят не обнаруживать пункты. У немцев сильные прожекторы.

А перед глазами поднимавшегося на возвышенность Корнилова вправо и влево развертывалось то, что было частью фронта его корпуса.

В глубокой лощине, на дне которой протекала безымянная речонка, теперь замерзшая, иссиня черная клубилась снежная мгла ночи, и едва вырисовывались, белея мутно, противоположные, немецкие, склоны увалистых холмов.

Из черной глубины оврага, почти в полуверсте от наблюдательного пункта, медленно и беззвучно поднимались электрически-голубые шарики немецких ракет, высоко взлетали, останавливались в воздухе и здесь, разгораясь до нестерпимого блеска, медленно гасли, осветив на несколько секунд черные полосы своих, немецких, и наших окопов.

Эти шарики-ракеты появлялись и вправо, и влево, вычерчивая длинную изогнутую линию фронта.

Ни единый выстрел не нарушал тишины ночи.

— Где участок 6 роты?—спросил Корнилов командира полка.

— В ста саженях от нас, ваше превосходительство,—круглым и спокойным баритоном ответил командир, сгибая в полупоклоне стройную фигуру в романовском полушубке.—Видите, чуть чернеет дерево. Сейчас же за ним.

— Готовы?

— Так точно. Резервная рота уже заняла окоп (он посмотрел на светящийся циферблат часов), через пятнадцать минут начнут.

Корнилов молчал, посапывая носом. Сзади вполголоса переговаривались ад'ютанты.

XI.

— Пора!—со вздохом сказал Ярыгин вставая.—Перед смертью не надышешься. Ну, полковник, будьте здоровы. Не поминайте лихом.

— Дай, я тебя перекрещу!—по-старчески всхлипнул Звягин, снимая папаху и целуя ротного.—Ну, иди. Бог милостив!

В землянке уже никого не было, кроме них и денщика Ярыгина, хохла Скопиченко.

— Прощай, Василий, не сердись, ежели чего!

Солдат, румяный и круглощекий, глазами пристальными от страха и жалости, безмолвно глянул на офицера.

— Иди в тыл,—приказал Ярыгин,—если убьют, отправь письма.

И, махнув рукой, метнулся к лестнице из землянки.

В окопах, рассчитанных на одну роту, стало тесно. Люди 6 роты, уже в белых «саванах» поверх шинелей, топтались в ходах сообщения, выстраиваясь повзводно.

Одиннадцатая заняла окопы.

Ярыгин обошел взводы, расталкивая чужих солдат, не знавших его и не дававших дорогу его белому, скрывшему офицерское снаряжение, халату.

XII.

Нервного позевывания как не бывало. Необходимость действовать успокаивала.

Два года тому назад Ярыгин мечтал (у него был приятный тенор) о карьере певца. Кадровый офицер, он в то же время учился и в консерватории, думая скоро бросить военную службу.

Но началась война и она-то и обнаружила в (тогда) подпоручике Ярыгине умную храбрость, открывшую ему путь к незаурядным военным успехам.

Его знали не только свои, своя армия, но и немцы, оценившие, как упорно говорили в полку, его голову в пятьдесят тысяч марок; уж слишком он донимал их дерзкими наскоками, командуя полковыми разведчиками.

Про Ярыгина в полку говорили, что он умно храбр. Храбрость Ярыгина не была храбростью подпрапорщиков, «тянувшихся» на офицерский чин, или «геройством» (насмешливое слово в полку) подвыпившего прапорщика Жмота, готового, очертя голову, броситься на противника.

Зевал в блиндаже Ярыгин, потому что все, что мог он сделать для удачи вылазки, он уже сделал и в безделье тоску, тошнотой подступавшую к горлу, одолеть было нечем.

А сделал Ярыгин вот что.

Он обошел землянки взвода, постарался отобрать «калечь»*) и тех, кто был окончательно измучен.

Ярыгин никого не обманывал.

Он сказал:

— Ребята, дело наше хреновое, трудное дело, но не выполнить его нельзя... Но стариков, у которых дети и прочая мура, пожалеть стоит. И должны пожалеть их вы сами.

---

*) «Калечью» (ударение на первом слоге) во время войны называли старико и слабосильных.

— Мы то что, ваше высокоблагородие!—загудели землянки:—Что мы можем, если и вы сами тут ничего не поделаете.

— Стой!—крикнул Ярыгин:—Сейчас узнаете, только, смотри, меня не выдавать!

— Не выдадим. Штык тому, кто слово скажет!

— Так, слушайте. Первое,—дневальные, рабочие на кухне, обозные и другие. Сколько их всего, фельдфебель?

— Двенадцать человек, ваше высокоблагородие!

— Этих людей сами выбирайте, бородачей туда семейных! Теперь другое. Как нам успешно вылазку сделать? Ну-ка, ты?—ткнул Ярыгин пальцем первого попавшегося солдата.—Подумай-ка!

— Не могу знать,—вздохнув ответил солдат.—Разви шапку-невидимку достать!

И в первый раз за сутки в землянке засмеялись.

— Не смейтесь, ребята!—остановил Ярыгин солдат.—Он правду говорит. Чтобы не видно и не слышно подойти к немецкой проволоке—только в том и спасение наше. А чтобы идти так, должен солдат идти со мной своей охотой... Ну, вот, нужно мне таких восемьдесят человек, а вас в роте сто восемьдесят. Сто пусть за проволоку выйдут и в снег залягут, а я с восемью десятками ударю. Только, чтоб начальству ни слова!

Ярыгин вдруг звонко крикнул.

— Ну, кто со мной!?

— Я!—выскочил из гула почти детский голос новобранца Семина.

— Я!—твердо отрубил всегда хмурый бондарь Лохмачев.—Дело мертвое, ваше высокоблагородие, да за семейных хочу пострадать.

После этого Ярыгин вернулся в землянку спокойный.

— Господин капитан!—остановил Ярыгина командир 11-й роты.—Два слова...

И он сообщил ему о секретном приказе открыть огонь по своим.

— Ну и правильно!—холодно ответил Ярыгин.—Только вот что: я оставлю взвод в резерве, за проволокой. Смотрите, не обстреляйте!

— Я вообще не исполню этот приказ!—обидчиво ответил офицер.

— Ваше дело.

И нырнул в темноту к проходу в проволоке, по которому уже ползли, тяжело дыша от волнения, гренадеры шестой роты.

XIII.

Из блиндажика наблюдательного пункта выскочил фейерверкер и, легко взбежав по снегу на вершину холма, отрапортовал:

— Командир второго батальона докладывают, что 6 рота выходит за проволоку.

— Минута в минуту!—хвастливо сказал командир полка, взглянув на часы.

Ад'ютанты, не утерпев, тоже взошли на холм.

Немецкие ракеты вспыхивали с той же спокойной правильностью. Вот одна из них поднялась против участка 6 роты, осветив темное днище ложбины.

— Заметят или нет?—подумал каждый из офицеров. Но немцы не заметили. Дно оврага снова погрузилось в черную глухую тьму.

Вспыхнул прожектор и повел свой белый конус справа налево.

— Ох!—вырвалось у ад'ютанта комкора.

— Никогда не заметят!—успокоительно пробасил командир полка.—Они теперь легли и лежат, как кочки. Вот увидите.

Прожектор, действительно, проскользив совсем влево, угас.

Корнилов молчал. Шли минуты.

Но вот, с едва слышной хлопушкой выстрела, в черное небо взвилась красная ракета, сигнализирующая тревогу. Вторая, третья. Беспорядочно, тревожно, истерически затрещали винтовочные выстрелы.

— Добрались до проволоки—с облегчением вздохнул командир полка, которого, несмотря на его бравый и уверенный тон, все это время не покидал страх, что шестая рота вновь откажется от боя.—Режут ее!..

А дно ложбины уже запылало в голубом свете прожекторов.

Они вспыхивали в разных точках немецкого фронта и, пошарив своей голубой метлой по дну оврага, упорно втыкали свой луч в то место, где в немецкой проволоке барахталось несколько десятков серых копошащихся фигурок.

Около них и впереди их, к немцам, вспыхивало красное пламя тротила, и через полсекунды оттуда слышались гулкие раскаты разрыва ручных гранат.

В бинокли так ясно и так близко были видны залитые голубым электрическим светом фигурки нападающих. Они махали руками, что-то делая, видимо, рвали и резали проволоку, которая, как цепкая паутина, обвивалась вокруг их тел.

— Что-то их мало!—проскрипел Корнилов,—тут нет роты. Остальные, значит, залегли.

Командир полка не успел ответить: немцы открыли артиллерийский огонь по окопам шестой роты и по всему дну оврага перед нею.

Летящая тяжесть упала, содрогнув воздух и землю. За ней вторая, третья.

Все дно лощины поползло белесыми фантомами дымов. Столбы пламени, как гигантские факелы, вставали то там, то тут и рушились в шелестящем дожде вздыбленной земли, в вое осколков.

Командир полка видел в бинокль, как по дну оврага бежали крошечные фигурки солдат, разбегаясь влево и вправо; возврат в свои окопы для них стал уже невозможен: косил заградительный огонь.

Корнилов смотрел не туда.

Он, наблюдая в бинокль, видел как группа нападавших все глубже и глубже врывалась в проволоку немцев.

— Какие молодцы!—голосом неожиданно страстным вдруг почти прокричал генерал.—Всех к крестам!..

— На могилках!—злобно подумал ад'ютант, испуганный с непривычки гулом боя и визгом шальных пуль. «Молодцы-то едва ли выберутся из проволоки».

В немецких окопах, справа и слева от точки прорыва, взяв нападающих под перекрестный огонь, не торопясь, спокойненько, закудахтали два пулемета.

— Пропали!—ахнул командир полка, в'едаясь в бинокль.—Очень скверно!

В голубом кругу стекол было видно, как забарахтались в проволоке запутавшиеся в ней серые фигурки людей. Но вскоре движения их стали замедляться. Словно устали люди. Все реже поднимались руки. Все ниже наклонялись тела, падая на проволоку и повисая на ней.

— В чем дело? Почему они не отходят?—закричал Корнилов, бросая бинокль, мотнувшийся на ремне.—Что такое?..

— Ничего не понимаю!—развел руками командир полка.

— Они мертвы, господин полковник!—зашептал, догадавшись, ад'ютант.—Не падают, потому, что запутались в проволоке. Она их держит.

И, подтверждая слова ад'ютанта, немецкий пулемет оборвал свое кудахтанье, умолк, поперхнувшись последним выстрелом. Разбрелись и прожекторы, ползая своими голубыми метлами по всей лощине. Они выискивали серые кочки разбежавшихся солдат и, выследив, задерживались на них.

И тогда по этой цели снова начинал отрывисто лаять пулемет.

Серые кочки вскакивали, на секунду становясь людьми, делали несколько прыжков в сторону своих окопов и снова падали, уже навсегда.

Теперь всего один несильный прожектор освещал место гибели капитана Ярытина. В бинокль уже плохо было видно, что делалось там, у этой проволочной могилы.

Слабел и артиллерийский огонь. Лишь тяжелая батарея откуда-то далеко, так, что почти не было слышно звука выстрела, с упрямой правильностью пауз, бросала снаряды по козырькам и блиндажам несчастной роты.

Вот и наш мортирный дивизион начал отвечать по разницам вспышек немецких гаубиц. Завязалась артиллерийская дуэль, словно подчеркнув, что уже нечего интересоваться тем, что делалось у немецкой проволоки.

— Поручик Долинский,—приказал Корнилов.—Передайте артиллеристам, чтобы они открыли огонь по освещенным окопам противника.

Командир полка дернулся было плечом, но ад'ютант уже гаркнул:

— Слушаюсь!—и исчез в темноте.

— Короткий удар был произведен блестяще!—повернулся Корнилов к командиру полка, протягивая ему руку.—Благодарю вас, полковник. Шестая рота смыла свой позор.

— Рад стараться, ваше превосходительство!—прочувственно-вкрадчиво ответил командир полка.—Сделать большее было не в человеческих силах!

— Да. Я так и доложу командарму.

Справа заскрипели торопливые шаги по снегу. Вернулся ад'ютант с артиллерийским офицером.

— Ваше превосходительство!—отрапортовал офицер, со звяком шпор останавливаясь в трех шагах от генерала и говоря громко и раздельно без торопливости.—Немцы подбирают наших раненых. Прикажете открыть огонь?

Корнилова охватило темное бешенство, хотя офицер был прав, доложив о том, что он видел в сильную трубу наблюдателя и чего уже не мог заметить генерал в полевой бинокль.

Но вопрос офицера в ушах Корнилова прозвучал как: «Одно преступление сделали, прикажете ли сделать второе?

— Я уже приказал,—из злого упрямства, вызванного неудачей удара, хотел крикнуть Корнилов,—а за нераспорядительность вы будете арестованы.

«Людишки, подлая слизь!»—злобно подумал генерал, все же поднимая бинокль.

Офицер, ожидая ответа, стоял, вытянувшись, держа руку под козырек.

— Ступайте!—справившись с сердцебиением, неопределенно приказал Корнилов, ничего не увидев в бинокль, кроме мутного белесового пятна, в поле которого что-то чернело.

Лощина засыпала.

Смолкли пушки. Угас прожектор, освещавший место прорыва. Лишь вспыхивали ракеты, электрически-белые шарики, высоко взлетавшие в черное небо. Изредка пощелкивали винтовки. Это немецкие часовые обстреливали серые бугорки уцелевших солдат шестой роты, возвращавшихся в окопы.

Опять, уже неторопливо, к начальникам подошел артиллерийский офицер и сообщил, что в ходе сообщения убит осколком гранаты подполковник Звягин.

Командир полка снял папаху и перекрестился:

— Царство ему небесное!

— Жив ли командир роты?—спросил Корнилов.

— Еще нет полных сведений о потерях роты, ваше превосходительство,—ответил офицер.—Из штаба полка сообщают, что шестая рота постепенно сползается в окопы по участку всего батальона.

XIV.

Корнилов спал ночью не хуже, чем всегда, но утром встал угрюмее обычного. Была неприятная необходимость доклада командарму Гурко.

В оперативном отделении, где стоял аппарат прямого провода со штабармом, квартировавшим в Луцке,—в этот ранний час еще никого не было.

Генштабисты вставали поздно.

«Не зря встал такую рань»,—подумал ад'ютант, уже изучивший характер патрона.—«Разговор будет неприятный, не хочет свидетелей».

И спросил:

— Мне остаться, или прикажете выйти, ваше превосходительство?

— Можете остаться,—ответил Корнилов, угадав мысль офицера, вызвавшую этот вопрос. Ад'ютанту комкор доверял.

Генерал надавил рычажок вызова. Желтый лакированный ящик заунывно запел:

— У-гу-гу... У-гу-гу...

И этот же звук был повторен за тридцать верст, в Луцке, в оперативном отделении штабарма. Корнилов, прижав трубку к уху, стал ждать ответа, повернувшись в полоборота к наваленным на стол снимкам немецких окопов, сделанным с нашего аэроплана.

— Что надо?—равнодушно булькнула трубка.

— Я—Корнилов. Попросите к телефону командующего армией.

— Сейчас доложу, ваше превосходительство!

Корнилов стал ждать, держа трубку правой рукой, а левой переворачивая фотографии. Кто-то тихонько, на узкую щель, приотворил дверь в оперативное отделение. Выглянуло усатое лицо старшего ад'ютанта штаба по оперативной части полковника Струйского. Офицер прибежал, не успев напиться чаю, предупрежденный денщиком, что комкор прошел в штаб.

Долинский, стоявший у двери, дружески сделал ему страшные глаза, и офицер, мотнув головой, тихонько прикрыл дверь.

— Соединяю с командармом!—звонко сказали в трубку.

— Слушаю!—ответил Корнилов и бросил фотографии на стол.

Вслед за этим трубка сказала:

— Да, генерал, я вас слушаю.

Корнилов, слегка подавшись вперед и улыбнувшись, начал докладывать.

— Во исполнение вашего приказания, ваше высокопревосходительство, для того, чтобы получить контрольных пленных, шестой ротой Фанагорийского полка был произведен короткий удар. Гренадеры с незабываемой доблестью врезались в проволочные заграждения противника и почти прорвались в его окопы.

— А-а-ах!—зевнула трубка и с надменной хрипотцой сказала, перебив Корнилова:

— «Почти» не в счет, генерал. Пленные взяты?

— Пленных нет, ваше высокопревосходительство!—строго ответил Корнилов.

— Ну, вот, видите!—фыркнула трубка.—А всегда у вас доблесть и всегда, незабываемая! Результаты же—ноль.

— Взять пленных оказалось свыше сил человеческих!

— Опять громкие слова! Зачем было тогда посылать роту? Зачем было предавать суду и расстреливать тех пятерых?

— Ваше высокопревосходительство!.. Отказ от выполнения боевого приказа! Надо же было заставить роту войти в подчинение.

— Эх, генерал!—кашляла трубка.—Все это так, конечно, но надо проще, проще... Вот гвардейский корпус, например, на буханок ситного приманил австрийца... Кстати, какие потери?

— Один штаб-офицер, один обер и девяносто три штыка.

— Вот видите! Капитан Ярыгин убит?

— Да, видимо, погиб.

— Надо представить его в подполковники. Все-таки пенсия больше семье.

— Он уже представлен, ваше высокопревосходительство.

— Плохо... Даже наградить нечем! Ну, я кончил генерал... Кстати, чуть не забыл. В Луцк приехал Пуришкевич, я даю завтра обед, обязательно будьте...

— Слушаюсь.

Корнилов положил трубку.

Ад'ютант, стоявший сзади, отставив ногу, вытянулся в струнку и, пропустив вперед не взглянувшего на него генерала, осторожно ступая щеголеватыми сапогами, пошел вслед за ним.

Был морозный солнечный день.

За халупой оперативного отделения, у штабного кипятильника, в ожидании, когда он забурлит, толкаясь с чайниками несколько денщиков. Они были в затрапезных куртках, без погон, распоясанные. Увидав командира корпуса, солдаты, забыв о кипятке, бросились за сарай.

— Опять без погон и поясов!—придирчиво заскрипел Корнилов.—Поручик Долинский, остановите их.

— Стой!—гаркнул офицер, вырываясь вперед.

Двое солдат успели удрать. Офицер задержал троих.

— Чьи вы?

Солдаты были бледны от страха.

— Прапорщика Стахеева. Полковника Струйского... ротмистра графа Келлера!—лепетали денщики, зная, что им теперь грозит отчисление в полки.

Офицер записал фамилии их «господ».

Солдаты таращили глаза и тянулись изо всех сил.

— Ходите, как арестанты, по штабу!—добродушно журил их офицер.—Вот и отправитесь на позицию.

Денщики молчали.

Но когда поручик ушел догонять комкора, весельчак Степка Кольцо, денщик генштабиста Струйского, бросил чайник на землю, плюнул и развел руками:

— Четыре года по штабам мотаюсь, а такого генерала в жизнь не встречал. Рази ж это барин?.. Ну чистый каша-фельдфебель!

— Вот и зафельдфебелит он тебя червей кормить!—проворчал другой, матерясь.—И когда только эта каторга кончится.

XV.

Недели через две, наштакор, толстопузый добродушный генерал Арликов, доложил Корнилову, что командир полка, сменившего фанагорийцев, запрашивает, как быть с трупами, повисшими на проволоке против окопов одной из рот.

Немцы трупов не убирали для острастки русским. Время зимнее, заразы от них быть не могло.

— Командир докладывает,—говорил Арликов,—что мертвецы плохо действуют на солдат, понижая боевой дух. Напоминают о неудаче, конечно. В случае наступления—прямой вред.

Разговор шел после обеда, в столовой офицерского собрания.

Корнилов, позвякивая ложечкой, мешал чай в стакане. Погладив сухой острый подбородок,—комкор скрипуче ответил.

— Ну что-ж, уничтожьте их огнем.

Наштакору показалось, что Корнилов говорит, думая о другом:

— Как-с?.. Чем?—переспросил генерал, подняв круглые брови, черные, как нарисованные.

— Огнем,—повторил Корнилов, строго взглянув на начальника штаба.—Прикажите тяжелому дивизиону сравнять с землей это место!

— А моральное впечатление на солдат?—вкрадчиво возразил генерал Арликов.—Учитываете ли вы, ваше превосходительство, почитание русским народом своих покойников?

— Раз трупы нельзя оставить висеть на проволоке, значит, их надо уничтожить,—спокойно скрипел Корнилов, отхлебывая чай из обжигавшего пальцы стакана.—Позволить немцам депрессировать психику моих частей, я не могу. Не испрашивать же у командарма разрешения начать переговоры о перемирии для уборки трупов?

И, скривив тонкие губы в усмешку, кончил намеком:

— Война не оперетка, генерал. Немцы правы,—победит тот, у кого нервы крепче.

Солдаты полка, сменившего фанагорийцев, прильнули к бойницам, нутряно охая при каждом удачном ударе снаряда. А бомбы падали одна за другой с размеренной правильностью тяжелого обстрела.

Там, где пять минут тому назад, в трехстах двадцати шагах от русских солдат висели на проволоке скорченные оснеженные трупы крестьян Сибири, Великороссии и Украины, доблестно, как писал Корнилов в приказе, ворвавшиеся в паутину немецкой проволоки,—теперь гудело, грохотало и бросало дымом, землей и кольями красное пламя тротила.

И вместе с ним в голубое бледное зимнее небо летели руки, ноги и головы.

Солдаты смотрели в бойницы, и глаза у них были круглыми с пустотой дикого ужаса в зрачках.

ГЕОРГИЙ ПАВЛОВ

Удачное возвращение комполка Мигайлы

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВЫЯСНЯЮТСЯ.

Казначей должен был догнать эшелон во Владимире. Все знали, что он остался в Москве получать деньги, и в Нижнем будет выдано жалованье.

Во Владимире стояли семь часов. Красноармейцы обследовали город нельзя тщательнее, запаслись хлебом, яблоками, вишней, кое-кто загнал на базаре свое и казенное белье. Красноармеец пятой роты Кирилл Ярышкин купил гармонь; трое заядлых картежников приобрели по колоде новых «святцев»; комвзвод второй роты, грузный и белый, с русой красивой бородой, прозванный «Игуменом», купил два полотенца с петухами и привел собаку с ушибленной ногой... Полковые сердцееды соблазнили десятка полтора богомазок и, как уверял после конный разведчик Ваньша Коленкоров, успевший прокрутить две любви, не нашли в них «ничего божественного».

— «Обыкновенный аппетит»,—заключил свой рассказ Коленкоров не то с досадой, не то с насмешкой—дескать, святоши, тоже!

В шесть пропустили пассажирский. Завхоз завидно-ловко бегал на коротких, слоновьих, ногах вдоль вагонов—искал казначея. Комполка стоял на перроне с начальником станции. На лице комполка играл тик, за который его прозвали «Мигайлой». Он весело разговаривал с начальником станции, возбуждая любопытство у красноармейцев, стоявших неподалеку.

Завхоз, пробежав вдоль вагонов не менее пяти раз, шумно дыша, доложил комполка:

— Нету, товарищ командир,—и смущенно добавил:—может быть, задержался отчего-либо...

Тик,—память о войне с немцами,—перекрыл лицо комполка обозлившимися молниями, он сказал резко, ехидно:

— На бабе, наверно!...

Завхоз покраснел, приподнял неловко руки.

— Ей-богу, надежный был парень!..

— Был да сплыл... Запрашивай Москву, пусть отвечает в Нижний, ждать больше нечего, надо выяснить окончательно...

Взяв под козырек, завхоз скрылся в станции.

В восемь, когда сочный закат одинаково бурно горел отсветами на церковных луковицах и на меди полкового оркестра, гремевшего «Интернационал», эшелон отправился в дальнейший путь.

Станция кипела цветными платьями, платками, криками, смехом. В дверях теплушек весело и без вина пьяно буйствовали красноармейцы в новых и потому мешковатых гимнастерках и шароварах. На краю перрона ревела молоденькая богомазка, одна из добровольных жертв любви, приходящей войной-дорогою. Она хотела ехать с внезапным милым на фронт, он взял ее к себе в теплушку, но черствый начальник эшелона высадил ее со всеми незатейливыми монатками. Земля была выбита из-под ног, как скамейка из-под приговоренного к повешению, бесконечное падение налило сердце жутью, о которой пишут только в страшных сказках,—и слезы нельзя было удержать. Рядом с девушкой стояла старушка, должно быть, мать и беспощадно корила дурную, по ее мнению, голову и кровь. Виновник размахивал фуражкой в дверях убегавшей теплушки. Товарищи без сожаления подтрунивали над ним. И нужно было туго-на-туго перевязать жестокими узлами все жилы, чтобы остановить взволнованный бег крови—и стойко-ледяно пережить, быть может, прекраснейшую и величайшую трагедию любви и долга. И это, наконец, поняли все, когда он крикнул в громыхающий разбег вагонов, крикнул ей, ставшей так неожиданно самой родной на свете:

— Я вернусь!.. Жди, Лена!..

Тогда перестали смеяться над ним.

Эшелон, изогнувшись пущенной по ветру лентой, исчез в лесу, город пропал. В теплушках помянули его шутками с беззлобной руганью и забыли.

На площадке штабного вагона третьего класса, несомненно совершившего демобилизационное путешествие с солдатами старой армии, стоял комполка. Из-за плеча, как в выемку облака, выглядывало лупоглазое и растерянное лицо завхоза. Комполка слышал музыку, крики, грохот колес, видел молоденькую плачущую богомазку, догадывался о причине слез, но думал о казначее. Для него было ясно, что казначей, получив деньги, сбежал, что, если это не так,—он за двое суток должен был уже нагнать их.

— «Казначей сбежал, а завтра, в Нижнем, надо выдавать красноармейцам жалованье. Это было об'явлено еще в Петрограде, подтверждено в Москве,—никуда не денешься, никак не отвертишься. Завтра, возьмут его, комполка, за глотку: давай деньги! И если не выдать, то очень может быть, что на фронт приедешь не с полком, а с остатками полка. Разбегутся по другим, встречным и поперечным, полкам и отрядам, так как перестанут доверять командирам, начиная с него, комполка, и кончая отделенным... И они правы, ибо сбежал, вот, казначей! Не красноармеец рядовой, а командное лицо. И он—единственный дезертир в полку!».

Комполка повернулся к завхозу. Несколько секунд они смотрели друг на друга молча. Лицо комполка бушевало все тем же тиком, он тяжело и со злобой бросил вопрос:

— Ну?..

Завхоз понял: о казначее. И, задергав веками, словно пытаясь скрыть за ними свою беспомощность, какую-то вину, ответил трусливыми словами:

— В Нижнем, думаю, поди нагонит...

Комполка ухмыльнулся.

— В Нижнем нагонят тебе жару красноармейцы... Жалованье чем будешь платить?

Закат тяжелел, тускнел, а над ним качалась, дергаясь, первая слезинка набегавшей ночи—звезда. Разорявшуюся стуками площадку продувал остывающий ветер.

Завхоз ничего не ответил. Комполка что-то буркнул под нос, озлобленно плюнул и ушел в вагон. Завхоз, приподняв стесанные плечи, пошел вслед.

В теплушках бились песни, надрывались гармонии. Во второй от штабного вагона пулеметчик Сидор Натошный достал новые «святцы» и, перебрав колоду, предложил:

— Кто очко подсмотреть желает? Садись, не жалей монет, завтра жалованье получать.

Сдавленный тьмой и досками голос с нижних нар сказал с раз'едающим сомнением:

— Казначея-то нет, дядя выдавать будет?

Густой дьяконовский голос уронил сверху горсточку насмешливых слов:

— Натошный выдаст!.. Ему что: святцы хотя и новые, а наизусть уже знает, ручаюсь... Налетай завтрашнее жалованье проигрывать!..

Замолк и через несколько секунд опять забасил, уже без иронии.

— А насчет казначея—посмотрим. А там и скажем. Нам что—сбежал аль нет—деньгу гони, потому—полагается.

Теплушки тряслись, подпрыгивали на стыках рельс, гулко поднимались к угасающему горизонту.

2. ГИМН НЕСГОРАЕМОМУ.

Монументом, непоколебимым, властным и ненужным красовался он несгораемый денежный шкаф, на первой платформе и в пути был гордостью красноармейцев.

— Особая машина, электричеством действует,—об'ясняли они любопытным захолустным зевакам и ребятишкам на станциях и полустанках.—Чехам от нее смерть.

История погрузки несгораемого нелепа. Это Петька Разнояров из хозкоманды, залитый веснушками, как небо морозной ночью звездами, вдруг предложил вытаскивавшим вместе с ним из казармы вещи красноармейцам:

— Давай денежный!.

Кто-то подал реплику:

— На кой его?.. Тяжесть одна...

Но Разнояров ответил на это с убийственным презрением:

— Денежный-то?.. Гм!..

Он сумел вложить в свое певучее «гм» такой сильнодействующий яд, что два десятка грубых красноармейских рук тотчас же легли на стенки несгораемого с особым уважением.

При водворении его на платформу красноармейцы измылились в поту, как лошади при паническом отступлении, и прошли высшую школу матерщины. Почти тоже было и в Нижнем при разгрузке.

Августовский день был некалендарно-жаркий. С одной стороны железнодорожного пути, как раз в том месте, где стояла платформа с несгораемым, насыпь круто спускалась в большую ложбину, с другой—была небольшая площадка, заканчивавшаяся в десяти шагах обвалом. Приставленные к платформе доски не доходили до него трех-четырех шагов.

— Уконтропупим мы здесь несгораемый,—сказал долговязый, с несуразно маленькой головой, старший повозочный Семен Скульский, сокращенный, за привычку постоянно ныть и жаловаться в «Скулу».

— Нас переживет, не бойся,—ответил ему Петька Разнояров, считавший почему-то своей обязанностью и в пути и сейчас ревниво следить за несгораемым.

С этим и приступили к выгрузке. Появились охочие до всяких зрелищ. Со всех сторон выгружавшим подкидывались нужные и ненужные советы,

зубоскальные замечания, полыхали возгласы, выкрики. Темно-зеленая толчея гуторила, словно пела несгораемому своеобразный гимн.

— Связались черти с младенцем! Не раздавите!

— Наддай, с мосту смотрят!

— Потей вволю, река близко!

— Катки салом смажьте!

Несгораемый был уже на досках. Возбуждение зрителей усилилось, гул голосов встал беспросветным плетнем.

— Веревки выше!

— Разноярова на несгораемый посадите, пусть правит, как автомобилем!

— ...сбоков поддерживай!

— ...мозоли не отдави!..

— ...полундра!..

— ...па-а-шел!..

А когда натянулись веревки, охватывавшие несгораемый и поддерживавшие его с платформы, и он медленно стал сползать по каткам вниз, кто-то крикнул:

— Зажаривай дубинушку!

Плетень голосов бесшумно сломался, в гулкие минуты вонзилась секунда мертвого затишья, а затем сотня здоровенных глоток исторгла неуместную песню. Все понимали, что она, эта песня, здесь ни к селу, ни к городу, но, улыбаясь, как бы подсмеиваясь над самими собой, пели ее—мощно и торжественно.

Несгораемый коснулся земли, песня оборвалась, все вздохнули, будто сбросили тяжесть.

— Ну и грузный же, дьявол!

— Совсем, как попова милка!

— Семь пудов—восемь верблюдов!

— Толстопузая!

— Шестерку завтра родит!

— По работе и плод!

Зверский хохот клокотал над платформой и площадкой. Последними усилиями десятка плеч несгораемый был поставлен на ноги, как-раз над обвалом. Разнояров сиял и прыгал.

— Молебен не мешает отслужить,—сказал насмешливо каптер Полосухин.

— Сдохнешь,—сорок закажем,—не остался в долгу Разнорядов.

— Несгораемый есть, а денежки все же сгорели,—мрачно заметил кто-то из стоявших вокруг.

— А это верно, братцы,—подхватил другой голос,—казначея-то, ау, нет!

— Подождем. К обеду должен приехать, если в Нижнем свадьбу гуляет. А нет—все равно: гони монету!

— Разнояров выдаст в случае чего, у него целый несгораемый денег.

— Он и сейчас бы выдал, да ключей не подберет.

— Зачем ему ключи, он слово знает: скажет—и несгораемый сам откроется...

— А чего ж он сейчас не говорит?

— Хотелки нету, затерялась...

— Зато у казначея, видно, грома-а-дная!..

...Выгружавшие пошли купаться. К ним присоединилась большая часть зрителей. Солнце уверенно забиралось в полуденную высь. На реке перекли-

кались гудками пароходы. В ложбине у железнодорожной насыпи вырос палаточный табор.

Несгораемый стоял над обвалом так же монументально-ненужно, как и на платформе.

3. ТИК УСИЛИВАЕТСЯ.

Было время обеда, когда телеграмма из Москвы безжалостно сообщила, что казначей еще четыре дня назад получил деньги.

Тик на лице комполка сбил пенсне. Он нервно поймал его на лету, злым движением другой руки сбросил со стола бумаги и заодно кружку с чаем, а потом, глядя в упор на завхоза, почти пропел на высоких нотах:

— Что будете, барон, теперь делать?.. Мальчика или девочку?..

Завхоз, нагруженный призрачным спокойствием, ответил явно придуманным заранее предложением.

— Поедем в Совдеп... Донесем по прямому в Москву. Пусть разрешит выдать из местного банка...

— Страсть шикарно придумано! Пусть разрешит! Может, прикажем? Родители у тебя умные. но о твоих способностях история умалчивает... По-моему, нам нужно просить разрешения расстреляться. Это, по крайней мере, заслуженно и честно.

Минут пять продолжался такой диалог: комполка нервничал, язвил, завхоз упрямо берег театральное спокойствие, невозмутимо доказывал, что «все бывает на свете»... Затем они молчали, словно разбранившиеся муж и жена. И опять говорили, но уже горячились оба.

Заглянувший вскоре в палатку делопроизводитель хозчасти доложил:

— Комроты за жалованьем пришли... Говорят, красноармейцы проходу не дают, требуют выдать... Что прикажите сказать?

Комполка круто выругался, приказал найти сейчас же политкома. Политком, толстяк, с несмываемой улыбкой на лице, пришел через две-три минуты. Он был первым политкомом в полку, назначенный на эту должность перед самым от'ездом из Петрограда, до этого был простым красноармейцем, секретарем ячейки. С должностью он, повидимому, еще не свыкся и не то не знал, что же ему, собственно, полагается делать, не то стеснялся с первых же дней проявить себя.

— Дело дрянцо,—сказал комполка.—Казначей наверняка сбежал. Красноармейцы требуют жалованья. Что будем делать?

Совещание было коротким. Было решено поступить так, как предлагал сразу же завхоз. Завхоз неудачно восторжествовал:

— Я же говорил, что это единственный выход!

Комполка обрезал его:

— Не выход, а несчастная соломинка, за которую ты, утопленник, хватаешься... Посмотрим—выплывешь ли?

Решено было также собрать роты и раз'яснить красноармейцам «непредвиденные события», как выразился политком, отнесшийся к ним более, чем спокойно.

— Пустое!.. Братва пошумит—и пусть, и только... Никуда не денутся, я знаю их. Ребята—что надо!

Комполка недоверчиво покачал головой.

Между тем, в ротах казначея уже склоняли по всем узаконенным и неузаконенным падежам. Доставалось и завхозу, отчасти, комполка. Блестевший на горе Нижний был неотразим. как красивая женщина,—манил, звал... Жалованье было нужно дозарезу.

Партиец Кузька Конякин неосторожно бросил в разгоравшийся костер недовольства упрек:

— Вы что, за деньги, что-ль, едете воевать, а не за революцию?..

Красивыми и злыми огнями запылали глаза красноармейцев. Отделенный Зиновий Фурсов, прозванный Зинкой-философом, постукал себя по заду:

— Этим думаешь? Отходи, не порти воздух... Не за рив-ва-лю-цию!!. Эх, угробил, можно сказать! А это, по-твоему, за революцию, если этот самый стерва-казначей-то, что нам революция отдала—бабе под подол? а? Один сунет, другой, их сколько таких наберется, а мы все будем молчать. Пожалуйста, дескать, нам и не надо, мы... со своей рогожкой!... Ха!.. Мы за революцию, но и революция за нас! Понял?

Конякин хотел защищаться, попробовал:

— Деньги наши не пропадут, после выдадут, на фронт как приедем...

— Не пропадут, а уже пропали... Еще одного супчика, может пошлют? Нет! Спасибо большое! Из нас, вот, ни один не сбежал, а казначей убег, да еще с нашим добром... *С кем вместе мы идем воевать—ты вот что нам скажи?* Пожалуй, пока на фронт приедем—больше половины ихнего брата сдезертирует...

Конякин умолк Обступившая их толпа красноармейцев глухим рокотом поддержала Зинку-философа:

— Как есть правильно! Красноармеец ты, командир ли или казначей—все должны за революцию итти в ногу!

Комполка и политком говорили недолго, дали слово, что все меры к получению денег будут приняты.

— Казначея поймать и к стенке!—вырвался вихрь из гущи собравшихся.

— Об этом двух мнений быть не может,—ответил комполка. В лучшем виде к бабушкам и дедушкам отправим. Пощады не будет.

Роты разошлись успокоенные.

День закончился купанием, песнями и плясками у костров. В город пошли только те немногие счастливчики, у которых имелись кой-какие сбережения. Впрочем, им не завидовали. На костры и песни собралась окраинная молодежь и девчата. И ночь, пришедшая ласковой походкой, прикрыла заботливо своей темно-пепельной шалью не одну пару бесстрашно откликнувшихся на взаимные зовы сердец.

А костры погасли только на заре.

4. СВЕРЖЕНИЕ НЕСГОРАЕМОГО.

Утро неторопливо вызрело в спокойный ядреный день. Красноармейцы поднялись не в раз, большинство только-только к чаю. До обеда купались, бродили по реке, околачивались на пристанях, кое-кто ушел на окраины, кое-кто в город. Десяток страстных рыболовов быстро соорудили удочки, раздобыли нивесть где крючки и ушли удить рыбу. Компания пройдох оказалась владельцем двух больших лодок. Они не внушали к себе никакого доверия, но его и не требовалось: задорные сорви-головы чувствовали в них себя превосходно, совершали самые смелые рейсы на другой берег и к пристаням, дерзко вылетая навстречу волнам от пароходов.

Обедали уже после полудня, когда солнце начало вторую половину своего каждодневного пути. С обеда и начались ожидания, разжегшие страсти. Подзадорили побывавшие в городе. Они рассказали о виденных горах белого хлеба, о том, что в ярмарочных рядах продаются колбасы, пареное и жареное, рыба, яблоки... После петроградских лакомств из жмых и картофельной шелухи—такая снедь была пределом вкуснейших яств, щекотала, дразня, аппетит. С этого и пошло.

Стало казаться, что комполка вот-вот должен приехать. И непременно с деньгами. Сейчас же выдаст жалованье и тогда—дуй в город, все твое! И сотни пар огненных глаз, сначала украдкой, потом открыто, все чаще и чаще ощупывали дорогу в город. Каждая точка, если только она была подвижной, выращивала надежду, увядавшую, не успев расцвести, нудным разочарованием. Эта смена надежд и разочарований скоро стала действовать раздражающе. В шутках засверкла озлобленность. А когда злоба, накалившись и окрепнув, затушила последние слабые вспышки надежд,—тогда над палаточным табором загремела бессильная ругань. Казначея уже не вспоминали. Склонялся комполка, вернее—его прозвище—Мигайла. С завхозом разделались коротко, как будто, вместо него, под рукой была обыкновенная вошь.

— Чурка с глазами!—сказал красноармеец с самой странной в полку фамилией и с очень редким именем—Севир Подошва, неугомонный задира, сухой и сильный, знавший тьму неприличных анекдотов. Сказал он это с таким осатанелым презрением, что больше вспоминать завхоза, казалось всем, не было нужды.

Зато надолго оседлали прозвище комполка. Изощрялись, издеваясь до отказа, словно от этого действительно кому-то было легче.

— А вы знаете, братишки, почему он мигает,—рассказывал, смакуя, все тот же Севир Подошва.—Мать-то его гулящая была и до того самого момента, покуда не пришла пора его, Мигайлу, скидывать, все ходила мадамой фру-фру по Невскому да подмигивала... Вот поэтому наш Мигайла, как родился, так уж и мигал...

Вранье было густопсовое, отвратительное. Часть красноармейцев, почувствовав это, заметила:

— Ты, Подошва, пообшаркал бы язык о подошву, а то он у тебя задеет и скрипит...

Но большинство, заглушенное озлоблением, огрызнулось на них:

— Не любо—не слушай, наяривай...—не мешай!..

И к тем часам, когда августовский день начинает стыть золотом, роты и команды бурно плавились массой отбросов гарта. Нужно было нечто, на чем можно было бы сорвать тугую злобу. Один из командиров рот, шутя, сказал своему помощнику:

— Буря шумная, а впустую. Начни уговаривать—масла в огонь подольешь только. В таких случаях надо просто выносить болвана с плакатом на груди: бейте меня по роже! Я уверен, что семьдесят пять из ста не удержались бы от соблазнительной возможности отвести на нем душу без намека на получение увесистой сдачи. А страсти улеглись бы. Нужна отдушина...

Группа красноармейцев наседала на делопроизводителя. Он, уже близкий к тому, чтобы выбиться из колеи равновесия и нагрубить, говорил неуспокаивающие спокойные слова, уверял, что жалованье будет наверняка завтра выдано, что раз комполка с завхозом задержались—значит, дело на-мази.

И вот тогда кто-то сказал:

— А разве у вас денег нету? В несгораемом-то что караулите?

И взоры всех перекинулись на несгораемый. Он горел от закатных лучей своими белыми частями, серо и монументально высился над обвалом, около него торчал полусонный красноармеец, похеренный винтовкой.

Делопроизводитель рассмеялся:

— Да он же пустой!.. Его и караулить не надо!

Видимо, так вышло, что часового у несгораемого ставили по привычке, по инерции, в суматохе передвижения.

— Я сейчас,—сказал делопроизводитель, переводя дух, и побежал кого-то искать, чтобы, вероятно, снять часового у несгораемого.

— Пустой?—произнес Петька Разнояров, бывший в группе.—Пустой?—повторил он задумчиво и с досадой.—Пустой, сволочь! А? А мы-то, а я-то его берегу, хожу за ним!... а? Пустой? Вот, стерва!

Выходило так, будто Разнояров вдруг узнал, что кто-то нахально обманул его. И Разнояров не говорил, а сжигал возмущением слова.

— Несгораемая гадина! Да как же это? Сколько потов он согнал с нас, а ради чего? Товарищи! К чорту, к маменькам ко всем его!.. Сволочь несгораемая!

И от слов Разнояра зажглись слова Ивановых и Петровых, Подошвы и Ярышкиных.

— К чорту!

— Сукин сын!

— Подлюга!

— В обвал!

— В обвал его!

— В об-ва-а-а-а-ал!

Табор завыл, пришел в движение и, точно подхлестнутое бичами стадо, хлынул волнующейся лавой к обвалу—на несгораемый. Часовой встрепенулся, выпрямился, взял винтовку на перевес, не понимая в чем дело. Он только видел движение массы, так хорошо ему знакомых одноротников и однополчан, видел, что она наплывает прямо на него—неумолимо и смертельно, как конница противника, перешедшая в атаку, но—он был часовой, поставленный на пост с оружием в руках... Он взял винтовку на перевес и когда передние были от него в пятнадцати, не более, шагах—крикнул испуганно и зловеще:

— Стой!

Он не знал—добавлять ли: стрелять буду!

И в ответ услышал громоподобный и беззаботный раскат смеха. И этот смех, ничего не об'яснив, разоружил его. Винтовка выпала из рук, руки повисли, как у картонного плясуна, его окружили, оттеснили и затискали в человеческой толчее. А потом эта ртутная масса, вся, как есть, навалилась на несгораемый и словно гигантским плечом сдвинула его с места и опрокинула.

Глухо и неизмеримо тяжело обвалилась земля и вместе с несгораемым, потрескивая и грохоча, ринулась вниз—в обвал.

Ликующий крик взвился фейерверком над палаточным табором, кинулся на реку, к пристани. Словно все избавились от какого-то властного миража. И это неожиданно обрадовало и успокоило всех. Сейчас же пошли купаться, на реке разбаловались, как детвора, много шутили, а о жалованьи точно забыли навсегда. И лишь когда закат спрятал за спину земли свои рыжие лапки, только тогда по палаткам перебросились заговорнические и злые слова:

— Посмотрим, что завтра скажет!

5. ВОЗВРАЩЕНИЕ КОМПОЛКА.

Скандал был неизбежен, как впадение Волги в Каспий. Москва не нашла возможным разрешить отпуск денег из местного банка. Последний ответ ее был: доложите обстоятельства дела в Свияжске Реввоенсовету армии, там и получите деньги.

Завхоз с политкомом вернулись из города вскоре за полночь. Комполка возвратился позже. Темно-синяя ночь проходила над палаточным табором в немом и высоком ликованье. Перемигивались золотыми улыбками звезды. Кривой и тонкий месяц болтался между ними, как тесак на груди молодого солдата, подпоясавшегося чересчур высоко. Ветра стояли, неподвижно, точно вода в болоте. Многие красноармейцы спали под открытым небом, положив под головы вещевые мешки и накрывшись шинелями. Часовые и дневальные стояли и сидели, одервенев, заслышав шаги комполка, вздрагивали... Двое храбро храпели.

Комполка, спрыгнув с тарантаса, проходил между палаток, ящиков, сундучков, временных мертвых тел, не обращая ни на что внимания. Отчаянная боль разламывала голову. На лице истерично трепетал тик. Глаза, не смыкавшиеся почти двое суток, казалось, были надрезаны и надрезы щекотал холодок, как от долгого пребывания на морозном и хлестком ветру.

Не так просто было переговорить с Москвой! И прежде пришлось долго и скучно разговаривать чуть ли не с десятком представителей местных органов власти и организаций. На прямом проводе высидел, точно примагниченный, в ожиданиях и разговорах не меньше двенадцати часов. Потом снова длились, как бесконечные очереди за продуктами по карточкам, дипломатические разговоры о городе. А в результате—шиш.

— Будет буря, мы поспорим...—беспорядочно и с иронией, перемежаясь большими паузами, выстукивались отрывочные мысли—слова в черепной коробке комполка, будто в шумной аппаратной телеграфа...—Спорить, впрочем, не с кем... Будет мне бенефис и жаркий!.. И будут дезертиры!.. Странные дезертиры... Не дезертиры, а парламентские голоса «за» недоверие... Да, да...

Комполка мерещилось, что у него привязаны, вместо ног, свинцовые протезы, а он ковыляет по земле, несуразный и наполовину скощенный, как безнадежный долг в денежном лицевом счете. И так сладко, мнилось, упасть, и тотчас забыться умереть до утра, до того утра, которое мудренее...

— ...Мудренее...—вновь начал выстукивать слова переутомленный и напряженный мозг...—Какой дурак это выдумал?.. Самая мудрая минута—настоящая!..

Свинцовая протеза за что-то задела. Это вернуло остроту ощущения непосредственно окружающих предметов... Красноармейцы, храпы, посвистывание, вздохи, скрипы зубов...

Комполка остановился: что под протезой?.. Ах, это—хлеб!

— Хлеб! Это—страсть шикарно!.. Ведь, с утра не ел...

И комполка сдался, не будучи побежден. Он опустился на землю, сел рядом со спящим красноармейцем, дрожащими руками поднял с земли каравай хлеба, отломил кусок и начал хищно есть. Хлеб показался необычайно вкусным, таким, какой ел только в детстве, выпросив у товарища, на улице. Комполка старательно разжевывал его, скользил глазами по неясным очертаниям предметов и людей, не стараясь угадать, что и кто они. Думал сразу обо всем. И о настоящем, и о прошедшем, и о будущем... Видел глубокую темную даль, и она казалась ему гигантской туннелью. Слышал шорохи, шумы и стуки. Ощущал остывающую теплоту ночи и шершавую землю. Землей пахло—и запах был приятен.

Комполка завязил зубы в мякиш, но тут же убедился, что он уже не голоден, положил хлеб на землю. Улыбнулся и произнес, словно придумав что-то:

— Посмотрим... посмотрим...

Взглянул в сторону спящего рядом красноармейца, голова которого с'ехала с вещевого мешка на руку соседа, зевнул и, точно по команде, уронил голову на мешок. Сразу же ощутил, как уверенно падает в карауливший его сон, и если бы не пенсне, о котором он вспомнил, так и упал бы на миражное дно забвения. Не поднимаясь, он снял пенсне, положил его на стоявший за головой ящик—и отдался вновь падению, как отдаются в зной речной прохладе, в любви—любимому.

Ночь стала ослабевать, тьма поседела.

6. КОГДА КОМПОЛКА СПИТ.

Открыв глаза, Севир Подошва прежде всего сообразил, что проспал ночь в неудобном положении. До боли была намята кожа на черепе, ныла шея. Он потер голову, шею, прищурился низкому и огромному солнцу, хотел было снова лечь спать, но не сделал этого, так как увидел, что кто-то лег на его вещевой мешок. Удивясь, он сел, и тотчас же узнал комполка, почему-то растерялся, затаил дыхание и, словно загипнотизированный, смотрел на неожиданного соседа. Комполка спал крепко, как может спать только очень уставший человек, дышал редко, глубоко и безмятежно. Легкий тик лениво подергивал лицо.

Подошва остановил глаза на белом частоколе ровных и чистых зубов. И вдруг заметил, что спереди за верхним рядом выглядывает второй зуб. Это разбудило в нем любопытство, он нагнулся, заглянул в рот снизу и, запустив руку в волосы, проговорил:

— Мать честная!.. Двойной зуб!..

Восклицания прозвучали, как аккорд слабого изумления, тихого восхищения и маленькой зависти.

Палаточный табор уже оживал. Дымились походные кухни. Около них полусонный наряд чистил картофель. У палаток умывались. Бубнили отдельные голоса. Кто-то, видимо, занятый какой-то работой, возможно, починкой белья, негромко, по-домашнему, напевал.

Подошва, все еще полный недоумений, кочуя глазами с предмета на предмет, заметил между собой и спящим комполка надломленный каравай хлеба и рядом недоеденный кусок. Почти машинально поднял его и стал рассматривать. На одной стороне отчетливо виднелись следы зубов. И один зуб был, без сомнения, удвоенный. Подошве показалось, что он нашел нужное, то, что именно искал, он радостно заулыбался, как глухонемой, понявший знаки человека, и с прежними оттенками в голосе произнес:

— Так и есть, двойной зуб!.

Эти открытия и утренняя свежесть взбудоражили Подошву, подтолкнули к окончательным выводам. Он быстро нашел убедительные для себя причины, почему комполка оказался спящим рядом с ним.

— Умаялся в городе с нашим жалованьем... Эх!..

Он выдохнул это «эх» необычайно теплой струей досады и, повторив его, добавил:

— Эх... товарищ Мигайла!..

И внезапно покраснел. Сочно и буйно. Он вспомнил: «Ходила мадамой фру-фру по Невскому да подмигивала»...

Осторожно поднялся, прикрыл комполка своей шинелью и стал будить двух красноармейцев, спавших неподалеку от него. Когда же те открыли глаза, приложил палец к губам, показывая кивком головы на комполка.

— Тс... командир... спит...

Красноармейцы вытаращили глаза, Подошва поспешно рассказал им о двойном зубе и о том, как, словно он был этому свидетель, комполка ужинал его хлебом, а свои выводы о причинах случившегося сообщил в виде бесспорных истин.

— Почти два дня в городе насчет нашего жалованья хлопотал, не спавши, умаялся, будто пес... Тс... Надо палатку над ним поставить, а то солнце будет скоро в глаза лезть... Только, чур, тихо чтоб... Ни-ни!.,

Утро расцветало. С реки через железнодорожную насыпь лился упругий свежий ветер.

ИВАН МОЛЧАНОВ (СИБИРСКИЙ)

Тридцать один

I.

В контрразведке много глаз,
В контрразведке много рук...
— «Забирайте в этот раз
И подростков, и старух,
И, как только восход,—
Всех их—
в расход»...

Ветер по дворам юлит,
Липнет ласково спелый снег.

За углами стоят патрули,
Не пройдет ни один человек.

Просочится день белизной,
Загорится
последний бой.

Если где-нибудь крикнул петух,
Напрягай доотказа слух.

Если где-нибудь робкий шаг,
Окрик—«стой!».

— «Забрать в штаб!».
— «Наступление красных там.
— «Фронт прорвали здесь.
— «Мы покажем красным скотам
Нашу месть!..».

На улицах мрачно и тихо.
Из тучи крупинки слез...
Порою отчаянный вихрь
И молнии огненный всплеск.
Бриллиантовые подвески
Сверкают в прорехи туч.
Вмешивается нагло и резко

— «Никаких, никаких перемен
Не допустит Жанен!».

В смутных улицах патрули
— Эй, не спрашивай, знай, пали!».

В смутных улицах снег ал,
По рядам
бредет
генерал.

— «Вот надежная полоса,
Приготовились корпуса.

Юнкера—молодец к молодцу,
Не бывать бы худому концу».

— «Подвели, подвели нас эсеры,
Наш последний оплот—юнкера»...

— «Вы слышите:
...«За родину,
за веру,
Мы грянем громкое ура!».

— «Нет, не страшны нам грозы и беды,
Мир в Москве,
а война до победы!».

II.

«Максимка»
в винтовочный путч.

И снова все тихо, тихо.
Расплавятся туч изразцы.
Охвачены огненным тифом
бойцы.

III.

У под'езда хрипит «пакард».
Генерала укутали в мех.
— «Ну, поручик...
Прощайте пока.
В контрразведке—
«Забрать всех!».
По дороге снежную пыль
Крутит, вертит автомобиль.
По дороге
Ряды саней.
В грозном городе
Нет огней.
В грозном городе
Вырос слух:
— «Отступленье начнется с двух».
Взбудоражили всех собак,
Льет луна лиловатый лак.

IV.

Затишье...
Рассвет русый,
И солнце махровым букетом,
Озябли юнкера безусые,
Штурмуя непокорные советы.
Говорили:
— Сдаваться негодиться,
Будем биться «до последнего мига»,
«Святое чувство традиции,
Честь погон и мундира.
Отвага, решимость, мужество.
Не страшен
огненный рашпиль».
И только
по спинам от ужаса
Ползали
холодные мурашки.
И когда солнце
Покатилось с кручи,
Вырвавшись
из темного плена,
Запрыгало—
по улицам—
летучее
«Измена!».

V.

Сонный берег,
сонный мол.
В полночь
к пристани ледокол...
Капитану—
приказ дан,
Приготовил все капитан.
По дороге: скрип, шум.
— «Капитан,
арестованных в трюм!».
Капитану приказ:
— «Разводить пары!».
Колет волны—
Сталь «Ангары».
— «Команде быть на своих местах».
Команде неведомы
слабость и страх.
Суров ледокол
между волн не юлит.
Команде страшны
на борту патрули.
От берега мчится,
на всех парах,
Колет волны—
ледокол «Ангара».
Темного берега
не видать впереди.
Полковник сказал:
— «По одному выводи!».

VI.

Колотушка—сбивать лед,
А палач—
без промаха бьет.
Ветер
по морю
мчится в галоп,
Ветер
бесится,
мечется,
рвет.
— «Сколько там еще
будет голов?».
И опять,
и опять
бьет.
Баргузин

завивает
злей.
Колотушка
косит людей.
Ой, гремит, гудит баргузин!
В море
путаница
трупов и льдин.
Кровью выклеен борт—на восток...
Кочегару б
морозу глоток.
Кочегар на палубу вышел,
Кочегар—
остановился...

Не дышет.
Снова стоны
и хруст,
и хряст.
Кочегар
в люке увяз,
Кочегару какое дело—
Стали
черные волосы
белыми...
Капитану брызги—
слепят глаза.
Снова приказ:
— «Повернуть назад!».

VII.

Утром матрос
На вахту встал.
Смотрит матрос—
борт ал.
Накрепко
приковал мороз
К палубе

человечий мозг.
Через горы сочится
Молочный рассвет.
— «Капитан,
арестованных
в трюме нет!».

VIII.

Глыбой незыблемой
гор гряда.
Бегут вперегонку
дни, года.
И часто, когда Байкал пуст,
Слышится

Хрупкий хруст.
И часто, часто
под шорох льдин
Качаются в озере
тридцать один.

Н. ЧЕРТОВА

Лицо денег.

I.

Это было нечто большее, чем профессиональная ловкость.

Пальцы кассира,—тонкие, закапанные чернилами,—ложились на новенькую пачку кредиток, и, после неуловимого движения, пачка превращалась в радужный веер. Затем следовало мгновенное гибкое дрожание кисти,—точно в пачку впился однокрылый коршун,—и сосчитанные деньги летели в жадную ладонь получателя.

Пронзительно сморкаясь и выкатывая глаза из-за ободка очков, кассир Нудьга смотрел, как неуклюже муслятся девственные края кредиток.

— Кажется верно!?—иронически спрашивал он на прощанье и отчетливо щелкал оконцем кассы.

Полукруглое оконце кассы опиралось на два высунутых языка: один—внутрь, к кассиру, другой—снаружи, грязный, исцарапанный, хранящий следы томительного ожидания.

Кассир Нудьга привык видеть в оконце только половину человеческого лица,—то были вопросительные глаза, иногда умоляющие или гневные,—и еще руки, берущие деньги.

Разные были руки: грубые, негнущиеся,—эти по-медвежьи сгребали пачку, роняя серебро между пальцами. Белые, эластичные кисти, неторопливо хрустя кредитками, укладывали их в великолепный бумажник. Костистые пальцы мертвой хваткой цапали бумажки и пересчитывали их, не выпуская из рук, словно кассир мог вырвать деньги обратно.

В годы бумажных «миллионов» и «тысяч» Нудьга чувствовал глубокое оскорбление артиста, у которого сломали подмостки; грубо размалеванные розовые бумажки, с чудовищной вереницей нолей,—это деньги?! Деньги, которые носят мешками, словно копеечные ленты или кучу старых портянок.

Вечер, когда в его задрожавших руках очутился первый серебряный советский гривенник, Нудьга никогда не забудет. В замешательстве он попробовал монету на зуб, посмотрел зачем-то на свет и, словно мальчишка, помчался к сослуживцу только для того, чтобы с порога крикнуть задыхающимся голосом:

— Гривенник! Настоящий!

Комнатка Нудьги была убрана с той угловатой скромностью, которая изобличает вкусы одинокого человека, привыкшего к педантической чистоте. В единственное окно были видны: пустынный двор, с грязным холмом выгребной ямы, и тонкая сосна, полуувядшая в тени недавно отстроенного особняка

Над серой кроватью висел календарь с улыбающимся Калининым и виолончель в истертом чехле.

В минуты усталости, когда одиночество, может быть, становилось слишком явственным, Нудьга осторожно освобождал виолончель от чехла, устанавливал ее между колен и извлекал из ее старого тела нежные гудящие звуки.

Его склоненное лицо розовело от напряжения, круглая бородавка на носу становилась пунцовой, лысина начинала слезиться потом, светлые глаза теряли всю свою строгость.

Это были редкие мгновения, не вписанные ни в одно из ежедневных расписаний, где жизнь Нудьги втискивалась в неумолимое количество часов и минут, отведенных на службу, еду, сон и развлечения.

II.

Город широко и лихорадочно строился.

Нудьга помнил его первые кривые и низкорослые улицы, дерзко врезавшиеся в темные бока тайги.

Грудь с грудью сцепились люди и тайга. С визгом и стоном тяжко валились с корня лохматые великаны. Каждое новое человеческое жилье упиралось стеклянными глазами в черный колодезь тайги. Ночами бродили по городу звери. Раз'яренные, они путались в свежих пнях и поднимали острые морды, вынюхивая густые запахи смолы, сырого корья, дыма, лошадиного пота. Смолой, этой обильно пролитой таежной кровью, пахло каждое людское логово, и чем ближе к уцелевшим зарослям, тем гуще.

Протекли года. Город смял, выгрыз дикую чащу лесов. Он раскинулся на освобожденной земле,—темный, жадный, многоголовый спрут.

На глазах Нудьги деревенское дитя превращалось в промышленного гиганта.

Старые, подслеповатые домики, накрытые громоздкой шапкой крыши, стыдливо прятались в тени бетонных особняков, с плоским верхом и квадратными окнами, пожиравшими узкие перешейки стен.

Мрачный кусок тайги, уцелевший на окраине, заботливо огородили досчатым забором и повесил вывеску:

— ГОРОДСКОЙ САД.

Лохматые головки клумб переплелись с толстыми жилами корней, выступивших из земли. За забором грохотала узкая и грязная фабричная улица. Черные облака дыма и угольная пыль оседала на ветвях деревьев, от чего зелень казалась еще гуще и темнее.

Город был полон чудес и неожиданностей. Блестящий корпус авто мирно вставал рядом с жующим верблюдом: стеклянные глаза машины тускло отражались в огромных, равнодушных зрачках животного, прикрытых светлыми ветвями ресниц.

Аршинная лавченка бронзового китайца умещалась рядом с раскошными витринами, заваленными шелковыми принадлежностями дамского туалета.

Скуластый, монументальный киргиз, в мехах и остроконечной шапке сталкивался с бледнолицым, тонконогим, изысканным смокингом.

В городе не было церквей: их не успели настроить до революции. Единственная, кукая, деревянная церковка опустила серебряную голову перед стройным многооконным корпусом советского Исполкома.

В субботний вечер Нудьга мог разрешить себе длительную прогулку. В улице гасли огни, и было похоже, что дома, один за другим, закрывают свои усталые глаза. Бледные фонари раскачивались на углах.

Пышные ветки черемухи и клейкие листья тополя задевали лицо. Нудьга шел по улицам, погрузившимся в тишину и темень.

После он понял, что во всем была виновата именно эта тишина и темень, полная горького аромата молодых тополей и черемухи.

Почему Нудьга вдруг открыл двери, темные, между двумя ослепительными квадратами окон? Он никогда здесь не был.

Перед ним рассеянно расступились, указывая на свободное место за столом. Нудьга прошел и испуганно опустился на стул.

Дальше события полетели бешено, путаясь и обгоняя друг друга. За своей спиной Нудьга чувствовал плотное кольцо людей. Опьяненное азартом, оно тянулось к зеленому полю стола, толкалось, шипело и раскачивалось, словно это были змеи, опирающиеся на хвосты. Отчетливый голос крупье, единственно спокойный, был подобен лезвию ножа, погруженному в дымящееся, развороченное мясо.

Нудьга смущенно отстегнул пуговицу кармана и вытащил червонец. Неясная мысль о том, что это его последние деньги возникла и ускользнула в небытие.

И вот пришло то мгновение.

После резкого приговора крупье последовало чье-то глухое ругательство и затем полная отчетливая тишина.

Крупье закрыл глаза и облизнул сухие губы. Клетчатый молодой человек, сидевший крайним справа, сцепил челюсти так крепко, что на его худых щеках налились желваки. Его маленькие волчьи глаза злобно обвели поле стола и замерли на Нудьге, смущенно шелестевшим банкнотами.

Старуха, тяжело тряся седой головой, поднялась со своего места. Звук упавшей роговой шпильки вернул людям способность говорить, кричать, ругаться.

— Нет, это удивительно!—услышал Нудьга тонкий истерический голос:—Лысый растяпа...

— Этот старый заяц!

— Он совсем не умеет играть!

— И тем не менее, граждане...

— Не меньше пяти тысяч!—уронил бас.

— Пять тысяч, о!

— Смотрите, он напугался!

— Сейчас заплачет!

Нудьга нахлобучил рыжую шляпу и боком протискался к выходу. Он так неловко прижимал к груди свой выигрыш, что клетчатый юноша, злобно уставившись на грязные скомканные бумажки, простонал:

— Он не умеет обращаться с деньгами!

— Он не умеет обращаться с деньгами! Ха!

Он просто испугался своего счастья,—оно было так неожиданно! Ведь это же он, на утро, еле открыв глаза, в белье, подбежал к столу и, еще путая сон с действительностью, схватил пухлую охапку денег и вдруг заплакал:

— Гос-поди! Это—мое!

Ведь это он, ночью досадуя на закрытые двери магазинов, подошел к китаянке, торгующей веерами, яркими, как радуга, и растерянно улыбаясь, взял да и купил всю корзинку. Китаянка сначала не поняла и пронзительно заверещала, вцепившись в рукав кассира. Но, получив крупную бумажку, она испуганно качнулась на своих изуродованных ножках и припала к руке Нудьги.

Теперь распущенные, нежные веера распластались по всей комнатке, неслышно, мило нарушив педантический порядок.

То, что вчера он отдал смешной китаянке, составляло сумму, равную его месячной зарплате.

— Вот дурак!—пробормотал он, поддаваясь мимолетному раскаянию.

Торопясь, дрожащими руками он обшарил все свои карманы и выложил на стол разрозненные пачки грязных бумаг,—его деньги. Их было много.

Он согнул острые углы колен, оплел их руками, закрыл глаза и тонко засмеялся. Деньги! Деньги! Разве не раздумывал он еще вчера, каким образом купить новые брюки? И разве не сделал он микроскопически точную роспись расходов, в результате которой получалась скромная экономия, ради совершенно необходимых новых брюк?

О, теперь он может купить десяток брюк, целый магазин брюк! Он закачался на своем стуле и забормотал, погружаясь в зыбкое очарование вещей.

Кто сказал, что завтра его комната будет все такой же пустой и угрюмой? Яркие ковры покроют хмурые заплаты стен и исцарапанный пол. Тонкая штора закачается на его единственном окне и за нежными узорами кружева не будет видно холма выгребной ямы и жалкую сосну. Стройные бока самовара сомнут помятый профиль старенького жестяного чайника.

Нудьга зябко повел плечами: да-да, он купит теплый бархатный пиджак, так изумительно совмещающий изящество покроя с угодами капризному стариковскому телу!

Нудьга слез со стула, потирая затекшие ноги, и вдруг вспомнил, что сегодня он не обедал. Удивленный, он подошел к четкому расписанию на стене. Да, час обеда пропущен.

Нудьга подумал, поправил очки и, махнув рукой, сорвал и смял расписание: его старенькая жизнь вдруг закусила удила и встала на дыбы, так пусть будет все наоборот!

Он медленно разорвал бумагу и, хихикая, беззаботно бросил ее на пол.

Затем он удобно сел за стол, протер очки и, помуслив пальцы, стал укладывать смятый ворох червонцев в аккуратные пачки. На середине второй пачки он оторвал от бумаг вздрагивающую пятерню, и подбежал к зеркалу, и замер, внимательно разглядывая свое длинное лицо, пылающее неровными пятнами старческого румянца. Он потрогал пальцем вялые, опухшие веки, глубокую морщину между бровей, грустные складки у рта, порыжевшие, растрепанные усы...

Вдруг он круто повернулся спиной к зеркалу, уцепившись за угол комода и мигая раширенными потемневшими глазами. Ему показалось, что потертое кресло и стол вдруг покачнулись и присели к земле, будто их ножки были сделаны из теста.

Нонна!

Далекое воспоминание подкралось к нему, бесшумное, как змея.

Нонна! Твое имя звучит, как тихий удар колокола. Где ты, Нонна?

III.

Прошел час тяжкого безмолвия.

В дверь громко постучали.

Нудьга даже не обернулся,—он сидел скорчившись, в пальто с неправильно застегнутой пуговицей и шляпой на коленях.

Дверь скрипнула и пропустила девушку в голубом халатике. Это была рассыльная Резинотреста, его соседка по комнатам и сослуживица.

— Нет ли у вас нынешней газетки?

Нудьга нехотя повернул к ней усталое лицо. Ее громкий голос показался ему кощунством в тихих полях его воспоминаний.

— Вон она,—кивнул он головой на стол.

Девушка жадно схватила газету. От ее резкого движения два помятых червонца мягко шлепнулись на пол.

Нудьга взгрогнул и посмотрел на ее смуглые руки поверх очков. Любопытная, насмешливая улыбка тронула его седые усы.

— Все они одинаковы!—самодовольно пробормотал он, вспомнив жадность китаянки и ее сосущий, исступленный поцелуй.

— Послушайте, товарищ Нудьга!—воскликнула девушка, повертываясь спиной к столу,—вот статейка... Угадайте, чья? она провела пальцем по жирным буквам заголовка:

— Моя! Понимаете? Ей-богу!

Она зарделась, еле сдерживая широкую улыбку.

Нудьга посмотрел на нее серьезными, отяжелевшими глазами:

— Сколько?—сиплю спросил он, наугад ткнув пальцем в газету.

— Чего?—подняла брови девушка.

— Сколько вам заплатили?

— Еще только заплатят,—тихо сказала девушка и пожала плечами:—Но я об этом не думала.

— Ну?

— Наверное, рубль... или два.

Нудьга с трудом оторвался от табуретки и указал скрюченным пальцем на пол:

— Поднимите. Вы уронили.

Девушка обернулась, легко наклонилась под стол, и, расправляя бумажки, рассеянно спросила:

— Вы сегодня занимаетесь?

— Нет...—медленно сказал Нудьга, подыскивая слова:—...возьмите себе... эти деньги. Что? Да-да вы.

Девушка сделала к нему два растерянных шага. Бумажки трепетали в ее руках:

— Зачем?

Кассир склонил потную лысину и произнес упрямо:

— Так. Возьмите.

Девушка, сминая бумажки, подошла к нему вплотную. Кассир замер, подумав, что она бросит комок ему в лицо. Но она отстегнула путовицу его бокового кармана и глубоко всунула деньги.

Нудьга встретился с ее пылающими глазами,—они потемнели от расширенных зрачков и казались черными.

— Чьи это деньги?—спросила она звенящим голосом.

— Мои,—выпрямился Нудьга и обвел рукой стол:—все. Девушка удивленно и внимательно осмотрела груду бумажек.

— Я думала—казенные,—тускло сказала она, продолжая смотреть на стол исподлобья.

— Садитесь... почему вы стоите?—оживился Нудьга и подвинул ей табуретку.

— Ах, девочка, ваши ботинки...

Девушка села и быстро подобрала ноги:

— Вот будет получка и куплю новые,—сказала она, сурово поджимая губы.

— Ой-ли?—взвизгнул Нудьга, засматривая в ее опущенное лицо:—У вас нехватит. Я знаю.

Девушка подняла на него глаза: теперь они приняли спокойный, серый оттенок:

— Какое вам дело?

Она медленно пожала плечами, бросила косой взгляд на стол и затем на бледное лицо Нудьги, искаженное улыбкой.

— Я вам не верю. Деньги не ваши. Вы просто нездоровы. Послушайте...—она зябко повела плечами,—вы не растратчик?

Он отрицательно мотнул головой и глухо рассмеялся.

— Вы не купите новых ботинок,—повторил он, придвигая свой стул к ней:—Вы будете страдать оттого, что ваша молодая ножка обута в эти... (кассир страдальчески сморщился) в эти лапти. Скажите мне... (он вынул папиросу и постучал ею о коробку)—если бы вы выиграли... тысячу рублей?

— Я?

Кассир выпустил дым и отбросил спичку в угол. Он видел, как девушка вспыхнула и отвела глаза в сторону:

— Я?

На ее чистом лбу легла морщинка раздумья:

— Если бы—да... то я поехала бы учиться!

Она озабоченно посмотрела на лукавое лицо кассира:

— Мне хватило бы тридцати рублей в месяц. Тысячу рублей разделить на тридцать... о, это много.

— А еще? А еще?

— Хочу учиться,—она упрямо надула губы.—Я уже подала заявление. Больше ничего.

Кассир вскочил, пробежался по комнате и вдруг остановился перед девушкой:

— Вы знаете *что такое деньги?*—крикнул он сердитым, срывающимся голосом.

Девушка сидела неподвижно. Нудьга присел на подоконник, откинул голову к пыльному стеклу, закрыл глаза и заговорил смягким голосом:

— Вы служите рассыльной в Резинотресте... Имеете худые ботинки и одно праздничное платье. Да-да... не возражайте. Каждое утро вы бежите по горячим тротуарам с вашей разносной книгой. Вы смертельно боитесь опоздать. Вы не смотрите на солнце, на деревья, вы не слышите птиц. Ваши желания молчат: они закованы в эти отвратительные, пухлые... казенные пакеты... а? Не возражайте. Я тоже прикован к моему старому зеленому столу и к ведомостям. И вот... вдруг... вы просыпаетесь беззаботной, как рыбка. Вы в теплой постели... вас ждут нежные напитки, великолепная одежда... а? Деньги, девочка. Деньги,—вот что значат они: наслаждение, блаженство.. да-да.

Девушка тронула за рукав Нудьгу. Он открыл глаза и попятнулся, обжегшись ответным огнем веселой, нестерпимой насмешки.

— Товарищ Нудьга,—а что я стала бы делать? —невинно спросила девушка, сдерживая подступивший к горлу смех:—Ну, вот проснулась... На стуле какао... и шелковое платье, и... Это я видела в кино... Ну, а что дальше?

Нудьга вскочил возмущенный:

— Как—что делать? Зачем вам делать? Вы—молоды, чорт возьми! Вы—женщина!

— Ну?—поднялась и девушка, меняясь в лице.

— Ну и ничего, — промямлил кассир, не выдержав ее напряженного взгляда:—Чего вы сердитесь?

— Вы сказали: «казенный пакет». Казенный пакет,—задумчиво повторила она, разглядывая лысину кассира:—Вы странно понимаете службу... нашу работу. Вы давно кассиром?—неожиданно спросила она.

— Тридцать лет.

— Тридцать лет!—почти испуганно повторила она:—Двадцать лет при царе... А мне всего восемнадцать,—засмеялась она, но тут же серьезно насупилась:—Ну, так *это* у вас от старого. Вы не находите, что работать интересно?

Нудьга хмуро пожал плечами:

— Нет.

— А вы не были на последнем экономсовещании?

Недоумевая, кассир покачал головой.

— Ну вот,—медленно сказала девушка, и в ее голосе зазвенело смущение:—Я там внесла маленький проект... в общем, пустяки. Но, говорят, будет большая экономия. Об этом как раз и статейка... Вот видите, вы напрасно это... о пакетах-то. Я—рассыльная,—она вскинула на него горящие глаза,—а хочу быть инженером. И буду!

IV.

Девушка подбежала к двери и взялась за скобку:

— А вы оставайтесь со своими деньгами!—крикнула она с ребячьим задором.

Кассир рассеянно взглянул на ее стройную фигурку. Вдруг он испуганно вытянул шею, будто за спиной девушки встал кто-то невидимый.

Девушка невольно оглянулась. Ее четкий профиль со вздернутой верхней губкой вырезался на коричневом фоне двери.

— Нонна!—просипел кассир, бледнея.

Девушка растерянно застряла в дверях:

— Меня зовут Настей,—выжидающе сказала она.

Пристальные глаза Нудьги впились в темные изломы ее бровей, потом тяжело сползали на переносицу и остановились на розовом, капризном разрезе губ.

— Нонна! Боже мой!—он спрятал лицо во вздрагивающих руках.

— Кто такая «Нонна»?—нервно крикнула девушка:—И чего это я у вас сижу? Мне пора домой. Кто она такая?

— Сядьте. Вот сюда,—глухо пробормотал Нудьга, не спуская с нее пожирающих глаз: — Эта вздернутая губка... В ней было что-то хищное... Странно...

Он положил горячую ладонь на ее плечо:

— Нонна любила деньги... Почему вы не любите деньги?

Ее глаза имели цвет морской волны... Но в минуты гнева они вспыхивали синим огнем... вы понимаете?

— Вы ее любили?—тихо спросила девушка:—да?—Нудьга напряженно кашлянул:

— Молчите,—он растопырил пальцы, как щит:—У вас тонкий голос. У нее он звучал низко и нежно, как струна виолончели. Почему вы так похожи? Вы,—и она?

Он откинулся назад и устало закрыл глаза. Настя видела, как беззвучно шевелились его губы. Прошло несколько мгновений глубокой тишины. Наконец, Нудьга встал и заговорил, раскачиваясь, как пьяный:

— На другой день, после того, как...—он задохнулся и проглотил слюну:—...после того, как... все было кончено... Я должен был поклониться господину Бажену так же... как и всегда...

Он вдруг медленно и низко склонился, держа руки по швам. Перед изумленной Настей блеснула его круглая лысина. На его согнутой спине, под старенькой материей пиджака резко выступили кости позвоночника.

Она стремительно встала, опрокинув табурет, и вцепилась в его плечи.

— Перестаньте! Это унизительно! Я ничего не понимаю!

Он выпрямился, его губы были стиснуты. Некоторое время они молчали, оба покрасневшие и взволнованные.

— Вы комсомолка?—процедил сквозь зубы Нудьга.

Настя кивнула головой:

— Да.

— Вы ненавидите буржуазию? Да? Почему? Вы ее знаете? Она вас трогала?

— Она *трогала* мою мать,—сделала тяжелое ударение Настя.

— Ах, вы понаслышке!—нехорошо засмеялся Нудьга:—Почему вы, дорогая девочка, не спросите, как *я* ненавижу...

— Ну?!.

— ...ненавижу господина Бажено!

— И только?—иронически вскрикнула Настя.

— Довольно с меня. До остальных мне нет дела,—он махнул рукой и сердито улыбнулся:—Мы с вами ненавидим по-разному.

— А Нонна?—нетерпеливо повторила Настя, запахиваясь в халатик.

— Вы жестоки,—пробормотал Нудьга, зажимая щеку, словно у него внезапно заболел зуб.

— Была простая девушка—Нина,—заговорил он снова, тусклым, омертвевшим голосом:—Мы оба служили у господина Бажено, на его кондитерской фабрике. Однажды господин Бажено подал Нине ее упавший розовый платочек. На другой день она получила огромную коробку шоколада. А еще через неделю я получил обратно обручальное кольцо: Нина стала госпожей Нонной Бажено. На время свадьбы меня сделали лакеем, на мне был фрак с длинными фалдами. Я подавал, и кланялся, кланялся, кланялся...

— Почему же она...

— Как? Вы не понимаете?!.— оживился Нудьга:—Деньги! О, если б этот выигрыш случился двадцать лет тому назад! У меня *не было* денег!

Он цепко стреб в кучу червонцы и потряс ими в воздухе.

— Милая девочка! у меня была одна мечта... она с'едала мой сон, я перестал чувствовать воздух улицы, цвет деревьев, меня окликали по нескольку раз, как глухого. Я скупил билеты всех лотерей... на все жалованье... Я ходил по улицам и, как сумасшедший, вглядывался в камни тротуаров... Я был почти уверен, что найду бумажник и в нем—деньги, деньги!

Он нагнулся к Насте так близко, что она почувствовала табачный перегар его дыхания:

— Вы знаете, что я сделал?—он, не замечая, стал говорить так, будто это уже случилось:—я нанял кабинет самого великолепного ресторона... цыганский хор, ведро шампанского, дюжину лакеев... на всю ночь! И она, Нинка... Я ее украл у господина Бажено! Я ее утопил в белых цветах, зимой, в живых цветах,—смотрите, господин Бажено, Нинка—моя!

Он выпрямился и пьяно постучал кулаком в грудь:

— Она была бы со мной, эта продажная девка, только покажи ей деньги! Кучу бумажек! Грязная тварь!

Он вдруг сник и добавил беспомощно:

— Она была бы со мной,—маленькая, изумительная Нонна!

— Отвратительная женщина!

Нудьга испуганно посмотрел на Настю. Она порывисто поднялась и отшвырнула табуретку. Ее глаза были влажны и сердито блестели:

— Я бы ее поколотила!—она топнула ногой:—Я бы ее заставила подмести нашу улицу, из конца в конец!

— Почему же подмести улицу?—растерянно улыбнулся Нудьга.

— Так!—запальчиво крикнула Настя:—И еще стаскать сажень кирпичей на нашей постройке! Вот бы поплясала! Есть кого вспоминать? Где она теперь? Впрочем, мне все равно.

— Настенька!—мягко сказал Нудьга:—Но вы изумительно точное ее повторение... Особенно, когда сердитесь...

— Молчите!

Она подбежала к двери и широко ее распахнула:

— Вы меня оскорбляете! Вы прокисли там, у своего несгораемого ящика! Таких женщин у нас презирают!

Дверь резко хлопнула. Нудьга остался один.

Он сидел неподвижно, опустив голову. Немая чернота ночи закрыла узкое окно комнаты. За стеной томительно позевнула толстая хозяйка.

Нудьга, наконец, выпрямился и что-то неясно пробормотал, обшаривая свои карманы. Его пальцы задержались на твердом комке. Это были червонцы, смятые девушкой. Он их осторожно вынул, ощупал, покатал в руках. Затем отпер нижний ящик стола, болезненно сморщился, закинул комки в самый дальний угол и с остервенением повернул ключ три раза.

V.

Схватка была смертельной,—это чувствовали и хмурый Нудьга и насмешливая Настенька. Встречаясь по утрам в учреждении, они сухо раскланивались. Нудьга смотрел ей вслед с холодным любопытством. Настенька не оглядывалась, она старалась удержать на губах легкую улыбку.

Поражение Нудьги произошлю утром, через несколько дней.

Они столкнулись у общего умывальника, оба заспанные, с полотенцами через плечо. Глаза Нудьги, освобожденные от очков, оказались старчески-светлыми, усталыми и ласковыми.

— Я прожил 48 лет,—неожиданно сказал Нудьга, после приветствия:—Вам, Настенька, 18 лет. Вы становитесь моим учителем. Мир перевернулся на голову.

Он плеснул водой в лицо и обернулся к девушке, держа полотенце наготове. С его усов капала вода, мокрые глаза были грустны:

— Хотите знать мои выводы? Вы—похожи на Нонну, но вы не Нонна И второе: я выиграл деньги и обрадовался. Но потом я понял, что выигрыш мне выдан... советской валютой. А это равно фальшивому векселю. У советских денег другое лицо...

Они вышли на улицу. Их обогнал старый китаец, волочивший за собой связку засаленных сапожных колодок. Его гортанный крик смешался с грохотом просыпающейся улицы.

— У советских денег другое лицо,—повторил Нудьга, взволнованно размахивая портфелем:—Вы, конечно, понимаете, что сейчас невозможен цыганский хор... лакеи... безумная ночь, шампанское... и так далее. Вы улыбаетесь...

— Нет, нет, пожалуйста,—почти испуганно оглянулась на него Настя

— Это было бы жестоко. Я пережил горькие дни... Послушайте, вчера я пришел обедать в столовую ЦРК. Я мог бы, конечно, пойти в ресторан... Но, знаете, у меня месячный абонемент, и было бы не экономно... фу, какие глупости я говорю!

Он безнадежно махнул рукой, вытащил большой розовый платок и громко высморкался.

— У меня много денег!—сердито крикнул он: — Я хотел заказать роскошный обед. Я выбрал самые дорогие блюда и пятирублевую бутылку вина. И... не заказал, знаете ли. Почему? Отдельные столики были заняты, а эти общие столы... много народу... народ все усталый, серый. Неловко как-то. Так я и подал свои два очередные талончика. А когда, после обеда, вздумал дать на чай...—он быстро взглянул на Настю, но встретил ее серьезные глаза.

— ..оффициант обиделся и заявил, что он—комсомолец.

Они пошли молча.

— Я купил все, что мне надо,—вдруг жалобно сказал Нудьга:—костюм, самовар... мой старенький чайник очень меня раздражал... Самовар, ну, белье и всякую мелочь. А денег все еще много. Я не привык. Я живу сейчас, как-то . наоборот.

Они завернули за угол. Серый особняк Резинотреста был теперь на виду. Нудьга невольно ускорил шаги:

— Конечно, нужно было бы бросить службу. Но я не могу. *Не могу*. Тридцать лет... Это, знаете ли, почти вдвое больше вашего возраста... Привычка.

Они шли по темному коридору Резинотреста. У двери в общую канцелярию Нудьга остановил Настю и скороговоркой добавил:

— Собственно, есть еще два выхода: уехать куда-нибудь далеко. Но я дрожу при одном виде паровоза. Я ведь крот... Привык сидеть на одном месте, потихонечку. И второе: купить домик или открыть какое-нибудь дело Раньше я не задумался бы ни на минуту. Ну, а теперь... я, все-таки служащий, член профсоюза. И вдруг, извольте радоваться,—капиталист и домовладелец! Налоги разные, да и в газетке протянут... Впрочем, может быть, просто я стар и испугался своего счастья? Простите, я вас задерживаю!

В обеденный перерыв в коридоре собралась разноцветная, возбужденная толпа служащих. Рядом с яркими гранками стенгазеты висел свеже отпечатанный протокол заседания месткома. В последнем пункте текущих дел кратко сообщалось о том, что местком принимает пожертвование кассира Нудьги, в размере 4.200 рублей, в фонд ОСОавиахима. Внизу от руки было записано «особое мнение секретаря комсомольской ячейки т. Петра Евдокимова»:

— «Где выиграны деньги? В казино. Мы не можем брать их на государственные нужды. Они нетрудовые. Пусть, куда хочет, туда и девает».

Настя жадно прочитала постановление, поднявшись на носки. Она молча протискалась через плетень спорящих и жующих людей, и отошла в угол. Там она вынула блокнот, карандашик и быстро высчитала все расходы, произведенные Нудьгой из выигрыша.

Эти дни, насмешливо прищурившись, но тем не менее, проницательно, она наблюдала за покупками Нудьги, с любопытством маленькой женщины.

Итог показал, что пожертвованные деньги составляли весь возможный остаток.

Настя, хитро улыбаясь, подошла к решетке кассира. Он ее не видел. Он сидел спиной к ней, у раскрытого денежного ящика, и медленно жевал круглую булочку, которую она ему ежедневно покупала. На синем воротнике его новенького костюма уже белел легкий налет перхоти.

ЕВГЕНИЯ АНУЧИНА

Бунт

(Рассказ)

Втянув в плечи голову, Ксенофонт Антонович шел по коридору, шаркая изношенными побелевшими штиблетами.

— За мной, за мной,—говорил он, не оглядываясь.

Маленький желтолицый Зуда с темными щелками прищуренных глаз шагал, засунув руку в карманы и забыв во рту холодный окурок. Его мелкие курчавые волосы были сплюснуты старой клетчатой кепкой.

— Цифры выписали?—спросил он у двери, столкнувшись с потертой спиной остановившегося Ксенофонта Антоновича.

Но тот безмолвно повернул ключ и распахнул белые половинки.

Комната была синей от дыма и множества голубых фотографий, покрывавших стены сизым налетом.

— Угар, угар!—крикнул Ксенофонт Антонович и с разбегу распахнул окно.

Зуда бросил кепку на стол и сел на кожаный диван, покрытый бурыми заплатами и морщинами.

— Давайте конкретней,—крикнул он, скрестив ноги.

Ксенофонт Антонович метался по комнате, как тень качающегося фонаря.

Он хватался за столы, книги, подоконники, и в руках у него выростала трепещущая стая исписанных листов.

Синие портреты изображали Ксенофонта Антоновича. Сидя, стоя, в профиль, прямо, в три четверти, в пальто, в костюме, в очках и без очков.

Увидев, что Зуда, вытянув шею, рассматривает фотографии, живой Ксенофонт Антонович подпрыгнул и одним движением сорвал со стены три портрета.

— Пожалуйста,—сказал он, любезно склонив лысую голову,—у меня свой аппарат.

Зуда взял фотографии.

— Неважно,—сказал он, прищурившись еще больше,—контур слаб. Сколько за аппарат платили? Сорок?

— Я давно-давно,—заторопился Ксенофонт Антонович,—невесте в день рождения. Но мы потом поссорились и я, как человек практичный... Вы понимаете?—Его очки взлетели на лоб от неуловимого движения маленькой сухой руки; он захихикал и сорвал со стола лист бумаги.

Фотографии мгновенно превратились в маленький белый свиток и легли на диван рядом с Зудой.

— Невеста-то... хи-хи... отравилась.

— Бросьте вы эту лирику,—сказал Зуда строго.—Давайте конкретней Мне еще надо к убитому доктору на 50 строк.

Он вынул блок-нот, спустил ноги и, положив блок-нот на колени, взял карандаш.

Ксенофонт Антонович осторожно сел около него.

— Я гостиговский конторщик,—сказал он, опустив глаза.—Я унижен судьбою. Я сижу за конторкой, когда мое место в редакциях московских журналов. Я гениальный поэт, но не успел во-время поставить рекламу. В одно утро я проснусь знаменитостью.

Неожиданно свет кроткой улыбки засиял в его глазах. Вдруг он стремительным движением бросил на колени груду бумаг.

— Документы моей жизни.

— Во-он что!—закричал Зуда, вскочив на ноги.

Листы, как птицы, разлетелись по комнате.

— Вы, значит, сумасшедший?

Он стоял перед диваном, опять засунув руки в карманы и сердито глядя на Ксенофонта Антоновича.

— Два часа потеряно! Кто заплатит?

Ксенофонт Антонович вытянулся и достал со стола книгу. Он раскрыл ее и вынул лист, усыпанный столбцами цифр.

— Возьмите! Главное для поэта—поставить рекламу. Уитмэн сам писал дифирамбы своему гению.

— Баланс до рационализации и после?—спросил Зуда, перегибая лист.

Ксенофонт Антонович молча кивнул.

— Мерси. Вы, значит, нормальный. Дайте закурить.

— Я не курю.

— Ну, одолжите полтинник.

Ксенофонт Антонович начал вынимать из кармана медные и серебряные монеты. Он пересчитал их и, ссыпав на ладонь, протянул руку Зуде.

— Здесь сорок восемь копеек.

В два шага Зуда вышел в коридор. Никто не закрыл за ним дверей. Ясноглазый день встретил его на крыльце.

У калитки стояла Дина в белом платье, с тоненькой, золотистой, как месяц, косой.

Зуда остановился. Испуг и радость прижали его к дверям. Он стоял не двигаясь, она не оборачивалась. Он тихо сошел по ступеням и подошел к ней.

— Здравствуйте.

Она обернулась. У нее были большие светлые глаза. В льняных приподнятых ресницах, открытой шее, неровной линии груди была мимолетность нежного слова, забытого сейчас же, как его скажут.

— Как вы сюда попали?—спросила она.

— А вы?—сказал Зуда, не спуская с нее глаз.—Где вы были все лето?

— В Сочи.

Держа платье, как танцовщица, она покачивалась, став на носки.

— Я думал, мы больше не увидимся,—он побрякал монетами в кармане.—Почему вы мне не написали?

— О че-о-м?—спросила она насмешливо.

От обиды у него сжались губы и брови.

— Что нового?—Спросила она, опустив ресницы.

— Ничего,—ответил он, подавленный, глядя себе под ноги.—Вы здесь живете?

— Да.

На крыльцо выбежал Ксенофонт Антонович. Он запрыгал по ступенькам и вырос рядом с Зудой.

— Вы забыли портреты. Каждый смертный, уходя от меня, должен унести с собой реликвию. Реклама это...

Стукнула калитка, Дина ушла.

Зуда услышал ее голос, поющий слова песни.

Ксенофонт Антонович сунул ему в руки белый свиток.

— Убирайтесь к чорту!—злобно крикнул, отскочив от него.

Фотографии упали на землю. Он бросился на тротуар. Ему показалось, что в окне он увидел белое платье.

— Стерва!—подумал Зуда, стиснув зубы,—вот погоди. Подстережем тебя ночью с ребятами!

Но нежность тисками сжимала его сердце, и где-то далеко мелькала мысль о том, как хорошо, что он надел сегодня новую клетчатую блузу

Улица, застланная теплой пылью, проводила его сонным взглядом.

Потертые трехэтажки, щербатая мостовая и щелканье мотоциклов выперли из переулков.

— Теле-
-грамма!

— Гнусное
— убийство!

— Сакко и Ван-
-цетти!

— Что? А-а-х-ах!

Прохожие обступали газетчиков.

— Прикончили все-таки,—подумал Зуда.—Кто же получает гонорар за телеграммы?

На лестнице редакции ему навстречу кинулась тонконогая стая молоденьких машинисток, похорошевших от радости, что можно итти домой. За ними бежал рассыльный Петя в маленькой красной кепочке и кричал.

— Смирнова влюблена в Колю Маркина. Влю-блена! Влю-блена!

— Сакко и Ванцетти убили!—крикнул Зуда.—Слыхали сенсацию?

Девушки остановились вверху, держась за руки, как в хороводе

— Удивил!—крикнул Петя, прыгая впереди их.—Да нам уж в два часа все было известно.

— Известно?—сказал Зуда, вытянув губы.

— А еще репортер! Тю-тю!—крикнул Петя, помахав кепочкой, и все побежали мимо Зуды.

Наверху уже было пусто и тихо. Широкая румяная сторожиха в белом переднике щеткой выметала бумагу и окурки.

В комнате, где сидели секретарь Маркелыч и веселая Маня—регистратор да стоял репортажный стол, залитый чернилами, три репортера—Митя, Пель и Арно—сосредоточенно думали, стоя около секретаря.

Гриня, заложив ногу за ногу, пускал кольцами дым. Его кроличье лицо было задумчиво.

— Гангу!—крикнул он вдруг, выплюнув окурок.

— Не подходит,—уныло сказал толстый секретарь в красном аракчинчике.—Ни к чему тут Ганг, Гриня.

Гриня стал обиженно рассматривать свои длинные ноги в фиолетовых носках и острых шиммi, потом повернулся и медленно пошел за стеклянную перегородку.

— Что случилось?—деловито спросил Зуда, оттолкнув от стола Пеля, с жиденькими белыми усиками и в коротком пиджаке.

— Куда лезешь, дьявол?—закричал прыщавый Митя, хватая Зуду за воротник огромной рукой.

Зуда взмахнул руками и ударился головой в его живот.

— Стручо-о-ок! Пугаешь? Ты кто?—кричал Митя.

— Маркелыч рифму ищет,—сказал черный Арно—плод любви китайца и еврейки—«Чемберлену на ногу» чтобы.

— А-а, «на ногу»,—сказал Зуда, закусив губу.

— Рангу!

— По-го-ди, по-го-ди!—закричал секретарь, сдвинув аракчинку на затылок.

— Идет!—сказал он просияв.—Готово! Есть фельетончик!

Зуда улыбался, засунув руки в карманы.

— Кач.ть его!—заорал Митя сильным голосом, хватая Зуду подмышки.

— Качайся сам, стерва!—сказал он, вывернувшись, как угорь, из Митиных рук.

С Арно они сели на подоконник и обнялись.

— Прихожу я сегодня к убитому доктору...—сказал Арно покачиваясь.

— Своло-очь!—закричал Зуда.—Ведь доктора Гриня мне дал.

— А ты что зеваешь?

— А ты докторов воруешь?

— Да всего на три рубля.

— Я всякой язве по три рубля раздавать должен?

— Ну, ладно,—сказал Арно, снимая очки.—Иди вместо меня вечером на Первомайскую площадь. Митинг протеста. Сто строк.

— Идет!

— Ну, вот, прихожу я сегодня к убитому доктору,—опять сказал Арно,—выходит в переднюю его жена. Заплаканная, все как полагается, но молодая и хорошенькая.

— Ах,—говорит,—молодой человек, как это несвоевременно. Биографию! Я слишком расстроена.

— Ничего, говорю, не могу сделать. Я все учел, но биография в ваших интересах.

А тут старух набилось, уши развесили. В дверь видно гроба кусочек. Жара. А она говорит:

— Какие тут могут быть интересы, оставьте меня.

— Соответствующие органы обратят внимание, говорю, на пролетарское происхождение покойника, и вам легче будет получить пособие.

Она слезы вытерла и головой кивает.

— В самом деле, ведь мой муж—сын сельского учителя.

И пошла сыпать, я пишу. Вышло на 2 колонки. Кончили мы, а она вдруг презрительно щурится и говорит:

— Вам построчно платят или помесячно?

Ну, у меня матерьяльчик в кармане, нечего, думаю, церемониться.

— А вам, говорю, муж поденно или помесячно платил?

А сам в комнату. У доктора полчерепа приставлено, а так все цело. В передней на меня старухи накинулись.

— Это что за хулиганство, молодой человек? Это что за скандал—вдову покойника оскорблять?

Ну, я пробился к дверям и хо-оду!

А Гринька сократил все. Из двух колонок—50 строк!

* * *

Толпа стиснутая в площади, не пускала Зуду ни взад ни вперед. Но, когда подошел автомобиль, люди кинулись в сторону и его выбросили под ко

леса. Шоффер стремительно дернул руль, закричали люди, и, став на ноги, Зуда очутился на свободе.

Толпа сейчас же хлынула назад, но он прорвался через крепкие заросли плеч и локтей и, оттолкнув коренастую девчонку в кумачевом платке, почти вплотную стал к трибуне.

— На полтораста строк можно,—подумал он.

Девчонка посмотрела на него, томно скосив глаза. Он улыбнулся и будто нечаянно толкнул ее в грудь локтем.

— Вахлак! Не на вечеру заигрываешь!—сказала ее подруга.

— Завидно тебе?—спросил Зуда щурясь.

— Поди ты к чорту!

— Товарищи!—закричал сверху громкий хриплый голос.

Зуда увидел, как лица девчонок мгновенно стали далекими и чужими, как напряженно поднялись брови над ставшими вдруг серьезными глазами, и пухлые рты сжались, став строгими.

— Что это они?—подумал он, невольно посмотрев в ту сторону, куда были обращены их взгляды.

Почти над собою Зуда увидел низкорослого, большелобого человека в черном френче. Казалось, что он стоит на плечах толпы, заслонившей деревянные подмостки трибуны. Человек взмахивал руками и кричал:

— Товарищи! Сакко и Ванцетти убиты!

Напряженный огонь горел в его глазах и тревожных руках.

Зуда, обеспокоенный, чувствуя неловкость, опять перевел взгляд на лица девчонок.

— ... Мы отомстим смерть наших братьев!—крикнул оратор.

Зуда увидел, как дрогнули молодые брови и суровая тень легла у губ.

— Снимки бы к отчету,—подумал он,—по три рубля бы.

Но неловкость все сильнее овладевала им. Он завертелся на месте, чтобы не видеть ни девушек, ни оратора, но с боков, спереди и—он чувствовал это—сзади на него напирали строгие молодые лица.

Как гигантский костер, толпа пылала знаменами. Расстилаясь, поднялся первый протяжный звук трубы, и упал гром барабана. Сотни рук взметнулись, снимая фуражки. Ветер бережно поднял и вынес на улицу плач оркестра.

Зуда с огромной неповторимой радостью почувствовал, что он становится таким же, как его товарищи, мощной стеной, закрывающие трибуну. Ненависть и любовь огнем обожгли его грудь и глаза.

Когда на трибуне вырос командир в длинной шинели и черном шлеме со звездой, он смотрел на него, не двигаясь, широко раскрыв темные глаза и сжимая в руках кепку. Командира сменила девушка в синей кофте с белыми пуговицами, с остриженными по-комсомольски волосами.

— Комсомольцы!—крикнула она, подняв руку,—мы пришли сюда, чтобы сказать...

— И Зуда вспомнил, что он не пришел бы на площадь, если б ему не надо было писать отчета, что, написав его, он последний раз вспомнит о Сакко и Ванцетти и забудет о великой ненависти любви.

Он стоял, одинокий, зажатый в толпе, с притиснутыми к ребрам локтями и сжатым сердцем.

— Пускай будет война!—кричала девушка в синей кофте.—Мы никого не боимся. Шестая часть земли—наша; вся земля будет наша, потому что вся земля мечтает об освобождении труда. И за это мы умрем, не пожалев о своей молодой жизни, потому что она у нас для борьбы!

— А-а!—подумал Зуда, со страстной тоской, исказившей черты его желтого лица.—Я бы тоже мог умереть за революцию!

Он стоял неподвижно еще несколько минут, уронив курчавую голову, и только когда темная глыба людей, упавшая на площадь, с гулом начала таять он сорвался и, плечами прокладывая себе дорогу, выбежал на улицу.

Уже сумерки окутывали бульвары, и пели громкоговорители. Толпа тихо двигалась по тротуарам, и авто мчались по узким белым полотнам, брошенным прожекторами. Маленький город казался большим и многолюдным.

Протяжный крик газетчиков замирал в переулках.

— Фамилии-то,—вспомнил Зуда,—не взял!

Все ра-
вно!
Все ра
вно!

Бульвар был полон, как сети рыбака в хороший улов. Зуда сел рядом с девушкой в темном платке и вынул папиросу.

— Затянись, девочка,—сказал он, протягивая соседке коробку.

Но печаль давила его тяжелым камнем.

Девушка повернулась. Огонек папиросы на мгновенье осветил ее лицо, и он увидел щеки, изрытые оспой, и толстые белые губы.

— Молоденький,—сказала она,—пойдешь?—и взяла папиросу.

— Я комсомолец,—сказал Зуда, закрыв глаза.—Я сейчас говорил речь на митинге. Знаешь песню поют: «И вся-то наша жизнь борьба»?

— Хлебнул? Пойдем скорея!

— Что ты, дура, я не хочу. Мне надо на собрание. Меня ждут.

— Ждут, да не тут,—сказала она фыркнув.

Он поднялся и медленно пошел с бульвара.

В редакции было темно и тихо, и только в двух комнатах горел свет. В одной щелкала «Ремингтоном» дежурная машинистка; в другой сидел Гриня, вытянув длинные ноги в фиолетовых носках и глубоко задумавшись. Его аккуратно расчесанные волосы блестели.

За вторым столом сидел заведывающий партотделом в белой гимнастерке и писал. Машинистка подняла голову с устало опустившимися волосами. На секунду застыли в воздухе ее поблекшие руки. Пудра не скрыла добрых складок вокруг полинявшего рта, и Зуда сказал, садясь к столу, заваленному серыми пачками подшитых газет:

— Анна Васильевна! Писать не хочется.

— Мне тоже не хочется,—сказала машинистка,—ее плечи опустились, и уже через щелканье «Ремингтона» он услышал окончание фразы:—нам, ведь, деньги платят.

— Пиши, пиши, как Каин, про все, что ни увидишь.

Перо повисло над бумагой и медленно поползло по строчкам.

«Сейчас же, по получении телеграмм о гнусном убийстве Сакко и Ванцетти, по городу были организованы митинги протеста. Демонстранты огромными толпами с красными знаменами, перевитыми траурными лентами, двигались по улицам.

Жители правобережного района собрались на Первомайской площади. Толпа глухо волновалась, ожидая слова первого оратора. На трибуне показался...».

— Ах, дьявол, фамилии-то!—закричал Зуда вскочив.

«Ремингтон» равнодушно щелкал.

Зуда сел и перечитал написанное.

Он вдруг отчетливо увидел гримасу гнева, исказившую лицо командира Тысяча молодых гневных лиц грозным прибоем ударилась в его грудь.

— Ах, да,—подумал он, опять захваченный отчаянием, ведь это главное! Они живут для борьбы.

— Анна Васильевна!—сказал он,—ведь я бы тоже мог умереть за революцию. И бороться. Вы беспартийная?

Острые плечи женщины выражали недоумение. «Ремингтон» щелкал.

— Анна Васильевна! Я был на митинге...

— Гридман мне дал срочную работу,—сказала машинистка.

— Гринька—сволочь,—Зуда положил голову на пачку газет,—надел шелковые носки и ходит.

— На трибуне показался...—прочитал он вслух—показался...

— Анна Васильевна,—сказал он,—в сущности мы с вами никому не нужны.

Плоская спина женщины выразила недоумение.

— Отчетик-то!—Зуда опять прочитал написанное.

Но слова на бумаге ничем не были похожи на митинг, и он перевернул лист белой стороной вверх.

— Анна Васильевна!

«Ремингтон» стучал уже в голове Зуды. Он сидел, покачиваясь, закрыв глаза и сложив на коленях руки.

Проститутка, девушка в синей кофте и Дина сливались в его сознании в одно лицо, и ему казалось, что он говорит, глядя в чужие глаза.

— Да, да, да, мы отомстим за смерть Сакко и Ванцетти!

Перо опять повисло над бумагой и бросилось по строчкам.

«Кровавый закат горел над городом. Кровью убитых были окрашены знамена и трибуна.

Он поднялся на ступеньки и поднял руку. Толпа мгновенно смолкла, слушая его слова. На нем была рабочая клетчатая блуза и старая кепка. На вид ему было лет 18. Он сказал:

— Товарищи! Мы родились для борьбы. Мой отец не был рабочим или крестьянином, он был писцом. Он всю жизнь прожил в подвале и, когда рабочие шли под белогвардейские пули, он переписывал бумаги, но, когда он умер, я—его сын—стал комсомольцем. Я знаю, что жизнь это—борьба. Мы пришли завоевать землю, и земля будет наша, потому что вся земля мечтает об освобождении труда».

Перо остановилось, вонзившись в бумагу и разбрызгав черные слезы.

Зуда сидел неподвижно, и буквы расплывались в его затуманенных глазах.

— Анна Васильевна,—сказал он задохнувшись,—я рассказ...

Он сжал руками горячий лоб. Его пальцы дрожали, будто бы он сейчас опустился с трибуны, откуда гневно кричала в толпу комсомолка.

Зуда опять взял ручку и склонился над листом, но больше он не мог написать ничего.

— Анна Васильевна,—сказал он, бросив ручку,—не говорите Гриньке, что я здесь был.

В темном коридоре легкие ладони прохлады легли на его пылающие глаза.

Зуда запнулся за щетку сторожихи.

— Вот лунатики!—сказала она сердито. Ее грудь выплывала из сумрака, как тучное облако.

— Ходют и пишут, ходют и пишут. Когда же меня бог избавит от вас?

— На помеле поехала!—крикнул Зуда и засмеялся.

Смех подбрасывал его, как резиновый мяч; он хохотал, крича и хватаясь за грудь.

Сторожиха испуганно попятилась:

— Чисто лунатики!

Он уже чувствовал на глазах слезы, но смех не покидал его и, чтобы не разрыдаться громко, Зуда побежал по коридору и с разбегу кинулся на лестницу. Он перелетел через три ступени и, зацепившись каблуком за четвертую, ударился головой о лестницу и скатился на площадку. Здесь, лежа на холодном полу, он заплакал.

* * *

— Пойду мотаться по городу,—сказал Илья Гей, поправив на левой стороне груди самопишущее перо—недавно сбывшуюся мечту.

Он молодцевато посмотрел на белокурую Маню-регистратора, бережно несшую листы, покрытые синими строчками, и щелкнул каблуками.

— Репортера и волка ноги кормят! Верно, Манечка?

Но она не взглянула на него и, опустив смешливые голубые глаза, прошла в кабинет редактора.

— Напрасно стараешься. Она влюблена в Коло Маркина,—сказал Митя, откусив половину сайки, и поставил на голый стол, залитый чернилами, стакан с чаем.—С ним не спорь,—сказал он, злобно усмехаясь.

Гей обиженно подтянул сапоги и, расправив галифе, пошел к дверям Ему навстречу шел Зуда. Гей вытянулся, запрокинув голову и визгливо засмеялся.

— Зуда, друг,—сипло хохотал Митя.—Качать!

— Вы что, стервы, орете?—спросил Зуда, остановившись и положив руки в карманы.

Маня-регистратор выбежала из кабинета.

— Маркелыч, к редактору!

Секретарь бросил на стол свинцовые клише и, прихлопнув аракчинку, бросился в кабинет.

Митя пригнул огромной рукой голову Зуды к себе на грудь.

— Поэт! Поздравляю!

Илья Гей вместе с Маней залились смехом.

— Братишка,—хохотал Митя,—откололи! Рассказик! 18 лет с виду говоришь...—Он отпустил Зуду и вытащил из кармана измятый лист.

— Откуда взяли?—закричал Зуда, сжав кулаки.

— Пе... Пель нашел,—выговорил Гей, задыхаясь от смеха—в ком... комсомол вступаешь?

Маленький черный выпускающий, в роговых очках, пронесся через комнату в развевающейся синей блузе.

— Гранки! Кто взял гранки? Маня!

Маня побежала за ним.

— Сволочи вы,—сказал Зуда и подошел к телефону.

— Алло! Секретарь райкома? Вчера был митинг во втором районе. Фамилии...

Из-за стеклянной перегородки вышел Гриня, на этот раз в зеленых носках.

— Синицын,—он склонил на бок голову с ровным пробором,—а отчет?

— Сейчас будет готов.

— Зачем же сейчас, когда надо было вчера?

— .... их фамилии...—сказал Зуда в трубку.

— Работу срываете, товарищ Синицын,—закричал Гриня,—авторитет газеты роняете! Вчера дали дублет из «Гудка», сегодня не выполнили срочного задания! Это что такое?

Зуда кричал в трубку.

— А-а!—крикнул Гриня уже совсем тонким голосом,—всякая шваль будет говорить по телефону.—Он сбоку наскочил на Зуду и схватился за трубку, но Зуда удержал ее.

— Ты... куда лезешь?—закричал он, разом повернувшись.

Гриня широко раскрыл круглые кроличьи глаза. Маня, Гей и Митя полукругом стояли вокруг них. В дверях Пель обдергивал свой пиджак, разговаривая с черноголовой правщицей в косоворотке. Гриня украдкой поправил галстук и опять закричал:

— Си-ницын! Вас к чорту надо выбросить!—он потянулся к трубке, которая уже висела на крючке, но Зуда опередил его и, схватив трубку, с размаху ударил Гриню. Мгновенно вспотев и покраснев, Гриня схватился за ухо.

— Это... это что?—закричал он плачущим голосом.—Я... я больше не работаю с вами Синицын!

Красный и мокрый, он побежал в кабинет редактора.

Митя, Гей и Маня качались от смеха. Черноглазая девушка в косоворотке тронула Зуду за рукав.

— То-ва-арищи! Ну, что-о это?

— Маршева!—крикнул Зуда.—Ведь ты его знаешь! Он бюрократ! Я его ненавижу, Маршева! Я нарочно! Я рад!—он бросил трубку и побежал к двери.

Старик в ватном халате, с двумя корзинами булок загородил ему дорогу.

— С вас три рубля, товарищ Синицын!

— Бра-ти-ишка!—в восторге кричал Митя,—на гидру частного капитала нарвался!

У под'езда, надрываясь, кричал плакат:

— Что ты сделал для воздушного флота?

Зуда вышел в тихий широкий переулок.

— Теперь уже вытонят!—подумал он.—Все равно, все равно.

Маленькая девочка с льняными волосами шла по дороге, купая ноги в теплой пыли.

Когда-то давно гений сна проехал через эту улицу на своей белой лошади, и улица заснула на много лет. Но дорога, поросшая травой, не сохранила следа конского копыта, и пышная бахрома конотопа закрыла глубоко колею.

Тихий переулок привел его к знакомой зеленой калитке. Он прошел сонный двор и постучал в дверь, поднявшись по ветхим деревянным ступеням. Вышла Дина в том же белом платье, с пушистой золотой головой. Она удивленно посмотрела на него большими светлыми глазами, забыв поздороваться.

— Это вы?

— Да,—ответил Зуда,—я к вам зашел... нечего делать.

— Ну, пойдемте,—она отступила в темные сени.—как вас Дина не укусила?

— Она даже не лаяла,—сказал он, бесконечно обрадованный, что девушка его не прогнала.

Они прошли через теплую чистую кухню с пылающей плитой. Дина толкнула дверь, и знакомая синяя комната с разбегу налетела на Зуду.

За круглым столом, заваленным голубыми портретами, белыми пластинками и склянками, сидел Ксенофонт Антонович. Он держал двумя руками тарелку с чистой водой и покачивал ее, как любимое дитя. В воде синели фотографии. Он поднял голову и сказал Зуде, будто бы давно ждал его:

— Поговорите пока с дочерью, через четверть часа я свободен.

— Как, разве он?..—удивленно спросил Зуда.

— Да, это мой отец,—сказала Дина.

Ксенофонт Антонович покачивал тарелку, склонив голову.

Дина открыла еще одну дверь и рукой поманила Зуду.

— Знаете,—сказал он, входя в тесную комнату с белой кроватью и цветами,—меня выгоняют из редакции.

— Какая неприятность. Садитесь.

— Но мне все равно.—Он сел к столу и смотрел на нее, подперев голову руками. —Я никому не нужен, даже вам.

— Нет, отчего же.

Она смотрела в окно, наполовину закрытое белой занавесью.

— Я был вчера на митинге,—сказал он устало,—понимаете, Дина... Я не мог написать отчет. Я начал рассказ.

— Рассказ?—улыбка подняла ее светлые брови,—если бы вы знали... Мой отец дни и ночи пишет рассказы, но их нигде не печатают. К нему часто приходят эти... писаки. Я вам не советую. Они все оборванцы и страшные невежды. Мне случалось с ними говорить. Никто из них не читал Гете.

— Нет,—сказал он, опустив руки.—Я не хочу быть писателем. Я просто на митинге... вы не были вчера на митинге?

— Я?—она опять улыбнулась.—Я не патриотка.

— Ах, нет,—крикнул он,—как бы вам об'яснить?

Она смотрела на него с улыбкой в больших ясных глазах, сложив на коленях руки.

Он опять почувствовал острую тоску.

— Товарищ Синицын!—крикнул Ксенофонт Антонович.

— Простите,—сказал Зуда и вышел из комнаты.

Ксенофонт Антонович сидел у стола.

— Моя дочь—девушка ограниченная,—сказал он,—по линии матери

Он подал Зуде свернутые в трубку портреты:

— Тогда вы оставили это у меня.

Зуда, не замечая, сунул портреты в карман.

— Что вы делаете, как работате?—спросил Ксенофонт Антонович.—Вы написали рассказ?

— Откуда вы знаете?—спросил удивленный Зуда. —Ничего подобного... нет.

— Не отпирайтесь,—Ксенофонт Антонович кротко улыбнулся,—я все знаю.

— Он слышал, как я говорил,—подумал Зуда, невольно улыбаясь.

Страшное утомление овладевало им, он почти лежал на диване, положив голову на жесткую бархатную подушку.

— В каждом доме, в каждой семье,—говорил Ксенофонт Антонович,—есть поэты. Все они талантливы, но жизнь—лотерея. Может быть, вы вытянете выигрышный билет и будете гениальным поэтом.

— Да нет,—устало ответил Зуда,—я не хочу. Меня выгонят из редакции. Я не написал отчета и подрался с одним... Но мне все равно.

— Что-о?—закричал Ксенофонт Антонович.—Каждый поэт должен иметь связь с редакцией. Если вас прогонят —все пропало.

За дверью пела Дина.

— Сейчас же напишите отчет,—решительно сказал Ксенофонт Антонович.

Зуде было все равно. Он взял перо и написал.

«Сейчас же по получении телеграммы о гнусном убийстве Сакко и Ванцетти... по городу были организованы митинги протеста».

Он покрыл лист ровными строчками и внизу поставил свое имя—Зуда.

— Идите, идите!—кричал Ксенофонт Антонович, бегая по комнате.—Вот вам еще три портрета

Зуда забрал портреты и вышел. В окне опять мелькнуло белое платье.

На мгновенье боль защемила его сердце, но потом все прошло. Он чувствовал только страшную усталость.

Гриня смирно сидел за стеклянной перегородкой, и когда Зуда вошел, он не поднял головы.

— Вот отчет,—сказал Зуда, положив на стол лист, покрытый ровными строчками.

Гриня молча пододвинул его к себе, и Зуда вышел за дверь.

— Синицын,—сказала, улыбаясь, черноглазая правщица,—Митя сказал, что вы написали рассказ. Правда?

— Это шутя,—ответил Зуда.

СТИХИ О ГОРОДЕ

I.

Ударит первый луч заботы,
Как молот с крыш.
И город в мощной потяготе
Железных мышц.

Раскинет шарф летучий дыма
Над головой,
И камни пятками босыми—
По мостовой.

Поставит утро балкой света
Лучи в наклон.
И мы лесов полуодетых
Тревожим сон

Чтоб город мог скорее выжать
В стальных руках
Стекло, железо и карнизы
Под облака.

II.

Порою будни так же неуютны,
Как неотстроенный на срубе дом,
Когда не дорисован контур смутный
Стропилами над пыльным потолком.

Но вот пилы ощеренные зубы
Грызут тесины поперек и вдоль.
Под сталью в'едливой потеют срубы,
Зернистую скатив на щепы смоль.

И мы, томясь, от пота, от рубах ли,
Перебираемся под балками скорей.
Еще заботы лезут всюду паклей
И ветер дует из пустых щелей.

Зато, стряхнув опилки пыльных буден,
Увидим вдруг над нами высоко,
Как солнце в праздничной блестит полуде,
И в небе вьются стружки облаков.

III.

Пролом в стене подобен ране,
Зияющей на кирпичах.
О наших будничных дерзаньях,
Когда я вижу оспу зданья,
Мне громко хочется кричать.
Пусть стройки замысел тревожит
Незавершенной высотой.
Я вскинул голову. Мне тоже
Обидно быть простым прохожим,
Держащим руки за спиной.
И я стою на перекрестке
И слышу блоков скрип и дрожь,
Я жду—вот-вот, сюда, на доски,
Оттуда, каплями известки
Весенней стройки брызнет дождь.

VI.

В четыре—всплесками подошв—
Из русла улица выходит.
Едва-едва перебредешь
Разлив людского половодья.
Мелькают блузы маляров,
Как на волнах—круги мазута.
В прибой чернеющих голов—
Блестят автобусов каюты.
И вот—они. Бензинный дых
Сменил сопенье сонной клячи.
Кварталом комнат проходных
Пошли по городу в раскачку.
И слышно мне сквозь шорох шин—
Здесь мостовая говорит нам,
Чтоб, вместо шелеста глуши,
Ее созвучным взяли ритмом.
И я отдам теперь, не в счет,
Со всей досужливой охотой,
Домам, нестроенным еще,
Семь строф жилплощади блок-нота.

Лев Черноморцев.

ЖОКЕЙСКИЕ СТИХИ

1.

Лет ушедших призатих азарт.
Словно не был сорванцом-жокеем,
Но опять беру горящий старт,
Не грозящий переломом шеи.
Пел огнем когда-то знойный пыл
В шумных скачках под оркестров громы.
Годы мчатся. Днями не сходил
С беговой дороги ипподрома.
А теперь цыган знакомый круг
Часто злится:—Эх, парнишка, скоро
На стишки какие-то ты вдруг
Променял жокейский бурный норов!
Знаю сам: навеки променял
То, что дорого когда-то было.
Но узнайте: нынче у меня
В сердце новая таится сила.
Быстрых строк всегда кипуч карьер,
В нем напоры пляшущие крови.
Темь невзгод—суровых дней барьер
С легкостью его не остановит.
Пусть недавних лет азарт затих,—
Все, что ново, из башки не вынешь!
...Каждый новый свеже-звонкий стих
Для меня теперь победный финиш.

2.

Я, на старте знавший
Свист ноздрей,
Стал иным
Среди былых друзей.
Память в ливне дней
Упорно тушит
Терпкий запах
Скаковых конюшен.
Лишь порою
Дум широкий бег
Путает жокейский
Тонкий стэк.
Стэк, мой стэк!
В далеком прошлом ты ли
Зарывался жадно

В шумном мыле...
Это ты,
На пляшущем ветру
Падал резко
Скакуну на круп.
А теперь, застывший и сухой
Ты нашел
Нерадостный покой.

Мне сегодня
На седом рассвете
В уши дунул
Пробужденья ветер.
Я вскочил.
И стало ясно мне:
Пустота
На стынущей стене..
Где же стэк?
Ах, я совсем забыл,
Как вчера любимой
Стэк дарил!
— Вспоминаю,—
Говорил я милой:
— Часто снится
Конских бедер мыло.
Но глотает все
Сухая даль.
Скакунами
Дыбятся года...
Рвется в льющиеся
Строки встать
Жарких песен
Молодая рать.
На стене висевший
Много лет,
Стэк оставил
Синеватый след.
Этот стэк—прошедшее—
Бери.
И в часы
Взметнувшейся зари
Или в легком сумраке рассвета
Вспоминай жокея
И поэта!
Я, на старте знавший
Свист ноздрей,
Стал иным
Среди былых друзей.
Память в ливне дней
Упорно тушит
Терпкий запах
Скаковых конюшен.

Николай Титов.

БЕЛЫЙ БРОНЕВИК

У розового здания депо
С подпалинами копоти и грязи,
За самой дальней рельсовой тропой,
Куда и сцепщик с фонарем не лазит,—
Ободранный и загнанный в тупик,
Ржавеет «Каппель», белый броневик.

Вдали перекликаются свистки
Локомотивов... Лязгают форкопы,
Кричат китайцы... И совсем близки
Веселой жизни путанные тропы,—
Но жизнь невозвратимо далека
От пушек ржавого броневика.

Они глядят из узких амбразур
Железных башен—безнадежным взглядом;
По корпусу углярок, чуть внизу,
Желтеет надпись: «Мы—до Петрограда!».
Но явственно стирает непогода
Надежды восемнадцатого года.

Тайфуны с Гоби шевелят пески,
О сталь щитов звенят, звенят песчинки...
И от бойниц протянуты мыски
Песка на опорожненные цинки:
Так восемь лет на рельсах тупика
Ржавеет рыжий труп броневика.

А рядом с ним—ирония судьбы,
Ее громокипящие законы,—
Поднявшие советские гербы,
Встают на отдых красные вагоны.
Что может быть мучительней и горше,
Для мертвых дней твоих, бесклювый коршун

1928. Цицикар. *Арсений Несмелов.*

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ

Два броневика

(Сценарий)

Тынянов полагает, что пушкинская проза появилась, как результат напечатания программ стихов. С другой стороны, мы наверное знаем, что первые гравюры были напечатаны не для эстетических целей, а для того, чтобы проверить гравировку образов. Таким образом, новая художественная форма может появиться благодаря эстетизации полуфабриката и закрепления случайного изменения. Наша литература страдает краснопеременем. Жесткость кинематографических форм, честность их, может способствовать изменению устарелой беллетристической техники. Кроме того, необходимо проверять режиссеров, они делают со сценарием, что хотят. Так были испорчены ряд сценариев. Дело между сценаристами и режиссерами должно слушаться при открытых дверях. В выигрыше будет читатель, который получит чертеж картины и увидит слово в новой служебной роли. Это хорошо и для слова, которое в литературе совершенно искокетничалось*).

16 августа, 28 г.

Автор.

Часть первая.

1. Ночь. Аппарат двигается по пустым улицам. Он идет от Балтийского вокзала вдоль обводного канала.

Везде пусто. Аппарат осматривается. Потушенные огни в городе (мы не видим идущего).

2. Вдоль улицы показывается автомобиль с одним зажженным фонарем. Кронштейн фонаря погнут, и свет направлен вверх.

3. Улица. Автомобильная фара высветляет одну сторону.

4. Стена дома. На стене показывается тень вооруженного человека с поднятой рукой.

5. Около автомобиля. Стоит автомобиль, наполненный вооруженными людьми. Перед автомобилем стоит человек, смотрящий в фонарь. Лицо его освещено. Освещена правая рука.

На правой руке повязка с надписью: «Н. М.» (народная милиция).

Человек смотрит в фонарь.

6. Крупно. Фонарь. Ниже лампочки лежит пропуск, выданный Военно-Революционным Комитетом для проезда автомобиля. На пропуске число: «29 октября 1917 года».

7. Патрульный машет рукой. Автомобиль движется.

---

*) Редакция не разделяет столь упрощенных взглядов на происхождение новых художественных форм. Пушкинская проза появилась, разумеется, не «как результат напечатания программ стихов». Социологический, марксистский метод исследования и здесь является единственно плодотворным.

Печатая кино-сценарии, редакция имеет в виду не влияние кино на литературу, а, прежде всего, само кино-искусство. «Это хорошо» и для контроля над производством, и для движения кино-искусства вперед.

Снять с автомобиля быстро бегущие совершенно пустые улицы Ленинграда.

8. Стена дома. На стене дома показывается огромная тень человека с мешком за спиной. Тень проходит по стене и исчезает.

9. Человек в нагольной черной шубе с мешком за плечами, в папахе, вообще одетый слишком по-зимнему, смотрит пристально вслед прошедшему автомобилю. Человек идет дальше.

10. Троицкий мост. Стоит человек.

11. Ночная Нева в огнях. Маленький кружок света, падающий на письменный стол. В кружке света пробрасываются карты. Идет карточная игра. Играющих не видно.

На абажуре прикреплен кусок кляксапира, еще более затемняющий и уменьшающий световое поле.

12. Рука снимает кляксапир. Световое поле увеличивается. На столе видны револьверы разных систем, начиная с браунинга и кончая старинным тульским пистолетом.

13. Кто-то встает у стола, подходит к окну. Открывает штору.

Очень раннее утро. Ленинград в тумане. Крыши серые и чуть блестят.

Слабая заря.

14. Владимирское училище. Сонный дневальный.

15. В комнате видны люди, сидящие за столом. Они разные: один в роде рабочего, двое в форменных фуражках, в роде мелких чиновников, третьи—лавочники. Они играют все в «21». Это—домовая охрана.

16. Человек опустил штору, и снова комната темна, и ясно виден только светлый круг. В круг попадают керенки, сложенные гармошкой. Игра продолжается.

17. Улица. На парадной двери висит дощатый щит. На дощатом щите воззвания, зритель не успевает их прочитать: идет бумажный тряпичник, который срывает воззвания и, свернувши их, всовывает в большой рогожный куль.

18. Человек внезапно остается перед пустой доской, поворачивается к ней спиной и спокойно начинает стучать нотой в дверь.

19. В под'езде. Люди, играющие в карты, испуганно закрывают руками револьверы.

20. Чиновник (Тюкин) крадучись, подымается, крадется на цыпочках к огромному медному тазу из-под варенья, тут же подвешенному, ударяет в него скалкой.

21. Лицо Тюкина меняется. Он испытывает вдохновение. Чувствует себя храбрым. Поправляет платок на шее.

22. Тюкин решительно бьет скалкой по медному тазу.

23. В подвале дома вскакивает человек и начинает барабанить по жестяной ванне.

24. В бельэтаже просыпаются двое и кричат и стучат стульями.

25. Люди, играющие в карты, после минуты оцепенения, начинают тоже кричать и стучать ногами об пол.

26. Тюкин с большим женским платком на шее, стучит и заглядывает в карты соседа.

27. Карты. «18».

28. Весь дом просыпается, везде орут, бьют в медные жестяные и др. металлические предметы.

29. Большая, совершенно пустая комната. В комнате нет стульев. На полу, на шубе кто-то спит. Рядом с ним на полу же стоит большой трехрожковый примус, бидоны из-под бензина, лежит автомобильная цепь и мотор на боку.

30. Улица. Человек с мешком прислушивается.

Переходит на другую сторону улицы, отколупывает от дома штукатурку и начинает спокойно бросать кусочки штукатурки в окно 3 этажа.

31. Комната в 3 этаже. Человек спит. Аппарат обходит комнату: в одном углу спящий человек, в другом—груда картофеля, в 3 какой-то автомобильный хлам.

32. Человек, спящий под шубой, просыпается, надевает на белье шубу и, почти не открывая глаз, выходит из комнаты.

33. Сквозь пролет лестницы видна внизу перепутанная домовая охрана.

34. Человек в шубе спокойно проходит мимо кричащих людей, опускается к двери.

35. Дверь заперта какими-то очень сложными, но не убедительными предметами.

36. Человек, не обращая ни на кого внимания, разбирает запоры и открывает дверь.

37. Второй человек с мешком входит, смотрит и говорит:

ТОВАРИЩИ, ЧТО ЗА ГВАЛТ, ВЫ ОБАЛДЕЛИ?

38. Тюкин, переставая бить в таз, смотрит, облегченно вздыхает, говорит:

НЕТ. ТУТ ПРОИЗОШЛА РЕВОЛЮЦИЯ, ТАК —МЫ ЗАЩИЩАЕМСЯ.

39. Люди за столом берут карты в руки, продолжают играть.

40. Тюкин, подсмотревший в карты соседа, радостно подскакивает на стуле и кричит:

ДЕВЯТНАДЦАТЬ!

41. Комната в 3 этаже. Человек в шубе, шофер Карпов, садится на край постели. Человек с мешком, шофер Васильев, распаковывает мешок.

42. Из мешка вынимается четверть барана, мука, насыпанная в рукава рубашки, завязанные в виде кишки, ржаные лепешки с творогом, сметаной и наполовину рассыпавшиеся.

43. Васильев наливает из плоского бидончика на столе рюмку спирта, выпивает и, улыбаясь, обращается к Карпову:

Я ИМ В ДЕРЕВНЕ БЕНЗИН, ВМЕСТО КЕРОСИНА ПРОДАЛ. А У ВАС РЕВОЛЮЦИЯ?

44. Карпов зажигает примус, берет умывальную чашку, наливает в нее воду, кладет баранину туда, ставит чашку на трехрожковый примус.

Потом разжигает второй примус, маленький, берет сковородку, яйца и сало.

45. Кусочки сала на сковороде. Сало начинает кипеть.

46. Карпов отвечает Васильеву, разбивая яйца над сковородкой.

РАЗБИЛИ ЭТО МЫ ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ.

47. Васильев снимает шубу, оказывается в галифе, подпоясанных электрическим проводом, и в грубой солдатской нижней рубашке. Спрашивает:

А ЧТО ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО?

48. Крупно. В ведро падает яичная скорлупа.

49. Васильев ест. Отковыривает кусок мякоти и, катая его по столу, говорит:

ЗНАЧИТ, БОЛЬШЕВИКИ, А ТЫ ЧТО ДЕЛАЛ?

50. Карпов смотрит на него недоуменно, ест яичницу, отвечает:

КОНЕЧНО, СТРЕЛЯЛ ИЗ ПУЛЕМЕТА.

51. Васильев немного сердится и не понимает:

ДА ВЕДЬ МЫ С ТОБОЙ ЭСЕРЫ.

52. Карпов берет вилку, отвечает:

В РОДЕ.

53. И начинает есть.

Часть вторая.

54. Освещенные солнцем ворота Михайловского манежа. Пустота. Посредине ворот стоит броневик Гарфорд.

55. Внутри броневика спит у пулемета человек.

МИХАЙЛОВСКИЙ МАНЕЖ БЫЛ НИЧЕЙ.

56. Цейхгауз. Висят черные шоферские шубы. Человек приказчичьего вида, каптенармус, примеряет новую шубу. Шуба ему нравится.

Смотрит на себя в маленькое круглое зеркальце, висящее на стене цейхгауза.

57. Цейхгауз полон магнето, шинами, автомобильными частями.

58. Каптенармус вздыхает, думает, потом одевает на шубу еще шубу, кладет в карман магнето.

Пытается одеть на себя автомобильную шину, с сожалением ее оставляет.

59. Внутренность броневика. Солнце освещает часть лица солдата, спящего внутри броневика. Солдат просыпается, смотрит в окошко на идущего каптенармуса, говоговорит:

ШКУРА!

60. Рука толчком переводит трамвайную рукоятку со «стоп» на «средний».

61. Утро. Из трамвайного парка выходит вагон.

Из трамвая выходит вожатый с ломиком для перевода стрелки. Переводит стрелку.

62. Идет трамвай. На площадку вскакивает кондуктор. Рабочие спрашивают:

КУДА ПОЕДЕМ?

63. Вожатый улыбается, отмахивается, переводит рукоятку на полный ход. Нога вожатого, весело постукивающая в звонок.

64. Кондуктор подходит к вожатому сзади.

65. Вожатый оборачивается и говорит:

В ЦЕНТР ПОСМОТРЕТЬ.

66. Пулковская обсерватория. Раскрытый купол, как арбуз на-вырез.

67. Работает механизм, двигающий главный рефрактор.

68. Обсерватории. Показать противовес подшипника

69. и часов механизма, поворачивающих трубу.

70. Обсерватория внутри напоминает башню броневика. У телескопа сидит ученый. Астроном смотрит в телескоп.

Дать звездное небо длинным затянутым кадром до 10 метров.

71. Ученый что-то записывает очень длинное и сложное.

ТАК СОСТАВЛЯЕТСЯ КАРТА ЗВЕЗДНОГО НЕБА.

72. Двигается механизм.

73. Гимназист едет на велосипеде. Под рукой у него связка газет.

74. Комната мелко-буржуазного вида. Тюкин ходит по середине комнаты, волнуясь.

75. Дуга трамвая скользит по проводам. Спять с трамвая бегущую землю, воробьи вспархивают стаями из-под самых колес.

76. Трамвай внутри полон вооруженными рабочими, невооруженными рабочими и интеллигентами.

МИТИНГ НА КОЛЕСАХ.

77. Внутри трамвая спорят, галдят. Входит кондуктор, подымает руку, говорит:

ГРАЖДАНЕ, ВЫСКАЗЫВАЙТЕСЬ ПО ПОРЯДКУ.

78. Стекла трамвая заклеены списками номер 3 и 5, воззваниями Революционного Комитета, контрвоззваниями.

79. На ходу вскакивают Васильев и Карпов. Васильев спрашивает:

КУДА ИДЕТ?

Никто не отвечает. Все заняты спором.

80. В комнату Тюкина входит гимназист, бросает связку газет, убегает.

81. Тюкин берет газету, смотрит. Юнкерская газета «Серая Шинель» с крупными заголовками:

МЫ ТРЕБУЕМ ХЛЕБА И МИРА.

82. Медленно поворачивается телескоп. Астроном смотрит в небо.

83. Бежит вагон трамвая. Внутри вагона уже переменилась публика. Все митингуют.

84. Васильев смотрит из вагона, чтобы сообразить, где едут.

85. Громадная очередь за хлебом митингует сбиваясь. Митинг старается сохранить признак очереди.

Люди цепляются друг с другом по трое, как остаток слова в рассыпанном наборе.

86. У входа в Михайловский манеж. Входит Карпов и Васильев.

87. Человек из автомобиля вылезает, что-то горячо об'ясняет Васильеву.

88. Из недр огромного Михайловского манежа собирается еще кучка солдат.

Назначает дневальных. Дневальные с винтовками становятся у ворот.

89. В комнате чиновника. Тюкин подходит к окну, смотрит. Прямо против него здание Владимирского училища.

90. Тюкин подходит к квадратику паркетного пола. Пробует рукой—не шатается ли. Хочет что-то достать, не достает.

Подходит к зеркалу, примеряет кепку, кепка ему не нравится, одевает чиновничью шапку с кокардой. Доволен, говорит:

ТАК СМЕЛЕЕ.

Зовет. Входит немолодая кухарка, подает ему шинель.

91. Тюкин, с газетами под рукой, уходит.

92. На главных часах Пулковской обсерватории без одной минуты 12.

93. Работает механизм времени. Автоматическое соединение проводов.

94. Берег Невы. На Петропавловской крепости у пушки показывается дымка выстрела.

95. На Троицком мосту. Тюкин смотрит на часы.

96. В его квартире кухарка смотрит на часы.

97. В Михайловском манеже шофер смотрит на часы, вделанные в переднюю доску автомобиля Пакарда.

98. В какой-то квартире в бельэтаже просыпается человек и смотрит на маленький будильник.

99. На Невском люди смотрят на думские часы. Вся Дума заклеена воззваниями.

100. Весь город смотрит на часы.

101. Михайловский манеж. Васильев с удовольствием говорит Карпову:

ВСЕ-ТАКИ, ХОТЬ ВРЕМЯ ДВИЖЕТСЯ.

102. Обсерватория. На плечо астронома опускается чья-то рука. Астроном оборачивается.

103. Перед ним казачий офицер с усталым и небритым лицом.

104. Офицер говорит:

СЛЕЗАЙТЕ, ГРАЖДАНИН!

105. Ученый с недоумением, но все же послушно, слезает.

106. Офицер садится на его место, смотрит в трубу.

107. Звездное небо. Офицер оборачивается к астроному и говорит устало:

КАКАЯ МЕЛОЧЬ.

108. Барельеф над входом в Михайловский манеж. На барельеф смотрит Тюкин, с газетами под мышкой, опускает глаза.

109. У ворот Михайловского манежа стоит дневальный. У дневального в руках винтовка. На штыке винтовки наколоты пропуска.

110. Тюкин подходит к солдату, любезно и испуганно говорит:

ТОВАРИЩ, НЕ ХОТИТЕ ЛИ ПОЧИТАТЬ?

Протягивает связку газет.

111. Солдат берет почти всю пачку, смотрит на нее, потом накалывает на штык, как пропуск.

112. Михайловский манеж. Слева стоят грузовики, справа—броневики.

113. В воздухе, на высоте двойного человеческого роста, стоит дым от заводки машин. Сбоку лежит корпус грузовика, снятого с шасси.

114. Карпов, Васильев, шофера и пулеметчики усиленно спорят друг с другом.

115. Среди шоферов в черной кожаной куртке, очень хорошо сидящей, с узенькими погонами, английского типа, усиленно спорит молодой и красивый офицер Ганжумов (у Джон-Рида он называется Ханджумов). Ганжумов становится на сиденье шофера и говорит:

ТОВАРИЩИ, МЫ НЕЙТРАЛЬНЫ, МЫ КАК ВИКЖЕЛЬ, КАК ТРАНСПОРТНИКИ.

116. Лицо говорящего Ганжумова. Ганжумов говорит, как иностранец, отчетливо артикулируя.

117. Шофера слушают. Ганжумов пользуется среди них уважением. Это боевой офицер.

118. Сбоку стоит высокий черный офицер без погон Халил-Бек. Халил-Бек говорит:

ПО-МОЕМУ, ВЗЯТЬ БРОНЕВИК И ЕХАТЬ НА ДОН.

119. Васильев вскакивает, показывает кулак, говорит:

МЫ ТЕБЕ ПОЕДЕМ!

ПРИМЕЧАНИЕ. Халил-Бек действительно взял броневик системы Остена с шофером и двумя помощниками, он проехал на нем до станции Винницы, идя грунтовой дорогой. Под Винницей он был взят с боя 3 броневиком. Сбежал из плена, был в Новочеркасске, и там его зарубили офицеры шашками, как это ни странно, за демократические убеждения.

120. Васильев говорит:

Я ЗА НЕЙТРАЛИТЕТ. ЭТИ БОЛЬШЕВИКИ НАМ РОССИЮ ПОГУБЯТ.

121. Карпов, не подымая головы, не переменяя позы, бурчит:

ДРУГУЮ ЗАВЕДЕМ.

122. Рука чертит на бумаге план Михайловского манежа.

123. Владимирское училище. Над столом склонилось несколько человек: коротко остриженный Филоненко, бывш. комиссар временного правительства при штабе верховного главнокомандующего, опустивший свою круглую голову с торчащими ушами, авторитетно что-то об'ясняет юнкерам.

124. План Михайловского манежа. Показано, как можно на него напасть сзади с Садовой улицы, через окно и как можно в'ехать в ворота.

125. В стороне от стола в большом кресле сидит юнкер с винтовкой. Чистит ее, смотрит в дуло, собирает замок.

126. Михайловский манеж. Ганжумов продолжает вести митинг, говорит:

ТОВАРИЩИ, БУДЕМ ГОЛОСОВАТЬ.

127. Филоненко подходит к окну, смотрит на улицу, говорит:

НАРОД НАС ПОДДЕРЖИТ.

128. Аппарат идет через улицу на высоте второго этажа и входит в окна Тюкина, живущего против Владимирского училища.

129. Тюкин в пальто сидит усталый, замученный и испуганный. Перед ним стоит Марфа.

130. Тюкин что-то говорит ей, а она смотрит на него с изумлением и как-будто с презрением.

131. Перед Михайловским манежом возятся с Гарфордом, стоящим в воротах.

132. Карпов пытается завести броневик. Залезает во внутрь.

133. Заливка эфиром или бензином компрессионных краников броневика.

134. Карпов вылезает из броневика, пытается завести броневик, упершись ногою в ручку. Машина не заводится.

135. Карпову помогает пулеметчик. Входит Ганжумов, говорит Карпову:

С ХОДА ЗАВЕДЕМ.

136. Гарфорд припряжен к большому грузовику, на котором шофер сидит чрезвычайно высоко. Это такая машина, которая может служить тягачем.

137. Грузовик начинает крутить за собою по площади броневик.

Карпов сидит внутри броневика, освещенный светом через несколько отверстий. Рядом с ним в качестве помощника пулеметчик.

138. Нога на конусе. Нога вжимает конус.

139. Переводка рычага на вторую скорость.

140. Карпов включает конус.

С'емка снаружи. Веревка или цепь между броневиком и грузовиком натягивается. Колеса как-будто тормозятся.

141. Нога на конусе. Карпов вжимает конус. Веревка ослабевает.

Колеса не крутятся, идут юзом.

142. Новое включение.

143. Дым из глушителя броневика.

144. Пулеметчик говорит Карпову:

ИДЕМ К НАШИМ.

145. Карпов улыбается внутри броневика.

146. С'емка снаружи: броневик и грузовик.

147. Броневик дает задний ход, тащит за собой грузовик. Две машины как-будто играют в то, кто кого перетянет. Цепь лопается.

148. Из Михайловского манежа выбегает Ганжумов, кричит:

СТОЙ, СТОЙ!

149. Карпов дает передний ход, машина быстро идет вперед.

150. Гарфорд идет в сторону Невского.

Из верхнего отверстия башни уходящего броневика высовывается пулеметчик, машет рукой и кричит:

ДОСВИДАНИЯ, ТОВАРИЩИ, НАШИХ НЕТ!

Конец второй части.

Часть третья.

151. Гатчинский дворец. В большой пустой комнате Керенский играет в шахматы с ад'ютантом.

152. Доска. Ад'ютант дает Керенскому шах и мат.

Керенский смотрит на него и говорит:

ПРЕЖДЕ ВЫ МЕНЯ НЕ ОБЫГРЫВАЛИ.

153. Керенский начинает расставлять шахматы, спрашивает у ад'ютанта:

ВСЕ ВЫХОДЫ ДВОРЦА ОХРАНЯЮТСЯ?

154. Ад'ютант вежливо отвечает:

У ДВОРЦА ТОЛЬКО ОДИН ВХОД.

155. Керенский подходит к окну.

156. Из Гатчины далеко видно, там, за окном, зарево, которое стоит над горизонтом от фонарей большого города.

157. Рука, лениво перебирающая струны гитары.

158. Внутренность броневика. Двери броневика открыты.

159. Сидит Васильев, играет, поет:

ОДИН, ОДИН БЕДНЯЖЕЧКА, КАК РЕКРУТ НА ЧАСАХ...

160. Пустота огромного манежа. Высокие закопченные свечи.

161. Зал бывшего дворца Сергея Александровича. В углу комнаты стоит огромный канделябр, похожий на дерево. Под его ветвями стол. За столом Карпов рассматривает 3-х дюймовый снаряд с чекой (шплинтом) в ударной трубке.

162. Под'езд дворца. На Невском стоит большой Гарфорд.

163. Здание дворца. Карпов перебирает снаряды, разговаривает со штатским, сидящим за столом. На стенах плакаты, воззвания большевиков.

Среди них воззвание о защите учредительного собрания, воззвание о наступлении на Керенского.

164. Михайловский манеж. Ворота манежа закрыты дымом. В клубах дыма вкатывается грузовик.

165. Капитенармус, стоя на подножке, машет рукой, кричит:

СВОИ, СВОИ!

166. Васильев смотрит. Внезапно со дна грузовика встают вооруженные юнкера, бегут к машинам.

167. Подбегают к Васильеву, кричат:

ЗАВОДИ!

168. Васильев ставит гитару на землю.

169. Юнкера одевают шоферские шубы и становятся у ворот манежа.

170. Дворец Сергея Александровича. Васильев пошел к выходу, потом подумал о чем-то, вспомнил.

Снял со своей фуражки кокарду и прикрепил на ее место знак броневиков—пулемет на колесах с крыльями (отсутствие кокарды означало форму солдат большевиков, вместо кокарды, они носили арматуру, снятую с погон своей части).

171. Растерянный Васильев возится около своего броневика. Подымает голову, спрашивает у юнкера:

КУДА ЕДЕМ?

172. Юнкер лениво тыкает Васильева штыком. Тот смотрит на юнкера и заводит броневик.

173. Дым в манеже спускается еще ниже.

В дыму во внутренность броневика садятся еще несколько юнкеров.

174. Дворец Сергея Александровича. Звонит телефон. Штатский человек разговаривает по телефону.

175. Утро на пустом Невском. Слегка пылит. Улицы совершенно пусты. Улицы сняты через горизонтальное окошко броневика, образованное полуспущенными броневыми шторами. Эта полоса, шириною в 3 пальца, бежит поперек Невского. Броневик идет от адмиралтейства к Александровскому вокзалу.

176. Внутри броневика. В башне (лучше взять Ланчестер) юнкер заламывает бронебойное ядро (стальное, блестящее без всякой головки) в дуло пушки Гочкис.

177. Бегущий Невский сквозь отверстия бойницы броневика. Юнкер смотрит, задумался на несколько минут. Картина Невского сменяется старым Невским 14 г. с богатыми домами, магазинами.

Юнкер смотрит, лицо у него сурово.

Опять бежит пустой Невский.

178. В броневике два юнкера внизу за спиной Васильева, который сидит за рулем. В броневике жарко. Гимнастерки юнкеров расстегнуты. Васильев скинул шубу, и она лежит вокруг него. Спина Васильева освещена двумя кругами от задних отверстий броневика.

179. Юнкер смотрит назад.

Через два отверстия видно убегающее адмиралтейство.

180. Гарфорд снят снизу, прямо из-под колес. Пулеметчик завел Гарфорд.

В Гарфорд спешно садятся рабочие с винтовками на веревочках, среди них какой-то старый человек в черной шляпе.

181. Лицо Васильева видно в переднем отверстии. Броневик поворачивается, делает круг по Невскому и начинает двигаться задним ходом.

182. Внутри броневика. Васильев сидит, положив правую руку на штурвальное колесо, левой оперся на спинку сиденья. Голова повернута назад.

183. В заднем отверстии броневика виден Невский и бегущий по нему Ланчестер.

184. Васильев за рулем Ланчестера. В переднее отверстие виден Гарфорд.

Под движущимся Гарфордом к глушителю приделан гудок из 3 трубок. Из этого гудка 2 раза показывается длинный дым и один раз короткий.

185. Ланчестер. Пушка стреляет.

186. Васильев у руля с открытым ртом.

187. Три раза показывается дым на сером фоне.

Лицо Васильева. Васильев говорит:

КАРПОВ.

188. Второй выстрел из пушки в башне.

189. Внутри Гарфорда. Сжимаются компрессеры 3-х дюймовой пушки (стреляют).

190. Внутри Ланчестера. Бегут по бокам, в боковых отверстиях улицы, вывески города.

Кто-то открывает, закрывает окна.

Виден переполох на улице.

191. Гарфорд. Васильев внезапно поворачивает руль и идет в сторону адмиралтейства.

192. Адмиралтейство показывается в узком горизонтальном каше,

193. а броневик Гарфорд—в задних круглых отверстиях.

194. Внутри броневика. Васильев борется с юнкером, который хочет повернуть руль.

195. Внешняя с'емка. По Невскому проспекту, как безумный, от одной стенки к другой катится, залезая на панели, как-будто чудом проходя мимо столбов, броневик Ланчестер.

196. Пушка стреляет.

197. Показать развороченную крышу в одном из боковых домов (промах).

198. Броневик заворачивает в сторону Михайловской улицы и останавливается около решетки Русского музея.

199. Юнкера вытаскивают Васильева.

200. Квартира против Владимирского училища. Спит Тюкин.

201. Входит его кухарка. Бросает дрова.

202. Тюкин просыпается, спрашивает:

СТРЕЛЯЮТ?

203. Кронверский проспект. Едет грузовик, переполненный людьми.

На грузовике столько пулеметов и людей, что если бы он начал сражаться, то нужно было бы скинуть половину оружия.

Даже на крыльях машины лежит по человеку (грузовик снят отступающим аппаратом).

204. Шофер как-то особенно осторожно поворачивается медленно небольшим кругом.

205. Грузовик рванулся вперед, остановился.

206. Люди на грузовике подняли руки, закричали.

За грузовиком была привязана 3-х дюймовая пушка. Сейчас она оторвалась.

207. Осаживают грузовик, связывают веревку, пушка снова тронулась.

208. Гребецкая улица оживлена. Одиночные солдаты с винтовками. Солдаты явно идут в одну и ту же сторону.

209. У ворот дворник, кухарка и всякий «простой люд».

210. Окна Владимирского училища. Из окон выглядывает пулемет. Он поворачивается направо и налево, как-будто рассматривая.

211. Смонтировать с движения пулемета показ Гребецкой налево и направо.

212. Справа с Большого проспекта и слева от красного дома Тривуса идут одиночные солдаты. Люди сгущаются, готовятся к нападению.

213. Прыгает по ухабам орудие за грузовиком.

214. На грузовике кричат:

СТОЙ, СТОЙ!

215. Комната во Владимирском училище. Стоят кровати. С маленькими железными переплетами окна заложены матрацами. Лежа на полу, юнкер пишет записку:

КЕРЕНСКОМУ. ЕСЛИ ВЫ НЕ НАЧНЕТЕ НАСТУПЛЕНИЕ С ГАТЧИНЫ, НАС УНИЧТОЖАТ.

216. На Зверинской улице к броневику привязывают опять оторвавшуюся пушку уже куском кабеля.

217. Перед юнкером стоит маленький бойкий гимназист, берет записку, напяливает на себя серую шинель и хочет одеть юнкерскую кепку. Шинель полами лежит на земле.

218. Юнкер устало смеется, говорит:

ПОЕДЕШЬ ГИМНАЗИСТОМ.

219. Дом перед Владимирским училищем. Забор в глубине двора разломан.

Во двор на руках вкатывают орудие.

220. Владимирское училище. Пушка в подворотне дома. Пушка стреляет.

221. Фасад дома перед Владимирским училищем. На окнах стояли горшки с цветами.

При выстреле все горшки падают на улицу.

222. Неповрежденным стоит Владимирское училище.

НЕ ПОПАЛО.

Конец третьей части.

Часть четвертая.

223. Крыша Владимирского училища. На четвереньках за гребнем крыши ползет гимназист. Переползает на соседний дом.

224. Комната перед Владимирским училищем. На четвереньках на полу стоит Тюкин.

225. Паркет. Одна планка вынута. В тайничке лежит револьвер типа нагана, завернутый в промасленной тряпке.

Тюкин берется за наган.

227. Под воротами. В подворотне стоит пушка. Пехотинцы возятся с ней, не могут навести ее на Владимирское училище.

228. Кухарка около орудия остановилась. Она с корзинкой шла на базар. С трудом справляется с затвором, открывает затвор. Смотрит в дуло пушки, как в трубу.

229. Небо, видимое через дуло, как через трубу.

230. Пушка начинает двигаться.

231. В отверстие показывается стена Владимирского училища.

232. Кухарка закладывает снаряд. Пехотинец стреляет.

233. Комната перед Владимирским училищем. Тюкин на полу вздрогнул от выстрела. Не решился взять револьвер, закрыл тайник не плотно квадратиком паркета.

234. Гимназистик спускается с дома по пожарной лестнице.

235. У решетки «Музея Александра III».

236. Васильев стоит у решетки. Юнкера перед ним с винтовками.

237. Юнкер смотрит на часы. 12 часов на ручном браслете.

238. Часы без одной минуты 12 на всех часах Питера: на публичной библиотеке, на Думе, на часах Винтера, на часах под аркой главного штаба.

239. Чиновник, сидя на полу, смотрит на часы.

240. Петропавловская крепость.

Перед ней стоит на другой стороне реки человек с часами.

241. 12 часов на золотых часах. Пушка не стреляет.

242. Пулковская обсерватория. Оставленный механизм времени.

243. На месте астронома у трубы спокойно сидит кошка.

244. Человек (на набережной) от неожиданности, что пушка выстрелила, роняет часы.

245. У решетки музея стоит Васильев. Юнкер говорит ему растерянно:

НЕ ВЫСТРЕЛИЛИ.

246. Падают в саду на Михайловской площади листья. Ветер несет их. Листья летят под ноги Васильева. Васильев берет кленовый лист черенком в зубы.

247. Юнкер участливо спрашивает его:

ЗАКУРИТЕ?

248. И дает портсигар.

249. Портсигар с тысячей монограмм, с фигурой женщины, со слоном, с хлесткими подписями.

250. Васильев берет в руки портсигар, смотрит и говорит:

И У МЕНЯ ТАКОЙ ЖЕ, А ВОТ ВЫ МЕНЯ РАССТРЕЛИВАЕТЕ.

251. Путиловское шоссе. Быстро работая ногами, в черном макинтоше, едет маленький гимназистик.

252. Усталые, разрозненные солдаты группками, по одиночке идут навстречу ему, из Пулково на Ленинград к большевикам. Туманно. Дождит.

ПРИМЕЧАНИЕ. Кадр сужен капюшоном, накинутым на голову гимназистика.

253. Юнкера стоят перед Васильевым, взявши винтовки. Один отошел в сторону, протягивает руку, говорит:

КАПЛЕТ.

Потом смотрит на Васильева и говорит почти просяще:

А ВЫ МОЖЕТ БЫТЬ НАС ПОВЕЗЕТЕ?

254. Васильев бросает папиросу и говорит:

ЛАДНО ЕДЕМ, Я ВАМ НЕ СУСАНИН.

255. Комната Тюкина. Входит Тюкин, говорит устало:

ЕЩЕ ДЕРЖАТСЯ?

256. Потом идет к квадратику тайника. Хочет поправить тайник. Заглядывает в него.

257. В тайнике пусто. Тюкин в ужасе. Смотрит на часы. Час.

258. Открывается дверь. Входит кухарка. На подносе у нее кофе, хлеб, масло.

259. Чиновник машинально садится за стол.

260. Кухарка ставит перед ним на стол поднос. Наклонилась.

261. Тюкин с ужасом видит на груди кухарки, за кофтой, засунут наган. Тюкин глотает, обжигаясь кофем.

262. Фонтан с колоннами на Петергофском шоссе. Из струи воды пьет гимназист.

263. Раскрытый купол обсерватории. Одиноко стоит труба. Сырость на медных приборах.

264. Из каше боевого отверстия броневика.

265. Крыша гостиницы «Астории». На краю крыши смотрят 2 мальчика разведчика.

266. Из щели с места шофера. Слева наступают из-за дерева матросы.

267. Во тьме броневика. Ноги пулеметчика. Они вздрагивают.

268. Из броневика. Рустованная стена здания. Броневик стоит рядом на тротуаре с зданием бывш. министерства земледелия.

269. Из верхнего отверстия броневика. Высоко задран пулемет для того, чтобы попасть в крышу.

270. Глаза шофера через щель смотрят вверх.

271. С крыши падает тело мальчика.

272. Лицо Васильева, перерезанное поперек узким светом из отверстия окна.

273. Васильев смотрит вбок.

274. Слева, со стороны Исаакиевской площади, близко прижимаясь к земле, ползут матросы. Они пробираются к броневику.

275. Васильев трогает машину и прижимает ее еще ближе к дому.

276. Пулеметчик сверху напряженно старается достать пулеметом матросов, но около броневика образовалось мертвое поле (т.-е. большое пространство, находящееся вне огневого действия. Оно образуется по линии между предельной близостью пулеметного огня и стенкой броневика).

277. Сквозь щель. Матросы у броневика.

278. Внутри броневика. В отверстия показываются штыки.

279. Васильев у руля.

280. Юнкер приставляет к затылку его винтовку.
281. Гатчинский дворец. Керенский стоит у окна.
282. Входит придворный лакей. Начинает убирать шахматы.
283. Керенский спрашивает:

КУДА?

284. Лакей спокойно отвечает:

КАК ЖЕ, ОНИ МУЗЕЙНЫЕ.

285. Керенский проходит по комнате, смотрит на лакея и говорит:

ВЫХОД ЗАНЯТ БОЛЬШЕВИКАМИ?

286. Лакей кивает головой.
287. Керенский наклоняется к уху лакея, спрашивает:

ДРУГОГО ВЫХОДА НЕТ?

288. Лакей смотрит на него, отвечает:

ЕСТЬ ЧЕРЕЗ ПОДВАЛ.

289. Петергофское шоссе, видимое через отверстие быстро идущего Гарфорда. Вдали виден утекающий велосипедист.
290. У Гатчинского дворца. Керенский садится в автомобиль.
291. Автомобиль дает ход, трогается вперед и закрывается облаком дыма и пыли.
292. Дым падает. С запиской в руках стоит гимназист и протягивает ее в сторону уходящего автомобиля.
293. Лакей смотрит на гимназиста и говорит ему, взяв записку:

К КЕРЕНСКОМУ? В МУЗЕЙ ОТДАЙ.

Отворачиваясь, идет, потом подзывает мальчика говорит:

ПОЙДЕМ ХОТЬ ЧАЙ ПИТЬ.

Конец четвертой части.

Часть пятая.

Внутри броневика. Васильев говорит:

ЛАДНО, ПОЕДУ.

294. Исаакиевская площадь. Аппарат начинает подыматься и снимает разными горизонтами из разных этажей «Астории». Аппарат подымается до уровня крыши Исаакиевского собора. Аппарат снимает крышу Исаакиевского собора.
295. На крыше два ангела смотрят в сторону Гатчины. Ангелы большие, тяжелые, работы Пименова.
296. У барабана купола Исаакиевского собора. Стоят у решетки люди. Смотрят через решетку в сторону Гатчины.
297. С крыши Исаакия. Панорама Ленинграда с Исаакиевского собора. Аппарат обходит Исаакиевский собор вокруг барабана.
298. Тюкин среди толпы у решетки смотрит вдаль в театральный бинокль. Опускает бинокль, говорит:

ПЛОХИЕ СТЕКЛА—НАШИХ НЕ ВИДНО.

299. Исаакиевская площадь, снятая сверху. Маленькой коробочкой через пустынную площадь пробегает броневик.

300. На площади пусто, остался один труп матроса.

301. Тюкин на крыше говорит соседу:

БРОНЕВИК ПОШЕЛ НА ПОМОЩЬ ЮНКЕРАМ.

ПРИМЕЧАНИЕ. Такое ожидание на крыше собора представляет собой исторический факт. Во время наступления Юденича, приблизительно в то же время—в октябре, ноябре—вышка Исаакиевского собора посещалась, как никогда. Люди влезали, чтобы посмотреть на Юденича.

302. Шоссе. По шоссе несется автомобиль Керенского.

303. Заяц перебегает ему дорогу.

304. Мелькают дома, видимые через отверстия броневика. Внутри радостный Васильев и юнкера. Скорость движения все возрастает. Юнкер говорит юнкеру:

ШОФЕР УНЯЛСЯ. ПОСПЕЕМ К ВЛАДИМИРСКОМУ.

305. Пулковская обсерватория. Около обсерватории стоит Гарфорд.

306. Пулковская обсерватория внутри. Астроном сидит у трубы. Карпов рядом в роде телохранителя. В комнате беспорядок: стул лежит на боку. Карпов подходит к стулу и ставит его на место.

307. В каше бокового отверстия. Петропавловская крепость, растянутая в каше от быстрого движения.

308. Броневик проезжает через питерские горбатые мосты.

Небо.

Через отверстие двери—скошенное здание, арка Эрмитажа.

Скорость движения броневика возрастает.

309. Внутри броневика. Юнкер кричит Васильеву:

ОЛУХ, НЕ ТА ДОРОГА, ЧЕРЕЗ ТРОИЦКУЮ НАДО.

310. Снова мост, арка Эрмитажа.

Беспокойство внутри броневика.

311. Через переднюю створку. Сенатская площадь, 2 гранитные вазы по сторонам широкой лестницы, идущей в воду.

312. Васильев делает поворот в эту сторону, потом броневик идет снова вперед.

313. Сход к воде полукруглыми лестницами Дворцовой набережной. Лестницы видны через боковые отверстия броневика. Ступени.

314. Небо в задних отверстиях броневика.

Вода, косо снятая через переднее окошко.

315. Перила, совсем близкие через левое отверстие.

316. Гранитная стена через правое отверстие.

317. Внутри броневика. Васильев у руля.

Деталь: нога наступает на газ.

318. Вода вливается через отверстие передней створки.

319. Вода волной вливается в броневик.

320. Разбитые окна Владимирского училища.

321. В куполе Исаакиевского собора (купол Исаакиевского собора состоит, как известно, из конической конструкции железо-гончарной и из фальшивого сферического купола. Там, в пустоте этой ложной конструкции, идут на бок положенные лестницы). По лестницам печальной разочарованной вереницей идут люди, стоявшие на верху Исаакиевского собора. Впереди Тюкин.

322. Раскрытый купол Пулковской обсерватории.

323. Медленно движется звездное небо (очень длинный план не менее 15 метров). Звезды встают и опускаются.

ПРОШЛИ ОДНИ ЗВЕЗДНЫЕ СУТКИ.

324. Пулковская обсерватория.
Астроном у трубы. Зовет Карпова.
325. Карпов подходит к трубе, смотрит:
326. Звезды.
Работают часы механизма времени.
327. Работает механизм, поворачивающий трубу.
328. Невский проспект. Тюкин стоит с газетами под рукой и предлагает их прохожему. Кричит:

КУПИТЕ ГАЗЕТУ У НЕУНЫВАЮЩЕГО, САБОТИРУЮЩЕГО ИНТЕЛЛИГЕНТА.

329. Кухонные часы показывают без 3 минут 12.
330. Кухарка смотрит.
331. Петропавловская крепость.
332. Показ часов Думы, публичной библиотеки,
333. главного штаба, ручных,
334. будильников.
335. Кухарка смотрит.
336. Петропавловская крепость.
337. Работает механизм времени на Пулковской обсерватории.
338. Контакт.
Петропавловская крепость. Пушка стреляет.
339. Дым над рекой.
340. Кухонные часы без двух минут 12. Дрогнули стекла.
341. Кухарка слышит выстрел и переводит часы.

ВРЕМЯ ДВИНУЛОСЬ СНОВА, НО УЖЕ В НОВЫХ РУКАХ.

342. Карпов у машины обсерватории, смотрит, говорит:

БУДЕТ ЧТО РАССКАЗАТЬ ВАСИЛЬЕВУ.

343. Карпов смотрит в трубу на небо.
344. Звездное небо.
345. Гарфорд стоит у обсерватории.

Конец.

ПРОМЫВКА ЭКСПОРТНОЙ ШЕРСТИ «Киносибирь»

СТАРАТЕЛИ «Киносибирь»

СТАДО ПЛЕМЕННЫХ ОВЕЦ «Киносибирь»

СТРИЖКА ОВЕЦ «Киносибирь»

БОРИС БУЛАТОВ

237 и „Комбайн"

(Записки кинорежиссера).

Телеграмма была адресована: «Барнаул вокзал поезд 4 вагон 4927» и прибыла скорее, чем алтайский поезд.

В телеграмме, переданной «главным», было сказано, что конечный пункт поездки—станция Поспелиха, а об'ект с'емки—коммуна «Пахарь-Заря».

Самое важное заключалось в том, что телеграмма расширяла рамки работы и предлагала сделать не хроникальную зас'емку новой машины, прибывшей в коммуну, а небольшой самостоятельный фильм о коммуне.

В коммуне шла работа. День предстоял солнечный, погожий. Дневная нагрузка могла быть выполнена целиком. Достаточно было беглого взгляда «горизонтальной панорамой», чтобы понять, почувствовать, что каждый коммунар находится на своем, определенном для него месте.

И выпускавший из загона гусей, и кормившая уток, и запрягавший в арбу лошадей, и осматривавший мотор гордости коммуны—грузовика—тракторист—все и коммунары и коммунарки, и старики и молодежь—деловито и просто, серьезно делали по мелочам большое дело.

Потом, присмотревшись ближе «в деталях», я ощутил в работе каждого и всех вместе взятых какую-то скрытую кладку кирпичей, бревен, фундамента и стен большой и новой стройки.

Пока собирались к новой машине, успел в поисках «точек» для с'емок пошататься по коммуне. Набрел на группу членов комиссии, ходившей с зам. предом коммуны тов. Добренко, который давал короткие, скупые об'яснения.

— «Здесь у нас будет фруктовый сад».

Ударение в этой фразе было не на слове «сад», а на волевом «будет».

И ясно было, что на том месте, где сейчас только заявляли свое право на жизнь крохотные плодовые деревца, будет фруктовый сад.

И еще раз:

— «Сад будет!».

Ну, конечно, будет! Потому что выписали откуда-то специальные сорта фруктов, специальные семена; делом занялись специальные люди любовно-серьезно, добились первых, но уже определенных результатов.

Конечно, сад будет!

Отсюда к машине.

Из далекой Канады, из штата Онтарио, оттуда, где премьер Мекензи Кинг, по указке из Лондона, прервал без всякого повода сношения с СССР, оттуда, невзирая на «немилость» премьера, прибыла в коммуну «Пахарь-Заря», машина «Комбайн № 9», или—попросту—«Комбина».

Прибыла в сибирскую коммуну на испытание.

С ней приехали американские монтеры: мистер Нето и мистер... Зозуля.

Об Нето ничего не скажешь и с ним не поговоришь, потому что он ни слова по-русски не понимает.

И все же прославился он в коммуне.

Прославился своим богатырским ростом и быстро получил кличку «полтора Ивана!».

Зато мистер Зозуля... Вы чувствуете что-то украинское в этой фамилии? Да, да, «Забувала та сыва зозуля...».

И точно: его родители эмигрировали из Украины в Америку, сами английскому языку так и не научились и померли в 1916 году, а Павел Зозуля—гражданин САСШ—американец, хоть и не стопроцентный, говорит по-английски и очень недурно владеет русским языком.

Правда, он не все слова произносит правильно, говорит «элевейтор», через каждые 2-3 слова любит кстати и не кстати сказать «как вам известно», но все его хорошо понимали, и он всех понимал великолепно.

Мистер Зозуля инструктировал подробно о машине, ее устройстве, всех ее качествах, способе управления ею—словом, выполнял точно все директивы своего хозяина «Мерсей Гаррис'а». Он был хорошим приказчиком, вместо того, чтобы... чтобы самому в коллективе рабочих стать с ними хозяином.

Впрочем...

Когда снимали на фото комиссию по приемке машины и обоих американцев с коммунарами, кто-то спросил:

— «Мистер Зозуля, а ты не боишься, что в Америке увидят и узнают, что ты снимался в СССР с коммунарами и большевиками?».

Мистер Зозуля улыбнулся:

— «Как вам известно...» замялся, улыбнулся снова и замолчал.

А потом опять перешел к машине. Американцы торопились и собирались уезжать в то же утро.

...Мы снимали...

Работу прервал сигнал к завтраку.

В коммуне общая столовая на берегу речки Алей. К столовой надо спуститься вниз, но коммунары, услышав сигнал, побрели к своим квартирам.

Потом я узнал, в чем дело, а пока мы спустились к столовой. У входа нас встретила дежурная коммунарка, возле нее на табурете стояло ведро с водой, а в руках она держала ковш и полотенце.

Сопровождавший нас Добренко предложил вымыть руки.

Позже перед обедом, когда после сигнала коммунары у своих жилищ мыли тщательно руки, умывальник вошел «крупным планом», огромным фактором культуры новой деревни...

В столовой на нескольких столах стояли приборы, порции масла (своего, конечно, прекрасного масла), кружки с молоком, лежал нарезанный хлеб и вкусно дымился приготовленный в масле картофель. А затем чай, сахар, мед и для гостей—варенье.

В определенные часы три раза в день сперва маленькие, а потом взрослые коммунары прекрасно и сытно питаются.

На кухне и в столовой дежурят коммунарки по наряду на неделю. Их «прозодежда»—белые халаты—тоже громко говорит о кладке кирпичей и о возведении стен замечательной постройки новой жизни.

...После завтрака—в поле.

Там идет тракторная вспашка. И пока комиссия занимается детальным осмотром машины перед испытанием и слушает об'яснения своего механика тов. Никитина, легко

постигшего американскую механику, мы с аппаратом проезжаем мимо склонившихся «общим планом» колосьев.

...Коммуна имеет теперь до 2000 десятин земли, ввела десятиполье: урожай ожидается изрядный: в среднем по 100 пудов с десятины.

...Коммуна «Пахарь-Заря» (а не «Заря пахаря», как мы раньше гадали, думая, что так «правильно») является об'единением двух коммун—«Пахарь» и «Заря», слившихся воедино. Постепенно в эту единую коммуну вступали еще бедняки и батраки и частично середняки, и сейчас коммуна насчитывает 237 едоков.

...В коммуне все обобществлено. Коммуна занята сейчас усиленной стройкой: строится утепленный скотный двор, новое общежитие, новая школа, новый хлев...

Обо всем этом гордыми обрывками сообщал мне Добренко, сопровождавший меня в поле на с'емку.

Приехали.

Как весело стрекочут идущие друг за дружкой два «Интера»! А за ними грузно шагает «Фордзон».

Сняли. Возвращаемся обратно.

В коммуне все работают, кроме больных детей. Всяк по своим способностям и возможностям.

— «Вот наши бахчи»,—заявляет Добренко, а вот и «заведующий»,—добавляет он, указывая на седенького старичка, сидящего на земле.

«Заведующему бахчами»—тов. Петрунину уже немало лет, но первое, что бросилось в глаза, когда мы подошли ближе, это номер «Молодой Деревни», которую он читал.

Знакомимся. Об'ясняю цель приезда и предлагаю ему подвезти его до шалаша для с'емки.

— «Подвезти? Да я рысью добегу мигом!».

Поднялся и зашагал бодро и легко.

А мы в это время снимали общий план бахчей с наплывом на крупный арбуз.

Подошли к тов. Петрунину. Снимаем.

Неожиданно аппарат закапризничал. Понадобилась нитка.

Кто-то кому-то, шутя, предложил взять нитку с креста на шее.

Все рассмеялись.

Тогда обратились с тем же предложением к Петрунину.

— У меня?!! Нитка с креста?!! Да я его в детстве еще потерял!

И, хитро прищурив глаз, ухмыляется.

И снова почудилось, что старческая рука широким, молодым взмахом опустила молот и в какую-то скрепу ловко и прочно вбила гвоздь.

А рядом с бахчами другой старик пасет баранов. Их 16 штук в коммуне. Сняли.

Возвращаемся в коммуну к обеду маленьких.

Отправились в ясли.

Чисто, светло.

Будущие коммунары обедают. Снимаем их общим планом и крупно.

После обеда их умывают и укладывают спать в маленькие чистые постели.

Прекрасная детвора.

А смена постарше, что с красными галстуками, та уже пообедала и отдыхает.

Вообще, как правило, после обеда в коммуне установлен «мертвый перерыв».

Но этот «мертвый» перерыв всегда полон жизни: там в группе коммунаров идет читка газеты (выписывают «Правду», «Советскую Сибирь», «Молодую Деревню»), там разговор на злободневные темы, там пионеры (их 39 в коммуне), повозившись с выделенными специально для них двумя поросятами, устроили политчас, комсомольская ячейка (21 человек) организовала летучее собрание, а там группа крестьян из соседних сел пришла посмотреть на новую машину, которая так чудесно и жнет, и молотит одновременно.

И уж на сей раз сам Добренко об'ясняет крестьянам все и показывает, как работает машина, рассказывая, какая от нее польза, и за одно указав на те огромные преимущества, какие машина даст коммуне при уборке урожая.

...Мы снимаем. Все снимаем...

...Я заметил, что в коммуне сравнительно редко кто курит.

Спросил. Оказывается, действительно, курильщиков насчитывают единицами, а очень много коммунаров бросили курить.

— Вслед за т. Бухариным!..

...После отдыха снова за работу.

А вечером за ужином в столовой живо все делятся впечатлениями дня.

В центре внимания, конечно, машина «Комбайн» —«Комбина».

Комиссия выезжала в поле для частичного испытания и сейчас обсуждает первые результаты пробы машины.

Собственно, первая проба «Комбайна № 9» произошла еще 10 августа, когда выезд машины в поле сопровождался грандиозным шествием почти всей коммуны и большого количества крестьян из окрестных деревень.

Машина была пущена на участке ячменя, но в виду позднего времени много сделать не удалось.

11 августа проба снова производилась на пшенице «мильтурум» (красноколосой), и тогда уже был выявлен ряд достоинств в работе машины.

Сейчас в столовой подытоживались некоторые данные о работе машины.

Неожиданно разговор о «Комбайне» был прерван дежурной коммунаркой по столовой.

— «Вот вы все об американской машине. А давайте еще поговорим об американцах. Посмотришь на них и хочется предложить, чтобы наша республика издала декрет о том, чтобы не было у нас мелкого и щуплого народа. Нам нужны только здоровые, сильные и крепкие люди. Вот».

Так просто пропагандируются идеи евгеники, так проявляется тяга к здоровому, к крепкой человеческой породе.

Увы, коммунарка была права: в тот момент в столовой был «мелкий народ», который горьковатым смехом ответил на ее предложение, в мыслях вспомнив о «полутора Иване» и глубоко «в душе» согласившись с коммунаркой.

...А наверху уже раздавались песни, частушки, тренькала балалайка. Молодежь весело проводила вечер после трудового дня.

Мы расставались с Иваном Светликовым, который помогал нам при с'емках, и просили его в 7 часов утра быть у нас.

— Если будет наряд на эту работу,—заявил Светликов.

Наряд был получен.

И под радостные и бодрые песни коммунаров так легко составлялся план с'емок следующего дня...

По утрам снимать не пришлось. Ночью шел дождь, и день выдался пасмурный.

Воспользовался тем, что Добренко был свободен, и решил поделиться с ним своим планом с'емок.

Значит, с утра снимаем свиней...

Сравнительно недавно коммуна приобрела свиней на 1.200 рублей, и уже от реализации части первого приплода получили до 800 рублей.

Купили также овец (их нужно снимать по ту сторону реки) на 7.000 рублей. Весенняя стрижка шерсти дала уже 1.237 рублей...

Слушаю, а в мыслях складываются надписи с «экономическим уклоном», а не обычного информационного характера.

Не буду писать: «Коммуна имеет 1.000 голов овец, купленных за 7.000 рублей», а напишу в титре перед кадрами с овцами и свиньями: «То, что дало коммуне

ЖНИЦА «Киносибирь»

КОСАРЬ «Киносибирь»

НА ЖНЕЙКЕ

«Киносибирь»

ПЕРВЫЙ СНОП

«Киносибирь»

от продажи части приплода 800 рублей» и «От весенней стрижки шерсти коммуна получила 1.237 рублей».

При показе фильмы в деревнях это скажет крестьянину больше, чем простое «информационное сообщение».

А свиньи и овцы в коммуне такие прекрасные, и так хорошо за ними смотрят, что в кадрах они сами скажут за себя.

Затем Добренко рекомендует обратить особое внимание на постройку теплого скотного двора, на постройку нового общежития, нового хлева. Говорит, что хорошо бы снять и ремонтную мастерскую, и мельницу, и кожзавод, и столовую.

Но все это имеется в нашем «производственном плане», и весь он «в целом» принимается «за основу».

Днем немного проясняется погода, и нам удается кое-что заснять.

Вот только беда с концовкой. Комбинируем на разные лады, но ни одна комбинация не нравится.

...Как сильно отражается в этот период времени дождливая погода на всей работе коммуны, на ее коллективном настроении и даже на общем виде.

[illegible]ствуется, что какая-то часть работы не производится, что в чем-то имеется

[illegible]раздных людей в коммуне нет даже и теперь; работа есть и для тех, кто [illegible] делать то, что в данный момент сделать нельзя из-за дождя.

[illegible] комиссия по приемке и испытанию «Комбайна» использовала этот день для свои[illegible]ов и вычислений, отложив, впрочем, окончательную фиксацию выводов до повторно[illegible]спытания машины.

На утро следующего дня нас приласкало солнце. С'емка пошла полной нагрузкой: заснята стройка, сняли свиней, овец, общий вид коммуны и к полудню выехали в поле для с'емки «Комбайна» в работе.

А по дороге рядом с полями коммуны увидели на полосе работавшую «лобогрейку», такую жалкую и беспомощную рядом с «Комбайном»... Засняли и ее для контрастных монтажных перебивок.

«Комбайн» снимали в разных видах, положениях, со всеми деталями, пользовались остановками то для урегулирования машины, то для под'ема и опускания верхнего решета грохота, то для взятия проб потери зерна молотильного аппарата.

Все было заснято, а концовки все еще не было, и это обстоятельство немало удручало...

...Во время отдыха рассказывал, что снимал на соседней полосе «лобогрейку». Добренко стал тут же рассказывать, что у хозяев-единоличников в окрестных деревнях урожай, благодаря старым методам работы, вдвое и втрое меньше, чем в коммуне.

Так, у Долгина Григория предполагается снять пшеницы 560 и овса 320 килограмм с гектара; в хозяйстве у Саклакова ожидают, как исключения, урожай в среднем по 900 килограмм с гектара; а у Фокина урожай ниже среднего, и с гектара он получил до 780.

Коммуна же, получив в прошлом году 7.728 рублей прибыли, предполагает в этом году получить значительно больше.

...После обеда комиссия засела за составление акта, и все яснее вырисовывались огромные достоинства машины.

Процент потери зерна при работе к общей массе составляет всего 3,3; производительность машины за 10-ти час. рабочий день определяется в 15 гектаров, и расход горючего (бензина) на 1 гектар выражается в 3,2 кгр.

На основании практики работы коммуны в прошлом году уборка одного гектара трактором с последующей молотьбой обходилась в 5 руб. 18 коп.

У[illegible]ка «Комбайном» с тракторной тягой будет обходиться в 2 руб. 49 коп., или 48,1 проц. обычной стоимости уборки.

Таким образом, даже при ориентировочных выводах следует прийти к заключению, что:

1) уборка хлеба «Комбайном» обходится дешевле обычной тракторной уборки; 2) процесс самой уборки хлеба ускоряется, чем может ускориться сдача зерна на ссыпные пункты; 3) при условии оборудования в хозяйстве последующей просушки зерна исключается возможность порчи зерна от атмосферных осадков во время уборки, чего нельзя избежать при обычной работе; 4) достигается максимальное сокращение рабочих рук и облегчение процесса работы; 5) значительно уменьшается потеря зерна (3,3 проц. при уборке «Комбайном» против 6,1 проц. при уборке одной только сноповязалкой, не считая потерь в дальнейших процессах работы); 6) исключается необходимость затрат на шпагат, который мы ввозим; 7) простота конструкции машины и удобство управления ею должны быть особо отмечены; 8) по заявлению заводских монтеров, машина приспособлена для работы не только по уборке зерновых культур, но и для бобовых растений и кормовых трав и 9) по окончании сезона полевых работ мотор может быть использован на стационарных работах.

Так, шаг за шагом комиссия выявляла достоинства «Комбайна».

Я уже приготовился было слушать о недостатках, но неожиданно мое внимание было привлечено шумом на дворе и треском работавшего мотора.

Было уже темно, и только на фасаде дома, где будет школа, белым пятном вырисовывался экран. За углом здания трещал «Фордзон»—источник электро-энергии.

Из Поспелихинского рика приехала кино-передвижка.

Нельзя сказать, чтобы работа передвижки была регулярной и плановой. Так, от случая к случаю. Посмотреть кино-сеанс пришли почти все.

Увы, Совкино осталось верно своим традициям, несмотря на постановления партсовещания по вопросам кино. Программа была прислана «очень деревенская»: Совкино журнал от... декабря 1927 г. и... «Кафэ Фанкони».

Сеанс начался. Кино-механик надрывался, читая надписи: «Приезд виконта Гото в Москву». «Зимние купальщики на Волге в Нижнем Новгороде».

И все же... и все же журнал смотрели с огромным вниманием и интересом. Но, когда кончили демонстрировать хронику и пустили «Кафэ Фанкони», большинство зрителей, после первой части, разочарованно отошли от экрана.

Один коммунар, продолжая начатый разговор о том, как их поселок влился в коммуну, рассказывал:

— ...и когда Добренко предложил нам войти в коммуну «Пахарь-Заря», мы пообсудили это дело, рассчитали, что так будет правильнее, и всем поселком в 33 человека влились в коммуну. И вот сейчас нас 237 едоков в коммуне. 237 человек, по мере своих сил и возможностей, постепенно проводим в жизнь кооп. план Ленина.

Я остановился—«кооперативный план Ленина!».

— И концовка пришла для фильма.

Ну, конечно, ведь это Ильич, взятый отдельно от Дворца Труда в Новосибирске, с рукой, протянутой по направлению к коммуне «Пахарь-Заря», приближенной к памятнику в монтажном порядке.

— Наши труды не проходят бесследно,—заканчивал свой рассказ мой собеседник.—Вот и на всесоюзном смотре колхозов нас отметили, присудили нашей коммуне третью премию и выслали нам 250 рублей. А сейчас новую машину—«Комбайн»—вот прислали; тоже у нас работать будет. Мы этим очень довольны и очень удовлетворены».

...Механик надрывно выкрикивал безграмотные надписи безграмотного фильма «Кафэ Фанкони»...

На утро грузовик коммуны, весело потрескивая, вез нас на станцию.

Мы увозили негатив для новой деревенской короткометражки, просьбу коммунаров к Киносибири о том, чтобы в первую очередь готовую картину показать у них, и изрядную зарядку радостной энергии, какую может дать жизнь и работа, проводимая коммуной «Пахарь-Заря».

УБОРКА УРОЖАЯ «Киносибирь»

«СТАЛЬНЫЕ КОНИ» «Киносибирь»

КАРАВАН

ЖЕЛЕЗНЫЙ СОПЕРНИК

ЭКСКАВАТОР

Фот. Хамкин

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

Турксибстрой

I. ИРТЫШ И БИРЖА ТРУДА.

Мутный, выпуклый, полноводный Иртыш ползет между Семипалатинском и туземным поселком Алаш. Горизонт воды необычайно высок. Скоро середина мая, но все еще затоплены острова, а каменных опор строящегося железнодорожного моста вовсе не видно из-под воды.

«Положение осложняется тем,—говорили сроки официального отчета, «что после действия весеннего разлива рек пришлось отложить начало дальнейших работ почти на три недели. Безработные продолжают прибывать поездами и пароходами»...

Биржа труда—низкое кирпичное здание, стоящее неподалеку от базара, гудит, как мол во время прибоя.

Иртыш и биржа—это Семипалатинск середины мая тысяча девятьсот двадцать восьмого года.

Иртыш бушевал нынче с небывалой силой. Он топил Омск, высоким валом шел на Тару. В районе Семипалатинска весенний разлив впадающих в Иртыш речек произвел большие разрушения по линии Турксиба. Весенняя вода металась и крутила по степи, находя самые неожиданные пути. Было размыто около трехсот кубов земляных работ. Сто пятьдесят километров проложенного в прошлом году пути порядком пострадали.

На восстановление размытого и разрушенного нужно время. Две тысячи человек, необходимых для работ по восстановлению, были брошены в степь с весны, а тринадцать тысяч человек, ждущих начала отложенных дальнейших работ по постройке, осталось в городе.

Наплыв безработных в Семипалатинск начался уже давно, с тех пор, как газеты и молва разнесли по всему Союзу Республик известие о постройке Турксиба. Стало известно: в 1928 году на новостройке понадобится до 25.000 человек. Чающие получить работу, затратив последние сбережения и ликвидировав последнее имущество, потянулись в Семипалатинск.

Было бы очень интересно путем специального подсчета точно установить специальный состав безработных, прошедших через семипалатинскую биржу труда в 1927-28 г. г.

В подавляющем большинстве на биржу становились чернорабочие, здесь сошлись они со всех концов Союза Республик: из Сибири, Урала, России, Украины, Кавказа... Но в этой толпе можно встретить и прогоревшего предпринимателя, рассказывающего о крахе какого-то кустарного мыльного завода, и неудачливых золотоискателей с Алдана, и мясника, и сельского учителя. Надо прислушаться, присмотреться и увидишь, что толпа пестра, и на многих безработных надеты лишь маски чернорабочих.

На учете стояло много семипалатинских обывателей, не особенно нуждающихся в работе—«бахчевники»—владельцы арбузных плантаций; разные торговцы, ныне спекулирующие на барахолке; мещане с окраин. Эти люди пользовались привилегиями безработных, получали иногда пособие, подторговывали, словом, «ловили рыбку в мутной воде».

Много казаков, киргизов. Зимою в некоторых районах губернии был джут. Это погнало казаков в город на заработки еще с ранней весны. Часть их получила работу раньше. У иртышского берега, в логу, обосновался целый аул казаков, работающих на пристани. Они живут там под громадными деревьями, в дуплах которых во время непогоды можно прятать имущество.

Трехэтажное кубическое здание Турксиба связано со степью телеграфом. Отсюда люди в белом руководители -отдают распоряжения людям в темном—исполнителям. Исполнители между собой часто толкуют, что слишком много людей в управлении, «больше, чем на постройке», что штат раздут. Едва ли они правы. Управление Турксиба—каменная кубическая голова только что начинающего расти механизированного тела. Как всегда у зародыша, голова, по сравнению с телом, кажется огромной.

Начальник работ вкратце информирует меня о положении дела:

— В нынешний сезон будет производиться сборка железных ферм моста, каменные работы по постройке дома, укладка пути до Сергиополя, земляные работы за Сергиополем, изыскания в Прибалхашье. Но все эти работы начнутся через несколько недель. Работы по мосту можно начать лишь тогда, когда понизится уровень воды в Иртыше. Сейчас до кессонных оснований, каменных опор моста, не добраться и водолазам. Прежде, чем начать дальнейшую укладку пути, необходимо исправить существующий путь, наладить авто-связь с наиболее отдаленными районами степи. Сейчас мы не имеем возможности, если бы даже и хотели, закинуть в степь рабочих и наладить доставку провианта. Через две недели работа пойдет на лад.

— Безработные волнуются, им становится ясно, что их больше, чем нужно.

— В разгаре работ у нас, на северном участке, понадобится восемь тысяч человек,—говорит инженер,—на бирже, насколько мне известно, стоит двенадцать тысяч.

— Тринадцать.

— Ага! Уже тринадцать! Ну, тем более. Очевидно, часть людей не попадет на работу.

Подходят путейцы. Возникает разговор о том, что все же, несмотря на обилие безработных, в конце-концов может нехватить квалифицированной рабочей силы..

— Обычная история.

— В общем, во всем этом нет «ничего особенного».

Через несколько дней, когда я уже уезжал в степь на линию, началась эвакуация к месту прежнего жительства полуторых тысяч человек.

II. РАБОЧИЙ ПОЕЗД.

Станция «Иртыш», первая на линии Турксиба, стоит километрах в двух от предместья Алаш. Из Семипалатинска в Алаш через Иртыш я ехал катером. Судно, полное пассажирами, крепясь и трепеща, боролось с зелеными струями полноводной реки, лавируя между торчащими из воды деревьями затопленных островков.

Из Алаша на станцию идешь широкой степной дорогой. Я проделал этот путь на закате. В степи шевелилась полынь, под ногами сверкали осколки кварца,—должно быть, их уронили возчики, везя с берега на полотно дороги. Где-то далеко, на линии, медленно и мерно, как черный железный бык, сопел паровоз. Неподалеку от станции, у дороги, в траве сидело человек тридцать казаков.

На станции высится деревянное только что выстроенное депо, в тупиках стоят железные теплушки и служебные вагоны; пахнет лесом, везде лежат свежие стружки—

станция недавно возникла. Между путями, куда ни взглянешь, штабеля досок—лес заготовлялся всю зиму и теперь должен быть отправлен в степь, туда, где не растет ни одного дерева, а топливом служит кизяк да колючий и сухой кустарник карагайник.

Рабочий поезд должен был отправиться в полночь. Этого, разумеется, не случилось. С поездом должен был быть отправлен провиант на участки. Хлеба Семипалатинск во-время не подал, пока ждали подвод, наступил рассвет. Поезд маневрировал; воспользовавшись задержкою, решили переформировать состав, а часов в восемь утра приехал начальник дистанции—седой инженер в крагах и шляпе. Он кого-то распек, кому-то высказал несколько горьких истин, велел переформировать состав снова, затем прошел быстрыми шагами вдоль поезда (кондуктора прятались в это время за будки платформ—от греха подальше) и, наконец, благословил отправлять. Паровоз свистнул в полдень.

Наш поезд не был красив. Туркестанский экспресс, который пойдет по этой линии лет через пять, будет выглядеть значительно лучше. У нашего же поезда паровоз находился посредине состава, спереди же и сзади стояли загруженные бочками и тачками платформы и грязные больные товарные вагоны. Сконструирован таким образом поезд был для того, чтобы в случае неисправности пути пострадал бы не паровоз, но легкие вагоны, идущие впереди.

Медленно двигаясь, мы отошли несколько километров от станции. В степи пасся казакский скот, еще совершенно непривыкший к железнодорожной дрожи, гулу и дыму. Бараны удирали при нашем приближении стремительно и дружно; быки—скачками, нелепо крутя головой; кони бежали, нервически закидывая морды ввысь; верблюды же торопливо уходили прочь от линии, не оглядываясь и внешне ничем не выдавая волнения.

У переезда почти вплотную к составу подскакал казак на коне. Он здорово выдрессировал своего коня! Конь не боялся грохота и мелькания—преисполненный гордости всадник сидел прямо, неподвижно, даже не улыбаясь.

Поезд идет медленно и осторожно по временному, только что восстановленному после размыва, пути. В логах блещут мелководные, остановившие свой бег ручьи — скорее даже не ручьи, но отдельные продолговатые извилистые лужи—остатки бывших ручьев. А недели две назад в этих логах бушевали «Тереки», ворочая камни и роя песок.

Останавливаемся у рабочих юрт на четырнадцатом, тринадцатом и сорок девятом километрах. Рабочие подбегают, машут шляпами, принимают инструменты и хлеб, кондуктор свистит, и поезд идет дальше.

Предполагается добраться до деревни Карповка, которая стоит где-то поблизости шестидесятого километра пути. Но едва ли это удастся. Зоркие люди, забравшись на крыши платформных будок, уверяют, что впереди поперек пути блещет целое море.

— Путь затоплен!

Действительно, вскоре становится ясно, что между нами и Карповкой лежит непреодолимое препятствие—широкая, сажен в пятьдесят диаметром, лужа, затопившая путь. Над осушением этой лужи, образовавшейся весною вследствие того, что соседняя речка, выйдя из берегов, затопила низменность, придется не мало трудиться.

Поезд останавливается в саженях тридцати от воды. Инженер с помощником идут исследовать затопленное пространство. Вот они, балансируя на рельсах, пробираются к середине лужи. Один, не сумев сохранить равновесие, оступается и попадает по колено в воду. Другой смеется и кричит:

— Не торопитесь вылезать, потопчитесь, попробуйте-ка, какой грунт.

О переходе лужи, конечно, не может быть и разговора. Решено лишь для опыта подать поезд немного ближе к воде, посмотреть, какова крепость почвы поблизости лужи.

Свисток. И поезд-паровоз посредине, вагоны спереди и сзади—медленно движется вперед. Рабочие, кондуктора, словом все, кроме паровозной прислуги, слезли и идут рядом, внимательно поглядывая на шпалы.

И вдруг из сотни здоровых глоток вырывается тревожный вопль:

— Назад, наза-а-а-д!

Паровоз кренится на бок. Шпалы оседают, из-под них фонтанами хлещет серая жидкая жижа. Толпа отбегает в сторону. Паровоз мгновенно останавливается, судорожно дергается на месте и затем, все еще кренясь, подается назад.

— Пошел! Пошел!—воет толпа.

Ускоряя ход и медленно выравниваясь, паровоз уходит прочь от опасного места. За ним, срезая и подныривая, проскакивают легкие вагоны. Из окна паровоза высовывается бледное с неподвижными глазами лицо машиниста.

— Благополучно!

Через несколько минут паровозная прислуга поливает облепленные жидкою грязью колеса и дышла паровоза из рукавов. Шипит и хлещет вода. А на месте аварии инженер и его помощники осматривают провал, жижу, торчащие из нее шпалы и искривленный рельс.

Солончак. Зыбкое место, подпочвенная вода. Не случись аварии сегодня, она случилась бы завтра, через неделю, после очередного ливня и, быть может, имела бы действительно печальные последствия. А на этот раз обошлось счастливо—искорчен лишь временный путь. Позднее, при настилке насыпи, зыбкость солончака в этом районе будет учтена особо.

— В конце-концов степь размокла во-время—говорит инженер.—На опыте нынешнего года можно учесть все неприятные возможности. Весною было небывалое наводнение. По нему и равняемся...

Рабочий поезд, не дойдя до Карповки, вернулся на станцию Иртыш. На следующий день он снова придет на место аварии, он привезет сюда людей, которым предстоит продолжать кропотливую работу по осушению лужи и восстановлению пути.

III. НА ГРУЗОВИКЕ СТЕПЬЮ.

Из Карповки, что за лужей, связь с более отдаленными пунктами новостройки поддерживается автомобилями. Я поехал дальше на грузовике, везущем овес для третьей дистанции.

Машин шло несколько. И каждая оставляла за собою высокий движущийся столб пыли, отчетливо видимый за несколько верст. Эти пыльные столбы делали шоферам возможность не терять друг друга из виду. Внезапное исчезновение столба означало вынужденную остановку.

На семьдесят шестом километре, при переезде через лог, машины пришлось разгружать. Дорожный мастер прислал нам на помощь десять рабочих казаков. Они пришли полуголые, в пестрых штанах, в желтых громадных сапогах, подпоясанные ремнями, с царскими медными солдатскими бляхами.

Шоферы при виде этих помощников почему-то опечалились и стали упрашивать дорожного мастера дать хотя бы половину русских рабочих.

— Будьте любезны. Ведь даже и по закону так. Половина наполовину—русские и казаки. А то одни казаки, сами знаете, сколько прокопаются.

Мастер пожал плечами, пробормотал что-то и крикнул русских.

По-моему, казаки работали дружно и вовсе не ленивее русских. Вечером, когда грузовики, возвращаясь обратно, сели в песках километрах в двух от этой казармы, на наш сигнал о помощи сбежалось человек тридцать казаков и с визгом и смехом высвободили грузовик из песка. Пожалуй, русские рабочие не пришли бы на помощь так быстро и охотно в сумерках после жаркого трудового дня.

Пока шла перегрузка, я сходил к логу, на место крушения поезда. Катастрофа произошла весною во время наводнения. Паровоз, засосанный песком и наполовину погруженный в воду, еще и посейчас лежит в овраге. Тендер находится на склоне берега, а выше, на самом берегу, нагромождено железное месиво—торчат колеса, буфера, всевозможные металлические части, изогнутые, исковерканные, закрученные в узлы.

Как произошло крушение? Очевидцы рассказывают: в степи бурлила весенняя вода, поезд, шедший с севера, проскочил опасное место на семьдесят третьем километре и с разгону вошел на насыпь, пересекающую овраг. Рельсов уже не было видно из-под воды. Очевидно, насыпь была сильно подмыта, и паровоз просто сел в овраг. Тендер встал торчком, вагоны полезли друг на друга.

Кочегар и машинист спаслись. Кочегара при помощи аркана выловили из потока казаки ближнего аула. А помощник машиниста прыгнул против течения, и его затащило под локомотив.

Сейчас у места крушения сделан обводный путь. В овраге вокруг паровоза зеленеет глубокая прозрачная лужа. Вода успокоилась, устоялась. А где-то там, под паровозом, в желтом плотном песке лежит то, что было когда-то помощником машиниста.

Мы поехали дальше, забирая в сторону от линии, по тракту, мимо каменных вех, воздвигнутых для того, чтобы зимою путники не сбивались с пути и не плутали по снежным трущобам оврагов. Вехи—груды камней, покрытых зеленью, красною, желтою плесенью—видно издалека. На их вершинах вьют гнезда птицы.

В степи хорошо. На горизонте синеют горы. На следующей остановке, лежа в траве, ем захваченный из Семипалатинска уже зачерствевший хлеб (в степи не достать хлеба), смотрю снизу на тяжелые об'емистые морды наших грузовиков, слушаю несмолкаемый птичий свист.

Подходят рабочие. Здороваются, закуривают и начинают жаловаться на ТПО.

— Целую неделю сидим на сухом хлебе. И мяса не было.

— Снабжение скоро наладится. Видите, сейчас еще путь не восстановлен. Поезда не доходят до Карповки. На-днях все будет исправлено.

— Ладно. Но только даже который продукт и доставлен, все равно от него толку нет. Али табак подгнил, али што...

— Ну, вот выехал на линию член правления ТПО. Скоро здесь будет. Ему и заявите.

— Уж мы ему заявим. Изматерим его, как полагается,—мечтательно говорят рабочие.—Пусть только приблизится сюда.

Казаки-рабочие не жалуются. Они, видимо, всем довольны. Потребности их не велики—заработок землекопа—рубль семьдесят в день—удовлетворяет вполне. О более высоком заработке не упоминается и в сказаниях предков.

Снова гудят машины, степь становится все более неровной, бугристой, истрескавшейся извилистыми трещинами оврагов. В этом районе, за рекою Чар, строителям придется много поработать над постройкой возможных предохранительных сооружений.

Навстречу попадаются повозки с плетеными камышевыми верхами. На под'еме, когда машины замедлили ход, от одной из повозок к нам приблизилась женщина.

— Вы из города, автомобильщики?

— Да.

— Хлеба, товарищи, нет ли? Неделю без хлеба сидим, жеребеночка кушаем.

— А вы откуда?

— Мы с Лепсинска. На Семипалатинск идем. В наших краях голодно. Два года урожая не было.

За день встретили повозок восемь. Люди, идущие с юга, были похожи друг на друга. Загорелые мужики в соломенных шляпах, женщины в белых платьях и платочках. Лепсинцы двигались к Семипалатинску в надежде получить работу на постройке.

— Почему на Семипалатинск идете, а не на Алма-Ату, ведь там ближе?

— В Алматах хлеб дорог. До четырнадцати рублей нынче, говорят, доходил. Мы решили на Сибирь податься. Как в двадцатом году шел народ с Сибири на Лепсинск, так нынче обратно идет. Путь известная.

Встречали одиноких пешеходов. Окликнули парня с котомкой:

— Откуда?

— Из-под Сергиополя. В Семипалатный на работу иду.

— Ну, брат, там своих достаточно. Разве не слышал, сколько там безработных?

— Не. У нас не слыхать было. А што?

— Не ходи в Семипалатинск. Отправляйся лучше на Балхаш рыбу ловить.

— Дак там киргизы. Там степ совсем ихний. Слышно, русских они там притесняють.

Дорога становится все хуже и хуже. Грузовики треплет, подбрасывает и мотает, как маленький пароход у скалистого берега на отраженной волне. Чуть неверный поворот руля, и машина может увязнуть в солончаке.

— До сто тридцать седьмого километра не дойдем,—совещаются шоферы.— Придется свалить груз на сто пятнадцатом. Там его примут на дрезины. Ехать дальше рисковать машиною не стоит.

— Кое-как добираемся до сто пятнадцатого километра. Унылое место. Барак, сарай, на площадке стружки и камни, у колодца собачий череп, а кругом, куда ни посмотришь, солончаки и лужи.

— Пальмы, виноградники, Туркстрой, красота!—говорит один из шоферов— молодой парень с татуированными руками. Что за ход мыслей? Надо спросить.

— Где вы видели пальмы?

— Нигде не видел, но хочу видеть—смеется шофер.—В Туркестане-то есть пальмы?

— К сожалению...

— Нет, значит! Эх, дьявол! Тут скверно, а за Сергиополем, помню,—пришлось работать на изысканиях,—пить охота, воды нет... Нашли киргизы лужу, а в луже падаль лежит. Пухлая такая. Выволокли ее и стали воду откачивать. Откачали ведер двести—на другой день пить начали.

И шофер, ожесточенный воспоминаниями, бешено тискает грушу рожка. Грузовик воет захлебываясь.

Из барака выходит молодая баба, одетая в полушубок. Идет неуверенно, шатаясь. Повидимому, больна.

— Эй, тетя, чаем поить будешь? Пожрать найдется чего-нибудь?

— Есть чай, молоко, хлеб... плохой только.

— Давай!

В сыром и унылом бараке, кроме бабы и ребят, никого нет. Рабочие, живущие здесь, уехали куда-то на линию.

— Что же ты, тетя, такая зеленая?—спрашиваем мы хозяйку.

— С рождества лихоманка треплет. Всех. И мужиков, и баб.

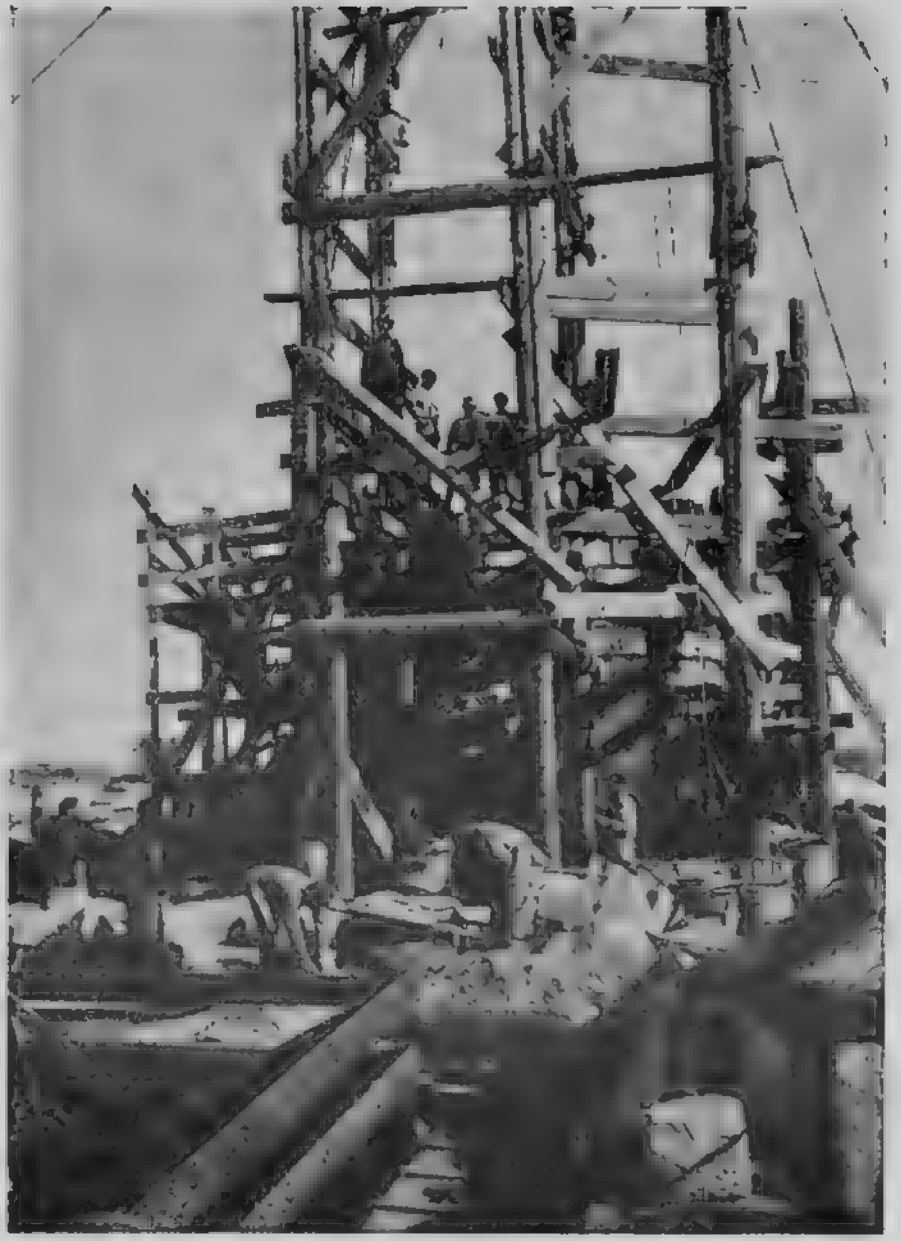
— Доктор был?

— Фершал был. Дал анисовых капель. А што анисовые капли? Хины надо...

Мне отчетливо запомнился этот сто пятнадцатый километр новостройки— барак, стружки, баба в овчине, мучимая малярией, грязные ребята, конский череп в степи и собачий череп у колодца, мухи, зной и уходящая в даль линия—рельсы, сверкающие тусклым зеленым сиянием.

Казакская степь. Грюмадные плоские пространства, поросшие полынью и чием, мутные речки, просыхающие солончаки, похожие на коричневый растрескавшийся линолеум, каменистые гряды гор, синеющие на горизонте.

Сюда пришли нынче строители. Им надо преодолеть степь. Это не легкая задача. И, работая, каждый думает о своем—землекоп думает о том, как бы вывезти по



СТРОЙКА ИРТЫШСКОГО МОСТА Фот. Хамкин

РАБОЧИЙ ПОЕЗД В СТЕПИ Фот. Хамкин

ВРЕМЕННАЯ ВОДОКАЧКА

Фот. Константинов

НА ЗЕМЛЯНЫЕ РАБОТЫ

Фот. Константинов

больше кубов земли, экономисты думают о товарообмене между Сибирью и Туркестаном,—о хлопке, угле и лесе, а у молодого веселого шофера вдруг мелькнула смутная мысль о пальмах и виноградниках—логическом завершении строящегося пути.

IV. БУДНИ НОВОСТРОЙКИ.

Последствия наводнения ликвидированы, путь восстановлен на протяжении всех ста пятидесяти километров, началась дальнейшая укладка.

Стальные щупальцы рельсов протягиваются все дальше и дальше в глубину степи, туда на юг, в сторону зеленых холмов и лиловых предгорий. С кажущейся торопливостью люди, идущие по следам землекопов, раскладывают шпалы, растягивают и пришивают рельсы, сначала «на-живую» с тем, чтоб по ним прошла вперед вагонетка с новым грузом, затем «намертво», накрепко, чтоб прошел и паровоз.

К середине июня укладка прошла за станцию Джангис-Тюбе в 165 километрах южнее Семипалатинска, здесь, в степи, неподалеку от речки Чар, предполагается создать город—казахский культурный центр, который в будущем, может быть, станет соперником Семипалатинску. Почва близ Джангис-Тюбе при условии орошения годна для земледелия. Неподалеку от станции стоят золотые рудники Ак-Джал. От Джангис-Тюбе в будущем пойдет ветка к верховьям Иртыша.

От Джангис-Тюбе до Сергиополя укладка пути будет производиться большею частью прямо на постоянную насыпь. С конца укладки в степь ежедневно убегают автомобили, везущие людей, продовольствие и инструменты в более отдаленные районы, туда, к юртам, палаткам и землянкам многочисленных рабочих поселков, вытянутых по трассе.

Помню, пришлось мне проходить этой дорогой с Сергиополя на Семипалатинск пешком лет семь назад. То-есть с начала мы ехали на быках. Лошадей почему-то не добыли. Но однажды возчик-казачонок сбежал, испугавшись холеры, и увел с собою быков. Другие же казаки прятались в горах, и пришлось нам шагать пешком. Воду пили из горьких, теплых луж, ибо колодцы были отравлены каким-то запоздалым генералом, удиравшим после неудачного восстания в Китай. Идя несколько дней на север, я почти не видел в степи людей, в редких европейских поселках попадались на глаза только худые и пугливые бабы. В степи царили нищета и холера.

И вот нынче я снова проделываю путь этой степью. Но нынче я не кричу «Цоб! Цобе!» медлительным быкам, не ищу потерянного казачонка. Я еду автомобилем; воду пью не из луж, а из металлических кипятильников, стоящих почти на каждом километре пути. И степь полна людьми. Тысячи людей, пришедших с юга и севера, режут выемки в холмах, воздвигают насыпь, дробят камень в горах на карьерах.

Июнь на исходе. Опасения старых строечников о недостатке квалифицированных рабочих оправдались. В конце концов биржа труда не смогла дать Турксибстрою ни плотников, ни столяров, ни каменщиков. И пришлось их выписывать из Новосибирска, Барнаула, Щегловска. А триста каменотесов и бетонщиков пришлось даже выписывать из далекого Орла.

Но и с чернорабочими, прошедшими через Семипалатинскую биржу, дело не кончилось вполне ладно. Винить тут некого или надо винить слишком многих. Отбор рабочих производился в отчаянной суматохе. И в результате приблизительно двадцать процентов из принятых людей оказались негодными и доказали это сами, сбежав с работ.

Турксибстрой не препятствовал от'езду разочарованных, но и биржа труда назад на учет их не брала. В общем, никто не жалел, и все были рады. А пополнение было сделано, главным образом, за счет юга—местных казаков и голодающих лепсинских крестьян. Те и другие показали себя усердными тружениками, действительно нуждающимися в заработке.

Весеннее половодье кончилось. Иртыш вошел в свое русло, работа налаживается, и последним отзвуком бурного, стихийного звучит рабочий крик в рабочем поселке. Я не случайно говорю «стихийного», ибо стихийным напором завоевали себе право пребывания на постройке семьи рабочих. В начале работ не предполагалось допустить на линию семьи. Помещений для них не готовилось. Пробирающимся самовольно грозили выселением. Но дороговизна и квартирный кризис в городе сделали свое дело. Семьи пришли на линию самотеком, и администрации оставалось лишь примириться с фактом.

С женщинами было много хлопот. Был случай, когда какая-то женщина, кажется, жена дорожного мастера, потребовала себе грузовик для перевозки гардероба и фикусов на седьмой участок, в пустыню. Когда ее спросили, для чего это собственно надо, она ответила хладнокровно:

— Муж сказал: приезжай и вези с собой все, что можно. Ну, я и везу.

Женщина очень сердилась, когда ей не дали грузовика. Она ухитрилась, пользуясь плохим надзором, довезти свое громоздкое имущество до конца укладки и теперь беспомощно сидела со своими фикусами в степи.

К этой путешественнице и ей подобным рабочие относятся очень сочувственно:

— Как же без бабы? Што ты говоришь?! Да оставь жену в городе, она—хлыщ сейчас же подойдет к ней с рамзолями, покажет пятьдесят рублей, и она—его!

— Хотя она и хлеба с'ест, но она меня и обстирает. В противном случае все мы будем с бекасами!

Земляные работы механизированы на пятнадцать процентов, но это особенно не бросается в глаза здесь, в степи. Слишком широкие горизонты.

— У нас на северном участке работают четыре экскаватора, десять тракторов, тридцать пять плугов-разрыхлителей, двести усовершенствованных вагонеток, тепловозы, несколько мощных кранов, на горных работах применяется бурение сжатым воздухом,—сказал мне инженер.

Я записал это, я видел некоторые из этих приспособлений в работе, но в памяти более отчетливо запечатлелись бронзовые обнаженные спины землекопов, людей, которые ручными орудиями спарывают со степи ее зеленую весеннюю шкуру, разрыхляют желтый спрессованный веками песок.

На 231 километре по сторонам будущего пути громоздятся довольно внушительные тусклые горы. Некоторые из этих голых и ржавых вершин достигают метров до пятисот высоты. Много людей сконцентрировано здесь у подножья этих гор, в долине реки Джарма, близ зарослей шиповника и богова дерева. Здесь контора дистанции. Здесь я застал акмолинский лагерь—повозок двести стояло на склоне горы, а люди спустились в ущелье и окружили деревянное новое здание конторы. Акмолинцы, крестьяне из-под Петропавловска и Кокчетава, пришли на земляные работы с семьями и всем имуществом. Они подписали договор на три года, намереваясь по окончании постройки обосноваться в этих степях навсегда на правах пионеров. Сейчас они только что прибыли у них не было ни жилья, ни горячей пищи, а главное они желали срочно выстроить баню. Они обступили начальника дистанции, волнуясь и гудя, как гигантские шмели. Инженер, молодой высокий человек в белом костюме, глядел на акмолинцев большими, голубыми, готовыми лопнуть от напряжения, глазами. Видимо, инженера замотали в этот день окончательно. С утра до позднего вечера его длинная белая фигура маячила на территории участка. То он, низко нагибаясь, проникал в маленькую дверцу юрты рабочкома, то появлялся за речкой на рыхлом горбе насыпи, и всюду его сопровождала толпа галдящих людей.

Поздно вечером, когда у юрт рабочего поселка задребезжали балалайки, а в зарослях шиповника и богова дерева послышались непристойные возгласы флиртующей молодежи, инженер медленно, механическими шагами проследовал в свою юрту на покой.

— Да, так целый день,—сказал он мне вяло.

— К осени линия должна быть доведена до Сергиополя, к осени, может быть, будет открыт прием грузов для перевозки на построенном участке. Это в интересах края, об этом возбуждено ходатайство перед правительством.

Инженер скрылся в свою юрту. В поселке звенели балалайки, из кустов раздавался визг, под горой все еще гудели у костров беспокойные акмолинцы, а в конторе, освещенной багровым языком керосиновой лампы, бодрствовал дежурный, прислушиваясь к писку и разноголосому попугайскому бормотанию фонопора.

V. СЕРГИОПОЛЬ.

Возвышенность Алтын Кулак—водораздел ледовитоокеанского и балхашского речных бассейнов. За Алтын Кулаком, в двухстах пятидесяти верстах к югу от Семипалатинска, стоит Сергиополь. Несколько улиц, несколько старых казарм, несколько новых бараков, церковь, мечеть—вот и весь Сергиополь.

Древний слепой казак, встреченный мною на пикете Средний Алгуз, рассказал мне, что станица Сергиополь была основана в 1831 году. Сюда пригнали казаков из Бийского уезда Сибири за тем, чтобы держать в покорности киргизов и калмыков.

— Почему Сергиополь?—спросил я.—Греческое такое название? В роде как Константинополь, Севастополь.

— Для красоты,—степенно ответил казак.—Храм-то во имя святого Сергия воздвигнут.

Старик долго рассказывал, называл фамилии атаманов, припоминал даты различных событий. Он рассказывал бы целый день, но подали лошадей, и я уехал.

В начале нашего века в Сергиополе было около полуторых тысяч жителей, преимущественно казаков и татар-торговцев. Во время революции в городке стало очень голодно, и половина жителей разбежалась кто куда. Много казаков ушло в Китай с атаманами, и посейчас во многих семьях отсутствует то отец, то брат, то муж. Другие просто переселились в Семипалатинск, в Копал, в Алма-Ату. Поп убежал в горы.

Несколько лет Сергиополь дышал мерзостью запустения. Немногие хорошие деревянные дома разрушались, базар, находящийся в центре городка, замер — на нем не ревел скот, и даже престарелые шашлычники куда-то скрылись из-под навесов. Пустовали широкие каменистые улицы, на перекрестках которых, вместо тумб, вбиты высокие каменные бабы с чашами в плоских руках и приземистые черные идолы. Эти бабы и идолы были когда-то отобраны казаками у калмыков и использованы в городе, вместо столбов, для привязи лошадей.

За годы революции в Сергиополе убавилось русских, но прибыло казаков.

Когда настал НЭП и Казакстан начал торговать с Западным Китаем и по тракту Семипалатинск Сергиополь—Бахты пошли транспорты совторгфлота, сергиопольские казаки—казаки русские, споровшие со штанов лампасы, и казаки советской формации, то-есть киргизы, превратились в извозчиков государства—взялись за гуж.

Это было начало новой эры, но истинное возрождение настало для Сергиополя с началом постройки Турксиба.

Сейчас Сергиополь резиденция 3-го участка новостройки. Здесь же контора балхашских изысканий. Турксибом использованы все подходящие дома, казармы, склады; оборудованы больница, хлебопекарня, клуб.

Все беднейшее население попало на работы. Слесаря, плотники, кузнецы заняты на гражданских сооружениях, много народу ушло в степь на земляные работы, старые русские казаки, сообразительные, точные, хорошо знающие местность, оказались весьма полезными на балхашских изысканиях.

3-й участок новостройки —ударный участок. Рельсовый путь должен быть к осени доведен до Сергиополя. На участке в разгаре работ будет занято свыше пяти тысяч человек. Предстоят большие земляные работы, горные работы, постройка мостов

через речки Аще-Су, Битань и Аягуз, постройка депо, водоемных и водопроводных зданий в Сергиополе.

Вечером разыскал инженера Станкевича. Дом его нашел по мальчику. Это необходимо об'яснить. Я приблизительно знал, в каком районе городка живет инженер, но точного адреса не имел. Был послеобеденный час, на улицах играли дети. И вот среди черных от загара местных мальчишек я заметил мальчишку с другим оттенком кожи, подстриженного и одетого не как все. Я решил—инженер живет здесь.

Станкевич, старый построечник, участник прежних изысканий, энтузиаст Турксиба, рассказывал мне о прошлом края, о том громадном перевороте в быте и экономике, который произойдет, когда будет проведена дорога.

И я хорошо понял, что связует единою связью седого Станкевича, сдержанного и замкнутого в себя начальника участка инженера Немчинова, молодого голубоглазого еврея Эйдмана, шофера Петю—бывшего красного командира, всех, кто пришел в эти степи недавно...

Мне приходит на память характерный отзыв о Сергиополе.

Этот отзыв принадлежит авторитетному лицу, а именно—проф. В. В. Сапожникову. В своем труде о путешествии в Семиречье профессор пишет:

«Сергиопольская станица... представляет собою самый неприветливый пункт Семиречья по причине почти полного отсутствия садов. Станица была основана из стратегических соображений путем принудительного переселения казаков, и теперь, когда необходимость миновала, Сергиополь остался, как какое-то недоразумение; недаром население его равняется всего 1.387 человек, считая в том числе и киргизов».

Это было писано в 1904 году. Сергиополь и посейчас, конечно, весьма глух и безотраден, но в самом ближайшем будущем он, повидимому, переменит лицо. Отсюда пойдет ветка на Чугучак, на границу Китая, с которым торговая связь растет и крепнет. Изыскания по постройке ветки уже сделаны НКПС.

В горах под Сергиополем не мало ископаемых богатств. В горах Кзыл-Игиз, в пятнадцати верстах от Сергиополя, есть медь, в горах Ай, в шестидесяти верстах от города—богатые залежи каменного угля, который будет использован для железной дороги. В разных местах по реке Аягуз есть известь. Ее много, нынче уже предполагается не закупать известь в Семипалатинске, а использовать местную. То же самое с кирпичом—уже начата постройка кирпичного завода, рассчитанного на пятьсот тысяч штук кирпича в год.

При мне ожидали приезда геологов, которые должны как следует осмотреться в районе. Сюда до революции заглядывали разведчики иностранного капитала, и, кажется, в нескольких местах уже было приступлено к добыче меди и каменного угля.

Чего действительно мало в районе Сергиополя, так это леса. Лишь в долине реки Аягуз видел я добрую зелень. Там растут тополя, береза, осина, боярка, шиповник и еще какие-то кустарники, но, конечно, узкая полоса зелени, жмущаяся к светлым и быстрым водам Аягуза, не делает леса. А лес очень понадобится как здесь, в Сергиополе, так и дальше, там, в песчаной пустыне Прибалхашья, куда пройдет дорога с Сергиополя. Поэтому, Турксибом сейчас закладываются древесные питомники на реке Битань—там будет возращиваться лес, необходимый для укрепления песков, необходимый для будущих поселков и станций.

Основное занятие местных жителей—скотоводство. Хлебопашество в этих краях развито плохо, хотя оно здесь не только возможно, но необходимо. Несмотря на наличие пригодных для посева земель, район периодически голодает, так как подвоз хлеба плох, а местные пригодные для хлебопашества земли либо не орошены, либо заброшены.

К числу заброшенных земель, по общему мнению, относится Бад-пакский район—5.000 десятин пахотной и сенокосной земли неподалеку от Сергиополя. В степи, у рек, инженеры во время изысканий нередко наталкиваются на следы древних арыков, сооруженных народами, обитавшими здесь ранее казаков. Когда-то земли возделывались.

VI. НАСТОЯЩАЯ ГЛУШЬ.

Непогода. Аягуз шипит и пузырится, как поток сельтерской воды. По Сергиополю идет инженер, накинувший поверх тропического шлема серый и жесткий капюшон дождевика.

— Балхашские изыскатели находятся сейчас между пикетом Джюз-Агач и Романовкой, переименованной в Кок-Терек,—говорит инженер.—Это километрах в двухстах отсюда. Отправляйтесь туда. Из Романовки есть сверток и на Балхаш.

— А как я туда поеду?

— Машин туда не будет недели две. Самое лучшее—поезжайте на почтовых лошадях...

И я поехал на почтовых. На тряскую телегу взвалили кожух с почтой, впереди посадили киргиза-ямщика, а нам, двум пассажирам, вручили подорожную с покорнейшей просьбой точно отмечать сроки прибытия и отправления со станций.

Дует холодный северо-западный ветер, по горам карабкаются тучи, тополя, растущие в долине реки, хлещут мокрыми вершинами по мокрым скалам, холодно, как в октябре в Сибири. А ведь мы уже в Семиречьи.

Именно здесь, за Сергиополем, в апреле месяце отморозил себе руки пешеход-спортсмен П. Кузнецов, вышедший из Алма-Ата в весеннем костюме и попавший у Сергиополя в снежную бурю. Суровая зима и налеты северных ветров летом, дневной зной и ночной холод—все прелести резко континентального климата—здесь налицо. Ямщик показал надпись, выцарапанную лезвием ножа на скале близ дороги: «Въ полдень желтымъ зноемъкамень раскаленъ,въ полночь отъ мороза лопается онъ». Какой поэтически настроенный путник сочинил это? Офицер? Путешественник? Телеграфист? Изыскатель из партии 1907 года?

К вечеру добрались до пикета Талды-Кудук, сделав пятьдесят верст от начала пути.

— Теперь начнется ерунда,—пробормотал мой спутник, скотозаготовитель.

— А что?

— Увидите сами,—пробормотал мой спутник, тонкогубый сухопарый человек с Риддера.

Нас окружила толпа казаков, ни один из которых толком не говорил по-русски. Подали лошадей. Перевалили почту. И мы приготовились ехать дальше. Казак забрался в телегу, закричал и махнул длинной палкой. Лошади рванулись вперед.

Здесь меня поразило одно обстоятельство: лошади вели себя, как слепые. Перед белым строением пикета рос большой карагач. Кони пошли прямо на него. Киргиз дернул вожжи, но лошади не повернули, а уперлись прямо в дерево. Тогда к нам подбежали киргизы, взяли под узцы и вывели на дорогу. Ямщик снова закричал и замахнулся палкою. Лошади понесли вперед, и через минуту телега была в канаве, а кожух с почтою остался позади на дороге.

Мы поднялись, озадаченные, казак-ямщик оставался спокойным.

— Едем дальше,—сказал он по-своему.

Лошади понесли снова. На этот раз мы не очутились в канаве, но у телеги сорвался тяж.

— Эй, джигит!—сказал осердившись мой спутник,—так мы будем ехать все двадцать верст до Кзыл-Кия?

— Мой не виноват,—жалобно сказал киргиз.—Староста давал плохой телега, дурной лошадь.

— Строста давал дурной ямщик—в тон закричал мой спутник.—Иди садись верхом, я буду сам править.

Вожжи перешли в наши руки. Лошади продолжали беситься, но ямщик, взгромоздившийся на пристяжку, умерял конский пыл ударами палки по горячим мордам. Так мы ехали почти всю ночь.

— Опоздаем часов на пять против расписания—заявил мне спутник.—Следовало бы отметить в подорожной, но попробуйте, найдите на станциях часы. По договору, везде должны быть часы, но на деле... Вы понимаете, этот Рудометкин, подрядчик, заключил договор с государством —взял весь район от Сергиополя до Джюз-Агача по сто двадцать рублей со станции, а потом уже от себя передал станции казакам по восемьдесят рублей.

Так, разговаривая о степных эксплоататорах, мы в конце концов приехали на пикет Кзыл-Кий.

«Кзыл-Кий»—в переводе означает «красный помет». Не знаю, благодаря каким химическим свойствам почвы, они приобретают здесь такой цвет, но во всяком случае место это непривлекательно и пустынно.

Пикет спал. Ударом сапога в дверь и громким криком: «Пошта, пошта!» мой, привыкший к этим краям, спутник пробудил аксакала—пикетного старосту. Дверь открылась, и мы вошли в низкое душное помещение, пропитанное багровым тлением сальной коптилки.

Аксакал посуетился и ушел ставить самовар, ямщик, утомленный борьбою с необ'езженными лошадьми, присел на корточках в углу, а мы, порядочно продрогшие в пути, решили залечь спать.

На утро поехали дальше. На одиннадцатой версте от пикета увидели каменное сооружение, стоящее в стороне от дороги.

Могила Козу-Кёрпеч,—сказал ямщик. И на ломаном русском языке он поведал нам о несчастной любви Козу-Курпеч и Баян-Слу. Интересующихся этой историей я отсылаю к известной книге Тверитина, где все описано подробно—и как любят романтически настроенные киргизы, и как ухаживают за неутешными девушками коммерсанты, и как, наконец, Баян-Слу бросилась вниз головой с вершины монументального памятника жениху.

— Баян-Слу была очень красива. Совсем как русская байбича, -сказал ямщик в заключение.

Памятник в былые времена представлял собою башню конусообразной формы, сложенную из красноватого гнейса. В 1916 году русские артиллеристы, шедшие на подавление киргизского восстания, снесли вершину башни артиллерийским снарядом. И теперь сооружение напоминает разрушенную водокачку.

Целые сутки мы ехали степью, минуя бедные аулы, перед которыми в дорожной пыли копошились голые ребятишки. За этот путь я вдоволь наглядеся на оборванных джигитов, трахомотозных женщин и гноеточивых аксакалов. Наконец, поздно вечером следующего дня мы добрались до пикета Джюз-Агач, стоящего в нескольких десятках верст от восточного берега озера Балхаш. Балхашская впадина дохнула зноем песков, ночная прохлада ощущалась здесь очень слабо, здесь я заметил первую черепаху.

Железная дорога пойдет на Джюз-Агач напрямки степью, местами еще более дикими и бедными, чем те, через которые я ехал почтовыми лошадьми.

VII. СУДЬБА.

В казакской степи русская собака бросается и лает лишь на казака. Заезжайте в европейский поселок, ходите, где вам угодно, собаки обнюхают, повиляют хвостами и не тронут. Но незнакомого казака псы мигом отгонят в степь, либо загонят на изгородь. Так они приучены, это стало у них наследственным инстинктом.

Между тем пришло время, когда национальные отношения в степи необычайно изменились. Исчезли генерал-губернаторы, и с ними исчезло отношение русских к казакам, как победителей к побежденным: купец, священник, русский казак переменили обличье и, в связи с провозглашением автономии Казакстана, заняли соответствующее положение, которое нельзя назвать высоким. Казак-туземец ныне не служит русскому дешевым батраком за пять рублей в месяц. На постройке железной дороги киргизу

платят сколько же, сколько и русскому. И если прежде казак-рабочий ценился за то, что он мало ест, ныне он ценится за обратное. Ибо чернорабочий для того, чтобы его работа была продуктивнее, должен питаться как следует, поглощая определенное количество теплородных единиц. Ныне и казак узнал о существовании слова **калория.**

Медленным, но верным шагом идет советская культура в самые глухие углы. Молодые, непохожие на офицеров, люди устанавливают на склонах холмов металлические орудия, блестящие, на трех ножках, загадочнее пулеметов. Вместе с инженерами идут бывшие казаки, вооруженные уже не пиками, но длинными шестами для измерений. Пришельцы пробираются степью, переваливают горы, идут в пустыню, оставляя за собою реперные столбы и пикетные колышки, которые под страхом большой ответственности нельзя вытаскивать из земли.

Русских, виденных мною в казакских степях, можно разбить на две категории. Первая категория те, которые пришли сюда задолго до революции и их потомки. Я сделал семьсот верст по степи к югу от Семипалатинска, ехал автомобилями и лошадьми, видел возрождающийся Сергиополь, аулы и пикеты на пути к Балхашу, Джюз-Агач с его ослепительными солончаками и горячими лужами, Кукум—пикет, стоящий в песках впадины, соединявшей когда-то Балхаш с озерами Ала-Куля, черные Арганатинские горы, с которых видны снежные перевалы Джунгарского Ала-Тау, рыбачьи поселки на южном берегу Балхаша. И должен сказать, что потомственное русское население этих районов представляет особый мирок.

Эти коричневые от векового загара люди, потомки русских казаков и первых переселенцев, говорят по-туземному лучше, чем по-русски, и о России имеют весьма смутное представление. Конечно, и среди них есть всезнайки, тертые калачи, «бравые воины», побывавшие на Дальнем Востоке, либо на германском и на турецком фронтах, а то и в концентрационных лагерях Западной Европы. Но на таких основная масса населения смотрит с таким же почетом, как семипалатинцы на инженера Перельмана, возвратившегося недавно из командировки в Соединенные штаты.

Старожилы, несмотря на то, что говорят по-казакски лучше, чем по-русски, не смешиваются с казаками. Процент смешанных браков ничтожен. Еще совсем недавно отношения между старожилами-русскими и казаками можно было назвать обостренными по причине неладов, связанных с проведением земельной реформы.

Но старожилы несколько чуждаются и северян, очевидно, считая их в той же мере виновными в земельных злоключениях, как и казаков. Так, поругивая коммунистов, занимаясь скотоводством, чуть-чуть земледелием, извозом, рыбной ловлей, существуют старожилы. Но, если, в связи с надвигающейся новостройкой, возрастает спрос на рабочую силу, идут охотно.

И, конечно, темп жизни здесь, в степи, определяется не ими, а людьми, не успевшими загореть до предела, приехавшими недавно с севера организаторами, строителями, изыскателями, кооператорами.

Условия существования в казакских степях мало пригодны для нежного человека. Однажды в песках встретили мы одинокую телегу. На ней тряслись казак-возчик и пассажир-русский. Оказалось, что русский советский служащий из Сергиополя едет через Ленинск в Алма-Ата на курорт в Оренбургскую губернию. Ему предстояло прежде, чем добраться до железной дороги, сделать 500 верст на лошадях. Из-под копны торчала блестящая шишечка винтовочного затвора. Вот как ездят на курорт в глубине Казакстана! Но ездить на курорт, преодолевая все трудности, необходимо, ибо без внимательного санитарного лечения казакстанский работник пропадет вовсе. Мой спутник по степным скитаниям —кооператор, о котором я уже упоминал, человек желтый и желчный, мучился малярией и катаром желудка («в Сергиополе колбаса, как известно, делается из падали»,—говаривал он), однажды произнес целую речь об условиях работы в глуши Казакстана.

— Я специалист по заготовке скота и шкурины,—сказал он.—Я и все опытные скотозаготовители, а нас не так много, проводим все время в командировках, но-

симся по степи на почтовых, спим в телегах, хвораем в юртах или на шикетах. Забываешь русский язык, газету или книгу видишь раз в полгода, смотришь на нее, как на богиню. Оклад приличен, но что купить на деньги у киргиза? Жрешь вареное мясо без хлеба и соли, глотаешь айран. Человек на такой работе изнашивается в три года. Но куда уйти? Предлагают место кладовщика на изысканиях, но это та же степь, тот же аул! Нет, придется скакать по степи до смерти, как верблюду!

Сказав эту речь, товарищ впал в уныние и, раскрыв чемодан, с ожесточенным лицом принялся готовить себе сложную микстуру.

Глушь и дичь. И, однако, именно сюда сейчас идут люди, кто по торговым, кто по постоечным, кто по исследовательским делам. Я встретил человека, смелого человека, пришедшего в Забалхашье в 1921 году и приоткрывшего желтую дверь Отрау (название песков Сара-Ишик-Отрау в переводе звучит так). Это был творец мыла— Сарычев. В 1921 году Каркаралинск испытывал затруднение с мылом. Получить мыло из Семипалатинска надежды не было. Тогда из Каркаралов зимою, в Забалхашье, в пески Сары-Ишик-Отрау был послан экономист Сарычев. Переехав по льду Балхаш, Сарычев оборудовал в песках Отрау временный мыльный завод и начал варить мыло, добывая рыбий жир из балхашской рыбы, а щелок из золы саксаула. На глазах потрясенных киргизов проделывал он эту волшебную манипуляцию превращения корней саксаула и балхашской рыбы в продукт горький, невкусный, но ценимый русскими и называемый мылом. Готовое мыло увозил в Каркаралинск.

Творец мыла был почти одинок в свое время, если не считать храбрых моряков из Балхашской экспедиции 1921 года, о которой я расскажу ниже. Но теперь, через семь лет, сколько исследователей, инженеров, геологов и гидрологов бродят по Прибалхашью. Одни проникают в гнездилища саранчи в устье Каратала, других интересует Царицинский хребет с его залежами меди, изыскательские партии Турксиба прошли недавно восточным берегом озера и углубились в пески Муюн-Кус и Симбай-Кум.

Эти люди, с лицами, лупящимися от солнца и ветра, вспухающим от укуса пауков и мошек, пьющие воду из горьких колодцев и страдающие от этого желудками, бредут через пески, в которых обитают черепахи, змеи и фаланги, ночуют в палатках и юртах, а перед сном, на отдыхе, иногда еще успевают с культурно-просветительной целью показать местным киргизам луну через теодолит.

VIII. ПУТЬ К БАЛХАШУ.

Балхаш я увидел еще с Арганатских гор. Черная потрескавшаяся скала, метров четыреста высоты, громоздится как-раз позади Арганатинского шикета. Я наскоро, пока меняли лошадей, вскарабкался на эту скалу, увидел провал, долину, убегающую на запад, и на западном горизонте серебряную чешую Балхаша.

Перевалив Арганаты, мы поехали глинистой волнистой степью на юг. Сразу же за перевалом открылся вид на далекие снежные вершины Джунгарского Алатау, за которым—Китай. Казалось, что снежные горы недалеко, но на самом деле до них оставалось еще несколько суток езды на лошадях.

На следующее утро, переехав реку Лепсу, мы прибыли в селение Романовку, ныне переименованное в Кок-Терек. Селение одним концом упирается в зеленый, поросший ивняком и карагачами, берег Лепсы, другой же, южный, конец селения уходит в пустыню, и хижины полузанесены песками наступающих дюн. Кок-Терек стоит приблизительно на полпути от Семипалатинска до Алма-Ата, влияние этих обоих центров здесь выражено очень слабо и почти сведено на-нет, здесь отменно глухо, и даже сенсационные слухи доходят досюда в виде бледных, потерявших всякую остроту и смысл отголосков.

В Кок-Тереке я рассчитывал найти базу изыскательской партии инженера Желтова. Но, оказалось, изыскатели ушли дальше на юго-запад, и база перенесена в селение Ак-Су. Пробыл в Кок-Тереке день, выслушал от старожилов печальную повесть

о каком-то сибирском журналисте (кажется, из Омска), много лет тому назад появившемся в этих краях, отправившемся вниз по Лепсе на Балхаш в лодке и утонувшем в пути. Хотел было повторить опыт несчастливого товарища по ремеслу, надеясь на более благоприятный исход, но не согласились продать лодку. Тогда я нанял лошадей и отправился на Балхаш сухопутьем. Ехать решил в поселок Кара-Чаган, сто верст на северо-запад степной дорогой, идущей вдоль реки Лепсы и невысокого Буурлинского кряжа.

Путь переползали небольшие серо-желтые змейки, из-под ног выбегали серые быстрые ящерицы и садились у края дороги, завернув хвост пружинкой; в степи воняло травой сасыр, тут и там торчали стального цвета и металлической колючести чертополохи, какие-то дудкообразные, покрытые шариками, похожими на картечь, растения, названия которых я не знаю,—степь Прибалхашья поразила меня своею сухостью, солоностью и щетинистостью.

Но вот из-за увала неожиданно показалась зеленая долина, поросшая джигдою.

— Аул Канай,—сказал мой возница,—здесь живут казаки-землеробы.

Вскоре мы под'ехали к арыкам, вода для которых взята из реки Лепсы. Увидели посевы проса, пшеницы, овса. Казаки-землеробы оказались людьми, наряженными в лохмотья европейского платья, а то и полунагими до пояса. Очевидно, неудобную одежду из скотеких шкур и традиционные малахаи пришлось снять в связи с переходом на земледелие. То же самое я наблюдал и на постройке дороги—там также редко можно было встретить малахайщика. Старый национальный наряд, видимо, пригоден лишь для неторопливого раз'езжания верхом на коне. Для физической же работы он не годится.

Через несколько часов из-за увала поднялась синяя стенка Балхаша, и вскоре я разглядел приземистые строения рыбачьего поселка Кара-Чаган.

Ночевать остановился в крайнем домике поселка, у самого берега. В сумерках меня встретила беловолосая синеглазая женщина. Она вышла на дорогу в сопровождении громадного неслышно ступающего степного пса.

— Можно у вас остановиться, хозяйка?

— Окажите любезность,—с достоинством ответила она.

И я вошел в хижину, где пахло рыбой, а в углу на сепараторе дремала ручная цапля.

Рыбачка зажгла керосиновую лампу, принесла молока и зажаренного сазана.

— Не обессудьте, завтра вернутся мужчины со свежим уловом.

Стены комнаты были украшены сухими и яркими степными цветами, над столом висела неизбежная фотография главы семейства в бытность его нижним чином армии. Я беседовал с хозяйкой, хваля ее за чистоплотность, за то, что имеет сепаратор, за то, что доит коров как следует.

Хозяйка сказала, что она зайсанская.

— А где лучше—здесь или на Зайсане?

— Здесь и там киргизов много—неопределенно ответила женщина.

— Рыбаки-киргизы тоже есть?

— Один на весь поселок.

Ложась спать, слышал, как в соседней комнате шептались ребята:

— Кто приехал?

— Длинный дядя. Городской. Это там... далече, чем Сергиополь.

Всю ночь дул сильный северный ветер, перед окнами качались громадные сети, развешенные для просушки, их клетчатая тень ползала по стеклу, всю ночь звучал голос прибоя—волны с металлическим гулом распластывались на каменистом мелководьи залива.

IX. СПУЩЕННЫЕ ПАРУСА.

Черный катер, подпертый с боков двумя камнями, стоит на склоне берега шагах в пятидесяти от воды. Он уставил свой гнилой форштевень прямо в небеса. Рано утром я добрался до черного катера, перепрыгнул через борт, зачерпнул горсть крупной гальки со дна, потрогал носком сапога истлевшие шпангоуты и решил, что этому судну, увы, больше не плавать по воде.

Я присел на борт старого судна и мысленно проследил тот путь, который оно проделало когда-то. Далеко в прохладном Петрограде три добрых свежепокрашенных катера были подняты с воды на каменную набережную, затем погружены на железнодорожные платформы, и поезд пошел на восток. Вологда—Вятка—Екатеринбург—Тюмень—Омск—Новониколаевск—Семипалатинск. Отсюда на специальных платформах, конною тягой, катеры вывезены в степь. Медленный под'ем в сторону Сергиополя,- горы, пески. Спуск в балхашскую впадину—пески, солончак. И, наконец, катера покачиваются на солоноватой воде Балхаша.

— Анжинеры привезли к нам царскую лодку!

Жители Прибалхашья заинтригованы. Слух о царской лодке облетел все аулы и поселения. И самыми популярными людьми на Балхаше в 1921 году были «главный анжинер Никита Федорыч» и «моряки с бывших броненосцев».

Где вы теперь, «нелладины зеленого храма над пасмурным морем следившие румб?» Балхаш о вас помнит.

Балхаш, этот громадный водоем, называемый казаками Актенис, что значит «белое море», а китайцами Сии-хай, что значит «море западное», исследовали в общем очень и очень поверхностно. Достоверно известно лишь то, что в длину оно тянется на 570 верст, в широких местах достигает 84 верст ширины, наибольшая установленная глубина его 10 сажен. Семиреченская область (Джеты-су) получила свое название по числу рек, впадающих в Балхаш. Сюда текут: с востока —Аягуз; с юга—Лепса, Ак-су, Каратал, Или; с запада—Джартаным-Кара-Су и Наузал. С севера Балхаш не принимает рек. Северный берег озера более высок, там встречаются выходы гранита и глинистых сланцев, южные берега большой частью отлоги и заросли камышом, в котором водятся кабаны и даже «джуль-барсы», т.-е. тигры. Много всякой дичи—гуси, бакланы, лебеди, чайки, цапли, пеликаны. Рыба –маринка, белый окунь, сазан, осман и ком.

Далее идут сведения не столь точные. В горах, подходящих к Балхашу, несомненно есть и минеральные богатства—свинец, серебро, медь, каменный уголь, возможно, золото, но относительно того, в каком количестве все это имеется, более или менее точных данных пока нет. Также нет точных данных о количестве «балхашита», вещества безусловно ценного, дающего при известной химической обработке керосин, бензин и различные масла.

Нет точных данных относительно возможности кораблевождения. Одни говорят—озеро мелководно, бурно, судоходство невозможно. Другие утверждают—судоходство вполне возможно, единственным препятствием, легко устранимым, являются бары—наносные песчаные отмели близ устья рек. Во всяком случае известно: предприимчивый капитан—купец Гробецкий—сумел найти фарватер, когда понадобилось. В 1856 году в только что основанных Алмаатинских станицах случился хлебный кризис. Купец Гробицкий с компаньонами решил подвезти хлеб в Алма-Ату из Каракалинска, через Балхаш, водою. Он построил паруеную шхуну «Св. Николай» и в течение сезона сумел переправить 8.000 пудов хлеба с Бертысской пристани северного берега Балхаша до Илийского выселка на р. Или. «Но на следующий год,—пишет Фишер в своем сообщении о Балхаше,—по причине хорошего урожая в Алма-Атах, не было надобности в подвозе хлеба из ст. Каркаралинской, и потому судно подрядчиков, остав-

ленное без призора на Бертысской пристани, пропало бесследно». Итак, одну навигацию Балхаш был судоходным, ибо в этом встретилась надобность.

Первым русским исследователем Балхаша был корпуса топографов офицер Шифантьев. Шифантьев вышел на озеро через устье реки Лепсы вскоре после завоевания русскими Семиречья в 1851 году и собрал ряд сведений топографического и чисто научного характера. Затем в течение семидесяти с лишним лет Балхаш был посещен рядом других исследователей, главным образом, з.-с. отдела географического общества. Но самая грандиозная экспедиция была задумана и предпринята в 1921 году Комгосером.

Сразу же после окончания гражданской войны, когда в казахских степях еще циркулировали белые, не успевшие уйти в Китай, Комгосером была направлена на Балхаш экспедиция, в задачи которой входило обследовать Балхаш и Прибалхашье, выяснить возможность судоходства, сделать промер глубины и береговые изыскания на предмет возможности принятия балхашского транзитного варианта будущей железной дороги. Расчеты оказались правильными, теперь принят именно балхашский вариант, сокращающий и удешевляющий постройку.

Итак, экспедиция под командою моряка Никиты Пешкова и ряда других командиров флота, снабженная тремя добрыми парусными судами,—синим трехмачтовым катером с б. императорской яхты «Штандарт», желтым катером из Кронштадта и черным катером Петропавловской крепости,—отправилась на Балхаш. Суда прибыли из Петрограда в Семипалатинск по железной дороге, а дальше пошли конной тягой на специальных платформах. Экспедиция располагала большим запасом оружия, специального оборудования и обещала по всем признакам пройти удачно. К сожалению, вышло по-иному.

Злоключения экспедиции начались еще в Семипалатинске. Команда, полученная через биржу труда, состояла отнюдь не из моряков, но из каких-то голодающих бузулукцев, не имеющих ни малейшего представления о парусном плавании. Одним из лучших матросов считался боцман Генка Патрикеев, но, насколько мне известно, он был вовсе не моряком, а гимназистом седьмого класса. Генку, как опытного моряка, вспоминают и по сей день с большим уважением карагачанские рыбаки и агент Копытин с пикета Джюз-Агач.

Насколько я понял из рассказа рыбаков, злым гением экспедиции был молодой политический комиссар. Сначала в комиссары экспедиции был назначен каспийский моряк, человек пожилой и многоопытный. Но он заболел, и на смену ему появился некий юноша из Семипалатинска. Этот юноша вмешивался в технические распоряжения морского командования, ссорился с капитанами и в конце-концов, как утверждают очевидцы, посадил экспедицию на полуфунтовый рыбный паек.

— В России люди голодуют, а мы обжираться будем. Мало ли что рыбы много!

Недисциплинированная, подобранная «с Камы и с Волги» команда впала в дезорганизацию. Боязнь качки, зловредных балхашских насекомых и привередливого комиссара положили начало дезертирству. Двое, русский казак и киргиз, бежали в Арганаты, похитив весь наличный запас кирпичного чая. Затем они попали к белым, переходившим после неудачного петропавловского восстания на китайскую границу.

Вскоре после этого, по рассказам рыбаков, «хватили буря с запада», стали налетать ветер «чертолом» и китайский ветер «эбе» с Джунгарских ворот. Матросы с биржи труда, повидимому, могли в это время играть только роль антисанитарного балласта, и в краткий период времени все три катера потерпели крушение. Синий катер с яхты «Штандарт» был разбит о скалы у мыса Кара-Тас, желтый погиб на Айяке, черный потерпел аварию у Кара-Чагана и был вытащен на берег.

Моряки, все же успевшие сделать кое-какие береговые зас'емки и промеры глубин, уехали через Алма-Ата на Москву со своими материалами.

Черный катер и часть имущества экспедиции были оставлены на Кара-Чагане под охраной специального человека. На следующий год моряки обещали вернуться для

продолжения работ. Но, очевидно, Москва решила бросить это дело, и даже оставшийся на Балхаше человек, Трухин, был забыт. Он прожил в поселке год. Затем наступили дни проведения земельной реформы, рыбаки были выселены с Кара-Чагана, и Трухин, сдав часть имущества в лепсинский водхоз, а часть распродав рыбакам, ушел на Семипалатинск.

Земельная реформа закончилась, рыбакам дали возможность вернуться на старые места, и теперь, через восемь лет после событий, Москва, посылая в Прибалхашье новых изыскателей, запрашивает Семипалатинск, не осталось ли где каких материалов от экспедиции 1921 года. Черный остов гнилого катера торжественно, как сфинкс, лежит на песчаном побережьи Балхаша, о командирах и о комиссаре нет ни слуху, ни духу, а над убогой и неуклюжей лодкой карачаганского рыболова развевается крепкий и белый парус, на котором можно прочесть непонятное для балхашца слово «Штандарт».

X. КАРА—ЧАГАН.

Вот уже несколько дней я живу здесь, на южном побережьи Балхаша. Ем жирную рыбу, пью теплую воду из речки, текущей оттуда—с плодородных предгорий юга. Здесь, за Балхашем, кончается северный участок новостройки. Я присутствую при втором завоевании степей, гор и пустыни. Через несколько лет на Балхаш будут ездить туристы, и, возможно, на этих берегах возникнет белый мираж курорта.

А пока... Здесь тихо и пусто. По заливу бегут белые барашки, на горизонте маячит парус рыбачьей лодки. Песок, камень, камыш. В поселке дремлют псы и толстые, об'евшиеся рыбьих голов, кошки.

В разговоре со старым рыбаком Ивановым я ближе познакомился с поселком Кара-Чаган и жизнью его обитателей.

Иванов в окружении рыбаков выглядит патриархом. Вся компания смотрит на меня тревожно. Рыбаки думают, что я «ревизор». Я много расспрашивал о балхашской экспедиции 1921 года, и теперь рыбаки, решившие, что я приехал сюда по делу казенного имущества, с трепетом ждут, что я начну переписывать старые винтовки, якоря и другие металлические части, выловленные со дна залива после кораблекрушения.

Иванов, задумчиво взглянув на меня, заявляет, что «никаких сведений о казенном имуществе» он не имеет.

— Ладно,—говорю я,—честное слово, это не важно. Я не чиновник, я в газетах пишу. Вот приехал посмотреть, как вы тут живете. Расскажите про ваше житье-бытье.

Об этом рыбаки рассказывают охотно. Поселок Кара-Чаган имеет сейчас двадцать дворов. Когда-то было вдвое больше. Первые рыбаки пришли сюда в 1911 году. В 1913 году было сорок дворов.

— Откуда вы пришли?

— Мы сброд,—серьезно отвечает Иванов:—с Лепсинска, с Зайсана, с Сибири, с Дону, с Кавказа, с Амура. Всякие были.

— Рассказывайте, как живете, какие случаи у вас тут случаются.

— Случаи? Дак какие. Вот в 1921 году экспедиция эта была со шкандалом. А в 1922 году земельная реформа состоялась, и нас зачем-то выселили. Потом назад вселили. Но половина, конечно на места не вернулась. Голодно тут, товарищ, рыбы, конешно, хоть обожрись, ну, яблок, арбузов, дешевых с юга тоже привозят, но вот насчет хлеба. Сейчас пуд муки стоит 6 или 7 рублей, и приходится за него давать 6-7 пудов рыбы, это ненормальная цена. Полагается здесь хлебу быть не дороже рубля. А для рыбы цена: маринка—рубль пуд, сазан—рубль двадцать пуд. Хлеб дорог последние годы и достать его нелегко. Мы и то каждый год уходить собираемся, а все же остаемся. Надежда, видишь ли, есть, что вот дорога пойдет, хлеб подешевеет.

— Нынче путь до Сергиополя к зиме дотянут,—говорю я.

— Ну, вот. Значит, не даром ждем. Тогда рыболовство начнем как следует, а пока что волынка это, а не промысел, в общем. Сбыта нет. Вот в нашем поселке четыре рыбачьих артели, шесть лодок имеем, добрую снасть—невода, а ловим-то в год пудов тысяч пять, не больше. Тысячи три пудов сбываем в соленом виде в Лепсинск, в Гавриловку. Но разве это сбыт? Провоз дорог, невыгоден. Вот дорога подойдет, тогда...

— А вообще-то на Балхаше можно рыболовством промышлять?

— Как же нельзя. Жить тут можно. Зима—ничего против нее не скажешь—теплая. Озеро подо льдом три с половиной, не более как четыре месяца. Теплые страны вовсе близко, что не жить?

Я вспоминаю читанные мною в одной солидной книге о Семиречьи строки: «Правильного рыболовства на Балхаше не существует, здесь едва ли возможно жить в виду обилия комаров и овода...». Это писалось в 1904 году. Одно из двух—либо тогда овода было в сто раз больше и он был действительно невыносим, или развитию балхашского рыболовства мешают вовсе не овода, но отсутствие путей сообщения, отсутствие возможности сбыта наловленной рыбы.

В конце беседы рыбаки, ставшие менее подозрительными и настороженными и, быть может, даже почувствовавшие, ко мне, пришельцу с далекого севера, некоторую симпатию, излагают свои претензии.

— Расскажите же, что у вас тут особенно неладно? Ну, может быть, с киргизами плохо уживаетесь?—спрашиваю я.

Среди рыбаков движение. Многие в волнении встают с мест.

— Нет! С киргизами уживаемся! А вот красноармейцы тигров гонят прямо на нас—это непорядок!

— Балхаш убегает!—кричит другой рыбак.

— Алмаатинский исполком в рыболовстве ни шиша не смыслит! —кричит третий.

Оказывается, что где-то в южном Семиречьи воинские части совершают охотничьи экспедиции, и выгнанные из камышей тигры бегут на север, на Балхаш. Прошлой зимой один «джуль-барс» пробежал через поселок и скрылся по направлению к Кара-Тас. Рыбакам не нравится это.

— Гоняют тигра с юга на север, а мы тоже люди.

Относительно убеганья Балхаша я мог сообщить рыбакам следующее:

— Конечно, нет сомнения, что с каждым столетием Балхаш делается все меньше и меньше. Но в то же время, по наблюдениям ученых, горизонт воды в водоемах Арало-Каспийского бассейна колеблется как в ту, так и в другую сторону. Так, в период 1852-1882 г.г. замечено отступление воды версты на четыре. В 1903 году была, наоборот, отмечена большая прибыль воды —ранее известные полуострова превратились в острова, вода затопила береговые заросли дерева туранги. Эта прибыль воды в Балхаше совпала с подобными же явлениями на Аральском море, Иссык-Куле и Зайсане. «Очевидно,—писал проф. Сапожников,—мы имеем дело с общим явлением, захватившим громадный район. Каковы его причины, это могут выяснить лишь специальные исследования».

Я имел возможность отметить, что Балхаш с 1921 года отступил вглубь метров на семьдесят. Рыбаки говорят, что убыль воды продолжается и нынче, несмотря на то, что после зимы небывалой снежности реки несли в озеро очень много воды.

Алмаатинский исполком рыбаки шельмуют вот по какому случаю: весной Алма-Ата, губернский центр, установила запретный период для рыбной ловли на Балхаше с 20 мая по 20 августа, т.-е. в самый разгар ловного сезона.

— А рыба мечет икру вовсе не в это время, но с 10 марта по 10 мая. Тогда и запрет нужен,—жалуются рыбаки.—Пришлось писать про это специальную бумагу. Ну, ничего, потом отменили свой приказ.

Этот случай лишний раз подтверждает то, что про Балхаш толком еще ничего никому неизвестно.

Поселок Кара-Чаган один из трех существующих на Балхаше рыбачьих поселков. Есть, говорят, еще два—в устье Или и на урочище Буру-Байтал. Это все по южному берегу. А на северном берегу и вовсе нет поселков. Была там только Амосовская заимка. Амосов, Павел Григорьевич, межевой инженер, появился на Балхаше в 1917 году с какой-то экспедицией. Понравилось. «Балхаш—золотое дно»—сказал Амосов.—«Здесь надо наладить рыбные промыслы».—Переселился сюда с семьей, рабочими, завел невода, начал ловить рыбу. Но в общем дела шли плохо—не было сбыта, не было подвоза хлеба. В 1920 году рыбалка была национализирована Каркаралинским уревкомом. Амосов из хозяина превратился в заведующ. . В 1921 году он покинул Балхаш и умер где-то за Павлодаром.

Работали еще в 1919 году на северном берегу Балхаша рыбалки, организованные каркаралинским земством. Эти рыбалки представляли собою несколько промысловых построек, в которых ютились киргизы-рабочие.

Вот, пожалуй, и все, что я узнал о рыболовстве на Балхаше.

Вечером я уехал из Кара-Чагана дорогой на Айяка через полуостров. Мне хотелось взглянуть, не осталось ли на том побережьи каких-нибудь следов от разбитого желтого катера балхашской экспедиции. Поднявшись на горб полуострова, я увидел залив еще более большой, чем Кара-Чаганский. Берег этого залива имел экзотический вид африканской пустыни, показываемой в кино. Вдоль полуострова тянулась длинная и широкая, сверкающая белым сиянием, кайма солончаков, которую нельзя ни перейти, ни переехать, так как под коркою соли находится глубокий вязкий ил. А под самым берегом высились ярко-желтые дюны, высокие, бесплодные гривы песков.

За одним из увалов мы встретили кочующий казакский аул. К телеге подошли два старца в громадных малахаях и женщина под покрывалом, в широких и грязных белых штанах. Попросили хлеба. Осведомились, зачем сидит здесь русский? Мой возчик растолковал им, что я ищу обломки больших советских лодок, утонувших у этих берегов семь лет тому назад. Старцы посовещались между собою—я слышал отдельные слова —кок-каик, кара-каик—синяя лодка, черная лодка,—затем покачали головами и сказали, что ничего не знают.

— Не хотят разговаривать. Конешно, знают,—сказал мне возница.—Обломки подбирали, жгли. Медные гвозди вытаскивали. А ну их!

С Айяка, где я не отыскал никаких следов кораблекрушения, мы пустились в обратный путь на Романовку. Балхаш несколько раз выгибал из-за увалов свою темно-синюю широкую спину.

Наконец, мы пересекли линию будущего железнодорожного пути, отмеченную сейчас колышками и столбиками. Дорога пройдет совсем недалеко от Балхаша—разъезд Перевальный намечается всего в восьми верстах от восточного берега озера. Затем дорога, отклоняясь на юго-запад, через Симбай-Кумы, и Муюн-Кумы, последние пески Забалхашья, выйдет в плодородные страны, туда, на Гавриловку, где много хлеба, где растут яблоки, где ходит тучный скот, а из белых мазанок выглядывают румяные украинки.

ДВОРЕЦ ТРУДА

Фот. Ничипорук

ДОМ ЛЕНИНА

Фот. Данилевский

ДОХОДНЫЙ ДОМ

Фот. Данилевский

ЗДАНИЕ КРАЙИСПОЛКОМА

Фот. Данилевский

НИК. АУЭРБАХ

Краеведение и газеты

В борьбе за культурную революцию нами забыто одно общественное движение. Это—краеведение. Оно заслуживает того, чтобы быть использованным в том походе, который сейчас организуется под флагом культурной революции.

По своей природе краеведение рассчитано на массы, которые организуются для плановой систематической работы над изучением своего края. Современное краеведение в обстановке нашего Сибирского края ведет это изучение не ради изучения, а в интересах хозяйственного и культурного строительства новой жизни. Таковы основные решения 1-го Сибирского Научно-Исследовательского С'езда, конкретизированные несколькими пленумами совета общества изучения Сибири, представляющим собою ассоциацию научно-исследовательских организаций края. О том, что нам надо изучать свой край—об этом говорить не приходится. Это ясно каждому и в особенности, если мы ознакомимся с «трудами 1-го Сиб. Краевого Научно-Исследовательского С'езда», где напечатан доклад проф. Вейнберга, характеризующий неисследованность Сибири такими цифрами:

Картография	не исследовано	71%
Геология	»	76 »
Судоход. реки	»	66 »
Почвы	»	76 »
Флора	»	66 »
Фауна	»	86 »
В среднем	не исследовано	74%*)

Эти цифры говорят о многом и в первую очередь о том, что нам надо много, много работать, чтобы в короткий срок двинуть вперед дело изучения своего края. Те большие задачи, которые стоят перед Сибирью в связи с социалистическим строительством, могут быть разрешены только при условии изучения производительных сил края, а это изучение мы можем и должны организовать, использовав все предоставленные в наше время возможности. Было бы диким анахронизмом строить организацию исследований только на кадрах квалифицированных ученых. Бесспорным является положение о необходимости привлечения к этой работе широких масс не только города, но и деревни, не только служащего, но рабочего и крестьянина. При той организации краеведения, которая имеется у нас в крае, это вполне возможно. Выдвигается вопрос о крупных коллективных хозяйствах, и общество изучения Сибири организует доклад на эту тему и посылает задание по своей сети—приступить к проработке научных вопросов, связанных с новым строительством. Институт прикладной минералогии, производящий опыты над пригодностью русского шифера в качестве материала для крыш, запрашивает образцы сибирского шифера общество перебрасывает это задание на места. Тот

*) «Труды 1-го Сибирского Краевого Научно-Исследовательского С'езда» Том. II. Новосибирск, 1928. Стр. 33.

же институт работает над вопросом замены в стекольной промышленности заграничных точильных камней русскими камнями, и наши краеведческие организации тех районов, где открыты выходы точильного камня, получают соответствующее задание общества. Сибмедторг интересуется сборами дико-растущих лекарственных растений. Все ботанические экспедиции, организованные в Сибири, выехали в этом году на места с дополнительным к своим основным задачам поручением—собрать гербарии этих растений.

Приведенных примеров, я думаю, вполне достаточно, чтобы доказать всю важность краеведения для хозяйственной жизни края. О том, что дало и может дать в будущем краеведение для дела изучения Сибири вообще, я говорить не буду. Целые отделы наших знаний о Сибири построены на основании наблюдений и сбора сибиряков-краеведов. Многие дисциплины требуют массовых наблюдений и только при вовлечении широких слоев самого населения могут получить необходимый фактический материал.

Скажу о другой, особенно для нас ценной в эпоху борьбы за культурную революцию, стороне краеведения -его воспитательного значения. Через краеведение в массы вливаются научные знания, в исследовательской работе приобретаются новые навыки, новые рефлексы. Чем больше будут втянуты массы в краеведение, тем ярче и сильнее будет проявляться культурное значение краеведения. Надо при этом заметить, что краеведение, как метод, давно осознано в нашей школе и уже проводится в жизнь, а в зависимости от того, сумеем ли мы развернуть исследовательскую работу, будет стоять вопрос и о большем углублении краеведения в школе.

Число краеведческих организаций нашего края возросло за время революции более, чем вдвое, и к осени 1928 г. мы насчитываем около 100 научных и краеведческих обществ, кружков и музеев, которые об'единяют около 2-4 тысяч активных работников. Этого недостаточно. Нам надо не сотню, а сотни краеведческих кружков и обществ, не тысячи, а десятки тысяч краеведов, нам нужны не 800-1000 научных докладов и сообщений, публичных лекций в год, а десятки тысяч, не 200 тысяч посещений музеев, а миллион. Тогда мы можем сказать, что краеведение из массового движения «в идеале», сделалось массовым движением в действительности.

Для этого, в первую очередь, необходимо привлечь внимание самих масс к краеведению. Без прессы здесь не обойтись. А она, к сожалению, недоучитывает значения краеведения для современности.

Основные моменты эволюции краеведения последнего времени не находят себе отражения в сибирских газетах. IV пленум совета общества изучения Сибири, такой исключительной важности по принятым решениям, знаменующим собою поворот нашей научной общественности в сторону активного содействия задачам социалистического строительства, наметившим в основном все крупнейшие полевые исследования этого года, прошел совершенно незамеченным в прессе. «Советская Сибирь» ограничилась 2-3 хроникерскими ничего неговорящими заметками по нескольку строк и только. Более подробную информацию о пленуме мы читаем в «Ачинском Крестьянине», а в томском «Красном Знамени»—список утвержденных пленумом экспедиций. Такие любопытнейшие факты, как постановления окрисполкомов, не имеющих в своих окружных центрах краеведческих обществ, об открытии этих обществ, остаются вне поля зрения не только краевой газеты, но даже и местной. Самое выдающееся событие красноярских краеведов—достройка нового здания музея—событие, на котором надо фиксировать внимание масс, широко информировать о том, как будут развернуты огромные коллекции музея в новом помещении,—отражено в местной газете скромной заметкой об отпуске центром 35 тысяч на достройку, между тем, нам известно, что в распоряжении строительного комитета имеется значительно большая сумма. 40 летний юбилей старейшего сибирского ВУЗ'а также проходит незамеченным, только местная томская газета уделяет юбилею целую полосу.

Таких примеров—множество: важнейшие события краеведческой жизни края, округа остаются вне поля зрения сибирской прессы.

И на ряду с этим газеты уделяют большое внимание мелким фактам, в роде находок отдельных костей мамонта. Эти находки распространены по Сибири, научная значимость их не велика, а интерес газет к костям мамонта очень напоминает интерес Петра I к различным раритетам. Я не против газетных сообщений о находках костей вымерших животных. Краткая заметка в окружной газете с точным указанием условий залегания и без кричащего заголовка вполне уместна и «краеведно» полезна, но я против посылки телеграмм о таких случайных находках в краевой центр, потому что у масс получается превратное представление о научной ценности случайных находок.

Основной недостаток нашей газетной прессы—небрежность, спешка—зло, с которым надо бороться, чувствуется особенно остро в информации о краеведческой жизни. Искажения географических названий, научных терминов, имен и фамилий, бесконечные неточности, как-будто несущественные, на самом деле представляют известную опасность для культурной революции, так как газеты читаются сотнями тысяч людей в день, миллионами—в год.

Из газет вы можете узнать о том, что Енисей течет в направлении с севера на юг. Прочтите, например, такую информацию:

«В ВЕРХОВЬЯ ЕНИСЕЯ ВЫЕХАЛА ИЗЫСКАТЕЛЬНАЯ ПАРТИЯ КОМСЕВЕРПУТИ».

Изыскательная партия Комсеверпути выехала *к верховьям Енисея* для того, чтобы отыскать место, вполне удобное для постройки лесоэкспортного завода.. Постройка этого завода явится важнейшим началом создания промышленности на *далеком севере*. Первые ассигнования на постройку завода уже получены». «(Сов. Сиб.», 9/VI-28 г.).

Из газет вы можете получить представление о том, что мамонты жили совсем недавно—в историческое время. Вот что пишет, например, тарская газета:

«ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕДКОСТЬ».

«Милиционером Федоровым на улице Чернышевского найдена челюсть крупного животного. Челюсть весит 12 фунтов. По предположению челюсть принадлежит мамонту». («Советская Деревня», 3/VI-28 г.).

Заметка по своему содержанию не встречает каких-либо возражений, но она испорчена редакционным заголовком.

«Советская Сибирь» делает более интересные открытия... У ней мамонтов находят в позднейших жилых поселениях. Иркутский корреспондент телеграфирует:

«ИРКУТСК, 17. В городском поселке Иннокентьевском, расположенном в 7 верстах от Иркутска, во дворе одного дома найден *засыпанный* землей костяк мамонта. Кости сильно истлели. Это редкий случай нахождения остатков мамонта *в позднейшем жилом поселении*».

В этой телеграмме корреспондент очень неудачно охарактеризовал условия залегания костей мамонта, оказавшихся «во дворе», «засыпанными землей», излишне подчеркнул находку «в позднейшем жилом поселении», и в результате у читателя получается представление, что мамонт жил в наше время во дворе одного из домов гор. Иркутска.

В газетах вы прочтете про «скелет головы» мамонта.

«ЦЕННАЯ НАХОДКА».

«В Итатском районе, около бывшей Ожиговской заимки извлечены из Чулыма кости мамонта.. По словам гр-на, живущего на заимке, он знает место в Чулыме, где лежит *скелет головы мамонта*. Речной». («Ачинский Крестьянин», 8/IX-1928 г.).

Вы узнаете о замечательнейших научных опытах, проделанных в г. Канске: внутренние органы «алкоголиков» удалось привести в окаменелое состояние.

«Заведывающий городским музеем т. Пожарский проделал интересный опыт с различными органами внутренностей человека, давший интересные результаты. Так, например, ему удалось привести в *окаменелое состояние мозг и сердце алкоголика*.

Результаты опыта имеют ценное значение для других музеев Сибири». («Труд Пахаря», 12/IX-28 г.).

Вы узнаете о тлях геологической эпохи из группы «фисташковых», найденных под Барнаулом.

Тля геологической эпохи в Барнауле. При обследовании Сибири профессором-специалистом по изучению тли *академиком Мордвили* в окрестностях Барнаула найден вид тли *геологической эпохи из группы фисташковых.* («Сов. Сибирь», 12/VII-28 г.).

Примеров более мелких искажений, неверных применений научных терминов я не привожу.

Остановлю внимание читателя на последнем примере «тли геологической эпохи». В этой информации целый букет неточностей. Редакция дала заголовок, не соответствующий содержанию заметки: всякое насекомое, живущие и в наше время, будет по существу насекомым геологической эпохи, так как наше время—определенный отрезок «геологической эпохи». Корреспондент превратил сотрудника Академии Наук СССР крупнейшего специалиста А. К. Мордвилко в академика-итальянца «Мордвили». И, наконец, отнес тлю, найденную специалистом в Сибири, к семейству фисташковых. «Фисташковых тлей» в природе не существует, но существуют тли, живущие на фисташковых растениях. В отдельности, конечно, все эти неточности —пустяк; но дело в том, что в сумме подобные молочи уже существенны. Они серьезны не своим качеством, а количеством. Тунгусы превращаются в самоедов, Афонтова гора—в Афронтову или Афонину, чудские вещи в «чудные» вещи, аспиранты и сотрудники научных учреждений в академиков, сибирские научные учреждения оказываются в Москве, а московские в Сибири и т. д., и т. п., и нередко газетные краеведческие информации нам—краеведам—напоминают детскую игру «в телефон», в которой редакции сибирских газет сидят на «камчатке».

О работе наших научных учреждений, о результатах, научных экспедиций газеты часто получают весьма интересный и свежий материал. Но не всегда газеты удачно используют этот материал. Они к нему нередко подходят с точки зрения сенсации, звонко кричащих заголовков. Если направляется куда-либо экспедиция, возглавлять ее, конечно, должен академик! Результаты научных экспедиций неудачными не бывают: газеты всегда делают открытия:—громадные залежи угля, железа, золота, торфа и т. д. Привезенные экспедициями научные материалы всегда «огромны», «научно очень ценны», «исключительной важности». Большинство этих информаций делается со слов начальников или сотрудников экспедиций, в основе информации, безусловно, лежат верные сообщения, часто приведены верные цифры, но все дело в том, что в целом они преподносятся читателям под увеличительным стеклом газетных редакций.

Приведем только один пример: «Советская Сибирь» печатает телеграмму:

«НА СЕВЕРЕ ЕНИСЕЯ НАЙДЕНЫ ЖЕМЧУЖНЫЕ РАКОВИНЫ».

«Туруханск, 19 (по радио). Вернулся председатель Красноярского Комитета севера Суслов, который с середины марта проехал сначала от Иркутска по Лене, и затем перевалил Нижнюю Тунгуску. По пути Суслов открыл *массу* месторождений графита, угля, свинцового блеску и т. д. Им же впервые на этой широте найдены *палеолитические* стоянки—одна в деревне Верхне-Карелино, другая на месте постройки Туринской культбазы, где найдены топоры, долота, *тески.* Случайно в одном *горном обнажении* Суслов нашел *окаменелые раковины*, скрытые в так называемых конкрециях. Раковины—жемчужные, *поэтому будут вскрыты* распиливанием в Красноярске. Из истории вопроса: в прошлом веке *один* купец Сидоров представил енисейскому губернатору *32 прекрасных жемчужины*, неопределенно указав, что нашел в низовьях Енисея. Жемчужины отправили на всемирную выставку в Париж, где их оценили в *миллион рублей*, но эти раковины у Сидорова украли» («Сов. Сибирь», 20/IX-28 г.).

С материалом, полученным от П. М. Суслова, корреспондент справиться не мог. Оставим в стороне мелкие неточности (превращение тесел (орудия)—в тески и др.). Остановимся на «жемчужных раковинах»! Факты так изложены, что читатель ни минуту не сомневается в том, что идет речь об ископаемом жемчуге. Раковины были найдены в горной породе, они—**жемчужные и поэтому будут вскрыты** распиливанием в Красноярске, и, наконец, Сидоров еще в прошлом веке вывез из Сибири прекрасные жемчужины и на целый миллион рублей. Где они были найдены —купец Сидоров не указал, сказал только, что в низовьях Енисея. Цепь умозаключений читателя такова: в Сибири имеются ископаемые жемчужные раковины, из этих раковин еще в прошлом веке купец Сидоров добыл 32 прекрасных жемчужины. Теперь Суслов нашел такие же раковины на Тунгуске, их вскроют в Красноярске и найдут ископаемые жемчужины.

Я думаю, что такой прием для привлечения внимания читателей к научно-исследовательской работе не правилен. Интерес к работе кричащими заголовками случайных статей возбудить нельзя. Этот интерес надо поддерживать систематической информацией о краеведческой жизни. Можно и должно давать «интересные заголовки», «американизм» в газетном деле, безусловно, необходим, но не надо им увлекаться до бесчувствия. Научная работа, и краеведная в частности, не рассчитана на сенсационные открытия. Это будничная скромная работа изо дня в день, из года в год, сбор мелких наблюдений, точно установленных фактов; эти наблюдения в своей сумме могут дать действительно важное и научно ценное. Даже в Сибири, где возможности краеведов при слабой изученности края во много раз превышают европейскую часть СССР, где в наше время делаются открытия неизвестных, не нанесенных на карты рек, больших озер, новых видов флоры и фауны и т. д.,—все же действительно важные открытия редки. По газетам же они делаются очень часто. И в то же время работу многих экспедиций, бесспорно, заслуживающих внимания и с хозяйственно-практической, и с научной точки зрения, наши газеты совсем не заметили. Сибиряки не знают, например, о результатах более 50 проц. экспедиций Геологического Комитета, партий лесоэкономической экспедиции СибкрайЗУ, некоторых ж.-д. экспедиций прошлого года. О них в газетах не было ни строчки. Относительно этого года говорить еще рано—еще не все экспедиции вернулись; но уже сейчас можно указать на то, что наши газеты не сообщили сибирякам о работе многих экспедиций.

Отметив основные недочеты нашей прессы в работе по выявлению краеведческой жизни, перейдем к характеристике ее достижений в той же области. Эти достижения значительны и в особенности, если мы сравним информацию прошлого года и нынешнего. В этом году газеты уделяют значительно больше места краеведению, чем в прошлом, более полно освещают деятельность научных организаций, экспедиций и т. д. Наконец, в этом году меньше материала для сатирических журналов типа «Крокодила», чем раньше. Одним словом, необходимо констатировать определенный рост нашей прессы в отношении исправления своих недочетов. Необходимо только оговориться, что в общем темп этого роста еще недостаточен.

Некоторые окружные газеты сумели хорошо поставить информацию о краеведческой жизни округа и города. «Ачинский Крестьянин», газета совсем юного краеведческого центра, прекрасно использует краеведческое движение и притом использует систематически. Чувствуется определенная твердая, здоровая линия редакции—пробудить интерес к краеведению в массах. Это достигается не «подвальными» статьями, появляющимися раз, два в месяц, а небольшими статьями в сотню строк и частыми информационными заметками, грамотно и интересно написанными, иногда с громкими, но вполне приличными заголовками. Когда это нужно—заголовки «кричат», например, когда идет речь о марганцевых месторождениях под Ачинском, представляющих действительно немаловажный интерес. В статьях и заметках регулярно освещается краеведческая жизнь: «Экскурсия краеведов за год», приезд экспедиций, «об угле в окрестностях города», «легенда о возникновении города», о выставке музея и т. д.

Газета проводит кампанию за охрану памятников старины, не ограничиваясь спорадической статьей, а печатая продуманно составленные и живо написанные заметки.

«Красноярский Рабочий» также уделяет краеведению достаточное внимание, и на его страницах встречаются такие превосходно написанные статьи, как памятка отпускнику-краеведу, серия статей, посвященных 300-летию Красноярска, грамотно и интересно написанная информация о текущей краеведческой жизни города, но на-ряду с хорошим материалом не редки ляпсусы, непроверенные сообщения и т. д. Кроме того, газета в отношении краеведения грешит «американизмом». Что действительно блестяще было проведено в газете—это кампания по охране природы. Только недостаток места не позволяет ознакомить читателя со всеми заметками, помещенными в этой газете по случаю «Дня птицы».

Для примера приведу только одну заметку:

«ДЕНЬ ПТИЦЫ».

«Зимовавшие в Красноярске (подорожник, снегирь и чечетка) уже двинулись на север.

В педагогическом музее (Советская, 84) организована выставка «День птиц».

Настала третья и последняя встреча весны. Зимующие у нас птицы - подорожник, снегирь и чечетка—уже двинулись к северу. С 6 апреля были замечены грачи и скворцы. Должна появиться на-днях белая трясогузка, а за ней овсянки-белошапочки, журавли, дрозды, рябинники и чернозобики и гуси.

Это первые наши пернатые гости, за ними вскоре должны появиться и другие. Птички оживят нашу суровую тайгу; часть скворцов будет искать убежища в скворечнях на деревьях городского сада и в других древесных насаждениях города.

Друзья птиц, спешите скорее строить домики для дорогих птичек—скворечни. Чем больше будет скворечен, тем лучше в наших огородах будут расти и сохраняться овощи, а в городском саду цветочные насаждения. Пернатые друзья наши самым тщательным образом произведут осмотр всех наших огородов и садов и примут меры в борьбе с вредителями-насекомыми.

Биосекция «Охраны Природы», при местном государственном русском географическом обществе прилет пернатых гостей ознаменовывает устройством выставки».

Только две газеты во всем крае провели кампании по охране природы—«Красноярский Рабочий» и «Рабочий Путь» (Омск), но последняя несколько слабее. Остальные газеты прошли мимо этой кампании.

В «Рабочем Пути», кроме хороших статей по охране природы, имеются прекрасно написанные очерки поэта-ученого П. Л. Драверта: «Бериллий и его руда в Сибири», «Жемчуг в Сибири» и др.

В минусинской газете -единственной газете края -помещались сведения метеорологической станции. В «Красноярском Рабочем» одно время печатались фенологические наблюдения на «Столбах». К сожалению, и минусинская, и красноярская газеты прекратили в последние месяцы печатание этих бюллетеней.

В томском «Красном Знамени» попадаются изредка наблюдения краеведов над природой, что, бесспорно, надо считать полезным. Встречаются более часто заметки орнитологического характера, что об'ясняется местопребыванием орнитологического общества в Томске.

За летнее время оживилась краеведческая хроника в бийской и барабинской газетах. Первая газета начинает приближаться к ачинской. В остальных газетах краеведческая хроника слаба. Это понятно для таких городов, как Рубцовск, Щегловск, Канск и др., где еще краеведческая жизнь не налажена, но не понятна в Омске, Томске и Иркутске—центрах сибирской научно-исследовательской мысли и в особенности в Иркутске—на родине сибирского краеведения...

Я начал свою статью критикой наших газет, а кончать мне ее приходится указанием на то, что сами краеведы недооценивают значения прессы для краеведения. Только этим я могу об'яснить тот факт, что краеведы крупнейших наших городов не сумели использовать прессу для пропаганды своих идей среди широких масс. Мне от-

части знакома краеведная литература: разработана методика экскурсионного дела, музейного, разработана техника коллекционирования и т. д., но мне неизвестна ни одна работа, трактующая вопросы использования прессы для краеведения, кроме газетной статьи П. К. Казаринова*). Такой труд необходим, так как газетный работник часто не понимает подхода к газете краеведа. Редакции жалуются, что научные работники пишут «увесисто» и газетно «неудобочитаемо», а с другой стороны—краеведы не редко—«в ужасе» от редакций: даваемые сообщения искажаются, скромные научные работники превращаются чуть ли не в академиков, да еще печатается «черным по белому», что заметка составлена со слов самого исследователя.

Истина находится диалектически. Найти ее можно только при условии, если будет использован совместно опыт газетных работников и научных. Полагаю, что найти ее легко, поскольку в успехе культурной революции заинтересованы оба ее авангарда. Необходимо приступить к систематической разработке методологии газетного краеведения. Практически эту разработку возможно организовать при наших крупных краеведческих обществах, в специальных секциях, комиссиях с привлечением в них работников прессы. Совместная работа краеведов и газетных работников будет в высшей степени полезна для того и другого авангарда. Она будет служить твердой базой для изживания отмеченных выше недочетов наших газет и даст новый толчок для развития в Сибири краеведческого движения.

---

*) «Газетчик». Новосибирск. № 1. 1928. 4/II.

Р. КУЛЛЭ

Театр современной Европы

1.

Сцена всегда была чувствительным барометром общественных настроений.

Античная трагедия и комедия потому и занимали такое высокое место в древней Греции, что они отчетливо и образно отражали те самые этические и социальные нормы, которые неясно зрели в сознании общественных групп и классов.

Средневековый театр с его передвижными сценами и массовым участием всего почти населения в постановках через цеховую структуру городского строя неизбежно должен был отражать в мистериях, а особенно в «маралите», фарсах и «фастнахтшпилях» все оттенки настроений средневекового общества. Такое бессмертное произведение, как «Адвокат Патэлен», потому и упрочило свою славу в веках, что оно целиком преломляло практику быта через призму невзыскательной, но очень меткой сатиры, затрагивавшей самые актуальные стороны социального уклада эпохи городского хозяйства и становления торгового капитала. Как «фаблио», новелла и анекдот, родившиеся и окрепшие в среде молодой городской буржуазии, так и фарс, послуживший зерном для будущей комедии, связаны в истории своего развития с цветистой шкалой настроений буржуазного общества, нашедшего в таких драматургах, как Мольер, Шиллер, Мариво, Гольдони, Лессинг, Лило и т. д. ряд ярчайших выразителей.

Характерно, что Ж. Ж. Руссо, резко осудивший театрально-зрелищный вид искусства, всеми своими идеями содействовал расцвету буржуазной сентиментальной драмы, сменившей в историческом процессе развития «классическую» трагедию и повлиявшей на дифференциацию комедии, как жанра. В эпоху Великой французской революции театр переживал естественный кризис, мечась между героикой трагедий Вольтера, окрашенных неизменно пафосом «гражданственности» дореволюционных настроений, политической агиткой в стиле патриотически-революционном и «слезливой комедией» типа Нивель де ла Шоссэ, которая, в конце-концов, и победила, как наихарактернейший жанр для настроений буржуазии начала XIX века.

Театр вышел из революции на великое распутье настроений общества, оглушенного «империей», войнами, «реставрациями» и новыми революциями, и потому чутко стал отражать все колебания и искания, которые запутанными тропинками вели драматургию Европы от романтизма к реализму.

Трагедия умерла вместе с классовым господством феодальной аристократии, уступившей «третьему сословию» арену в жизни и на подмостках театра. И буржуазия дошла постепенно до «своего» жанра—драмы, которая и укрепилась надолго на всех сценах Европы.

В полном соответствии с «кривой» общественных настроений находится и линия эволюции буржуазного театра за целое столетие. «Романтическая» и «мещанская» драма, комедия нравов, характеров, типов, салонный фарс, водевиль, «шаушпиль», «лустшпиль», «скэтч» и т. д. охватывают все грани и оттенки настроений и идейных устремлений, которые порождались социально-бытовой обстановкой Европы в XIX веке.

Но «идейность» буржуазного театра в эту эпоху не трагична, а только драматична по коллизиям, чаще всего приводящим не к героике борьбы и гибели, а к исканию «выхода из положения», компромисса, предназначенного не слишком волновать мещански-прозаически настроенного зрителя. Роковая обреченность трагического исхода оказалась не по плечу буржуа, искавшему в театре не «очищения», «катарсиса», в аристотелевском смысле, не нравственного потрясения эмоций и сознания, а всего лишь «развлечения», отдыха, здорового утробного смеха над недостатками соседа, угловатостью и неловкостью мечтателя и «забавностью» семейного уклада втроем: муж, жена и любовник... К вариациям на тему адюльтера и свелась, в сущности, вся «половая проблема» буржуазной драматургии, подобно тому, как к финальному выстрелу из револьвера или глотку яда свелась героика «высокой драматургии». Прохладные эмоции, в исключительных случаях прорывающиеся истерическим визгом, заменили потрясающую глубину и многогранность высоких чувств и стремлений трагедии, идейное содержание которой в свою очередь подменилось остроумием, развязной болтовней на все решительно темы—(«с ученым видом знатока коснуться до всего слегка!»), а огромное волевое напряжение, довлевшее героической трагике, выродилось в ловкую и бойкую интригу, опутавшую паутинными сетями все социальные отношения людей: тут и мир дельцов, и деньги, и классовые противоречия, и проблема брака, семьи, адюльтера, собственности, долга и т. д., и т. д.

Но чтобы весь этот пестрый и крикливый клубок стал достаточно убедительным и дошел до воловьих нервов самодовольного зрителя, пришедшего в театр развлечься, буржуазная драматургия нашла выход в чисто технических совершенствах и роскоши постановок, сценических воплощений, игре, световых эффектах, вращающихся сценах и прочих достижениях, связанных с новейшими изобретениями в области механики и пиротехники.

Стремление к декоративной постановочности, к «исторической правде», «археологической верности», роскоши обстановки, бутафории, к экспрессии и стилизации «тонов» и отражений, костюмов, жестов и декламации—широким потоком стало затоплять сцены буржуазного театра, все более и более отдававшегося во власть чисто-зрелищных эффектов, попиравших «содержание» и «идеи» пьесы, подчеркивавших только пафос искусственности и отвечавших вполне той роли «предприятия», коммерческой отрасли промышленности, приносящей изрядные доходы, на которую был заведомо обречен театр в условиях капиталистического строя Европы.

Разумеется, что при таком положении вещей идейное содержание репертуара перестало вообще иметь значение, и чем «легче», бессодержательнее и «занятнее» был спектакль, тем больше барышей он мог принести своему хозяину. Такая подчеркнутая беспринципность в области одного из самых могущественных искусств сказывалась особенно ярко в периоды общественных кризисов, потрясений и сдвигов, угрожающих «священным устоям» буржуазного строя. В такие периоды театр деградировал с исключительной отчетливостью, прикрывая яркими, балаганно-крикливыми заплатами внешних эффектов провалы и дыры своей безыдейности.

Разве не замечательно, что та струя обновленной драматургии, которую можно назвать «возрождением трагизма» и которая во второй половине века вдруг прорвалась из холодных северных стран в творчестве Ибсена, захватив на континенте Гауптмана, Метерлинка и их школу, принуждена была искать сценических воплощений в ставших уже традиционными формам банальных постановок, или прорывать новое русло через «натуралистический» театр, вызывавший недоумения, пожимание плечами, а то и просто проклятия, как нечто «новое», непонятное и совсем сумасшедшее?

Уместно вспомнить, что в одной из сильнейших своих трагедий—в «Кукольном доме»—Ибсен принужден был изменить заключительную сцену по требованию дирекции и по капризу артистки, выступавшей в роли Норы и заявившей, что она не может играть роль такой «чудовищной женщины», которую не трогает вид спящих детей и она с таким упорством рвет священные узы брака»...

Все фарисейство и вся лживость буржуазной «этики приличий» прозвучали в этом заявлении артистки, не постигавшей побуждений героини Ибсена, заставившего Нору уйти из дому и искать путей к самостоятельной жизни.

Однако, эта волна «возрожденного трагизма» прошла не совсем бесследно для европейского театра. Если она не упрочила трагедии, как жанра, в драматургии конца века,то она все же породила большое брожение, вызвала искания и освежила затхлую атмосферу безыдейных репертуаров в Европе. В самом деле, с именами Ибсена, Гауптмана, Метерлинка, Золя, который, как драматург, был гораздо слабее романиста, связан период лихорадочных исканий и метаний на ряде сцен Европы, период возникновения новых театров, возлагавших самые разнообразные программы, связанные не только с постановками, но и с идейным содержанием репертуаров.

В классической стране моды и максимальной отзвучности на все «новое»—Франции возникает «Свободные театр» Антуана, шагнувшего от положения простого служащего «газовой компании» к креслу директора театра, благодаря таланту и чуткости, проявленным в отношении «новых веяний». В 1887 г. он основал маленький театр, вход в который был доступен лишь по приглашениям, но репертуар которого резко отличался от репертуара всех остальных сцен Парижа. Не только драма Ибсена, Гауптмана, Л. Толстого и классические трагедии Шекспира ставились Антуаном, стремившимся ознакомить рабочих и интеллигенцию Парижа с произведениями классиков и представителей современного реализма, но и пьесы молодых драматургов, не находивших приюта на других сценах, вследствие слишком явно выраженной «идейности». И Антуану удалось вызвать к жизни большое число авторов и произведений, которые долгое время удерживали равновесие между новейшими достижениями постановок и значительной содержательностью репертуара. Театр Антуана стал одной из опор реализма.

В это же приблизительно время в Лондоне возникла закрытая студия «Стейдж», в которой находили воплощение все пьесы Европы, по тем или иным причинам лишенные права «света рампы» у себя на родине, или являвшиеся крупными новинками. Чопорность и «приличие» англичан сказались в том, что «Стейдж» был «закрытым театром» для избранных, но по своему либерализму и натуралистическим тенденциям он вполне отвечал духу «новых веяний». Там, между прочим, ставились пьесы Толстого, Горького, Л. Андреева, Ибсена и т. д. К этому же театру примкнул и парадоксальный, остро-иронический и бунтарски настроенный Бернард Шоу, отказавшийся от традиционных определений для своих пьес—«драма», «комедия» и т. д., и изобретший свое—«драматическая дискуссия», что великолепно отвечало самому характеру драматургии английского сатирика.

Реакция к классике и реалистические тенденции, преломленные весьма своеобразно через призму «новых веяний», нашли свое отражение и в Германии, постепенно начинавшей проникаться величественной героикой сценариев и музыки Рихарда Вагнера; ее искания отразились в организации трупп типа «мейнингенцев», прошли через полосу индивидуализма и трагики Ибсена и Гауптмана и сказались на проблематике Зудермана.

Но это движение конца века имело и другую сторону. «Новые веяния» несли в себе не только зерна реализма, натурализма и героической трагики, но и сложный сплав «неоромантики», «символизма», «мистицизма» и психологизма, отвечавший полнее и интимнее настроениям общества, метавшегося от чистой безыдейности к самым провальным проблемам теософии, спиритизма, тайн и видений, расплывчатой романтики и мистических чаяний, характерных для класса, клонящегося к закату.

На сцене эти сумбурные и беспочвенные настроения стали находить воплощения в мелодраме, в «пьесах с настроением», в лирических комедиях, густо и пестро окрашенных психологизмом и орнаментированных несложными завитушками «проблем» и «идей». Конечно, бытовая канва псевдореализма сохранилась полностью со всем ее привычным рисунком. И такое сочетание традиционного адюльтера, мужа-рогоносца, мелодраматической проститутки типа Маргариты Готье, с психологизмом, «мистическим индивидуализмом» и прочими пряностями «неоромантики» породило весьма богатую

оттенками драматургию, властно и прочно занявшую место на всех сценах Европы, отличавшихся одна от другой только особой «доминантой», установкой, соответственно своеобразию общественной обстановки в той или иной стране.

Если в Англии сплав реализма Генри Артура Джонса, романтизма Оскара Уайльда и отчасти сатирического парадоксализма Бернарда Шоу давал в течение последних двух десятков лет гибридный материал с явным уклоном в сторону «комедии правов» с отражением социальных и психических состояний умов и настроений, так изумительно-художественно воплощаемых Крэгом, то во Франции вся эта пестрота вылилась в ряд отдельных ликов, характеризующих и «идейный театр» Доннэ, и «лирический реализм» Анри Батайя, и «театр тайн души» Леорман, и т. д. и т. д... вплоть до романтической героики Ростана, долго покорявшей зрителей «Орленком», Сирано де Бержераком», «Шантеклером» и проч.

В Германии «неоромантические» настроения нашли крупных выразителей в лице Фр. Ведекинда, Артура Шницлера, Гофмансталя, Стефана Цвейга, Бер-Гофмана, Эулленберга и писавшего также по-немецки Пшибышевского.

Театр романского юга—Италии и Испании—в течение XIX в. не обнаруживал ничего самостоятельного и неизменно плелся в хвосте передовой европейской драматургии, пытаясь от времени до времени приспособить его к национальным традициям и к героическим жанрам.

Так, в Италии ряд драматургов долгое время искусственно питал классическую трагедию Альфиери, кроя по его образцам свои произведения. Пьетро Косса пользовался славой трагического автора, как феличе Романи—мелодраматического. В эпоху полного расцвета буржуазной комедии и драмы с «проблемами» итальянский театр покорно подчинился напору этой волны и не возвышался над общим средним уровнем даже пьесами Дж. Верга, Дж. Роветта, Джьякозы и др. Но к концу столетия «новые веяния» задели и Италию, «неоромантизм» вызвал к жизни героику прошлого и вернул внимание к Гольдони, Гоцци и др. Из этого сплава и родился патетический, напыщенный, неизменно экзальтированный и героический театр Габриэля д'Аннунцио, пробовавшего с успехом свои силы во всех жанрах—трагедии, драме, комедии. Современной драматургии было завещено весьма пестрое наследие, которое и преумножается по мере сил, не выигрывая в качестве. Исключением и преодолением его следует считать творчество Луиджи Пиранделло, о котором мы будем говорить особо.

В Испании слишком долго задержался романтический театр с его своеобразным сплавом архаизма и католической легенды. Страна с таким бытовым и социальным укладом, как Испания, неизбежно должна была пролить черную тоску национального духа на страницы своей драматургии, также цепко державшейся за классические жанры. Трагедия издавна была излюбленным зрелищем в Испании на ряду с знаменитыми «боями быков». Хосэ Эчегарай, прозванный Кальдероном XIX в., потрясал сердца соотечественников сложными трагедиями в роде «Галеото» потому, что умел вводить в свои произведения тот «дух времени», который требовал и «проблем», и психологизма, и христианской жертвенности, и героики, и отзвучности на запросы общества, придушенного тяжелым каблуком духовенства, питавшегося идеалами инквизиции.

«Новые веяния» в Испании означали прежде всего известную передышку от традиций передышку, которой, в сущности, не сумели использовать с достаточной глубиной в театре. И обновление драматургии в Испании пошло по двум направлениям: в сторону «идейной» импрессионистической драмы характеров, высшим представителем которой является плодовитый драматург Хасинто Бенавенте, и в сторону бойкого, не лишенного сатирического оттенка «género chico»—«мелкого», легкого жанра юмористической комедии, нашедшей в XX веке в ряде очень талантливых драматургов совершенно исключительных выразителей, в полной мере соответствующих общественно-эстетическому спросу зрителей.

2.

Девятнадцатый век закончился позже своего официального срока. Он ушел под грохот первых пушек империалистической войны, на полях которой расстреливались и исчезали в дымовых завесах идеи, настроения, эстетика и этика прошлого столетия. В огне и дыму бойни народов пробил роковой двенадцатый час европейской буржуазии.

На театр в эту кровавую эпоху спустилась тьма. Вся жизнь была приспособлена к требованиям военного времени, и сцена не избежала общей участи. Репертуар упростился, захлебнулся ура-патриотическими пьесами, истерически взвизгивали нестройные ритмы голодных шансонеток, приспособивших свой репертуар и свое тело к спросу толп военных, залетавших на недельку с фронтов или пристроившихся в тылу и предававшихся самому разнузданному разврату, искания режиссеров устремились к соответствующим оформлениям социально-политического «духа времени».

Война, революция, затяжные экономические кризисы, обострившие грани классовой борьбы, отразились весьма чувствительно на театре буржуазной Европы, залив его потоком новой тематики, так или иначе связанной с военными и послевоенными настроениями, перекроив жанры, вызвав иные формы постановок, вплетя разухабистые джазбандные мотивы в пестроту и без того сумасшедших сочетаний и узоров жизни на вулкане, какой живет сейчас капиталистический мир.

Традиции довоенных настроений, форм и исканий влились несколько архаической струей в «новизну» послевоенных «достижений» и создали тот, не лишенный гротеска, сплав, которым живут и питаются современные сцены, то искренне ищущие новых путей, то предающиеся воле течения, то проявляющие лихорадочную деятельность пробуждения, то вяло плетущиеся за криком моды и причудливого спроса.

Не следует также забывать, что прогрессивно развивающиеся успехи кино, отнимающего у театра все большее количество поклонников и утверждающего свою власть на перекрестке каждых двух улиц, в значительной степени ослабляет основную функцию театра, требующего гораздо более сложного комплекса духовного напряжения у зрителя, чем общедоступное, безыдейное европейское кино, кишащее детективами, мелодраматическими, псевдо-героическими и прочими фильмами.

Для понимания современных настроений европейских театров нам удобнее всего пройтись по сценам отдельных стран и познакомиться с самыми новейшими достижениями их репертуаров только что истекшего сезона.

* * *

Во Франции послевоенное безвременье легло полосой безотрадного кризиса на французскую драматургию, репертуар и формы воплощения на сцене. Правда, количество театров и кажущееся разнообразие их ликов как-будто свидетельствуют о каком-то цветении и благополучии, но при более пристальном взгляде на них обнаруживается большая однородность стиля, целей, средств и творческих достижений. Яркость, талантливость «высокой драматургии» не характеризуют сегодняшнюю сцену Франции. Современная драматургия эклектична, традиционна, тонет в тонах половинчатых настроений, рабских попыток схватить многоликую пестроту жизни и воплотить ее не столько в художественных формах великого произведения,—для которого нет в наличии соответствующего гения,—сколько в роскоши и чисто внешнем обилии постановок, эффектов, технических совершенств и артистического блеска игры, декламации, жеста и туалета.

Современная драматургия буквально выполняет завет Мольера, сказавшего, что «комедии для того только и создаются, чтоб их играли», поэтому она производит лишь такие произведения, которые и смыслом и успехом обязаны *игре*, постановке, ибо вне сценического воплощения —они пустая побрякушка.

На этом сошлись все течения современной французской драматургии. И театр Антуан, и «Комеди франсез», и театр Дону, и даже считающийся столь «революционным» «Картель четырех», или театр Елисейских полей.

Насколько ясно лицо традиционных французских театров от «Одеона» и до обретшего свои традиции Антуана, настолько же «Картель четырех» требует особого внимания, вследствие своей свежести и новизны.

Эта «картель» является прямым преемником идей и заветов «Старой Голубятни» Жана Копо, плодотворно работавшего в течение десяти лет (1913-1923) над наиболее актуальными проблемами современной драматургии. Он ставил Шекспира, стилизовал Мериме, давал путь молодым (Жюль Ромэн, Вильдрак), искал гармоничной соотносительности всех частей и деталей—от идейного содержания до пуговицы на костюме выходного артиста и, конечно, прогорел, ибо зачем нуворишам такая роскошь, как стилизация, идейность, стопроцентное искусство и всякие искания?

Дело «Голубятни» подхватила «Картель», в который вошли Батти, Дюлэн, Жув и Питоев (собственно, двое Питоевых—муж и жена). Они укрепились в театре Елисейских полей и оттуда начали обстрел косности и тупости современников каскадом ярких и талантливых пьес. Все те авторы, которым чуждо умиление перед самодовольством современной жизни «победителей», которые ищут новых путей, причастны к «святому недовольству» и охотно склоняют свое творчество в сторону сатиры и гротеска,—находят гостеприимный приют на подмостках театра «Картели». Жюль Ромэн, Клод Ане, Шарль Вильдрак, Жан Сарман, Альфред Савуар, Сен-Жорж де Буэлье, Бернар Циммер, конечно, не однородны творчески, разноцветны по своим поэтическим и социальным устремленностям, но имеют ту общую черту, об'единяющую их вокруг «Картели», что все они вносят живую, свежую, протестующую по-своему, но неизменно прогрессивную струю в современную французскую драматургию.

В самом деле, достаточно указать на имя Жюля Ромэна, чтоб убедиться в том, насколько тесно через него «картель» и ее драматургия связываются с наиболее прогрессивными настроениями современности.

Ведь этот писатель и драматург является основателем так называемого «унанимизма»—литературной школы, основным воззрением которой служит положение, что всякая личность может мыслиться только в связи с коллективом. Все романы Ромэна иллюстрируют эту мысль, а в драматических опытах он неподражаемо развертывает ее в сатирическом плане.

Его две комедии о чудаке Труадеке полны юмора и жизни, его «Кнок», «Искра» и другие небольшие вещи неизменно открывают тот сатирико-иронический план, в каком мыслит себе этот писатель отношения между людьми. Наконец, наиболее сильная его драма «Диктатор» полна актуальнейших вопросов современности и обнаженно ставит проблему власти в руках честолюбивого человека, готового из-за ее хмеля предать дело, которому он служил много лет.

Все пьесы Ж. Ромэна шли в театре «картели», завоевавшем репутацию самой независимой сцены в Париже, в течение последнего сезона поставившей еще две нашумевшие новинки: «Зигфрида» Жана Жироду и «Дело 2-го декабря» Бернарда Циммера.

«Зигфрид» ставит психологическую проблему в духе и стиле своего автора, жонглирующего стилем и понятиями по своему произволу. В этой пьесе дело сводится к тому, что контузия на войне совершенно лишила памяти французского писателя, который, попал в госпиталь к германцам, излечивается, но становится немцем и получает имя Зигфрид. Он быстро поднимается до верхов власти, становится во главе революции и борется за ее торжество.

Всем ходом действия автор показывает, как постепенно Зигфрида возвращают заинтересованные люди к французскому сознанию, обретя которое, он уходит на родину, бросив начатое дело. Проблема, как видит читатель, не только психологическая, но и глубоко социальная.

Значение пьесы в том, что Жироду, может быть, бессознательно, на глазах у всех ломает старую игрушку национализма и показывает, что внутри ее ничего нет. Ибо стоит человеку преодолеть предрассудок национальной ограниченности, чтобы служить делу единой «нации», угнетенных. Пьеса Жироду развертывает своеобразную и острую аргу-

ментацию против зоологического национализма в пользу интернациональности классового сознания.

Повторяю, может быть, автор и не хотел этого сказать, но такой вывод напрашивается сам.

Другая пьеса гораздо прямолинейней и яснее по своей сатирической окраске. «Дело 2-го декабря» Б. Циммера не встретило сочувствия критики, не вызвало восторгов зрителей потому, что оно—яркий гротеск, если не сатира, то весьма едкая карикатура на современных представителей «высшего» французского общества.

В семье представителя французской Фемиды Лебра служит горничной Жюльетта, которую соблазнил начальник судьи, больной и ехидный председатель трибунала. Когда девушка забеременела, он посоветовал ей свалить вину на Шарля, сына судьи Лебра, юношу скромного и преданного наукам. В первом акте дана выставка типов. Символически олицетворена вся духовная Франция в отвратительных масках ее представителей: полковник Масс и его красивая; но порочная до мозга костей жена, профессор Беф и его старомодная, но не потерявшая вкуса к жизни супруга, старая дева Фрида Дельбюик, олицетворяющая «передовую буржуазку» без предрассудков, увлекающуюся фрейдизмом, и только жена Лебра и сам Шарль обрисованы в простых, почти реалистических тонах. К этой галлерее присоединен и доктор, констатирующий факт беременности Жюльетты после того, как она уронила поднос с чашками и упала в обморок при входе в столовую. Сначала общество не прочь посочувствовать Жюльетте: все они «толстовцы», исповедуют «непротивление злу» и стоят за «сближение с меньшой братией». Но когда Жюльетта указывает на мнимого виновника—Шарля,—разыгрывается скандал.

Во втором акте Шарль, посаженный на хлеб и на воду, запертый на чердаке, грустит, размышляя о несправедливости жизни. Но вот к нему приходят одна за другой дамы и... предлагают себя в любовницы, ибо все они поражены «трюком» скромника Шарля. Какой темперамент! Как ловко он всех обставил! О, в нем что-то есть! Но Шарль тайно влюблен в мадам Мас. Он отвергает всех, соглашаясь бежать только с ней. Однако, старая дева Фрида подслушала их планы, донесла и на совете авгуров было решено воспрепятствовать новому трюку мальчишки. Обманутый полковник-муж бушует и хочет убить любовников. Но уж в третьем акте наступает развязка. Соблазнивший Жюльетту юрист умер и в завещании признался в своей вине, обеспечив жертву.

Картина резко меняется. Невинность Шарля признана, но она приносит ему только огорчение. Мадам Мас возвращается к ревнивцу-мужу, побежденная его темпераментом, другие дамы разочарованы окончательно в Шарле, который плачет над разбитой грезой своей первой любви.

Конечно, это—гротеск, буффонада, но она подкупает своей остротой и меткостью характеристик. В потоке адюльтерно-мещанских пьес эта комедия Циммера выделяется ярким пятном, как с год тому назад выделилась пьеса Симона Гантийона «Майя».

Во всяком случае на том прохладном перепутьи, на котором находится сейчас французская драматургия, поставляющая пьесы только для «игры» без идейного содержания, театр «картели» знаменует какой-то сдвиг вперед, смысл и значение которого сейчас еще трудно определить в полном об'еме.

* * *

Если этапы развития французского театра определяются достижениями отдельных драматургов и групп, связанных с тем или иным театром в Париже, то в Германии такого определяющего центра нет. Ни Берлин, ни Вена, ни Мюнхен не доминируют над всей германской драматургией, и свет новых откровений может загореться в Дрездене, во Франкфурте, в Кобленце,—где угодно, где случайно встретится благоприятное стечение талантов драматурга, режиссера и однородно подобранной труппы, как сейчас, например, в Берлине у Пискатора с его революционным репертуаром, как у Рейнгарда, как было у «мейнингенцев», в Бейруте, Вене и множестве других городов. Тяги к единому центру в Германии не наблюдается.

Такой театральной полифонией отчасти об'ясняется и то обстоятельство, крайне характерное для современной германской драматургии, что и самая борьба художественных сил драматургов распылена, как вынесенная за пределы одного определяющего центра.

Конечно, каждый театр каждого города имеет свои программы, цели, установку и физиономию, но вся волна современного драматического творчества в Германии протекает на такой незначительной высоте, что не дает оснований для контрастовых противопоставлений, сливая в один уровень всю продукцию самых разнообразных школ, традиций и направлений. Отсутствие в Германии выдающихся, гениальных драматургов обезличивает современное искусство сцены, и из всех бесчисленных трагедий, драм, комедий, трауершпилей, шаушпилей и лустшпилей сквозит серое однообразие эпигонства и изживания «великих традиций, которые, собственно, особого величия не достигали уже со времен Шиллера, Гете, Клейста и Вагнера.

В самом деле, «натуралистический» театр Германии вырос на дрожжах чужеземных влияний и никогда не достигал отчетливой выпуклости, благодаря скрещению в одном и том же художнике самых противоречивых течений философской и социологической мысли века. Ведь Г. Гауптман только одним лицом глядит в социально-натуралистическую драму, другое обращено в сказочно-романтическую тематику, почерпнутую из мировых источников от Аристофана, Шекспира, Фуке, Андерсена до Р. Вагнера и Ибсена. Зудерман -этот «столп и утверждение» германской социально-бытовой драмы— соткан из Золя, Ницше, Ибсена и тысячи других пестрых тканей, а «чистые натуралисты, такие, как Рюдерер, Лудвиг Тома и пр., не самостоятельны и не решающи для определения лица немецкой драматургии. Натуралистическая традиция разменялась и сейчас на совсем мелкую монету, включив приемы, технику и частично идеологию некогда более сильных и одаренных «символистов».

Из исторической драмы, натурализма, классики и символизма образовался сплав современного экспрессионизма в германской драматургии, и мы легко улавливаем знакомые отзвуки и у Георга Кайзера—пропического и острого драматурга,—и у Рене Шиккеле, и у Вальтера Газенклевера с его революционными мотивами и неизбежной проблемой «отцов и детей», и у Э. Толлера, Ганса Кальтнеккера, Фрица Унру, неистового Карла Штернгейма, и у множества других, подпевающих этим протагонистам, ведущим главную мелодию современной германской драматургии.

В жанровом отношении сегодняшняя драматургия немцев тоже не отличается четкостью, несмотря на обилие оттенков, какими пользуются драматурги. Если во всех других странах вообще с большой оглядкой и осторожностью прибегают к трагедии, то в Германии она, как и «трауершпиль», составляет будничное явление, не потому, чтобы сила произведения была на высоте этого исключительного по трудности жанра, а потому, что немецкий драматург проще смотрит на самый жанр: для него каждая историческая фабула—трагична, если в ней автор усмотрит известную «фатальность» («Verhängnis»). А в условиях современной действительности что не покажется фатальным? Поэтому обилие «трагедий» и «трауершпилей» сейчас просто несколько утомительно по своей малой оправданности. Вот только что с успехом прошедшая новинка Эдуарда Рейнахера «Якоба фон Баден». Произведение названо «трауершпиль», соткано из произвольно взятой исторической хроники, насыщено психологизмом и обставлено «проблемой»: конфликт женщины при выборе между долгом (слабоумный муж) и зовом жизни (любовник). Драма разрешается смертью, но разве это трагедия? «Психологическая драма»—сказали бы французы и были бы совершенно правы.

Или «Король Сталь» Рейнгольда Циккеля, под названием «трагедия». Невероятно кровавое столкновение между отцом, двумя братьями, их любовницами и невестами на почве психологических противоречий, проистекающих из того, что один сын уходит из дому капиталиста-отца к пролетариям, другой, ненавидя отца, защищает его, отец хочет жениться на невесте ушедшего сына, а любовница другого возбуждает группу рабочих, убивающих старика и сына.—«Драма конфликта», интриги, но не трагедия же...

Не менее сбивчивы представления о драме, «шаушпиле», комедии и «лустшпиле». В рамки этих жанров втискивается весь не исторический, а чисто бытовой и психологический материал.

Нам знакомы некоторые драмы Толлера—«Эуген несчастный», «Вотан», «Гоппля, мы живем» и пр.,—имеющие бесспорные идейные и общественные заслуги, но эти произведения показательны для современной немецкой драматургии в смысле эклектичности приемов и нечеткости жанров, что, собственно, и помогает Пискатору так блестяще разрешать проблему их постановок. Ведь вся эта пестрая смесь конструкций, «биомеханики»», кино и вертящихся сцен, какими обслужены постановки в театре Пискатора, возможны только при условии податливости самого материала пьесы. Шекспира, Расина, Ибсена Пискатор не обработал бы с таким явным успехом.

Идейно современный немецкий театр также не стоит высоко. Отдельные авторы—Фриц Унру, Толлер, Франц Юнг, Газенклевер и др.—выражают наиболее передовую и прогрессивную идеологию страны, главная же масса немецких драматургов мечется между незначительными бытовыми зарисовками и чисто комедийными разрешениями всяких «проблем» с большим или меньшим оттенком слабой сатиры.

Вот ряд последних новинок из области всех жанров.

Война и вздыбленные классовые противоречия занимают воспоминания лишь немногих, упорствующих в этой тематике. Большинство бросилось на «проблемы» прохладной и мутной действительности, богатой бытовыми уродствами. Георг Кайзер, один из наиболее талантливых драматургов, поставил во франкфуртском театре трехактную комедию «Президент», содержание которой сводится к следующему: добившийся почета буржуа занял место президента общества по борьбе с торговлей живым товаром. Но свою дочь он против ее воли хочет отдать замуж за «представителя древнего рода». Ночью в комнату девушки врываются бандиты и открывают ей глаза на роль папаши. Уговорив ее захватить отцовские денежки и бежать с ними в Америку, они добиваются двух целей: разбогатеть и продать эту девушку, как «свежий товар» американской фирме. Ведь надо же так запутать все концы на одной проблеме!..

С шумным успехом прошла и премьера Рефиша «Женский доктор», трактующая «проблему аборта». На сцене кабинет врача, куда приходят пациентки, составляющие любопытную галлерею современных немок города.

В Берлине Пискатор «био-динамо-механически» поставил переделку «Приключений бравого солдата Швейка» и драму Фр. Юнга «Тоска по родине», разрешающую проблему отношения личности к коллективу.

Ограничимся этими иллюстрациями к широкой словесной реке эпигонства, текущего «трауерспилями», «шаушпилями», «лустшпилями» мелководно и лениво, как транзитный путь к большому и темпераментному таланту, который, несомненно, придет неожиданно в немецкую драматургию.

* * *

Как в политике, быту, мировоззрении, так и в искусстве английское буржуазно-аристократическое общество консервативно до последней грани. Если власть традиции безгранична вообще во всем послевоенном искусстве Европы, то в английской литературе и особенно драме традиция сугубо всесильна.

Английский театр только с великим трудом поддается сдвигам, и нужно было два слишком десятка лет, чтобы например, пьесы Бернарда Шоу нашли некоторое признание. Но репутация чудака прочно пристала к нему тоже.

Современные драматурги нашли подмостки в полутора десятках театров Лондона, посвященных исключительно драматическому репертуару. Любопытны названия этих театров, характерные для всего духа архаичности и консерватизма, какими пропитана вся жизнь этой страны: «Театр королевского двора», «Королевский», «Театр принца», «Герцога Йоркского», «Театр посольств», «Св. Мартина» и тому подобное, к которым

присоединяются более банальные названия: «Малый», «Аполло», «Зимний сад», «Лирический» и т. д.

По жанрам современная английская драматургия тяготеет больше всего к бытовой комедии. Это понятно, если принять во внимание, что именно этот тип пьес составляет самый прочный хребет драматургической традиции. Оказавший весьма сильное влияние на английскую бытовую драму талантливый драматург конца XIX, начала XX в. Генри Артур Джонс оставил прочное наследие в виде ярко выраженных бытовых пьес, не сходящих и по сей день со сцены. Колкий сатирик не слишком большого масштаба, он, однако, указал разнообразные пути английской драме, так что и Оскар Уайльд—романтик и революционер во всех областях английской литературы—в своей драматургии—за исключением «Саломеи», написанной по-французски,—воспринял эту традицию реалистического импрессионизма сэра Джонса.

С другой стороны, идейная драма Джона Гэлсуорси имеет корни в том же творчестве Джонса. Конечно, огромное дарование величайшего современного эпика Англии значительно переросло традицию и блещет самостоятельной крепостью, но чисто драматургическая и сценическая зависимость сквозит из ряда пьес Гэлсуорси от «Семейного человека» и до «Немного любви», имеющих необычайный успех у наиболее умного зрителя.

Традиция XIX в. сказывается также и в частых возвращениях репертуаров к пьесам Джемса Мэтью Бэрри и Стефана Филлипса. Первый пожинает неувядаемые лавры в воздаяние за свое бесспорное сценическое мастерство и те «натуралистические» настроения, которыми его драмы выгодно отличаются от сумбурных, полумистических или, как их называют, «фантастических» пьес эпигонов, пришедшихся по вкусу публике послевоенной зыбкой общественности; второй трогает и будоражит «героичностью», пропитавшей его творчество и взбадривающей барабанным боем унылый дух размножившихся скептиков.

Известно, что современный английский театр в области техники постановочных эффектов идет в ногу с наиболее передовыми сценами Европы, а порой и обгоняет их. Такой дух исканий новых путей гнездится особенно в лондонском «лирическом» театре «Old Vic» Хаммерсмита, непрерывно дающем обновленные постановки репертуара старых мастеров. Так, в истекшем сезоне были возобновлены и поставлены в новых тонах—Шекспира: «Макбет», «Два благородных родственника» и «Генрих V», Стриндберга—«Танец смерти», Б. Шоу—«Назад к Мафусаилу», к юбилею Ибсена—«Кукольный дом», Теннисона—«Гарольд», «Диктатор» Жюля Ромэна и «Саул среди иудеев»—Верфеля.

Тягой к сценической «биомеханике» заражены все лондонские театры, в большей или меньшей степени отдающие ей дань, что производит довольно курьезное впечатление в применении к мелкоплавающему материалу произведений многих современных авторов.

Чтобы судить о безотрадности тем, идей и настроений современных английских драматургов, приведем несколько наиболее типичных новинок.

Среди современных драматургов имеются писатели, завоевавшие себе громкое имя в области романа и пользующиеся заслуженной известностью, как, напр., Арнольд Беннет и Вудхауз. Но фатально то, что стоит этим прославленным эпикам прикоснуться к диалогу и формам сценических воплощений, как их поражает какой-то творческий паралич, и из-под их пера выходят пустяки, может быть, и занятные, смешные, но явно лишенные всякого художественного и социального значения.

Последняя новинка А. Беннета—в сотрудничестве с Эдуардом Ноблоком—«Мистер Похэк» рисует самую банальную ситуацию современной маски Джона Буля в окружении офицеров, министров, их жен и в оплетении совсем незамысловатой интриги, типичной для английской комедии.

Юморист Вудхауз в своем «С добрым утром, Билль» не придумал ничего лучшего, как пошутить в тоне самого легкомысленного зубоскальства над профессией женщины-

врача, попадающей в комическое положение вовсе не потому, что она врач, а потому, что она женщина.

Армия присяжных драматургов значительно ниже даже этих пустяков пера признанных маэстро. Попрежнему, излюбленными персонажами продолжают быть сыщик, аристократ, деловой коммерсант и молодой прожигатель жизни в соответствующих сочетаниях с девицами из мюзик-холлов, боров и буржуазно-аристократических салонов.

Тип надменного лорда, окруженного дворецкими и лакеями, рисует лишний раз Грибл в своих новинках «Маска Венеции» и «Мартовские зайцы». Последняя комедия шла премьерой в театре «Посольств» и вызвала некоторое недоумение даже у терпеливой английской критики. В самом деле, тип самодура, оскорбляющего всех—от приятеля до невесты, бездельника и грубияна—едва ли может импонировать посетителям этого театра для иностранных представительств!

Детективную путаницу с мордобоем, немецким шпионом, очаровательной девушкой, в которую влюбился детектив-любитель, и с бандой головорезов, горланящих на сцене, выводит Дойн в своем фарсе «Запутанная записка», имевшем премьеру в «Королевском театре»—этой английской «акдраме».

Популярный в Лондоне Ральф Сток разразился совсем глупой пьесой «Поиски» в испытанном духе засаженной тематики о пэре Англии, удравшем на яхте с кельнершей из бара и, в сопровождении боксера, уносящем ноги от преследования сыщиков. Пьеса кончается, разумеется, браком пэра и кельнерши и оправданием по закону боксера. Ненужность и пошлость такого типа драматических воплощений не подлежит сомнению. Невольно вспоминается гораздо более умная и грациозная пьеса Джерома на ту же приблизительно тему—«Фанни и ее слуги».

В английской «комедии нравов» сыщик, спортсмэн, лорд и мещанская мораль столь же неотделимы от сюжета, как во французской—адюльтер и осмеянный рогоносец. А. Милн пополнил эту коллекцию своей премьерой в театре «Сенного рынка», «Четвертый вал», а духом французского адюльтера блеснул Вальтер Хэккет в «Других мужей женах»...

После войны совершенно особым успехом пользуются «обозрения», состряпанные на злобу дня. В театре «Принца» зрителей приводит в экстаз особенно одно под названием «Куски и кусочки», брызжущее пошлостью решительно на все проявления жизни.

Чуть ли не единственным исключением в театре, отмеченным серьезной мыслью, явилась драма американца Сидни Говарда «Серебряная струна», посвященная вопросу о праве престарелой матери на поддержку со стороны детей. Однако, и она поражает чертами робости и компромисса.

Современная английская драматургия производит впечатление оснащенного по всем правилам техники парусника, севшего на мель и ожидающего высокой волны для спасения. А когда придет она, эта волна?

* * *

Как уже было отмечено, итальянская драматургия в течение всего XIX в. находилась в состоянии прострации и испытала некоторое оживление лишь с выступлением Габриэля д'Аннунцио, заворожившего итальянское общество своей высокой декламационной патетикой. Но плодотворной для развития итальянской драматургии эта деятельность д'Аннунцио не оказалась, вероятно, потому, что его искусственный пафос только взвинчивал, нервировал, но не оплодотворял мысль и эмоции. Не даром театр д'Аннунцио прошел бесследно, как детская болезнь, для следующего поколения.

Гораздо более устойчивой оказалась традиция бытовой комедии, не претендовавшей на большие цели, а по мере сил развлекавшей городскую буржуазию, такую же по интересам и классовым аппетитам, как и во всех других европейских странах. Современный театр в значительной степени стоит на устоях этой традиции, и из года в год

репертуар итальянских театров пополняется похожими одна на другую пьесами похожих один на другого авторов.

Конечно, вся эта продукция имеет свои степени, успехи и оценки. Авторы самым искренним образом стремятся к совершенству и к отражению тех идей, настроений и проблем, которыми, по их мнению, занято общество сегодняшнего политико-социального дня. И нужно признаться, что, действительно, имеются среди современных драматургов чуткие и талантливые люди, с темпераментом осуждающие недостатки, зовущие к правде и справедливости в отношении «малых» и «бедных», но беда в том, что все это мало оригинально и совсем не является откровением. Если ко всему прибавить все прелести фашистской диктатуры, и унылое состояние современной итальянской драматургии найдет свое об'яснение.

В самом деле, только немногие фанатики идеи, принципиальные и неподкупные «чудаки» из среды итальянских писателей не предались легкой возможности кормиться около государственной монополии на готовые, одобренные свыше и приспособленные для общего пользования фаршированные мыслишки на все случаи жизни. Естественно, что «уверовавшие» заняли положение «хозяев», пользуются благами и преимуществами а еретики подвергаются гонениям и без надежды на успех ищут издателей и постановщиков для своих произведений.

Отчасти этим об'ясняется и тот факт, что талантливейший писатель и драматург современности Луиджи Пиранделло имеет в Европе и Америке гораздо больший успех, чем у себя на родине. В Нью-Йорке выстроен специальный театр для постановки пьес Пиранделло, в Париже он считается непревзойденным мастером, которому подражают, а в Италии имя Пиранделло более замалчивается, чем рекламируется.

Но такой талант, как Пиранделло, в рекламе и не нуждается.

Если своей прозой Пиранделло связан с почвой и людьми Италии, то, как драматург, он уже вырос за рамки отдельной страны потому, что все его драмы,—хотя это определение меньше всего применимо к его произведениям,—стремятся отразить не типические и бытовые отношения итальянцев, а воплотить в сценических образах «философию человеческих исканий и стремлений». От голой и сухой схематичности его страхует огромное дарование, а глубина и острота концепции выносят его драматургию далеко за пределы узких и избитых суждений. «Пиранделлизм»—это довольно сложное понятие, столько же философское, сколько и сценическое.

Дело в том, что в глазах Пиранделло в мире царствуют безумие, ужас и смерть. Люди—только жертвы этих властителей и потому судьба их так безмерно печальна. На сцене должны найти свое отражение эти же маски жизни, только, как подобает сценическому воплощению, в самых сгущенных формах. Поэтому все действие подчинено одной какой-нибудь философской линии, выражаемой автором не только в словах действующих лиц, но и в примечаниях, которые у Пиранделло играют совершенно особую роль. Самый темп пьесы строго определен: он или головокружительно быстр, или замедлен до сплошных пауз. Но над всем царит одна доминанта, часто иронически-тонко выраженная, перекидывающая мост между мыслью автора и чуть-чуть шаржированной действительностью, выделенной за какой-то план, где нарочитость не шокирует, а волнует и будоражит нервы.

Безумие—одна из главных доминант пьес Пиранделло. Она ярче всего выражена в комедии «Каждый по-своему прав». Пьеса современна, во-первых, потому, что дает массовое движение, имеет установку на коллектив: население целого города вовлекается в спор трех героических персонажей, пытающихся внушить друг другу, что не он, а тот сумасшедший. Но так как каждый утверждает это относительно другого, то зритель совершенно теряет критерий и положительно запутывается в суждении о нормальности. Все сумасшедшие, все втянуты в эту причудливую сеть умственной интриги и увлечений настолько, что нет возможности отличить призрачность от реальности—своеобразный «унанимизм», преломленный патологически исключительным мастерством Пиран-

делло. Во-вторых, эта комедия охватывает самую жгучую тему современности: нет вопроса сейчас в Европе более актуального, чем вопрос об «одряхлении» мира. Наиболее четкие представители европейской буржуазии чувствуют, как это и выразил в своей философии Шпенгляр,—что капиталистический мир стоит перед катастрофой, перед кризисом цивилизации, дошедшей в своем развитии до края какой-то бездны, куда она свергнется, чтобы уступить место новому органическому нарастанию культурной целины. Пиранделло угадал волнующее значение этого вопроса, но не имел мужества сказать своим современникам, что кризис буржуазии принимается за кризис мира. А ведь разница между этими величинами громадная!

Другие драматические произведения Пиранделло, идущие с неизменным успехом на всех сценах Европы и Америки,—«Генрих IV», «Все к лучшему», «Одеть тех, кто гол», «Шесть персонажей в поисках автора» и пр.,—касаются тех же тем и с тою же остротою ставят ту же проблему «действенности» суб'ективного и об'ективного сознания. Мир живет и движется на путях безумия и смерти.

Конечно, Пиранделло—огромная вершина не только итальянской, но и общебуржуазной драматургии, и им поэтому нельзя измерять состояние театра и репертуаров современной Италии.

«Погоду» делают на итальянской сцене значительно менее одаренные драматурги, среди которых имена Риккардо Баккелли, Луиджи Киарелли, Сальваторе ди-Джакомо, Пьермария Россо ди Сан-Секондо, Сабатино Лопец, Джино Рокка и матерого мастера Марко Прага—являют собою цвет и украшение римских, миланских, флорентийских, неаполитанских театров.

В круг интересов этих драматургов входят не только бытовые, но и исторические темы, трактовка материала преимущественно психологическая и главная установка на «проблемы» современной общественности. Следует заметить, что в Италии значительно меньше увлекаются постановочной стороной спектакля, цепко держась за традиции и условности.

Порой это приводит к гротеску или курьезу. Так, переведенная на итальянский язык пьеса М. Горького «На дне» ставилась в привычных условных тонах «салонной» комедии, и все персонажи—Васька Пепел, Лука, барон, Сатин и т. д. щеголяли на сцене... во фраках! «Биомеханика» мало отражается на итальянской сцене, все еще стиснутой старинной и привычной трехплановой ограниченностью.

Для характеристики современного итальянского репертуара не лишним будет заметить, что переводные с французского, немецкого и даже русского пьесы имеют значительный спрос и нередко пользуются большим успехом, чем отечественные. Признак несомненного упадка и отсутствия жизненных соков в творческом организме правящего класса.

Чтобы понять диапазон современной итальянской сцены и ее тенденции, достаточно знать высшую и низшую точки современного репертуара, олицетворяет ли двумя характернейшими пьесами истекшего сезона. Это, во-первых, «высокая трагедия Энрико Коррадини, написанная еще 25 лет назад, но приспособленная к постановке и поставленная только нынче,—«Юлий Цезарь». Эту опасную тему, освященную именами Шекспира и Вольтера, обработал и вывел на свет рампы итальянский публицист и драматург потому, что почувствовал в ней возможность развернуть политическую аллегорию, значимую для современности, но выдержанную в классических тонах. Оказывается, что «государственная мудрость» Юлия Цезаря как бы предвидела и исторически оправдала своим авторитетом... фашизм! Сначала, в первой редакции, трагедия просто была густо пропитана национализмом, поставленным в великую тень римского полководца: но изменившиеся времена заставили автора выразительно подчеркнуть и выпукло акцентуировать именно фашистскую окраску шовинизма, что и имело «шумный» успех на сцене.

Низшей точкой репертуара можно считать бойкий, несколько фривольный фарс «Una donna in im letto» («Дама в постели») двух соавторов Миранде и

Квинсона. Этот развязный и откровенный спектакль имел большой успех по вполне понятным причинам.

Читатель легко может судить о том, какого стиля репертуар заполняет промежуток между этими двумя «высотами». Он достаточно безотраден и сер. Если прибавить, что итальянцев увлекает русская артистка Татьяна Павлова, играющая по-итальянски, что театр в глазах публики—место, где демонстрируются туалеты по преимуществу, и где блюдется «хороший тон», что в Италии сейчас нет выдающихся драматических артистов, то общий облик современного итальянского театра выступит достаточно правильно в представлении читателя.

* * *

В Испании дела театральные гораздо своеобразнее и пестрее, чем в Италии.

Примо де-Ривера, как и Муссолини, «последователен» в своей программе, и ни одно издание, ни одна пьеса не выходят в свет без штампа фашистской цензуры. Но если это может решать судьбы столичного театра, то для испанского театра вообще особого значения не имеет, потому что он на редкость демократичен.

Эта демократичность испанского театра находит свое простое об'яснение в том, что, кроме Мадрида, где имеются все-таки большие театры, во всей Испании сцена ютится в маленьких, наспех сделанных загончиках, в которых никакие длительные антрепризы невозможны. Поэтому и труппы артистов в Испании по преимуществу бродячие. Кастилия, Андалузия, Галисия, Валенсия все провинции—об'езжаются теми же труппами, которые кочуют по государствам южной и средней Америки, останавливаясь для выполнения своего несложного репертуара на месяц в городе, чтобы уступить место в «городском театре», похожем на сарай, другой бродячей труппе с несколько иным репертуаром...

Такие формы театрально-артистического быта обусловливают, конечно, и репертуар. Если в Мадриде, Барселоне, Кадиксе еще возможны относительно сложные постановки классических трагедий, или серьезных драм, то в провинциальных условиях этот репертуар просто вырождается в карикатуру. Очевидно, что для массового испанского театра нужен особый репертуар, особая драматургия. Так оно и есть на самом деле.

Но любопытно то, что в Испании провинция с ее местными требованиями постепенно завоевывает столицу, а не наоборот, как, казалось бы, должно было быть. Дело в том, что провинциальный репертуар состоит по преимуществу, соответственно вкусам широкой народной аудитории, из коротких, фарсового типа, комедий, называемых saientes или «juguetes comicos», идущих с музыкой или без нее и состоящих максимально из двух актов. Все остроумие, весь народный юмор находят в них свое отражение. И эта доступность содержания находится в полном соответствии с доступностью цен на такие представления.

В создании этого репертуара принимают участие талантливейшие драматурги Испании, не гоняющиеся за тяжелыми лавровыми венками, а довольствующиеся шумным одобрением аудитории. Слава же сама липнет к их именам и совершает кругосветные путешествия, ибо все-таки испанский язык по распространенности стоит в мире на первом месте. Так и случилось, что и столица была покорена этим жанром, и теперь в Мадриде за год ставят до 400 таких saientes посещаемых с большим энтузиазмом, чем государственный драматический театр, на котором репертуар скучен, однообразен и весьма похож на обще-европейский буржуазный.

Хасинто Бенавенте, нобелевский лауреат 1922 г., конечно, самый талантливый и плодовитый драматург современной серьезной «комедии характеров» и идейной драмы, но не они как-раз показательны для современной Испании.

С конца XIX столетия начал прокладывать дорогу жанр «saientes», нашедших в лице Виталя Аса и Карлос Арничеса талантливых представителей. Их первые опыты не были, однако, свободны от определенного налета назидательности, вплетавшейся в

основную юмористическую концепцию. Но уже братья Альварес-Кинтеро (Серафин и Хоакин) вознесли этот жанр на небывалую высоту и освободили его от первоначальных недостатков.

Тот легкий лиризм, которым они умели обволакивать свои короткие фарсы, гарантировал их от пошлости, а такая «маленькая комедия», как «Manana de sol» («Солнечное утро») положительно достойна пера Мопассана. Вот краткое содержание этого очаровательного этюда. Рано утром в парке на скамейке под деревом случайно встретились старичок со старушкой. Из беседы каждый узнает, что имеет дело с предметом давней-давней любви юности, но ни одна сторона не выдаст себя, чтобы не испытать момента разочарования другого. Но о былой и прекрасной любви поговорить хочется и вот весь диалог строится на том, что **он** говорит о некой «подруге», а **она** о «родственнике», разумея, конечно, себя и свои эмоции. Насладившись воспоминаниями, облеченными в столь невинную ложь, оба расходятся, шепча про себя стих знаменитого испанского эпиграмматиста Кампоамора: «Боже мой, **и это—он!**»... «О, господи, и это—**он а!**»...

Облагороженный и художественно очищенный жанр «маленькой комедии» нашел реалистически-общественную установку у Грегорио Мартинес Сиерра, который создал из него хорошую бытовую комедию в одном акте, затрагивающую вопросы злободневности.

Насколько успешно этот автор справляется со своими задачами, можно видеть из его «Lilio entre espinas» («Лилия среди шипов»), где он выводит на сцене публичный дом, куда случайно попадает бежавшая из монастыря молодая послушница. Гости весьма недвусмысленно дают ей понять, куда она забежала, и девушка хочет уже уйти, когда в зал приносят раненую во время демонстрации проститутку, одну из обитательниц этого дома. Монашенка увлекает всех девушек на ухаживание за раненой, и веселые гости без церемоний выпроваживаются. Под падающий занавес зритель слышит вопли «потерпевшей» хозяйки, молитву монашенки, стоны раненой и крики девушек, с неистовством изгоняющих подвыпивших гостей. Эта концовка настолько символически показательна для Испании, что одна в состоянии служить выразительным свидетельством о социальной установке творчества Сиерры.

За последнее время, после войны, этот жанр получил новый уклон в сторону гротеска и сатиры. Всеевропейское потрясение отразилась в Испании вкусом к скептицизму, к насмешке над действительностью, не удовлетворяющей те широкие массы, на которые работает демократический «маленький театр» во всех городах страны.

В лице Педро Муньос-Сека и его товарищей Гарсиа-Альварес, Пасо и Абати современный театр развернул жанр «saiento» в пеструю сатирическую astracanada народнейшую, острую комедию с самыми невероятными положениями, призванную не только веселить зрителей, но и сознательно и незаметно тревожить их сознание.

Сумасшедший успех этого жанра в Испании и латинской Америке свидетельствует о том, что он как-то «попал в жилку» современности и утвердился на всех сценах. Действительно, поле этого жанра безгранично. С кинематографической быстротой мелькают народнейшие гротески-сцены из всех областей жизни, искусства, верований, воззрений общества, осмеивая и нападая на все «устои». Иногда вся сцена состоит из одних острот без всякого действия, что не мешает успеху представления.

Педро Муньос-Сека положительно неистощим на выдумки. Недавно совсем он дал неподражаемую пародию на классическую трагедию «Месть дона Мендо», в которую ввел столько содержания и с таким остроумием, что эта пародия просто шедевр всего «genero chico».

Но самое замечательное, конечно, то, что при всей сатиричности и смехотворности произведений Муньос-Сека они оставляют глубоко-серьезный осадок, толкают на размышления и будят критическую мысль.

Нет сомнения, что этот вид драматургии не пройдет бесследно в Испании, которая еще таит большие возможности.

* * *

Обезличивающий всю жизнь капитализм буржуазного строя Европы нивелировал и театр, ставший однородным по своим выявлениям во всех странах. Послевоенное безвременье внесло в него только визгливые ритмы и изломанные линии джаз-бандных мотивов, в дурмане которых справляет свой «валтасаров» пир современное общество.

Но характерно, что там, где, как в Испании, театр отрывается от «верхов» и уходит в гущу народа, в нем пробуждаются живые струны, звучащие в диссонанс общим настроениям. Широкие рабочие и крестьянские массы, городская беднота и мелкобуржуазный служащий и интеллигент—тяготеют к другому виду сценического искусства, чем тот, который питает и поддерживает господствующий класс. Его бесплодие и упадочность ни в чем, может быть, так ярко не обозначаются, как именно в безотрадной картине современного театра, этого наиболее отзвучного, чуткого и суггестивного из всех искусств.

Сцена—показательный барометр. И если стрелка этого барометра сейчас падает и отмечает значительное давление общественной атмосферы, это значит, что где-то накапливаются циклоны, что в воздухе пахнет бурей, и, конечно, первые порывы ее урагана пронесутся прежде всего над головой тех, кто не чувствителен к показаниям этого барометра.

С. ДУРЫЛИН

Письма Льва Толстого

(Из воспоминаний).

По приблизительному подсчету, письма Толстого займут до 20 томов в его юбилейном полном издании. Однако, позволительно сомневаться в точности такого подсчета. Вероятно, число томов придется значительно увеличить. Письма исчисляются тысячами.

Однажды, за год до смерти Льва Николаевича, мне пришлось присутствовать, а отчасти и помогать, при утренней разборке почты, полученной в Ясной Поляне. Лев Николаевич еще не возвращался с утренней прогулки. При разборке почты были Александра Львовна, И. И. Горбунов-Посадов и я. Писем была высокая стопка. Другую кучу составили газеты, журналы, книги на разных языках. Давний опыт научил Александру Львовну делить письма на три главных группы: просительные, ругательные и иного содержания. Число просительных было всегда велико. Просители, невероятно разнообразные, просили решительно обо всем. Судя по их наивной и требовательной вере в могущество Толстого, можно было подумать, что Толстой соединяет в себе власть политического диктатора с богатством Рокфеллера. Больше всего просили денег, иногда суммы в сотни и тысячи рублей,—кто на уплату долгов, кто на то, чтобы сделаться писателем, поступить на сцену, уехать в Америку, построить машину собственного изобретения...

Ясная Поляна представлялась им неисчерпаемой кассой, откуда всякий мог получить безвозвратные ссуды на любое предприятие. В иные дни этих требований было на тысячу рублей. Эти ежедневные письма с требованием денег доставляли много тяжелых минут Льву Николаевичу. Но огромное большинство их, на взгляд Льва Николаевича, вовсе не заслуживало удовлетворения. Особенно неприятны ему были просьбы такого рода: какой-нибудь столичный студент-технолог требовал от Толстого тысячную сумму для того, чтобы спокойно и без необходимости стороннего заработка пройти курс и сделаться инженером.

— Я должен отнять у мужика деньги и дать ему для того, чтоб он мог спокойно и с удобством подготовиться,—сесть на шею этому же мужику,—говорил в таких случаях Лев Николаевич.

Но особенно тяжелы эти письма Льву Николаевичу были тем, что, если бы он и хотел, ему **нечем** было помочь. За все свои новые сочинения, выходившие с 1881 г., он не получал ничего: он отказался от права собственности на них. Редкие из издателей его сочинений, приносивших им чистый и большой доход, считали для себя обязательным присылать Толстому хотя бы по экземпляру издаваемых ими его книг. Аккуратно и постоянно это делали «Посредник» и недолго существовавшее «Возрождение», издательства близких к Толстому людей. Между тем, Л. Н. щедро раздавал свои сочинения крестьянам, рабочим, учащимся, приходившим к нему или обращавшимся письменно. Личных денег у Льва Николаевича не было. Единственные деньги, которые он мог считать ему принадлежащими, был гонорар за представления «Плодов Просвещения», который изредка высылали ему из дирекции бывших императорских театров.

Он было отказался и от этого гонорара, но, узнав, что в случае его отказа, гонорар «графу Толстому» все-таки будет начисляться и «за невостребованием» будет обращен на увеличение сумм, отпускаемых на содержание балета,—решил брать эти деньги. Когда в 1907 г. Лев Николаевич указал еще раз в письме, напечатанном в газетах, что он «отказался от владения собственностью» и «не может помогать деньгами обращающимся к нему лицам», в Ясной Поляне стали получаться в изобилии ругательные письма:

Вот одно из них, сохраненное Н. Н. Гусевым:

«Последним вашим письмом вы перед всеми расписались в том, что вы подлец. Места нехватит для подписей».

В то утро, о котором я говорю, «ругательных» писем было получено два. Одно—открытка, начинающаяся обращением: «Безбожный Лев! Проклинаю тебя». Проклинала какая-то дама за то, что Толстой «развратил» ее сына, лишив его веры. В другом письме другая дама резко и бранно напала на Толстого за его борьбу против смертной казни, она приводила обычные, столько раз опровергнутые, доводы, сводящиеся к закону: «око за око, зуб за зуб».

Ругательные письма Л. Н. называл «баней для души». Баню эту он принимал едва ли не ежедневно.

Но если никто в то время не возбуждал к себе столько вражды и ненависти, то, конечно, никто не возбуждал и такого тяготения к себе, как Толстой. Ни у кого в мире не было стольких и столь различных корреспондентов, как у Толстого. Истинные размеры связей Толстого будут установлены лишь тогда, когда будут обнародованы не только все письма Толстого, но и все письма к Толстому. Эти последние дадут правильное представление о той всемирной, многообразной тяге к Толстому, которая поистине была беспримерна. «Писать Толстому» было правом всякого, и этим правом пользовались в России, в Европе, в Америке, в Индии, в Австралии, пользовались все, кому была в этом нужда. Огромные расстояния географические, национальные, вероисповедные отделяли корреспондентов Толстого друг от друга, но между каждым из этих корреспондентов и адресатом, Толстым, не было никакого расстояния. Эти ответные письма были для Толстого ежедневной горестью, отрадой и трудом,—большим, неустранимым трудом.

Рассортированные нами стопы писем Толстой унес в кабинет. Так каждый день в течение 30 лет уносил он эти стопы, стекавшиеся к нему со всех концов света, и работал над ними. Особенно много труда, внимания и любви уделял он письмам крестьян и рабочих. Письма эти радовали его. Он любил вынести такое почему-либо полюбившееся ему письмо из кабинета и прочесть его вслух. Он дорожил своей внутренней связью с трудовым народом. Письма эти, писанные коряво и еле грамотно, он высоко ценил за серьезность запросов, за строго-вдумчивое отношение к жизни.

И. И. Гусев сохранил некоторые из таких писем к Толстому. Вот одно письмо с сохранением орфографии:

Высокопочтенному
Графу Льву Николаевичу

ПРОШЕНИЕ. 16 декабря 1907 г.

Мы нижеподписавшийся крестьянская молодежь села Малая Толкая Толкаевской волости, Бугурусланского уезда Самарской губернии, обращаемся к Вам покорнейшею прозьбою, дайте нам совет и помощь образовать в кружок молодых людей частную маленькую библиотечку для бесплатного чтения.

В настоящее время мы не имеем ни книг, ни газет, была у нас народная библиотека и пока существовала, мы ничего пользы не получали, а пользовался большею частью наш сельский священник, теперь и эта почему то закрыта. Будьте вни-

мательны к нам, не оставьте нас в погибели, теперь только все надежды возлагаем на Вас. мы люди, как живые мертвецы, ходим во свете, а света не видим, помогите к нашему делу, чем имеете возможность, ждем с нетерпением Вашего ответа.

С почтением к Вам (12 подписей).

Таких писем многие тысячи были получены Львом Николаевичем. «Ясная Поляна, Льву Николаевичу Толстому»—это был единственный адрес, по которому всякий и отовсюду мог писать.

Б. ВАРИЛЬЕ

Встречи с Д. Н. Маминым-Сибиряком

Редактор «Мира Божия» В. П. Острогорский, узнав, что я переезжаю в «Царское» село, обрадовался:

– Вот как кстати! Зимой сам туда ехать боюсь, а нужно вырвать ответ от Мамина: писал ему раза три,—молчит. Вот вы там к нему и зайдите с записочкой!

Мне это поручение было особенно приятно: Д. Н. Мамин-Сибиряк уже давно был одним из самых любимых моих писателей; но видеть его мне не доводилось ни в Петербурге, ни Москве, где я знал его первую жену, актрису М. М. Абрамову, одно время державшую там драматический театр.

В ближайшую поездку в «Царское» решил разыскать Мамина. Опыт научил меня, что в провинции лучший адресный стол и руководитель—вокзальный буфетчик.

— Дмитрий-с Нарцисович-с?!—с какой-то особой радостью откликнулся обходительный ярославец.—Да помилуйте-с! Вон они-с у столика пивком утешаются собственноручно: там у них завсегда абонированная ложа на всех проходящих.

Я оглянулся: у окна одиноко сидел грузный мужчина в каком-то своеобычном архалуке из верблюжьего сукна. В обрюзглом, словно дымом покрытом, лице я все же сразу узнал знакомые по фотографиям черты писателя.

— Воно оно, дело-то какое!—тихо, с хрипотой проговорил он, свертывая записку Острогорского.—Не любитель я до писем-то, так Виктору Петровичу и не ответил, вот старик и серчает. Надо, стало быть, утихомирить.

Взяв от официанта карандаш, Мамин на обороте той же записки ответил и попросил меня вручить ответ «по принадлежности». Взглянув на большие часы над стойкой, он приказал тому же официанту:

— До поезда-то с полчасика будет,—так ты спроворь им кружечку.

Я приготовился к разговору, но он шел туго. Мамин больше пытливо посматривал на меня из-под шапки и только задал два-три вопроса про Острогорского. Видно было только, что он, как и большинство пишущей братьи, любил и ценил его.

Дня через два, опять на том же вокзале, мне снова пришлось ждать поезда. Мамин сидел в той же позе, словно не сходил с места за эти дни. Я хотел было только поклониться ему, но он подманил меня пальцем и опять распорядился насчет кружки пива. И опять перекинулись двумя-тремя пустыми замечаниями насчет погоды, пива и т. п. С тех пор вошло в обычай, чтобы при всяком ожидании на вокзале,—а ждать там приходилось очень часто и по расписанию и еще чаще без расписания,—я садился за стол Мамина. Это распространялось еще на несколько человек: два учителя местной гимназии, начальник телефонной станции, врач придворного госпиталя. Мамин больше помалкивал, отделываясь короткими замечаниями. Зато слушал он мастерски: видно было по его живым,

блестевшим глазам, что не только всякая мелочь рассказа доходила до него, но что он по-своему переживал каждый такой рассказ. Это заменяло ему газеты. Однажды я предложил ему свежий номер газеты с какой-то забористой статьей. Мамин недовольно отмахнулся.

— Не любитель я до этого овоща! Пустяков много пишут, а суть знакомые перескажут! Ну, вот скажите, что вы мне любопытного показать хотите?

И так заставил рассказать ему вкратце содержание статьи.

Еще внимательнее глядел он на все, что, как в панораме, проходило перед его глазами непрерывной лентой. А лента была любопытная, красочная. Тогда в Царском стояло четыре гвардейских полка, с гусарами во главе. По зимам жил двор. И из-за этого сюда ежедневно наезжали министры, особы, представлявшиеся ко двору, а еще больше всякие любители потереться вокруг «сфер» и проникнуть к той влиятельной челяди всяких сортов и калибров, которой так много наседает вокруг всякого двора. Гусары, кирасиры со своими дамами ехали из скучного Царского в Петербург ради столичного воздуха. И все это множество развязного, коротко друг друга знавшего и перекликавшегося по-русски и по-французски народа кучилось на маленьком деревянном вокзале: новый громадный каменный с подземными переходами «под путями», тогда еще только был начат постройкой.

Видно было по лицу Д. И., как отвратительна была ему вся эта публика: он, своей мимикой, на редкость выразительной, движением одних бровей или пальцев, давал беспощадную оценку тому, что проходило перед нашими глазами и что из разговоров доходило до нашего стола.

Как-то раз, после того, как поезд унес все это «общество» в Петербург, а мы засиделись за столом, Д. И. разошелся и произнес нечто в роде монолога:

— Какой ужас! Эта человечья тля, полная вырождения, прошившаяся, проигравшаяся, не знающая и не желающая знать ни страны, ни народа,—наши верхи, откуда и только откуда выбирают наших правителей, хозяев судьбы великого народа. Поцелкает он вот так годиков пять шпорами перед размалеванными дамами, и они же пристроят его в губернаторы, а потом и в министры, и росчерк пера такой пустышки будет определять жизнь и судьбу многих миллионов. Не надо и слушать, что они лопочут между собой: по рожам видно, что под их касками никогда никакая мысль и не ночевала. Спросите вон в киоске у барышни, что они покупают? Кроме «Стрекозы» да «Копского Вестника», во всю жизнь никакого печатного листа у них в руках не бывало, а судачить и рядить о чем угодно будут с полной верой в свою непогрешимость. Вот, намедни, такой верзила в красных рейтузах прощался с приятельницами: в командировку посылает дядя —переселенцев за Байкал направить: такой туда направит, где не то, что переселенцу, а собаке притулиться негда будет! Он станет покрикивать, а народ будет гибнуть да разоряться... Послал бы его денщика, так куда больше проку бы вышло... А сколько форсу зададут, сколько денег казенных просадят...

— Так вот и надо, стало быть, так повернуть дело, чтобы этих соколиков в бобровых шинелях убрать в сторонку, а их денщиков поставить на их место, —заметил один из собеседников, восторженный почитатель Глеба Успенского.

Мамин ничего не ответил, опустил голову ниже к кружке с пивом и, видимо, о чем-то думал после необычной для себя ораторской вспышки. Затем поднял голову и заговорил снова.

— За что свои «Приваловские миллионы» ценю? Удалось в них подметить черточку, что везде оправдывается! Бабой семья держится, как там, все на плечах у старухи. Посмотрите на здешних барынь! Все светлейшие да баронессы. А сравнить их хоть бы с теми девицами легкого разлива, что сюда же к милым дружкам наезжают! Охтенские да лиговские мещанки. А и телом, и обращеньем сколько очков вперед дадут баронессам-то! Да и по нарядам-то больше пристойности; баронессам-то не мешало бы позаимствовать! Иной раз сидишь вот так да и сравниваешь какую-нибудь графиню Зорикау с Кать-

кой Паучком и не знаешь, кто же из них двух —дама из Амстердама? Одним словом— одна гниль у нас по верху плавает, и кто и когда этому горю пособить сможет?

Кто-то заметил, воспользовавшись паузой, что умная и дельная женщина может вывести иного мужчину на правильную дорогу.

— Ну, конечно!—подхватил Мамин.—Все мы на бабьем поводу ходим, и велико счастье того, кому судьба по дороге дельную бабу в поводари послала... Зато потерять ее да одному остаться —не доведись никому!—прибавил он каким-то осевшим голосом, и мне подумалось, не вспомнил ли он при этом свою первую жену, которую, повидимому, не мог забыть даже после вторичной женитьбы.

Вторая жена его была англичанка, что заставляло предполагать биографическую подкладку и того романа из столичного газетного мира, где фельетонист тоже женится на англичанке, при чем в характере этого безвольного, нуждающегося как-раз в женской опеке, писателя трудно приметить черты характера самого автора; но брак этот в романе гораздо больше дань уважения очень почтенной, но и совсем далекой по духе особе, чем итог сердечного увлечения. Насколько в этом отразилась действительная жизнь автора, судить, конечно, не берусь, но за многие наши встречи ни разу не пришлось мне услыхать от него про эту вторую жену и намека на теплые слова, какими он часто поминал покойницу.

Быть у Мамина на дому довелось мне только раз. Жил он на одной из тихих улиц, далеко от придворных и гвардейских вилл, на даче весьма скромного облика. Какая-то угнетающая чистота и подчеркнутая опрятность бросились в глаза уже в передней: такой вид имеют не жилые дома, а образцовые клиники. И что-то больничное пропитывало все его жилище: полное отсутствие звуков, зря брошенных, как подобает в обжитом доме, вещей, какие-то священнотрепетные движения прислуги. И сам хозяин, сидевший у окна с цветами, здесь совсем не походил на вольготно-восседавшего за пивом вокзального завсегдатая. Говорил он как-то обо всем иначе, с виноватой улыбкой, без тех лукавых усмешек, какими так расцвечивалась его беседа. Казалось, будто кто посадил белого медведя под стеклянный колпак, и он сам дивится непривольной обстановке. Во время моего очень непродолжительного визита Мамин несколько раз взглядывал на дверь в соседнюю комнату.

Вернувшись на вокзал к своей компании, я поделился этими впечатлениями, не могу сказать, чтобы слишком отрадными: ничего дурного я там не видал и не слышал, хозяин был даже, пожалуй, слишком ласков, а все-таки еще раз сходить к нему не хотелось. Оказалось, что такое впечатление от его домашнего житья-бытья осталось чуть ли не у всех. Одни видели здесь отражение настроения, какое вносила в домашнюю его обстановку хронически больная дочь его от М. М. Абрамовой, Аленушка его дивных сказок, а кой-кто видел мертвящее влияние жены-англичанки, от которой он будто бы и спасался на вокзале.

Однажды утром я пошел побродить по царско-сельскому парку. Я был уверен, что погуляю в одиночестве, как вдруг на скамейке у самого озера я увидал Мамина. Я хотел было пройти мимо, но он окликнул меня...

— Вот только в такую пору и можно как следует наслаждаться этим дивным парком. Много за него грехов отпустится матушке Екатерине, но редко кто им пользуется по-настоящему: днем его пакостят светские тараторки, велосипедисты и всякая иная нечисть, не говоря уж про соглядатаев, которыми здесь хоть пруд пруди. А в эту пору вся эта публика еще почивать изволит, и вот тут-то нашему брату и раздолье: дыши воздухом да гляди на воду. Лучше этого ничего на свете и быть не может...

И, словно заправский художник-пейзажист, он стал восторгаться и красками деревьев и бегущими линиями облаков, с их отражением на поверхности озера. Но похвал его хватило не надолго:

— Хорошо, очень хорошо, и все не то, что у нас там, за Уралом. Кто не видел тамошних лесов, не любовался Камой и Чусовой, не дышал тем воздухом, каким летом по

утрам пьянят тамошние озера, тот не знает красоты природы. И вот, каждый раз, как поброжу здесь да начну вспоминать сибирские леса и реки, так и расстроюсь: только рану старую разбережу, что не могу там жить. И люди там под масть природе, крепкие, цельные, не чета здешнему народишку, насквозь испаскуженному столичной слякотью...

— А чего бы вам там не поселиться?—спросил я. Ведь до столичных забав охотник вы небольшой, а рукописи посылать отовсюду можно: живет же вон Короленко в Нижнем.

— Во-первых, Короленко—особь статья! Такого другого кряжа во всей нашей литературе нет, да, пожалуй, и не было. А затем и его, пожалуй, не без причины бранят, что больно мало пишет. Тут, хоть и погано, да все-таки раз в неделю, хочешь, не хочешь, а петербургские редакции сам навестишь, да и оттуда послы частенько жалуют: то Николай Федорович Анненский, то Ангел Иванович Богданович, то Федор Дмитриевич Батюшков, а получишь с родных местов свежих настоек да нельмы, так и Виктор Петрович явится, ну и распевелят. А там, на приволье-то, от письменного стола совсем, пожалуй, отстанешь. Да и перед глазами нужно всю эту пестроту видеть. Посердишься вот этак с приятелем, поддаст он каким-нибудь анекдотцем жару, а сядешь потом за стол, так гневто наш на бумагу сам и ложится, да нить рассказа и тянет. Не даром Салтыков говорил, что нашего брата следует на сковородке поджаривать, чтобы жиром не зарастали. Сибирская жизнь кондовая, веками устоявшаяся и на версту в землю корнями ушедшая. Пока с нее не снимут цепей, какими ее заковали, поворачивается она медленно, и поэтому про нее писать я могу и здесь: воспоминаний да прежних встреч на мой, не больно-то длинный, век, авось хватит. А здесь, хоть и больное, а все-таки сердце, и бьется оно быстро, даже, пожалуй, слишком быстро. Когда я студентом сюда приехал, одни студенты да фельдшерицы 8 февраля по кухмистерским шумели, если не выпадало какой-нибудь оказии в роде похорон Тургенева. А теперь, слышу, каждые полгода университет градоначальник осаждает, устраивая тут-же правильные атаки и вылазки. А что творится на каждом заседании Общества грамотности, Союза Писателей или Вольноэкономического общества? За студентами двинулись рабочие. Это все новое, а во что оно выльется, что из этого получится, знать не только любопытно, но и необходимо. Стало быть, нужно быть на месте, и смотреть, и слушать. Иначе и сибирских делов не поймешь. Это еще покойник Ядринцев твердил: здесь за шитку дергают, а мы там у себя корчимся. Посмотрю у себя на вокзале, как какой-нибудь благодетель человечества «имел счастье представляться его величеству», и почти без ошибки могу судить, каких делов там, за Уралом, наделает такой столичный слеток. От этих «даров центра» туже всего приходится тамошнему народу.

— Вы, стало быть, автономист?—спросил я в шутку Д. Н.

— Заморскими ярлыками обклеивать себя не мастер,—ответил он совершенно серьезно,—а знаю, что хозяйство, да и вся жизнь там так сложны и своеобычны, что наладить их с пользой для дела может не чужак, а только человек, там родившийся и вплотную подошедший к коренному населению. Пока же всем будут править за тысячи верст из столичных канцелярий люди, точно не знающие, что ближе. Иртыш или Обь, и не вполне уверенные, что это: нето гора, нето город, проку от таких порядков ожидать едва ли приходится...

Прошло больше четверти века с тех пор, как я в последний раз видел любимого писателя. Не пересказываю здесь множества его рассказов из прекрасно знакомого ему прошлого Сибири: большинство их он сам напечатал. Только в устной передаче он всех называл подлинными именами и приводил подробности, какие из-за цензуры приходилось опускать. Но рассказывал он куда бледнее, чем писал. Краски у него, видимо, родились на бумаге. Зато становилось ясно, как мало вымысла было во всем, что печатал этот глубоко правдивый и искренний знаток далекой окраины...

А. ТОПОРОВ

Деревня о современной поэзии

С. Есенин—„Песнь о великом походе". 13 февраля, 1927 г.

СТЕКАЧОВ, И. А.—Ладный и замечательный стих. В нем историческое чтение. Полезно прочитать такую песню любому и каждому гражданину.

НОСОВ, М. А. Дюже правильное стихотворение. Уж за эту никак ты его (т.-е. автора. А. Т.) не проберешь. Даже правдоподобно описание идеть

КОРЯКОВА, Н. В. Эта крючком з а д е е т за сердце. Ровно дьявол, этот царь П е т р а!

ДЖЕКАЙЛО, Ф. Ф. Одна эта штука лучше всего первого тома. Понятие и чувствительность в стихе огромадные.

СТЕКАЧОВ, Т. В. Уж шибко хорошо п о д п е в ы прикрашены. А присказульки-то! Ну, сверх всякой цены они стоят!!! С многими прежними стихами Есенин в грязь з а г р у з, а теперь этим стихом он вышел из грязи. Он покрыл им все свои дурные стихи.

ЗУБКОВА, В. Ф. Изо всех стихов стих! За один этот стих можно отблагодарить так же, как за многие. Дороже целых книг он. Весь дух твой подхватывает н а в ы с я.

БОЧАРОВА, А. П. Чудесный какой стих! У н ы в н о с т ь есть, а где, как ровно чего испужаешься. Сердце задавит-задавит, а потом отходит. Ох, и хорошош же стишок!!!

СТЕКАЧОВА, П. Ф. Царь-то—чорт чортом! Его сейчас боишься, а ежели на живого поглядеть бы—пропал бы, поди, от страху! Все это составленье больно делает на с е р д ц ы.

БОЧАРОВА, П. Ф. Всю меня п р о н и к н у л о это чтение. Видно, эких книжек на свете печатывают? Чо-то мало мне приходилось их слушать. Томится сердце от этого чтенья. Ну, и радостное писанье есть кой-где. Все хорошо. И так и эдак есть.

ТИТОВА, А. И. Даже сам Петра—царь устрашился своего греха. Сколь он на своем веку люду рабочего погубил! И над всем чтеньем наша душа теперь также устрашается. Видно, это дело-то Петрово и самого сочинителя растревожило.

ЖЕЛЕЗНИКОВА, Т. Ф. Бастей такого сочиненья и не найдешь, поди. Слова все до одного к т е л у п р и л е г а ю т и забирают всю твою душевность... Шибко мне кержаков жалко.

ШУЛЬГИНА, А. Г. Забирает рассказ здорово. Страсти много и смеху тоже. Надвое интерес к нему является. З а в е р ч е н н ы х слов вовсе нету. Напрямик писатель говорит. Ровно режет.

НОСОВ, М. А. Вот Петру бы дать наших теперешних бюрократов, он бы им протер бока-то! Научил бы, как в лаптях ходить. Эх, как он дьячка-то саданул, который против него агитацию вел! Только ножками вверх брыкнул!

КРЮКОВ, М. Ф. По-моему, этот «Поход» лучше всех сочинений Есенина. Вот такие его штуки надо для народа издавать. Остальные стишонки к чорту повыбросать! Здесь остается впечатление такое, что по всему сложенью тела идет мурашка.

ШИТИКОВ, Д. С. Хвалю стихотворца за мысли, за складность и за все, за все!!! Разговор в чтении был самый правильный. Всякий рязанский, курский, тамбовский и сибирский мужик поймет его на полный вид.

ШУЛЬГИН, Т. И. Толк в писании хороший. Так бы и дал я сейчас кержаку по зубам! Правильно, за дело царь Петр дубасил их по мордасам! С ними с чертя-

ми, так и надо. Никакого культурного дела они не понимали. Черти, чашники! Других людей они и за людей не считают. Противные самолюбы!

БОЧАРОВ, А. И. За этот стих любая деревня ухватится обеими руками. Если такие не брать, дак тогда чо и надо? Про историю говорится... О прошедшем угнетении. И маленько про новое.

ПУШКИНА, А. Т. Прочти этот стих хоть самому последнему человеку, он обязательно толк в нем найдет и поймет. Полная тебе тут прозорочитость. А прежде стихи Есенина – все как-то с вилюлями да ковылюлями... (Ко мне. А. Т.). Ты бы и завтра еще такую нам прочитал! Все бы пришли слухать. Шибко поглянулась она нам.

БЛИНОВА, Т. П. Разумный стих. Дает нам, тумакам, понять и про старое, и про новое. Будь ты хоть какой неписьменный, отсель все поймешь.

БОЧАРОВА, А. П. И развитность человеку такое чтенье придаеть.

ЕДИНОГЛАСНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Если бы Есенин все свои стихи писал так же, как написано «Песнь о великом походе», то поминать его имя наряду с именами бессмертных поэтов было бы не стыдно. Это произведение «покрыло» собой тот многочисленный стихотворный хлам, которым засорены все книги Есенина. Оно раз'яснило нам, сколько крови, мук и смертей стоило русскому пролетариату создание исторической буржуазной культуры.

После «Песни о великом походе» верится в неизбежность революции на всей земле.

ПРИМЕЧАНИЕ. Еще задолго до разбора «Песни о великом походе» Есенин создал себе в коммуне славу плохого поэта, у которого «через пятое в десятое попадаются и дельные стихи». Он был «врагом» у моей аудитории. Как-то по-особенному тонко изощрилось у коммунаров чутье к есенинскому строю мыслей и чувств и формам их выражения. Это я проверял много раз и на стихах самого Есенина, и на произведениях других, подражающих ему авторов. И как это ни удивительно, крестьяне уже теперь стихотворную есенинщину в целом отожествляли с литературным озорством, чудачеством и бесталанностью, которые по необходимости прикрываются пустозвонной фразой.

«Песнь о великом походе» сломила «врагов» ее автора. Коммунары пришли от нее в полнейший восторг. На разборе «Песни» я получил довод, говорящий о примерной честности и трезвость крестьянской критики художественных произведений. Озлобленность, накопившаяся у коммунаров против автора «Песни о великом походе», рассеялась совершенно при оценке этого произведения. Крестьяне его никогда не забудут.

С. Есенин. „Песнь о Евпатии Коловрате". 9 июня 1927 г.

БЛИНОВ, Е. С. Что же, перевод-то на русский язык есть или нет? С неизвестного языка? С немецкого, французского переводят, а с этим чо делать? Куда его? На ура писал...

ТИТОВА, А. И. Помянет чо-то, ровно, настоящее, а доказать не может. Слова во весь рот, а толку нет.

СТЕКАЧОВ, Т. В. Борона какая-то!.. Шолдыхает, ровно на плохо непаханной целине.

ТУБОЛЬЦЕВ, И. И. Ни черта я не понял! Ни слова не скажу.

ТИТОВ, П. И. Как худой музыкант, не глядит, настроена музыка или нет, а все дует... По пьяной лавочке всегда так бывает.

СТЕКАЧОВ, Т. В. Хочь чепуху, видно, Есенин напишет, все берут печатать «А, Есенин! Давай!»...

ТИТОВА, Л. Е. Хотел он старинным языком написать, а вышло у него по-своему, худо.

БОЧАРОВ, Ф. З. Сложения у него в речи тут нетути. Как колесо разбитое, шебарчит. Иное сочинение, хоть старинное, но в нем сложенье есть; хоть ты как его переверотни, в нем сомышленье понятное, а тут горох рассыпанный. У татар лучше поймешь...

ТИТОВ, Н. И. Поди, в историю глядел Есенин, когда писал эту штуку, а ничо не обозначил резонно... Как это он в тучу уперся ну, я уж и ждал, что ничего доброго не будет... Пьяный, должно, он был все время, тот сочинитель...

БЛИНОВ, И. Е. Как сначала «Уррр!..», так примечаешь, что Есенин и что ничо тут не выйдет. «Великий поход» ровно и не его. У Есенина все такое трескучее! Много еще в этой книжке стихов нам читать осталось? (Я сообщил: два. А. Т.). Надоели уж!

ТИТОВ, П. И. Вырви, брось! Раньше у нас в деревне Трошка Куклин всем мужикам надоедал. Так и этот сочинитель теперь нам надоел. От Трошки мужики на

з а щ е л к у запирались... так и мы от писателя этого... Стих не только деревне, но и никому-то не нужен.

СТЕКАЧОВ, И. А. Все Рязань свою хвалит... Хотел историческое обсказать, а вышло «п ш и к». Про татарское угнетенье историю интереснее читать. Там пой мешь, а тут нет.

ШИТИКОВ, Д. С. Вот есть стих «Бородино». Там все по-человечьи обрисовано, понять можно, как и что было. Рассказ тебе там дается п р а в д и ш н ы й. Да там и без истории все видать. Еще лучше исторического описания, а тут ш у р у м-б у р у м. Как-то «в о з з в а х о м» написано, по-апостольски. Он и про татар этаким манером катает. Не так бы надо про татар...

НОСОВ, М. А. Хотел-то он написать по-былинному, да духу нехватило про него. Вышло как-то п о-к о б ы л и н о м у. Не русская, не хохлацкая вещь получилась. В старину деды лучше говорили...

ГЛАДКИХ, А. И. Таких языков, как в стиху, нет на свете. Все тут языки смешаны, перекручены по-есенинскому.

БЛИНОВ, И. Е. У Алексея Толстого «Василий Шибанов»—тоже из истории взят и по-старинке написан, а стих читаешь, ровно по воде плывешь, а тут язык, ровно по согре, по кочкам тебя термыжит, трясет. Я только одну «Московию» заметил и запомнил.

СТЕКАЧОВА, Нат. Т. Весь старинный язык изковеркан. Мы читали «Микулу Селяниновича», там все в лад идет, а тут в словах запутаешься и не знаешь, как что обдумывать...

КОНЦЕВАЯ, М. П. Слова похожи на китайские имена. Рот надо ломать, чтоб выговорить их. Картин мало. Чо-то болтается у меня от стиха в голове, а поймать не могу. Собрать понятие в кучку нельзя.

БЛИНОВ, Е. С. Тысячелетнего старика надо откуда-то выкапывать и просить его раз'яснить эти и з л о м и с т ы е слова, а так до них здравому уму не добраться. Хана! Начнет Есенин всегда почти ух, как громко! а сойдет на-нет, в одну точку.

ЕДИНОГЛАСНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Замысел в стихе большой, а выполнение его скверное. Древние слова без меры «о т я ж е л я ю т» всю «песнь» и делают усвоение ее совершенно невозможным. В деревне она никогда, пожалуй, не найдет себе читателей.

ПРИМЕЧАНИЕ. «Песнь о Евпатии Коловрате» прочитана мной была после продолжительной «о т с т а в к и» есенинских вещей. Тем не менее, как только я прочел одну строфу этого стихотворения, аудитория как-то дурно захохотала, заволновалась:

— Он!

— Колоброд!

— Чуем, что он!

— Есенин!

— Да ну его к чорту!

Не могу не упомянуть здесь о маленьком курьезе, характеризующем отношение коммунаров к Есенину. В настоящее время они установили за мной любопытную слежку. Происходит вот что.

Я усаживаюсь за стол для очередного чтения. Они пристально устремляют ищейские взоры на книжку, которую я держу в руках. Это—попытка узнать, не собираюсь ли я опять читать Есенина, который набил им оскомину дурными стихами и мало радовал хорошими.

Если же крестьяне безошибочно угадывают в моих руках белую маленькую по формату, но толстую книжку с березкой на обложке, они корчат физиономии и тоскливо роняют:

— Опять, поди, про рязанскую кобылу?!.

— Али про то, как луну обос... п...

— И когда только конец будет этому Есенину!?.

Иногда я белую книжку с березкой на обложке просто старательно прячу от «любопытных». Читаю из нее, как из шпаргалки. И это неизбежно.

Коммунары готовы расстаться с Есениным, когда угодно. Возможность найти у него прекрасные стихи не обольщает моих слушателей настолько, чтобы они набрались мужества побороть уйму дребедени.

Мне неоднократно приходилось раньше читать коммунарам былины и художественные произведения наших классиков, написанные древним стилем. Я видел что крестьяне их понимают и усваивают с удовольствием и без натуги. Не то случилось с образцом былинного стиля С. Есенина.

Исторический факт, послуживший поэту основой для «Песни», мной был раз'яснен публике с достаточной полнотой.

Борис Пастернак.—„Спектторский" 12 марта, 1928 г. (Из романа. „Кр. Новь", № 1 за 1928 г.).

НОСОВ, М. А. Еще один Есенин проявился! Радуйтесь!

ТИТОВА, Л. Е. Ни то, ни се.

БОЧАРОВА, А. П. Этот писатель раскомашил стихом!

ТИТОВ, Н. И. *Кто-то пошто-то в калину залез?!.*

ТИТОВА, Л. Г. Не дала я этому стиху ума. Калина-малина, куричье говно, а боле ничо не сказано.

ТИТОВ, П. И. Ничо нет понятного. Ничо к толку не призведено. Весь стих, как стриженная курица—страшная! Не писать бы ему такие.

СТЕКАЧОВА, П. Ф. *Лучше бы он написал какую-нибудь песню!*

ТУБОЛЬЦЕВА, Х. Т. После куста калины, ровно провалилось все!

ШИТИКОВ, Д. С. Тут и написано-то всего кол да перетыка. Пастернак этим стихом казну ограбил.

СТЕКАЧОВ, И. А. Книгу замарали этим стихом. Что хотел сказать автор—не понял я.

ТУБОЛЬЦЕВ, И. И. Я его критиковать не желаю. Он (стих. А. Т.) мне так опротивел, что говорить о нем тошно. Отдельно слова понятны, а вместе –нет.

ЗУБКОВ, М. А. Слова русские, понятные, но в них нет материалу.

ТИТОВ, Н. И. Как-то на-днях я челнок бабам сделал. Плохой вышел! Но люди догадались, что это—челнок. А про этакой стих ничо не догадаешься.

ТИТОВА, А. И. Связанных слов нисколь нетути. Добрый человек скажет одно слово, потом завяжет его; еще скажет опять завяжет. Передние, середние и задние—все завяжет в одно. А в этом стиху слова, как скрозь решето, сыпятся и разделяются друг от дружки.

БОЧАРОВА, А. П. Как-то ребятишки делают. Сложут басенку «скручен, связан, по хате скачет»—нескладно у них получается, а им хорошо... Не стих это, а наметка. Да вся путаная! Длинный стих; плохие стихи повсегда длинные... Сборный стих.

КОРЛЯКОВА, Н. В. Писатель одно слово скажет понятное, а другое долго ждешь. Слова, как мухи, над ухом летят: ж-ж-ж!!! А ни одно к душе не льнет.

БОЧАРОВА, П. Ф. Много насобирано! Сумасшедшая буря какая то. То ли дурак он, который писал этот стих? Так простой человек не выдумает!

СТЕКАЧОВА, П. Ф. Хоть бы *одно слово* меня к себе *поманул*о!

ТУБОЛЬЦЕВА, Х. Т. Ково-то выдернули, потом в калину полезли, а потом вовсе никово.

БЛИНОВ, И. Е. Ветром из головы выдуло все, что слышал.

ТИТОВА, Л. Е. Как Гришка Свободский (отсталый ученик из коммуны «Свобода», перешедший в нашу школу. А. Т.) пишет. Он по первости писал: «корова»—точка; «ела»—точка; «сено»—точка.

СТЕКАЧОВ, Т. В. По многим дорогам автор шел, никуда не пришел.

ШИТИКОВ, Д. С. Вот плетень, так плетень! Сплетена небылица в лицах и в грязных тряпицах!

СТЕКАЧОВА, М. Е. Ох, и ума же надо, чтобы такую пустяковину собрать!

СТЕКАЧОВ, Т. В. Ума не надо, чтобы такие стихи писать. Как клубок ниток напутал—*и ладно!*

НОСОВ, М. А. Анна Ивановна (коммунарка А. И. Титова. А. Т.) в столярной мастерской сновала и перемоты не туда наклала. Она их распутала, а мы стих—нет (К словам: «Грядущей жизни делает прививку». А. Т.). А за эту прививку всадить бы писателю в руки вилку и назем ковырять.

ШИТИКОВ, Д. С. Всадить бы не в руки, а в с...у! (Возмущенно. А. Т.). Крестьяне платят налог, а государство из него платит вот за такую дрянь. На что и кому эти стихи?!. Это издевательство над народом!!!.

ТУБОЛЬЦЕВ, И. И. Я прямо остервился. Покою нету! Такой азарт у меня от раздражения, что сейчас бы задушил автора собственными руками. Наш брат целое лето ворочает за один хлеб, а поэт черкнет –и на сотни рублей! Эти стихи—расхищение государственого достояния. Вот что они значат!

СТЕКАЧОВ, И. А. Ни в какие ворота стих не лезет.

НОСОВ, М. А. Взыскать с автора в пользу государства все, что он получил за эти стихи!

ШИТИКОВ, Д. С. (Кипятится больше прежнего. А. Т.) Конфисковать у него имущество!!! Да как же! Свинья грядку изроет, и то соседи ругаются, а тут вон какой капитал гибнет!

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ. Стихи «на мотиф» Спекторского» есть особый вид казнокрадства, которое нужно немедленно уничтожить... Чепуха...

ПРИМЕЧАНИЕ. Из всей, напечатанной в № 1 «Кр. Н.» за 1928 г. части «Спекторского», коммунары победили лишь первые 8 строчек!!! Да и то едва-едва, с потугами. Стремясь превозмочь многочисленные словесные «туманности», публика много раз останавливала меня и просила перечесть «крутые места». Но повторения ничего не уясняли, и коммунары, смеясь и чертыхаясь, слушали чтение дальше. Смех и ругань пылали грубой злобой. Добродушной иронии, которой коммунары уснащают оценки безобидных поэтических благоглупостей, в речах о «Спекторском» не слышалось. А два слушателя—Д. С. Шитиков и И. И. Тубольцев—от злобы на стихи оревом ревели! Они поносили «Спекторского» и несколько недель после читки его...

К моему стыду, я сам «Спекторского» не осилил и не смог бы вкратце передать его содержание... Несколько раз перед читкой и после читки «Спекторского» коммунарам я читал его целой фаланге сибирских поэтов, педагогов, агрономов, врачей и просто интеллигентных людей. Одни из них отказывались его слушать и понимать, другие, из любви к ребусам, разгадывали его, как «апокалипсис», и в конце-концов сознавались в непреодолимости пастернаковского сооружения.

Жду замечания: отрывок нельзя понять, не прочитав всего произведения. Но неужели так-таки и ничего нельзя было понять в «отрывке», растянувшемся на несколько печатных страниц?!. Ведь другие-то добрые отрывки коммунары понимали...

Илья Сельвинский.—„Рысь" 15 марта, 1928 г.

ШИТИКОВ, Д.С. «Округлый запах кислил воспаленно»...—это чорт знает что такое! Формы не имеет.

НОСОВ, М. А. «Зеленый клык луны»...—ого!

СТЕКАЧОВ, И. А. Поэт—брат Есенину.

ТИТОВ, Н. И. «Пересветились волки из низов и паром задымили подле клека»—это хорошо, статно. Только этот стих понять надо.

САШИН, Ф. М. Большая в нем завируха!

СТЕКАЧОВ, Т. В. «Глухая глушь»... И во всей поэме глушь. А автор скажет: ученый я!

НОСОВ, М. А. Иногда смешно, только не знаешь, над чем.

БЛИНОВ, Е. С. «А уму вороны над ним сиянье мутное коровы»—не понять никак. «Снег болел краснухой»—ладно и понятие есть. «Конька-Горбунка» два раза прочтешь, он весь наизусть идет, а это чо? Никогда не запомнишь ее, хоть умри!

ШИТИКОВ, Д. С. Вепрь—славянское слово.

ТИТОВ, П. И. Не задушевный стих, мало поэзии.

БЛИНОВ, Е. С. (По поводу слов: «И бедный рыжик, лог распорошив, печально слег лизать свои парши, и под хвостом, где желчь, и где солено»). Сам бы автор полизал там. Советую! (К словам: «И прыгнул обалделый недорысок на зубы и зубы, и зубы лисьи»). Трое зубов. Они нужны были автору, а не читателю, за все, ведь, автор получит деньги. Помяни он зубы раз, столько-то платы, а помянул три раза, в три раза получит больше. К этому все и шло. Больше тройные зубы здесь не при чем.

ШИТИКОВ, Д. С. С одной рыси здесь весь Ноев ковчег записан. Стихи написаны не по-русски, а по-гречески. В басне одного писателя говорится про волка и кота. Волк спасается от собак. Спрашивает у кота: у какого бы ему мужика спрятаться? Кот советует к тому и к этому. А волк говорит, что всем этим мужикам он напрокудил. Поэма «Рысь», как тот волк, всем нам надоела, всех нас огорчила. Жалко, зачем хорошие книги гадят такими стихами? Такого писателя, как Сельвинский, ругать не стоит, а бить надо... Снег, говорит, пах арбузом... Ну, и сравнил!!!

ЗУБКОВА, В. Ф. Все пособирал писатель: и свиней, и зверей!

БЛИНОВ, Е. С. Автор пишет, что тигр под шкурою лопатками заляскал Враки! Пусть-ка автор попробует лопатками поляскает.

СТЕКАЧОВ, И. А. Не продумаешь одно, другое налетает. Не уловишь стиха. Все думать и думать надо. Не лезет стих в тебя.

БЛИНОВ, И. Е. Этот пишет еще хитрее Есенина.

СТЕКАЧОВ, Т. В. Этот стих надо слушать профессору.

ШИТИКОВ, Д. С. Не будет он слушать такую дрянь.

ТИТОВ, П. И. «Рыси» этой надо сталинскую метлу.

НОСОВ, М. А. Али Дзержинского покойника.

СТЕКАЧОВ, И. А. Просто мужицкую метлу.

ТИТОВ, П. И. Моя четырехлетняя девочка Пейка кулябкает речь лучше, чем этот автор. У нас в деревне была Марьяна, дурочка худоязыкая Подойдет, бывало, к тебе и: «Б а-т ю-т ю-т э, м э й, а-м э, л э н-т э, у-т э н-д и»...

ЗУБКОВА, А. З. Все почти слова в стихе изломаны. Приятности от стиха нету.

НОСОВ, М. А. И никакой смысленности. Наскрозь ерунда идеть.

СТЕКАЧОВА, П. Ф. Дырдаком скачет. Как по избитой дороге. Трясет все.

БОЧАРОВ, А. И. Так еще, ровно, никто не писал. Почему в центре такую дрянь творят, да еще печатают? Сумасшедший чо ли писал это?

БЛИНОВ, Е. С. Марьяну природа изуродовала, так уж и быть, а этот писатель сам себя уродует. Подлец!

КОНЦЕВАЯ, М. П. (В конце 17 звена поэмы вскрикнула). Вот только когда понятно, к чему рассказ! И то малость.

ТИТОВА, А. И. Ну, да! Через сто верст выскочило понятное слово!

ШИТИКОВА, М. Т. Стих почти весь непонятный. Рифма, как борона.

БОЧАРОВА, П. Ф. Сама ни за что этот стих не буду читать.

БЛИНОВ, Е. С. (Мне. А. Т.). Сам ты, вижу, не можешь строчек добром выговорить—трудно тебе. Над словом подолгу сидишь.

СОШИНА, Е. И. Самому писателю, видно, надоело собирать а-б ы чо; вот и конец пришел стиху. А кабы не надоело, он бы еще плел.

СТЕКАЧОВ, Т. В. Теперь, может, мода на непонятные сочинения?

ШИТИКОВ, Д. С. Тут сверх моды на вершок хвачено!..

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ. Автор хотел изобразить в воем стихе всю звериную жизнь в лесной глуши, но стих этот перекручен такими хитрыми словами и фразами, которых не одолевает наша мысль. Редко-редко в поэме попадаются понятные строчки, да и те тонут в море непонятных. В «Рыси» нет ничего полезного для нашей жизни и работы, а потому она и не нужна деревне. Деньги и труд, затраченые на выпуск этой поэмы, пошли прахом. Мы уверены, что Сельвинский мог бы быть весьма ценным поэтом, если бы «не дурил», а писал «по-людски». И в «Рыси» есть немного стихов, написанных замечательно живописным, общепонятным языком.

А. Безыменский.—„Партбилет № 224322". 17 марта, 1928 г.

БЛИНОВ, И. Е. При этом стихе аж щека у меня задергалась!!!

СТЕКАЧОВ, Т. В. Всего обдает и холодом, и жаром.

ЗУБКОВ, М. А. Прямо по голове стучит этот стих. Долбит тя!!!

ТУБОЛЬЦЕВ, И. И. Резкое отмечает потерю, но печалиться не станешь.

ТИТОВ, П. И. Сказано сильно, но уж шибко вкратце.

БЛИНОВ, И. Е. Сто тысяч партбилетов не заменят одного Ленинского. Нет! Бестолковых напрет в партию—чо толку-то?

ТУБОЛЬЦЕВ, И. И. Экономическай стих. Без лишнего расходу слов

ГЛАДКИХ, А. И. Никто еще так не писал о Ленине.

ЗУБКОВА, В. Ф. «Весь мир грабастают рабочие ручищи». Всеобщий социализм здесь выходит... Горькая печаль говорится в стихе. Но все-таки нехватило у писателя силушки всю ее описать. Кто же ее опишет?! Такого умника, поди, еще не родилось?

ТИТОВА, А. И. Мало к делу писатель сообразил. Надо было больше, ш и б-ч е й, ударней взяться бы!!!

СТЕКАЧОВ, И. А. Конечно, никакими билетами партия не заменит Ленина. Это поэт так, для под'ема духа говорит. Но говорить так надо!

СТЕКАЧОВ, Т. В. Я где-то читал стихи про Ленина лучше этого. Но трудовой человек и от этого стиха шибко пронизится чувством!

БОЧАРОВ, Ф. З. Маловат, но натуристый стих!

ШИТИКОВ, Д. С. В стихе никакой мудрости для понимания. Смысл определенный. Но в «Гудке» стих был лучше. Над тем я плакал.

КОРЛЯКОВ, И. Ф. Этот поэт не плачет, а ободряет, оттого стих его некоторым и не понравился. Потому что, в роде как не под момент написано. Надо бы печаль и печаль, а в нем и веселое есть.

ГЛАДКИХ, А. И. На смерть Ленина стих сильней нужен, но нет его!

БЛИНОВА, Т. П. Воспоминанье это. Но не такое большое как бы надо. А написан шибко!!! Есть—круто вз'ем идеть!

ШИТИКОВА, М. Г. К такому случаю дюже лучше стих надо. Но и этот соответствует.

ТИТОВ, Н. И. Разные думки от стиха идут. Будто идешь и боишься, а тебе кто-то: не трусь, все возьмем!

СТЕКАЧОВА, М. Е. Погинула самая большая на свете голова!!!

СТЕКАЧОВ, И. А. По событию стих слабоват, а сам по себе крепкий.

ТИТОВ, П. И. Нет! Действительно, Ленина не заменит никто!

ШИТИКОВ, Д. С. Человек человека вполне не заменит, а только около того.

СТЕКАЧОВ, Г. В. Разлей маленькую бутылочку хорошего напитка, а потом возьми ведро воды и замени. Попробуй!

ДЖЕКАЙЛО, Ф. Ф. У меня скучает под сердцем. Шибко горестный стих!

СТЕКАЧОВА, П. Ф. Не длинный, а по мыслям дюжой стих!

НОСОВ, М. А. Фамилия у писателя непутевая. Переменить ее. Ему можно лучше дать за его отличное произношение.

САШИН, Ф. М. На мой организм ровно музыка печальная пала от этого стиха!..

ТИТОВА, Л. Г. Стих ободряет всех нас, товарищев!

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ. Почетное место «Партбилету» в сельских библиотеках!!! От него крестьянам идет советское политическое воспитание, вечная любовь к Ленину и коммунизму.

И. Филиппченко.—„Девятая Симфония". 7 февраля 1927 г.

ШИТИКОВ, Д. С. Резкий стих, одно слово. Проповедывает..

НОСОВА, А. С. Непонятные для деревни слова. Много таких слов.

ПУШКИНА, А. Т. Каки-то новые слова, грубные, ровно под'емные, ровно выкопанные, так имает, так имает!

КРЮКОВ, М. Ф. Скучный стих. Мало понятный. Не читавши литературы, не возьмешь его.

ШУЛЬГИН, Т. И. Чую факты революционные, убедительные, резкие. Но слова малопонятные.

КОРЛЯКОВ, И. Ф. Лучше бы он так не писал.

НОСОВ, И. А. Чувствуется шум, но этот шум непонятен. К чему шумит?

БЛИНОВ, И. Е. Тут надо до точки читать, а то не поймешь. Ударные слова.

БОЧАРОВА, А. П. Скоро она шибко прочитывается. То каки-то колеса огненные, звезды, погром, какой-то шум... Располошность кака-то.

СТЕКАЧОВА, П. Ф. Никово не поняла. Ровно палкой откуда-то ковырнет, и опять дожидаешь комок.

ТИТОВА, А. И. Иную слушаешь—в голову заходит, а эта до лбу дойдет, отщелкнется -и понятия тебе нет никакого. Ни черта не поняла. Заковыркины слова, не поймешь, корявые, шершавые.

ТИТОВ, П. И. Раньше присущки так говорили: «стану не басловясь, выйду не крестясь, в чисто поле, к окияну-морю»... Так и этот наговаривает.

СТЕКАЧОВ, И. А. Есть что-то. Хотел что-то сказать писатель, да не выразил, как следует.

ТИТОВА, Л. Е. Я тоже ничо не поняла. Нырки каки-то разобрала.. ехали на телеге. Слышала, как в нырке кувыркнулись.

СТЕКАЧОВ, Т. В. Слова есть порядочные, но не поддержаны другими, загадочные, с перескочкой.

ШИТИКОВА, М. Т. Когда писал, у него прилив чувства был большой, много захватывал. Потому и непонятно. Перескакивал с одного на другое. А все-таки выражения есть красивые.

КОРЛЯКОВА, Н. В. Где какое слово шибко возьмет, а где сразу снизит. Не поймешь его. Ждешь хорошего слова, а он кверху, кверху, кверху и сразу вниз бух!

БОЧАРОВА, П. Ф. Слово со словом не связаны. «Веревочки», видно, нехватило.

ЗУБКОВА, В. Ф. Над моей головой, ровно ураган пролетел. Накричал, нашумел, а толку ничего.

ЖЕЛЕЗНИКОВА, Т. Ф. Тут пишет по путе, а тут перескочит, как белка на елку. Лови его за хвост. А кого тут соймаешь?.

САШИН, Ф. М. Совершенно ничего не понял. Каждое слово сплеча рубит.

БЛИНОВА, Т. П. Как баушка, Митрева мать, разговаривает: скажет слово, помолчит да опять враз шибко-шибко яро заразговаривает.

ТИТОВА, Л. Г. Для меня рассказни непонятные тут.

НОСОВА, М. А. Столб, лоб, гроб... ни черта больше.

КОНЦЕВАЯ, М. П. Писал для себя, ученым, а не для деревни.

СТЕКАЧОВА, Н. Т. Писал это он не сидючи, а бежал, торопился куда-то.

ШИТИКОВ, Д. С. Я так думаю: он не бежал, а придумывал, чтобы из двадцати слов сделать двести, расскрасить да чтобы получить побольше денег.

БОЧАРОВ, Ф. З. Смысл есть, но сильно с визгом слова бросает. Не поймешь его, как ветрогон. В роде, как растерянный писал. Наверно, он ярый оратор был. Привык на трибунах кричать. Растерянный оратор. Действует, но скоро отпущает.

СТЕКАЧОВ, М. И. Внести поправку: пущай пишет, но чтобы поясьей. Идея у него хорошая, но дюже заколупнул!

ТИТОВ, В. И. Через несколько времени эта штука пойдет в деревню. Сейчас—нет.

ДЖЕКАЙЛО, Ф. Ф. За год не выучишь, если декламировать ее.

БОЧАРОВА, А. П. Отдаленные слова... Зюк слыхать, а не ятно.

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ. Стих не нужен деревне. Тяжел для понимания.

Петр Орешин.—„Бессонница". 15 марта 1928 г.[1]

ТИТОВ, Н. И. Как только зачался стих, так уж чутко было, к чему дело идет.

ТУБОЛЬЦЕВ, И. И. Это не то, что «Стеклянная грязь» (из стиха Веры Инбер—«Конец года». А. Т.).

ТИТОВ, П. И. Человеколюбивый стих. Этот поэт пришел к человеку с чистою душою и вплотную приблизился. Стих, как электрический ток, соединился с тобой.

СТЕКАЧОВ, Т. В. Против многих этот стих пошевеливает. Дорогое слово подарил нам поэт: жить надо. Вино... жизнь—ложь, канитель. Плохо это. Но опять же, говорит, жить можно... по природе-то. В человечестве жизнь—сказка, сон. А природа хороша! Жить можно!

НОСОВА, М. М. Вот этот поэт теребнул нас! Скорбь о людях!

СТЕКАЧОВ, И. А. Автор здесь мечтает о великом.

ШИТИКОВ, Д. С. Далекое впечатление от стиха дается! Видать, что писатель всех любит горячо, всех жалеет. Конешно, не буржуазию только.

ТИТОВА, Л. Г. Вся людская жизня тут описана.

СТЕКАЧОВ, А. И. Эти писал-то никто-нибудь, а Орешин. Он по-настоящему повсегда пишет.

БОЧАРОВ, А. И. Когда хорошо написано, то не станешь хаять. Короток стишок, а мил.

ЗУБКОВ, М. А. С краю стих начат дюже хорошо, а дальше все лучше и лучше.

ТИТОВА, А. И. Глубокие здесь мысли, большие. Всю горечь человеческую изложил писатель. И учит он: хорошо или плохо тебе живется—жить надо. Хочешь или не хочешь, а все люби. Про теперешнюю жизнь пишет писатель.

НОСОВ, М. А. Ведь вот, понимаешь, стишок небольшой, а писатель в нем все, как есть, о человеке вывел. Как ты тут его поставишь в последнюю очередь коли все при нем? Никак невозможно! Всего в нем хватает. В Курской губернии есть голуби буркутские. Как начнет такой голубь бурковать—слухать его охота! И за это хозяева берегут этих голубей в хатах.

Поэт Орешин—дорогой буркут!

БЛИНОВА, Г. П. Все слова милые-милые и примощены друг ко дружке, как братья родные!

СТЕКАЧОВА, М. Е. В стихе говорится про уважанье людей друг ко другу.

БОЧАРОВА, А. П. Писано так, что страсть, как хочется слухать!

ШИТИКОВ, Д. С. Нынешние лягавые поэты и писатели не пишут, а гарабанят, как черти. Надо им писать, как Орешин. Надо им забирать себе его науку.

ТИТОВ, Н. И. Мысль, понятность и нежность, и все вскоре явилось в стихе. При этом чтении чувствие образуется, и человек делается живой. Все в стихе одно к одному приливается. Как пшеницу хорошую гребешь из сусеку—она катится зерно к зерну, так и эти слова сливаются одно с другим...

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ. За «болезное» сочувствие страдающим людям, за ласковые слова, за призыв к жизни принимаем этот стих с «превеликою» благодарностью его автору.

ПРИМЕЧАНИЕ. В зале бурно спорили по какому-то политическому вопросу, всплывшему из читки газет. В таких случаях мои попытки прекратить споры всегда бывали безрезультатны. В этот раз я и не старался утихомирить спорщиков. По

ждал-пождал конца их схватки, вижу—дело безнадежное, и принялся читать. Вот прочитано первое четверостишие «Бессоницы». Зал стих. Обсекся спор. «Враги», позабыв друг друга, стоя, застыли в позах поглощенного внимания, повернув головы в мою сторону. На пальцах рук у некоторых коммунаров остались недоверченные цыгарки. Вот прозвучали нежно-скорбные аккорды после дней строфы стиха. Тишина. Раздумье. Вздохи. Потом просьба ко мне:

— Прочти еще!

— Хоть разок!

— Ну!

И я читал и читал. Все, кто слышал «Бессоницу», жалел тех коммунаров, которые ушли домой сейчас же, после читки газет: я не об'явил о своем намерении читать и художественную литературу. На следующий вечер я исправил свою ошибку: опять читал «Бессоницу».

— Ее хоть завсегда читай—не приестся.

— Душа от нее тает.—Таковы были последние слова коммунаров о «Бессонице».

Ив. Молчанов.—„Побеждает? Победит!". 7 июня, 1927 г.

БЛИНОВ, Е. С. Я раньше не слыхал про этого поэта. А вон он какой удалой! Чем бросать деньги разным там Антокольским да Сельвинским, лучше бы Молчанову побольше заплатить за его настоящие стихи. Как редакторы этого не понимают? Чушь иногда выпускают. И расходуют на нее деньги. Молчанов сразу в середку к тебе входит, всю ее шевелит. После его стиха не надо и газеты читать, чтобы понять, что происходит на Востоке. Да тут и про Восток, и про Запад, и про царей, и про королей, что есть—про все разумно обсказано. Из газет столько не почерпнешь. Там в китайских именах запутляешься. Хан, сун, вей, чан, цинь, линь, чорт, дьявол!.. Хоть пропади—не запомнишь. В стихе же Молчанова этого мусора нет. А просто в нем взят большой в о с т о ч н ы й с м ы с л в к р у г о в у ю Копайся,—не копайся—не найдешь в стихе такого, что не нужно было бы составлять и печатать. Все в нем одно к одному ложится. Я так признаю: одна эта штуковина дороже двух есенинских томов стоит.

СТЕКАЧОВ, И. А. Стих, как музыка! Сидишь, а он тебя словами и поднимает, и поднимает. В роде, как в л е т ты собираешься (руками изображает полет А. Т.).

СОШИНА, Е. И. За шкуру имается и весь в я с ь берется этот стих. Видно, охота китайцам перебороть буржуев. Да никак еще не могут. Ох-ох-хо-хо-хо! Свобода-то, видно, всем людям нужна, да не сразу дается она в руки. Ах, будь же они неладны, эти буржуи! Да покуль же они будут ездить на людях?! О к а я ш ш а я сила!

СТЕКАЧОВ, М. И. Глубоко стих этот раскорчевал мою душу. Весь он обсыпан большим чувством и художественной красотой... «Н а г о р л е к о л о н и й с л а б е е т и с к и»... Во! В тисках, значит, находится Восток. А теперь эти буржуазные тиски слабнут... Запад, говорит, свою кровавую лапу на Восток протянул. Так и надо сказать. Слово «рука» к буржуям не подходит.

СТЕКАЧОВ, Г. В. Здесь ни одного слова не п р и п у щ е н о зря. Все нужно, все к делу. И ни одного из них не хочется из памяти выпускать. Слова в стихе подобраны с точным соображением. Форменно рассказано обо всем, что происходит на Востоке. За такой стих всяк человек будет хвататься. Всем он по вкусу.

БЛИНОВ, И. Е. Не мешало бы некоторым писателям изучить эту штуку, чтобы научиться, как надо писать. А то иные писаки прут такую рвань, аж их самих жалко! Пишут, а чо пишут—и сами не знают. Труда много надо потратить, чтобы их понять. А стих Молчанова дает радость. На него уж не обозлишься за непонятность.

НОСОВА, М. М. Живо вижу иностранные пароходы, лапы буржуйские, китайскую суматоху, войну. Стих самый раз'яснительный.

КОНЦЕВАЯ, М. П. От многих теперешних стихов в моем мозгу все теряется. А от этого стиха все картины в голове выливаются. А после уж картин ты в этот стих начинаешь рассудком вдумываться. Он как-то сам влетает в голову.

ГЛАДКИХ, А. И. Чтение, как волна: так и покачивает тебя! Видно, что поэт не натужится ни капельки, не ищет громкие слова, а забористо у него выходит. Из простых слов большое чувство делает. Не бухает понапрасну в пустое ведро.

СТЕКАЧОВА, Н Г. Передо мной так и носятся буржуйские лапы, кровь, тиски, угнетенные китайцы и прочие несчастные люди. Сам стих по сложенью на песню находит. Слова в нем и гордые, и р а з д у м н ы е.

ТИТОВ, Н. И. Поневоле от такого чтенья заболеет твоя внутренность за китайский народ. Повидал я его. Бедно живет!!! Так только перебиваются... червями да лягушками...

СТЕКАЧОВА, П. Ф. Все чтение—попутное. Побольше бы таких стихов! Злом кипишь на буржуев. Дьяволы! На живых людях ездят! Так бы раздернула этих сукиных сынов на ниточки!

ЗУБКОВА, В. Ф. В Курской губернии д о п р е ж ь слепцы под л и р у-в о р г а н распевали «Алексея, божьева человека». Вот бы этот стишок спеть под ворган?! Сердце разломилось бы!

ШУЛЬГИНА, А. Г. Да нюжли же и теперь есть такие державы, где люди на людях, как на лошадях ездят? У нас словом тронешь человека—и то куда тут! Обида страшная! А то—ну-ка, повози какого-нибудь чорта толстопузова! Как же это китайцы не могут прогнать чужих ворогов?... Стих—ровно п е р е в о р о т н о с т ь в человека делает...

СТЕКАЧОВ, Г. В. Там, на конце где-то, сказано: Восток побеждает, Восток победит... И он, Иван Молчанов, побеждает своим стихом многих-многих нонешних стихотворов.

ЕДИНОГЛАСНОЕ РЕШЕНИЕ. «Поставить стих в первую очередь. Он лучше всяких газетных и журнальных статей помогает разобраться в восточных делах. От него болит сердце за угнетенных людей, и хочется раздернуть буржуев на ниточки». Социальная трагедия трудящихся Востока после проработки стиха И. Молчанова стала коммунарам ближе и понятнее, чем раньше.

Иосиф Уткин — „Двадцатый". 11 марта 1928 г.

ТИТОВА, А. И. Сначала будто простое дело началось, а потом вон куда кинулось.

ШИТИКОВ, Д. С. Люди—шпалы. Это крупно сказано!

БОЧАРОВ, А. И. С самовару началось, а вон до чего в о с п л а м е н и л о с ь!

БЛИНОВА, Г. П. Сердце ажно ноет и м о з ж и т. Шибко грустное есть выраженье в словах!

ТИТОВА, А. И. О солдате плакать хочется.

НОСОВ, М. А. Эта песня своим в о с п о м и н а н ь я м за живое рвет.

СТЕКАЧОВ, И. А. И под песнею слышна страшная драма солдата. Солдат умирает.

ТИТОВА, А. И. И солдат, и его песня, как в о с к о в ы е с в е ч и т а ю т.

БЛИНОВ, И. Е. Об'яснить и похвалить стих не могу. Уж очень он хорош!

САШИН, Ф. М. И тревожен, и беспокоен. И песня в стихе такая, что... самая народная, самая бабья, с о к р у ш и т е л ь н а я.

ШИТИКОВ, Д. С. «Партизаны» Всеволода Иванова плохо обдуманы... Пилипили самогонку, потом—хлоп! –партизаны стали! У Уткина п о д х о д ч и в е й сделано. А от его стиха у меня по ногам и г л а л е з е т. На что уж хороша «К а з а ч ь я к о л ы б е л ь н а я п е с н я», а эта, кажись, еще лучше о т т о ч е н а! Вовсе не трудно заучить наизусть.

ТУБОЛЬЦЕВ, И. Н. Пилит меня этот стих, р а з н и м а е т всего... Солнце, самовар, песня и смерть!!! Здесь все чувства и все картины собраны в одно место.

СТЕКАЧОВ, И. А. В словах: «К т о л е г, к а к ш п а л ы, п о д н а ш ж е л е з н ы й п у т ь»—картины нет, а чувства они дают большие. И советскую л и н и ю дают этим чувствам.

ТИТОВ, Н. И.—Принеси,—просит сын у матери,—гитару старую мою, песню спою,—а сам уж умирает. От этих слов б у к а р а ш к и по мне полезли! По ногам и по всему телу.

ТИТОВ, П. И. Гитара всякие мненья человеку придает. Из-под з е м л и вытаскивает чувства человека.

БОЧАРОВ, А. И. Самые главные революционные мысли у л о ж е н ы в этот стих: люди погибли за революцию, борцов положили под железный путь революции. И мы идем теперь по этому пути к коммунизму. Вот тут к чему слова идут. П р о н з и т е л ь н о е понятие обдумано в стихе!..

СТЕКАЧОВ, Т. В. Про великое говорится, а как просто сказано!

ШИТИКОВ, Д. С. Этот стих—не стих, а просто г и м н революции и революционерам. Г е р о и ч е с к а я п е с н я.

БОЧАРОВА, П. Ф. (Обращаясь ко мне. А. Т.). Кто его сочинил-то? (я назвал Уткина. А. Т.).

НОСОВ, М. А. (Шутя). Вот это крякнула утка! Будет от нее далеко чутко!

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ. «Д в а д ц а т ы й» к а л и т всю душу слушателя. Он, действительно, есть гимн революции и всему трудовому народу, совершившему ее.

В деревенских халупах его будут слушать и с горем, и с радостью, и со слезами на глазах....

Крестьяне отводят «Двадцатый» в категорию тех счастливых исключений, из современного «поэтического рукоделья», которые преображают и организуют психику трудовой массы в желательном для советской страны направлению...

Одна из реплик в разборе «Двадцатого» выражает интерес женщины к фамили автора поэмы. Это не лишено некоторого значения. Если какое-либо художественное произведение выходит из ряда вон по своим положительным достоинствам, то крестьяне не раз и не два спрашивают у меня фамилию его автора, которую они потом старательно запоминают. Гораздо реже выспрашивают фамилии авторов худых сочинений. И совсем почти не интересуются именами «творцов» ничем не замечательных произведений...

Когда-то я проработал с коммунарами стихотворение Уткина «Мудрость». Это зеленое мудрование получило от публики заслуженную отповедь. Самые памятливые мои слушатели теперь припоминали «Мудрость» и сравнивали ее с «Двадцатым». Сравнение кончалось беспокойными вопросами:

— В одной голове рождается глупая «Мудрость» и «Двадцатый» — как так?!!

— И пошто это печатается в одном и том же журнале?

— Разделять бы... А то чё же мешать добро с пакостью?

П. Петров.—„Партизаны". 22 февраля, 1928 г. („Сиб. Огни", № 6, 1927 г.).

БОЧАРОВА, М. Т. Как река Мана переливалась, так и эти речи. Уж очень благоразумно написано! Горы, леса и все красиво! В глазах стоят. Вспоминаешь. Павин был большой герой. А смерть-то его какая была: запеклися губы, задрожали ноги... Просто и по-мужественному написано, по-нашему, но художественно. Во всем стихе художество... Хищные вороны над добычей так и вспоминаются.

ЗУБКОВА, В. Ф. Шибко картинна река, туман. И чувство мое сильное получилось—для Павина. Написано—проще некуда. Кто-е-знает? Но я не встречала про партизан стиха лучше этого. Этот с «Двумя мирами» равняется. Все в нем плавно. С краю стих на песню находит, но она нутре выворачивает. На «Дубинушку» похож. Тут и совы, и как рот кривится у Петрована Щетины, и разговор с богачом (сцена у нойона. А. Т.)—все сходственно. Кончено могилой, и этот конец тоску придает. Перепрыгов нет.

СОШИНА, Е. И. Мне показалось—понятно и складно. И местами аж сердце возмутило. В гриву склоняется Павин, когда его убили. Жалко его, как родного человека. Подмывает стих душу... Ему бы (Павину. А. Т.) еще пожить. А будь он не убит, кто знает, чем окончился бы стих? Больней стих, когда Павина убили. Хоть не буду защуривать глаза,—и то все описание вижу. Бой, этот бой!!! Как все равно это все наше, жалобное! Местами стих страшный, а где и подвеселит. Стих этот не то, чтобы простая песня, а все с горем песня. Рассказ без пустых слов. Есть—пишет, пишет, все у него хорошо, но вдруг вывернется колесница какая-нибудь,—и все пропало. А у этого писателя безделицы нету. Без заковычек. Народ весь в лице. Щетина (партизанский вождь—Щетинкин. А. Т.), ох, подь он к греху! Я подумала про него: похож он на Королевского Филю Пологого. Образина брюзглая, корявая!

БОЧАРОВА, А. П. Усю до конца я эту штуку захватила. Прямо поднывает сердце; до живота доходит; всю меня наскрозь вонзит. И как такую картину можно было обхватить!.. Войну с конца до краю вспоминаешь под этот стих. Слова, как какие-нибудь волны на реке; идут, волнуются, выбурливают чередом. Нигде ни замешки, ни одного неприместного слова! Все дело и все печаль. Слова в сердце льются чувствами... Волновались туманы на реке и сердце у нас тогда волновалось. И не могло стать на свое место... Мужики-партизаны в страсти волнуются, все не собраны, не прибраны. Вгорячах все... Я за то не обижаюсь, что писатель назвал баб сороками; вгорячах это. Слова его мягкие, жалобные и больные. Их будешь помнить. Рассыпаются у тебя слезы от них. Нигде с дорожки не сбился писатель. Шел и шел по прямой дорожке и нигде не попал в ковылюгу. Увесь белый свет путешестие прошел этот писатель. Как в золотую гриву уткнулся Павин (убитый. А. Т.)—защипало у меня в глазах, как-будто передо мной упал Павин с коня своего...

КОРЛЯКОВА, Н. В. Бабы—сороки. Это про нас. Про наше тараторство. Соберемся и: «я то-то слышала», «а я то-то слышала». Так у нас всегда бывает... Списано все дочиста отчетливо, до точки. Нечего выкидывать. Чтение это—настоящее

золото. Блестит. Вода-то не с добра помутилась у Амыла—реки. Жилочки застывают при этом чтении.

СОШИНА, Е. И. Вьюги шумят, воды, туманы, леса—хорошо! А ежели этого не писать, а только убить Павина,—неладно было бы. Без тех слов, без рек, вьюг,—не было бы привета в стиху. Сначала я думала,—на что эти вьюги, шумины, леса? А теперь я знаю, что они нужны. Не смазно без них, а с ними дюже приятно.

КОРЛЯКОВА, Н. В. С этими словами стих-то в роде как растет-растет вырастает.

БОЧАРОВА, А. П. Да ведь невидимо растет-то, прибывает.

СОШИНА, Е. И. Прежде, бывало, сижу в коммуне на чтении или смотрю на спектакль, луплюсь, а не понимаю. Над мужиками, которые играли, смеялась. «Дурачат!». А теперь смотрю на сцену и коли печально—плачу слезами горькими. Раньше сроду ничего не видала... Гляжу я, бывало, на Ивана Бочарова—он кузнец был на сцене («На дне»—М. Горького. А. Т.) и думаю: «охота же ему, старому дураку, мешаться тут?». Прежде ровной волной слова уходили от меня, а теперь я их ловлю.

БЛИНОВ, И. Е. Стих как-то с подкриком все берет. Автор природу опишет маленько да опять с подкриком. Так тебя и дерганет под кожу! Попишет-попишет природу—потом и пойдет вить! Как ветер в поле. Под лад идет. Все время у него—напев народный. Слышен, говорит, мат. Так было. Партизаны еще пуще матерятся. По матерному слову видать, какие у партизан хлопцы собрались... Типы? Слов десять скажет про типа—его и видать, как на карточке,—корявый он или пузатый. Строчки, как у правдишного стихотвора. На Пушкина и на Лермонтова автор пошибает. Мастер он описывать Сибирь. Сразу охватывает все. не врет. Не то, что другие: «горы зеленые», а потом «белые». Осень у него—сразу запахло осенью, гуси летят треугольником... бабы вяжут одни... плещут на небе зарницы... Верно. Они всегда трепыхаются. Как надо описал. Чо видал, то и написал. Бороды, как кудели,—верно. Грубые слова не вредят художеству. В этих строках они улучшают художество. Это ведь не господские слова. Весь стих про партизан. По-моему, это лучше, чем вот когда какой-нибудь стихотвор, вместо героевых слов, свои слова, как медок с водичкой болтает. Ни сладко, ни горько. Тут партизанские слова и образы. У Щетины слова еще лучше, чем у Павина. Автор сделал Щетину грубым—и под его мотив дул. Про партизан не слыхал я стихов лучше. В «Красной Нови» есть стих про партизан. Но там природа, а партизан нет, не видно. Чалдонские слова—не настоящие: люди-то переворочены уж были. И слова у них разные... Автор как зачал, так и кончил под одну дудку.

ЗОЛОТАРЕВ, П. И. Уж и не знаю, как одобрить стих. Все хвалят и я хотел особыми словами одобрить, но не могу придумать их. После этого стиха еще бы перенес столько лишений, сколько партизаны, чтобы только воткнуть штык в брюхо Чан-Кай-Ши! Смачность слов выражалась в революционности. Затрагивало меня, когда партизаны отступали от казаков. Стих находит на песню, но не песня он... Сосны кадят... Это пахнет от сосен по обыкновению. Мужицкая речь, настоящая, обыкновеная. Стих про тяжесть партизанщины, про революционные завоевания. Правильно автор горы описывает: я их все переходил. Кругом темно, только видишь небо. Мы весь Урал в 14 дней прошли. По-своему я думаю, что у партизан было больше приключений, чем здесь описано. Просил бы автора побольше написать. Но я не хочу на него недовольствие сказать. (Ко мне. А. Т.). Грубо не надо это писать. Матершину он не зря приклинил. Она не откуль-нибудь взята, а как-раз тут и нужна. Вот где грустно: когда казаки партизан разбили. Потрясены были партизаны духом... По моему соображению,—нету здесь нахлопанного. Вот ежели дома зайдет речь о Щетинкине, я и скажу: не сразу Щетинкин был командером, а еще был Павин наперед. Павин—такой осадистый, крепкий человек с рыжей бородой, а про бороду Щетинкина не знаю, ну, одним словом, рожа неуклюжая. Я бы его нагримировал таежным человеком. В первую очередь эту книгу, а то партизане забыли о своем деле, о невзгодах...

ЕРМАКОВ, Я. М. С большим любопытством слушали мы этот стих. Заноздливый стих! Так и черябает за душу, как кошка к морозу. И хотенье было узнать дальше. И когда прочитан был весь стих,—он прилег к сердцу, как недопеченый хлеб к рукам. Так он заноздлив, что нет слов пересказать. Он к тому подходит, что все это практикой происходило. Его будешь читать так же, как чай сладкий пить. Замечательно, как Павин призывал мужиков! Автор дал здесь точную, обдуманную характеристику партизан и командеров. Все это он сделал без лишних слов. Автор своим рассказом так удачно ударил на публику, как хороший стрелок в цель. Всякий человек слушал рассказ с торжеством. И принимал к сердцу. В нем и научное, и любимое. Автор писал с чувством, с открытой душой,

как видно из рассказа. Написано не забавно, а с л а д к о. Некоторые словечки разбираешь, как сладкие яблочки раскусываешь. Например: когда Щетина ободрял партизан после смерти Павина. Или еще: «С т е л е т с н е ж н у ю п о с т е л ь в ь ю г а на Н и к о л у, б у й н ы м в и х р е м п о л е т е л и к а з а к и на с е л а»... Тут и непонятно, и печально для наших партизан, но сам ты, слушатель, переживаешь за будущее партизан. Так это гладко написано, и так-то в рифму складно! Медком рассказ поливает. Видно, что это переживал автор. Да и нельзя не переживать такой штуки всякому правдивому человеку, который желает о б щ е г о хорошего. О природе автор экономно, но понятно писал, не разбрасывался. Кустики там разные, птичек порхающих—не описывал, а все ближе к делу вел. Художественно, как река переливает на себе кровь бойцов! Это и грустно, и жутко, и м и л о... «В б у й н о м с т а н е ш у м о т а, р у к и р в у т с я в д р а к у: р а с к о л о т и м т а к и т а к ч е х о в и с л о в а к о в». Это - не грубая частушка, а одобренье мужиков, воодушевление. Без смеху ничего не построишь, а потому он и требуется. Всякое веселье и частушки...

«Реки буйствуют водой, ручейки воркуют»... Вот как! Самое главное слово в этом месте «в о р к у ю т». Сказать—ручейки звенят, журчат, гремят—это было бы не так хорошо. Обыкновенно было бы. А этим словом «в о р к у ю т» автор доказал все художество природы, которая была в т а м о ш н и х м е с т а х. Он этим воркованьем сказал так, как-будто собралась целая стая голубков и ворковала тут свою чудесную песню. Ну, и подобрал слово хорошее—«воркуют»! Косачи тоже ловко прилеплены к человеку. Вообще природа к людям здесь у него хорошо подоспела. Воркование ручейков и токованье косачей—это говорит за б е с п о к о й с т в о л ю д е й...

«С о с н ы ж е л т ы е к а д я т п ь я н ы м а р о м а т о м, д у м ы ч о р н ы е к и п я т о ж и т ь е п р о к л я т о м»... Вся жизнь людская представлена нам тут, как в бурлящем котле... «Р е к и б у й с т в у ю т в о д о й»... Вот здесь сатанинское настроение людей, последнее отчаяние жизни. У людей мысли неслись, как волны в буйной реке. Мысли их так же ворковали, как ручейки... «У с о б о р о в а л» лучше, чем «у б и л». Слово «о й» в стихе повторяется часто. Оно так и повевает, как теплый ветер с юга в лютую зиму. Шибко оно восклицательное. От южного ветерка зимой верится, что скоро будет весна, так и от стиха ждешь: скоро будет свобода! Всего мне не переговорить. И художественно, и драматично, и трагично. Рассказ склеен из кусочков, но хорошо склеен. Стих, как мягкая постель. Все в нем на своем месте. Слушаешь—душой отдыхаешь. Без в яких прорывов идет, и все в нем живое.

БЛИНОВ, Е. С. Интересно мне то, что вот какая большая поэма, а ничего в ней нет непонятного. За каждым словом видишь картину. Новым поэтам я советовал бы изучить наизусть эту штуку, чтобы они помнили, как надо писать. В поэме собрано все здоровое. Не мог я подметить в ней ничего такого, что хоть маленько не понравилось бы человеку. Все дельное. В ведении рассказа никакой запутанности нет. Какое бы ты слово ни взял, оно добавляется к картине, не мешает картине, а делает ее з д о р о в е е. Песенный подпев у него к месту подведен. Слушается поэма со вниманием. Все места в ней одинаково ярки. Автор—патриот Сибири—любит Сибирь. Много сибирских картин природы я не видел, но верю автору... Строчки до того легко идут, что нигде п е р е ш и б у нет. Толчков в сторону нет. К обрисовке Щетинкина у автора взяты матерные слова. Дельный м а т е к он тоже много дает. Дух поднимает.

ТЕРЯЕВ, В. И. ...Мать вашу так...—это значит н е р в а н е у к л а д ы в а ю т с я,—и писатель выходит как бы за пределы, но этот матерок не нарушает красоты. Он к тому, что человек (герой поэмы. А. Т.), выходит из положения. Не мог обойтись, у л о ж и т ь с я. Согласно всего—Павин герой.

БЛИНОВ, Е. С. Щетина матерился: матерок мог лучше с о г л а с и т ь мужика на дело. Именно здесь матерок показывал, чем партизаны дышали, какие они были. Это у мужиков обыкновенно: кто ж е щ е матерился, тот и делец был. Необходимые условия тут были при матерке... И нежности в поэме много. Слова автором ровно набраны в долинах, горах и лесах. Точно их не написали, а они сами выросли.

ТЕРЯЕВ, В. И. Холмы, долины и туманы—все выражения аккуратные. Мне думается, что автор не цивилизованного классу. З а л о м и л о у него в голове шибко. Мужик он. Его натура о б н а т у р е л а. Потому он одну линию так согласно и вел. Изменений никаких не было. Одно н а п р я ж е н и е к борьбе. Цивилизованный автор мог другие подходы и выходы делать, а Петров этот все на одну струну вел. И она—к борьбе. Писание это составлено от всего п р о й д е н н о г о. В стихе не все сказано, что надо бы. Партизаны по тайге много блудили, а сказано про это мало.

САШИН, Ф. М. У Щетинкина голос «хриплое точило». Подходит к правде. Хрипучий, значит, был. Тюха да Матюха собрались. Шабурники все. Ну, с ними так и надо разговаривать. Все это, по-моему, правдоподобно.

КОЧЕТЫГОВ, С. И. Сами переживали это... Нутре хитро передать. Умеет автор природу описывать. Все живописно. Все напоминания представляются сами. Пожалуй, что Щетинкин изображен немного дурноватым. Но он крепкий парень и мужественный. Сила воли! Ругань? Куда же ее девать? Раз така была. Тут с матерком нельзя считаться. Вся Россия тогда гнулась. Это не портит стиха, а существенно. Под этот стих вспомнишь революционный период. Поднимается дух. В речи увязка лучше некуда. «Ой, ты», не надоедает: это наше родное...

ЕРМАКОВ, Я. М. (Выкрикивает). Не налюбуешься на стих!!!

КОЧЕТЫГОВ, С. П. Как же тут не хорошо, коли мы сами так действовали? Всю действительность охватывает стих. Убили Павина—горе. Вдруг—Щетина—радость! Матери при родах трудно. Потом ребенок,—и ей радостно. За все ставлю стих на первое место.

НОСОВ, М. А. Битвенная горячность в словах здорово изображена. Слов мало, дела много, духу много. От рассказа дрожал я. Что ни скажет, то пулю отольет.

БЛИНОВ, Е. С. В поэме история скопирована.

НОСОВ, М. А. Я еще тогда сказал—это писание далеко теперь зажужжит, потому что писал его мужик. Говорено мало. Не развозит, как вчерашний («Путь жизни Арнольда Гана»—А. Панкрушина. А. Т.) «вез-вез и никуда не приехал»... «Растворожить рожу» крепче, чем «разбить морду». Мужик, рассердившись, скажет: «по хлебалу», вместо «по морде».

СТЕКАЧОВ, И. А. Этот стих до пят доходит. Возбуждает и того, кто и не был в партизанах. Послед напоминает о погибших.

КОЧЕТЫГОВ, С. И. Стих периодического напева: печальный и веселый.

ЗОЛОТАРЕВ, П. И. Некоторые партизаны не вернулись. Остались навеки на кургане.

СОШНИКОВА, И. П. Этот конец трогает чувства своим выражением. Так и быть тому. Могилы над рекой. И река будто волнуется от печали, что погибшие одни остались около нее.

ШИТИКОВА, М. Т. Кончил, как похоронный марш сыграл. На музыку конец походит.

ЗОЛОТАРЕВ, П. И. Что люди добыли—весело. Надо было писателю и печаль пустить о погибших. Все вместит писатель в своем составленьи.

ТЕРЯЕВ, В. И. Остается в душе то и другое. Блажно на душе от стиха.

ЕРМАКОВ, Я. М. Если бы автор не коснулся погибших, то читатель обиделся бы. Здесь кончено хорошим делом.

НОСОВ, М. А. Заскорбно было бы, если б все было замазано веселым плясом.

ТЕРЯЕВ, В. И. (Эта часть отзыва доставлена мне в письменной форме. А. Т.). Отзыв Василия Ивановича Теряева, Верх-Чумышского района, из коммуны «Просвещение», с. Порошина... Иван Павин он начал дело творить. Он собрал крестьян бойцов на адмирала Колчака и курчавого казака. Весь отряд вооружился и в атаку с пиками пустился, на колчаковских палачей, не щадя своих грудей. В бою злая участь их постигла: сам Иван у них свалился. Эх, в тую бы пору им оружия, патронов бы побольше,—не застигла б така доля! Читали-читали все пробыль да про былинушку. Содрагалось сердце слушателя, как былиночка. А после отряд в горах-лесах скитался, и живым он не скорялся. В горах жил, голодал под дождем и холодом. Хотя в лесу и долго он блудил, но все же адмиралу он мстил. В леса забивался, там под гору спущался. Вдруг со Щетиной повстречался. Речь радостна пошла. Все про быль да про былинушку. Два героя там соткнулись, стали думать и гадать, как адмирала им поймать. Прогнать собрались они с силами, вооружили крестьян и стариков вилами. Настало время. Солнца блеск! Приступили уже к делу. В поле ветер рыщет, колчаковский след метет. Честь и слава тем бойцам, что не корились Колчакам! Пишите стихи чаще про такую быль да про былинушку. А их было много!!!

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ. Этому стиху всегда: «милости просим в деревню!». Всем взял.

ПРИМЕЧАНИЕ. Судя по многочисленным хвалебным—записанным и незаписанным—отзывам коммунаров о «Партизанах», эта поэма может быть взята за образец наиболее любимых деревней современных стихотворных произведений... Что ж так пленило в «Партизанах» нашу аудиторию? Прежде всего, героика описывае-

мой в них исторической борьбы, широта, меткость и безыскусственная прелесть народно-художественных образов, расцветивших поэму; волнующая музыка стиха, в которой чутко и умно перевиты—и громы битв, и величавое безмолвие тайги, и бодрая, звенящая, бесшабашная частушка, и терзающая элегия русской народной песни.

«Партизаны»—невольно пролившаяся из души песня. Поэтому, ни одно слово этой поэмы не пропало для крестьянина даром. Часто и тепло коммунары вспоминали ее на последующих читках...

Сергей Марков.—„Черный румянец" (Стихотворение). 4 февраля, 1928 г. („Сиб. Огни", № 5, 1927 г.).

БОЧАРОВ, Ф. З. Есть в стихе слова будто и хорошие, но связи никакой. К чему они? Никуда они не вытекают. Кабы вместе с автором поболтался по тем горам, которые он описывает, тогда, может быть, понял бы, куда стих ведет. А сейчас -неизвестно, с чего и что он брал? Кое какие строчки в роде как и сладкие, но вкуса в них не разберешь.

НОСОВ, М. А. Как гнилой арбуз: и сладкий, и противный. Чудеса в решете: дыр много, а выхода нету. Никак никуда не приложишь этого стиха... Пишет, как горох лепит к стене. Ни к селу, ни к городу. Только одно заглавие в стихе хорошее «Черный румянец». Ну, думал я, стих будет похож на большого горного барана. Шерсти на нем будет!!! А шерсть оказалась ни к чорту негодной. Вот тоже стих про румянец: «Румяной зарею покрылся восток, в селе за рекою потух огонек». Во! Сравни-ка этот румянец с «Черным румянцем»—получится мед с дегтем.. Неизвестно, для какого люда писан стих. Автор, видно, только в рифму старался попасть, а смысл для него был не нужен. Чорт-е-знает, про какие он тут горы бормотал, про Алтайские, аль еще про какие? Попробуй—пойми его. Сумлеваюсь: в Советской России человек писал этот стих, а чувства и выражения не дадено. Нет необходимости читать этот «Черный румянец». Чтобы понять его, нужна высокая учеба.

ШИТИКОВ, Д. С. Писатель сделал «машинку». Он сочинил такое, что и на стих походило бы, и людей бы подурачило. Хитрый умысел держал писатель: «крестьяне скажут, что, мол, стих не для нас и ругать не будут, а люди высшие, мол, и разбирать его не будут. О дурю всех как-нибудь. Вот и будет хорошо. Может, найдутся и такие олухи, которые поверят стиху, как религии». Дурной поп выйдет на перрон (видимо, слово «перрон» поставлено вместо слова «амвон». **А. Т.**), и загнусит «му-му-му-му-у-у-у», заведет какой-нибудь чортов «аллилуй». А людям все равно. Такой же поп и автор этого стиха. Набуровил он чепухи—не увезешь на двух возах. Кто тут на кого лезет: люди на горы или горы на людей? Не поймешь. Пущай он, сукин сын, сам разбирается в своем сочинении. Я вам сейчас расскажу к этому делу подходящую историю. Как-то летом у одних граблей выпал клец (зуб. **А. Т.**). Нужно было его вставить. Председатель наш—Носов Иван написал мне на этот клец целый проект. Поди, полдня не прокопался над ним. А я ничего в письме не разобрал... И таким же манером у Маркова вышло: всего дела с клец, а написано много. Художества же нету, и про понятности не поминай. «Черный румянец», что чечевичная мука: на поглядь хороша, а есть невозможно, ежели нету настоящего голода. Заглавие-то в стихе -особенное!!!

СТЕКАЧОВ, И. А. «Черный румянец» и на погляд—нехорош. Зелена пена? Как это? Зеленое мыло есть, а зеленой пены нету. Я не хотел про стих говорить ни слова. Неохота. Ну, ладно уж... К чему речь ведется? Ехал какой-то к возлюбленной. Она ему изменила. Приехал. Хотел застрелить. Потом ушел. и Все. Пустяки Красоты нет. И никакой точной рифмы. Аппетит не берет на этот стих... Бабы иной раз пекут пышки-пустышки. Вынут из печи—они во-о-о какие! А раскусишь—они пустые в середке. Есть почти нечего... Лимонный глянец—на щеке у девушки—неправильно. От бубна—радости немного. Как забухает, так хоть вон уходи! Я все время с напряжением следил за стихом, но... зря. Нет в нем ничего.

БЛИНОВ, Е. С. Алтайцы щекой похожи не на лимон, а на мытую картошку.

ТИТОВ, П. И. Пишет и врет. Думает, что люди это вранье пропустят мимо ушей.

ШИТИКОВ, Д. С. Наобум-Лазаря марал бумагу. Сибиряки, мол, дураки, лимона не видали—поверят, а рассейские -не видали алтайцев. Тоже сойдет. Так и располагал автор... Это—не стих. Надо так писать стихи, чтобы от них букарашки ходили по человеку, чтобы заскребывало за зебры читателя!

ТИТОВ, Н. И. От испуга или от радости в щеках живчики играют. Это—бывает. По-мне—верно сказано, что у коня пена на коленях. Сверху, значит, натекло. Это описано подходя... Раз летом я делал колесо. Вытесал круг, но не из того

намету. Стал наготово его складать,—он у меня и сделался четырехугольным. И «Черный румянец» вышел у писателя таким же недоделком. Писатель брал себе на ум, что он хорошо придумал, но только что смыслу не придал к своему сочинению. Ветер на стременах стыл... Это уж брехня. Как только зачали стих читать, то я уж об этом и подумал. Раз ветер был теплый, то и стремена были теплые. Значит, теплому ветру не от чего стыть.

СТЕКАЧОВ, Т. В. Бывает в деревнях так. Пришлет солдат письмо. Родные *пыкают-мыкают,—разобрать не могут. Сойдутся соседи кружком, станут читать*— тоже не понимают. Понесут письмо по всей улице. Ищут, кто бы его понял и растолковал. Ходят-ходят—так и не найдут человека, который мог бы понять солдатову мудрость. А, может быть, и сам солдат в письме ничего не понимал... Стих Маркова к этому же подходит. Никак мы его всем гуртом не можем определить. Ежели разглядеться, то, наверное, там и определять нечего. Пущай Марков напишет этот стих по-русски, чтобы не одни там горы да вершины были, чтобы слова не зря болтались. В Порт-Артуре, на Золотой горе, во время японской войны стояла огромадная пушка. Бывало, как гукнет-гукнет, аж весь свет задрожит. Потом снаряд шуршит-шуршит—и в своих попадет. Бестолковая стрельба. Марков тоже много слов напрасно выпаливает. Прицел взял вверх, а попал в никово. Надобно стихи писать так, чтобы они чем-нибудь настоящим кончались. А то чо? Прочтут тебе стих, он ничем не окончен. Ты и вылупишься, как баран на новые ворота.

ТИТОВ, П. И. Наговорено немало, но без толку. У автора в стихе—пологая нитка. Не держится, рвется. И очень худо он спрял. Не усвоил даже местность природы, которую описывал. Проварить бы надо стишок. Петрушки и разных корешков подбавить бы. Тогда бы можно его читать с охотой. Но намеки на хорошие слова в стихе есть. Из автора должен образоваться хороший поэт. Думаю, он выправится, если еще молодой. Почитать ему заправских поэтов надо и сделаться попроще.

КРЮКОВ, М. Ф. Я сильно не виню автора. Коли он возрастом недавний, то набьет руку, навыкнет. Возьмите девок, которые учатся вышивать. Дадут им канву и рисунок, а они сначала все-таки ляпают. Потом привыкают, ловко шьют.

ДЖЕКАЙЛО, Ф. Ф. Конечно, марать наготово и ошаршивать автора нельзя Он не из никудышных. Пущай пишет. Может, дойдет до дела.

ШИТИКОВ, Д. С. (Возбужденно). Раз ты—мастер краснодеревец, то не берись за черное дерево! Почему он сбивается спонталыку?! Ежели ты—мастер, то не погинь свою руку скверным изделием. У поколенья этот стих останется на то, чтобы автора сукиным сыном называли. Это поэт Марков должен зарубить себе на лбу.

БОЧАРОВ, Ф. З. За природу он приемисто брался, но как-то раскидался. То-да-се, а в конце-концов—ничего. Этот материал отдать бы в другие руки для переработки. Например, как сырые кожи переделывают на крупных заводах в Англии или у нас в больших городах. Дай этот стих Бедному Демьяну,—он бы из него такую штучку отлил, что разлюбовался бы! А здесь—разнобой какой-то. Иной сиволап, наш брат, Артюха, жилится по-ученому говорить, а у него смех выходит. Говорил бы просто. Так и Марков. Чего за Алтай браться, коли, может, там сам и не бывал? Читали мы «Беловодье» («Алые сугробы». А. Т.) Вячеслава Шишкова. Лошадь там сорвалась под откос в горах, напоролась на острый пенек. Ее застрелили в ухо. Перед смертью она визжала. И всех нас, слушателей, эта лошадь раздирала. У Шишкова—Алтай, так Алтай! По началу я думал, что стих будет подходящий. Но... нет!

ТИТОВ, Н. И. У нас водится птичка—польской голубок. Почитай, повсегда летом он урчит. Урчит и урчит, а чо урчит—не сдогадаешься, не ухватишь. Такое положенье и в этом стиху. Не размыслить его скоро.

ТИТОВА, А. И. Я бы сказала этому писателю: обожди, дружок, писать! С краю пройди практику. Потом обдумай стишок раз-два. А уж после всего этого—пущай его в книжку. Правда, ударение в стиху большое. но окончанья нету. Слова, ровно, и подходные, а понятие в них не дюжее. Сегодня Васька (сын, ученик коммунальной школы. А. Т.) читал в избе стихи Лермонтова. Так эти стихи сонного разбудят. Читал про казаков, как они воевали, как жизнь человеческая проходит... Ну, и чтенье же! завтра сама еще эту книжку возьму и подовторю чтенье. Лермонтов слово к слову вяжет, и все их бросает прямо к тебе в сердце. В «Черном румянце» нет того, чтобы утомительное было для души («Утомительное»—употреблено в смысле эстетического удовольствия. А. Т.). В стихе Лермонтова слова ласковые, мягкие, разбористые. Они подходом подходят к человеку. Играют, как музыка, как оркестр, вот когда все ребята в школе заиграют...

КОНЦЕВАЯ, М. П. В уме не сразу рисуется то, что автор описывает. Да сразу этот стих и не поймешь. Только когда шибко вдумаешься, тогда и маленько уразвешь, сообразишь, в чем дело. У многих писателей и вдумываться нечего. Их слова сами надолго отпечатываются в мозгах. Когда слушаешь «Черный румянец», то думаешь, как бы это его понять? А при чтении хороших стихов этого не думаешь, но переживаешь то, что писатель изображает. В стихе Маркова хотя и видно, в каком месте происходит дело, но плохо. Нужно еще подумать, как это понять. А вот если возьмем слова из стиха Лермонтова «Тамара»:

«В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле»...

то здесь так и тянет к Тереку, к Дарьяловскому ущелью... Стих Маркова совсем не рисует никаких типов. Ни одного действующего лица я не держу в голове. Только чуть-чуть мерещатся жители гор да девушки. Художества в этом произведении я не нахожу много. Мне понравилась лишь одна образная фраза. Это—как ветер теплый стыл на стремени. Хорошо поэт сравнил глянец девичьих щек с лимоном. Стих этот—нежный. Автор хотел в нем выразить какую-то идею, но не смог. По-моему, он говорит, что не надо мстить друг другу убийством. Это видно из конца стихотворения. Но эту идею усвоишь не скоро. Все-таки это произведение нельзя определять к самым худым. Оно гораздо лучше «Коросты» Оленича-Гненко. Но я скоро его забуду. Он подействовал на меня, как бич на ленивую лошадь.

БЛИНОВ, И. Е. В этом стихе—главный герой—сам писатель. Это ничего не значит. Мне лишь бы стих был хорош. Но я его хвалить пока воздержусь. По моему чувству, слуху и зрению «Черный румянец» м о ж н о и н е н а д о. Ведь подумайте сами: в нем нет ни одного путного сравнения и описания природы! Есть одно мало-мальское. Это—радость поэта, как звук бубна шамана. Больше я не нашел доброго. Описания природы никак не сходятся с действительностью. Марков «в ы к и д ы в а е т» необыкновенные природные явления, каких, должно быть, люди, прожившие до ста лет, не видали... Бубен шамана в стихе забился не в с в о ю м а с т ь, как бриллиант в кучу навоза. Но как бы красив и ярок он ни был, он не может украсить собой всю кучу. Мысль всего стиха я что-то плохо у ш а р и л. Но это—ничего. Я буду и без мысли стих читать, лишь бы он был хорош, заборист. Рифма у Маркова слабовата. Я ненавижу, когда рифма не подходит, а писатель ее хочет сделать. Тогда у него пшик выходит. Читаешь эту рифму и как ровно и к а е ш ь или д а в и ш ь с я. У старых поэтов рифма выходит как-то незаметно. Из новых поэтов на старых похожи—Демьян Бедный да Петр Орешин. Может, и еще какие, но я их не знаю. Кто-то поминал стишок «Румяной зарею»... В этом стишке даже в середке есть рифма. Он для меня, как солнце для скоромного масла. Т а е ш ь от него! На душе точно ветерок пролетит. И чем дальше-то о нем будешь думать, тем он лучше и лучше будет тебе казаться. «Черный румянец» я сам раз десять читал. Л а д и л помнить, а не запомнил... Строки стиха Пушкина сами входят в тебя, сами заставляют думать о них. А строки Маркова ни в голову, ни в какие другие места не лезут, хоть ты их как п и х а й. «Черный румянец» меня тронул так же, как луковица глаза. Не очень, ведь, глаза любят луковицу. Я, может быть, надолго запомню его. Это потому, что я о нем долго говорю. Те произведения долго помнятся, которые либо шибко хороши, либо шибко паршивы. Средние скоро забываются.

ТИТОВ, В. П. В «Черном румянце» говорится: ехал какой-то рябчик вечером, на коне, к своей любезной. Лицо у него было в пыли. Под'ехал он к зеленой горе. Его там встретили мужики. А на горе плясали девушки. Этот рябчик слез с коня и пошел к своей невесте. Заходит к ней и видит: она играет в кольцо. Потом невеста встала и говорит:—Уйди, ты черен лицом!—Жених обиделся и ушел от нее. Это происходило, видно, где-то в Азии. Действующих лиц в стихе много, но я вижу их, как старый человек буквы... Художества у автора много. Но некоторые строчки неправдоподобны. Например, говорится, что луна когтями впивается в деревья, ну, хоть одним когтем. Все равно. Как же она вопьется в деревья когтями, коли у нее их нет. Или еще сказано, что теплый ветер на стремени стыл. Это я никак не могу понять. Наверное поэт хотел упомянуть, что в воздухе было много паров, и эти пары охлаждались на стременах. Другого выхода не могу найти... Крылом дрожал румянец на щеке... Это очень приятно. И маленько понятно: румянец переливался по щеке. Слова сгруппированы хорошо. Они идут плавно, как утка по воде. А кое-где есть и т о р м о з. Идеи стиха не понимаю. Может быть, писатель хотел выразить мысль о том, что черным быть—это очень плохо; никто из белых не любит черных. Но силы этот стих на меня не оказывает. Если бы Марков напоследе написал, что жених осердился на невесту и начал к о л о ш м а т и т ь ее, что кровь из невесты текла, тогда иная бы картина была!

БЛИНОВ, Е. С. Я этим поэтам, как Сергей Марков, готов постоянно напоминать: ваши стихи еще рано печатать. Их надо обрабатывать да обрабатывать. (Обращается к публике и ко мне. А. Т.). Пока вы критиковали «Черный румянец», я взял с фисгармонии попавшуюся мне под руку книгу. Не знаю, кто ее сочинил. Заголовка еще не глядел. В середке попалось мне четверостишье:

«Благословляю этот миг,
Он отдал мне, мой друг, тебя!
Ты не преступник, ты велик.
Ты мой навек, а я твоя!».

(Книжка оказалась третьим томом сочинений А. Ф. Писемского. Стих был взят из рассказа «Комик». А. Т.). По одному этому четверостишью догадываешься, что во всем произведении есть. «Черный румянец» мы весь прослушали и несколько раз, а содержание его летит вон, мимо. У Маркова виден талант. Но он не знает, куда его деть, что с ним сделать. Задумал он дать большую и художественную картину, а не смог. Не передал, что думалось. Крик и шум бездельный вылил и ша! Как дурной оратор на трибуне. Пусть пишет стихи, но и пусть помнит, что они не должны быть понятны только ему одному. «Черный румянец» кто-нибудь читать будет, но учить наизусть—вряд ли.

ТИТОВА, А. С. Не знаешь, что при этом стихе делать: не то грустить, не то смеяться. Смеяться? Не смешно. И грустить не об чем. Понимать его трудно, потому что все части его идут вразброс. Крестьяне в деревнях его читать не будут. Там интересные книги—и то мало читают, а эту... забросят. Изо всего стиха мне поглянулась одна строчка, где говорится, что закат добирался до лисьих нор.

ЕДИНОГЛАСНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Судя по «Черному румянцу», поэт Сергей Марков—сам себе враг. У него есть дарование, которое он беспощадно насилует и уродует. Простые мысли, простые чувства, картины природы и простых людей—он ухитряется изображать выкрутасными «далекими» словами. Замыслы и настроения, заложенные в «Черном румянце», совершенно погибают под тяжелым льдом «высиженных в кабинете» образов, мудреных фраз и их сплетений.

Мы уверены, что если С. Марков не будет «прыгать выше собственной головы», а подойдет к жизни с чистыми, ничем неопьяненными глазами, и расскажет о ней простыми и сердечными словами,—он найдет себе признание крестьянства.

Талант Маркова бесспорен, но «Черный румянец» чужд нашей деревне.

ПРИМЕЧАНИЕ. С одной читки «Черного румянца» аудитория ничего в нем не поняла. Понадобилось четырехкратное повторение. При этом я лез из кожи, налегая на выразительность произношения самых в я з к и х и нечистых в стилистическом отношении фраз. Хотелось добиться полного уяснения их всем слушателям. Однако, в этом я не успел, хотя перед читкой продолжительно тренировался в овладении интонациями стиха, мимикой и жестами, потребными для его живого воспроизведения в аудитории.

Рассмотренное произведение С. Маркова п о в с е м у стоит далеко от круга представлений крестьян. А такие стихи коммунары обыкновенно обрекали на выброс. К «Черному румянцу» они почему-то были мягче. Резкую и суровую оценку этой вещи выявили лишь очень немногие слушатели. Большинство же из них, давая отрицательные отзывы о ней, заметно сокрушалось, что С. Марков неправильно использует свой талант, что он сшибся с «прямой рабочей линии» и без толку начал «мудрить».

ОТ АВТОРА.—Писателей, придающих моему опыту известное значение, прошу давать мне указания по ведению разборов художественной литературы в крестьянской аудитории и, если можно, присылать свои работы, о которых желательно знать мнение деревни.

Адрес: Почтовое отделение Косиха, Барнаульского округа, А. Топорову.

ОТ РЕДАКЦИИ.—Тов. Топоров, учитель, работающий в коммуне «Майское Утро», в течение нескольких лет читает коммунарам литературно-художественные произведения, записывая отзывы коммунаров. Редакция считает работу т. Топорова бесспорно ценной. Отзывы крестьян должны учитываться как издателями, так и авторами. Вместе с тем редакция должна указать, что регулярные занятия литературой под определенным руководством выработали у коммунаров и определенные взгляды в этой области. Редакция считает, что опыт коммуны «Майское Утро» должен быть расширен. Редакция обращается к партийным работникам, педагогам и культработникам с призывом применить начинание т. Топорова у себя в рабочей и крестьянской среде. В особенности желательна проверка, несомненно, реакционного отношения к новой форме, проявляющегося иногда в записях т. Топорова.

В одном из ближайших номеров журнала редакция постарается дать анализ крестьянской литературной критики по работам т. Топорова, печатавшимся в «Сибирских Огнях».

Трибуна читателя

КРИТИКА № 4 ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ОГНИ».

Наше обращение к читателям, с призывом критиковать журнал (см. «Сиб. Огни» № 4), вызвало ряд откликов. Читатели журнала не ограничились короткими сообщениями анкетного характера, как того ожидала редакция. Нам присланы десятки больших рецензий. Нет возможности напечатать их все, в том числе, например, работу А. Топорова, представляющую собой отзывы коммунаров коммуны «Майское Утро» о № 4 «Сиб. Огней». Мы принуждены ограничиться немногими отзывами. Следует отметить, что авторы их, рядовые читатели «Сибирских Огней», выступают в печати, в роли критиков, впервые.

I.

С. Овчинников (Кемерово)

Больше всего из художественных произведений в этом журнале заслуживает внимания повесть Ив. Абабкова «Жизнь отрока Епиксима»*). Кто раньше был в деревне, знаком с жизнью бедноты, тот, прочтя эту повесть, вспомнит не одного Епиксима.

Беднота деревни, находясь всегда в зависимости от верхушки деревни, много переносила страданий от непосильного труда, условий быта и суеверий. Такая жизнь родителей, естественно, оказывала большое влияние на воспитание детей. Обучали и воспитывали их только побои, страх—иного метода не было.

Большую долю гнета и унижения переносила женщина. Мать Епиксима Фекла жила в «хороших» условиях, у второго своего мужа. Не даром Симка не пошел жить ко второму отцу и осознал жизнь матери, когда увидал издевательства над нею своего отчима. «И понял тогда Симка, что мамкино житье хуже Симкиного».

Симка хочет учиться грамоте, –показать некому. Занимается тайком. Пристроился к учительнице. Учиться помешала война. Жить стало невыносимо, и Симка бежит от этой жизни на своем любимом «Рыжанчике». Но это было, а сейчас мы видим, что за Симкой бежит большинство деревни от прежней жизни, быта, предрассудков и бессмысленного существования.

Один недостаток повести—нет ясной обрисовки героев и места.

О СТИХАХ.

Стихотворения читаются с интересом все, но больше всего нравятся «Приуртышские станицы»—П. Васильева, как увлекательная бытовая картинка. Написано выразительно и просто.

Пестрит большими недостатками стихотворная повесть «Лошадь и человек»—В. Заводчикова.

В одном месте автор говорит:

«А я уж загну,
Как в романе каком,
С героем-бойцом комсомольцем».

*) Не принимается в расчет печатаемое продолжение «Истоков» В. Шишкова.

И загибает. Вместо из'явленного желания показать «бойца-комсомольца», он показывает его так, прежде метафора:

«Но есть на плечах, мол, кочан-голова»,

Это у героя комсомольца!

Отважность бойца мы находим в таких фразах:

«...И даже не встретясь с бедою в упор,
Бледнел, унывал и... сосало под ложечкой».

А вот героичность:

«Но все же не шкурник Егор и не трус—
Его командир не однажды похваливал.
И хвастал Егор—«Ничего не боюсь!».

И дальше находим:

— Разведчик отчаянный—
мальчик Егор».

А когда коснулось дела, попался разведчик в «беду»:

«Егор обезумел и окостенел,
Застыл, уцепившись за гриву».

Вот вам обрисовка «героя-комсомольца».

Дальше посмотрим, что нам «загибает» В. Заводчиков, показывая другую сторону Егора—политическую. Удивительно только то, что «кочан-голова» говорит о мировой революции, что говорит нам –неизвестно, но мы можем только понять:

«К чему тут хромать,
Раз остужена кровь,
Во имя **какой-то** победы».

И, наконец, мы слышим вопрос:

«Скажите, ну, как мне коню втолковать
идеи моей революции?».

Но это нужно сделать было наоборот. Читатель не знает, есть ли у него какие идеи и что он хотел втолковать.

Встречаются очень неудачно выбранные метафоры, как, например:

«Пушки
вздыхали
И тяжко
выли».

Нигде и никогда не найдете вы такое существо, вздох и вой которого равнялся бы выстрелу пушки и полету снаряда. Эти слова не дают никакого представления о действии пушки.

Неизвестно, зачем автор написал по-иностранному несколько заголовков, ведь большинство читателей их не прочтут, и они бесполезны.

Такими несоответствиями и противоречиями испещрена поэма Заводчикова, и хорошие места, которые несомненно имеются, теряют свою силу и убедительность.

Хорошо описана военная лошадь, ее жизнь и страдания на войне в главе «Робингуд». Большое впечатление оставляет также поэма «Смерть эпилога».

О СЦЕНАРИИ.

Кино-сценарии, ясно, не представляют из себя художественного произведения и читателю в этом отношении навряд ли что дадут. Но, я думаю, что хорошо построенный кино-сценарий читаться будет с интересом читателями, обладающими хорошей фантазией.

Несомненно, большую пользу принесет, если печатать и подвергать сценарий, до постановки, критике. Это предотвратит многие ошибки в работе наших кино-фабрик.

Помещенные отрывки в № 4 «Сиб. Огней»—В. Итина читаются с интересом.

Желательно видеть другие сценарии на страницах журнала.

Фото-снимки в ж. «Сибирские Огни» помещать нужно, главным образом, из жизни и быта народов, населяющих Сибирь. Редакцией это положение учтено и нужно продолжать

Большой интерес представляют снимки «В лаборатории», «Семья охотника», «Алтайский кам», «Алтайка» и «Алтайцы у своего чума».

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ.

Насколько могу судить, Мих. Никитин правдиво описывает жизнь студентов в своем очерке «Кадры». Надо учитывать то обстоятельство, что студенчество из рабочей среды жило в исключительно трудных условиях. Положение, в экономическом отношении, и сейчас не много улучшились.

Приходилось беседовать и видеть жизнь студентов-горняков, которые прошли четырехлетний курс вечернего рабфака, одновременно работая на производстве и помогая родителям, теперь учатся в Москве и др. вузах на стипендии в 20-30 руб. Известно, что на эту сумму прокормиться и одеться в городе—нужно быть искусным человеком. И они ухитряются все это сделать. Студенты приспосабливаются, помимо занятий по ночам, на какой-нибудь работе «зашибить» нужную копейку.

Конечно, новые студенты—не те, которые учились и поступали семь лет тому назад. Они того не испытывали и не видели. Неудивительно и то, что сейчас «студенты приезжают в ВУЗ не только с запасами белья, но и с банками варенья».

Много кричат и говорят о сексуальном вопросе среди студенчества, часто сильно преувеличивая действительность. Всем известно, что студенты и студентки не родились аскетами, природа своего требует. Без этого не бывает. Но нельзя сказать, что студенты не воздерживаются в годы учебы, не используют свою энергию в другом деле. Это факт.

В заключение хочу подчеркнуть только слова Мих. Никитина, что теперешняя молодежь хочет быть естественной. Очень часто естественность переходит в цинизм. Посторонний наблюдатель судит о студентах по внешнему виду, принимая цинизм за распущенность. Так возникает «общественная молва». Писатели подхватывают ее и, изготовляя роман, превращают ВУЗ в притон разврата.

Статья «Революция и язык» И. Трунева одна из интересных. Она нам дает лучше взглянуть на жизнь, увидеть те громадные сдвиги, революцию даже в языке, которую мы обыкновенно в повседневной жизни не замечаем, а она имеет большое значение. Эту статью следует прочесть всем.

Четвертый номер журнала «Сибирские Огни» по прочтении оставляет большое впечатление. Я рад, что стал читать этот журнал. Для меня он дал многое.

Желательно и необходимо, чтобы писатели в своих художественных произведениях, печатаемых в этом журнале, отражали современную жизнь, новый быт, нравы, рост деревни и индустриализацию Сибири в борьбе со старыми традициями. Удивительно, как многие писатели обходят молчанием тот темп роста Сибири, который мы ощущаем.

В современной жизни, в борьбе за будущее, внимательный писатель может найти неиссякаемое количество материала для своих произведений. Жизнь не исключает недостатков; ощущается большая отсталость во всех отношениях нашего населения, разбросанного по таежной Сибири, но активное стремление к лучшему неоспоримо.

Улучшить журнал нужно только с технической стороны. По-моему, журнал читателя вполне удовлетворяет.

Один из больших недостатков журнала—это плохое общение с читателем. Журнал только тогда достигает цели, когда он всеми нитями связан с читательской массой. Этим недостатком и об'ясняется малый тираж журнала. Для Сибирского края, имея единственный такой художественный журнал, тираж 2.000 экз. далеко недостаточен. Надо отнести это и за счет плохой деятельности наших библиотек и читален. Мне ни разу ни в одной читальне не приходилось видеть на столе журнала «Сибирские Огни». Многие совершенно не получают, а если и получают, то он преспокойно лежит на полке, и читатель о его существовании не знает.

В конце следует пожелать и подтвердить предложение бюро Крайкома ВКП (б):

«Добиться прочной связи с широкими трудящимися массами и систематической классовой критики журнала, на ряду с другими мероприятиями, путем обсуждения очередных номеров и диспутов об отдельных произведениях, печатаемых в журнале, на партийных, комсомольских, рабочих собраниях и помещение в журнале критических отзывов рабочих и крестьян».

Этим мы можем только обеспечить рост и улучшение нашего журнала.

II.

Вл. Мищихин (уч. 9 совшколы, Новосибирск)

Прежде о литматериале. Первым помещен рассказ Г. Павлова с оригинальным интригующим названием. Но насколько интересно название, настолько странен рассказ. Судя по декларации писателей, помещенной в том же номере, можно думать, что речь идет здесь о современном человеке. Но это вовсе не так. Кто «герой» рассказа? Офицер, любящий попойки, кутежи, мундиры, в достаточной степени

бабник и такой же трус. После октябрьской бури он делается комполка. Это странно, но, видимо, октябрьский вихрь очищающе подействовал на Гривина (герой)? Ничуть не бывало. Просто у него была черта, которой он очень гордился, а именно, т. н. нейтральность. Я не знаю, думал или нет, когда писал автор, что эта черта превращает его героя в сплошное социальное ничтожество. Человек без всяких политических взглядов в настоящее время равен нулю, но Гривин считает эту черту высоко-нравственной и весьма гордится ей. Итак, Гривин комполка. Вполне естественно, к чему может привести такой командир. От запаха пороха, несомненно, такому командиру делается страшно, и он находит всевозможные предлоги, чтобы не быть в полосе огня. Одним из таких предлогов является симуляция болезни. Это ему не удается. Но зато удовлетворено его похотливое желание женщины. После ночи с сестрой милосердия на бедного Гривина находит мрачное настроение. Он грустит, мечтает, и в процессе этих грез читатель отмечает еще одну черту многогранного Гривинского характера, а именно—честолюбие. Гривин возвращается «домой». «Дома» мрачное настроение усиливается благодаря ураганному огню, который так не любил «душка» Гривин, а также вихрю «матюков» со стороны комбрига. Находясь между двух огней, Гривин, видимо, испытывает угрызения совести (о чем, между прочим, приходится лишь догадываться). И вот здесь происходит нечто странное. Внезапно Гривин перерождается.

Кому сейчас нужна эта надуманная ерунда? Не лучше ли было бы тов. Павлову рассказать, как сейчас, во время стройки новой жизни, переделывается человек, как каждый честный и сознательный гражданин в СССР старается вложить свою толику труда в общее дело?

Совершенно другое впечатление производит повесть И. Абабкова с елейным названием «Жизнь отрока Епиксима». Несмотря на свое название, роднящее ее с произведениями Калинниковых и т. п. специалистов по части разоблачения монахов, и несмотря на плохой конец, она производит отрадное впечатление.

Простым художественным языком автор изображает полную злоключений жизнь крестьянского мальчика. Все его приключения в умелой обработке писателя, несомненно, знающего среду, о которой пишет, доходят и захватывают читателя. Многие места повести даны в хорошем юмористическом тоне, и вызывают здоровый смех.

Отметим достоинства диалога, который достаточно живописен, и эта живописность языка, нетронутой культурой глухой деревеньки, придает повести особый красочный колорит. Довольно хорошо разработана психология Симки и др. действующих лиц. Немножко «подгулял» конец, видимо, автор расчувствовался и кончил повесть очень идиллично «кудрявой березкой». Очень уж сентиментально и рассчитывает на пролитую слезу. Но это не так плохо. Гораздо хуже того, что сюжет взят не из современной действительности. Смутно приходится догадываться, что дело происходит до империалистической войны.

Поэтический материал почти равноценен. Нет особо блестящих вещей. Нет и плохих. Жаль что в большинстве своем стихотворения сибирских авторов, как всегда, страдают нашей хронической болезнью—экзотикой. Марков поет о пленительных льдах, Петров вторит ему о жутких шаманах, другие воспевают спящий в дымке лет тракт и рассказывают историю лошади. Современного человека тут тоже что-то не видно, внутреннее содержание снова хромает, но художественное оформление стиха вполне прилично, но сейчас в наши дни этого еще мало.

Новый вид литературы—сценарий очень своеобразен и оригинален. И в этой образности, новизне, особо четкой, отточенной фразе, суровом лаконизме их особая прелесть. Иногда бывает: черновик интересней оргинала. Пример—кино-сценарий. Лист, предназначенный исключительно для режиссера, оператора, артиста, оказался интересным и для зрителя. И часто сценарии оказываются интереснее сделанной по ним фильмы. **Сценарий по занимательности и оригинальности формы может конкурировать с любым из прекрасных рассказов.** Лаконизм—его сила, дающая больше эмоций, чем серия умопомрачительных фраз. Острым фразам сценария дана сила **воспроизводить образ.** Параллельно чтению возникает в сознании картина действия будущей фильмы. Сценарий Итина читается с большим интересом. Он обладает положительными качествами истинного кино-сценария.

Необходимо приветствовать в «Сиб. Огнях» таких интересных для любителей литературы статей, как «Революция и язык» Трунева и М. Алексеева «Английский поэт в сибирской ссылке». Наибольший интерес, конечно, представляет первая статья. Автор, несомненно, знает тему, любит литературу и в этом скрывается ларец успеха настоящего исследования. «Революция и язык» интересна почти для всех без исключения. Об одном из ее достоинств в смысле офор-

мления можно сказать словами автора: «Она повествует о большой и сложной теме **«тем языком, который прост настолько, насколько позволяет содержание».**

Что можно сказать об общем впечатлении, произведенном журналом?

Неоспоримы достижения в умелом подборе материала: Приличные статьи, очерки, рассказы и стихи, критика. Хорошие фотографии, вполне удовлетворительное внешнее оформление—все это говорит за желание редакции вывести журнал на верную дорогу... Можно только приветствовать решение редакции отдать первую свою работу под «огонь» читательской критики.

Но, отмечая ряд улучшений, необходимо сказать несколько слов о недостатках. Снова приходится тянуть старые мотивы. Во-первых, дайте современного человека. Где он? Неужели его нужно искать днем с фонарем, как некогда делал Диоген? Неужели легче напрягать свою фантазию и рисовать перед читателем волшебные перерождения Гривиных и К-о? Почему Абабков почерпнул тему сюжета из пыльных архивов дореволюционной деревни, а не отразил деревню сегодняшнего дня?.. Поэты! Оставьте вашу экзотику, право, она не нужна, дайте современность, дайте близкий нам быт и сибирскую обстановку. Зачем нам нужны голубые торосы, когда кругом кипит жизнь, полная самых разнообразных случайностей. Вглядитесь, продумайте и пишите... Вполне понятно, что очерки не заменят рассказа, а, не считая очерков о современном, настоящим моментом даже и не пахнет. Это первое. Затем необходимо улучшить фоторепортаж. Давайте моменты из «жизни врасплох». Также не плохо было бы иллюстрировать обложку. Желательно возможно частое помещение статей, аналогичных «Революция и язык» и т. д. Можно было бы завести уголок юмора, как в журнале «На литературном посту». Нужны статьи, освещающие настоящий момент, в роде статьи Слонима. Словом, нужно сделать так, чтобы в единственном в Сибири толстом журнале, как в зеркале, отражалась лихорадочная стройка новой Сибири.

Журнал уже имеет своего читателя, в Новосибирской читальне даже устанавливается на него очередь, поэтому особенно нужно взять курс на улучшение.

Совместными усилиями Союза Сибирских Писателей и ред. «Сибирских Огней», а также усилиями читателей, заинтересованных в качестве и «общественной ценности» своего журнала, мы должны постараться, чтобы журнал был безупречен.

III.

Мих. Попов (с. Куйтун, Тулунского окр.)

Рассказы в этом номере мне все нравятся, но больше всего мне понравилась повесть «Жизнь отрока Епиксима»—Ивана Абабкова.

Из повести видно, что автор отлично знает деревню. Нет ни одного неверного выражения, нет того ломания деревенского языка, которое допускают иногда писатели-горожане, силясь художественно отобразить деревню. Кроме того, автор не менее отлично изучил психологию деревенских ребят, поэтому в художественном отношении повесть очень хороша. Некоторые места прямо-таки поражают своей художественностью, красотой. Хотя бы вот сон Симки.

«— Симка, грешнай! Го-го-го-го-о-о!—гогочет дьявол.

Вот из ада несут большую книгу—хартию, в ней записаны все Симкины грехи. Ох, как много грехов! Чорт читает и гогочет:

— В бабки правой рукой играл...

— В страстную субботу ел молосное; украл у мамки крашеное яйцо и с'ел...

— Просвирне язык показывал...

— Не всю епитимью отмолил, наложенную отцом Василием за то, что Симка своему котенку дал имя «Васька»!

— За бурундуками гонялся...

— Язвой ругался!..

— У всенощной службы в церкви дремал!..

— На исповеди один грех утаил. Грех тот—рыжебородого отца Василия мысленно обозвал красным колонком...

И еще много, много Симкиных грехов записано у чертей в книге.

Вдруг над Симкиным ухом закричала мать:

— Не тревожьте его! Мой сирота, мои и бутканцы! Зачем ты, Симка, прошаропучил коров-то? А!? Восподи, восподи, за грехи мои наказал меня тобой, Симка, бог!..»..

Или:

«Жить Симке стало лучше: мамка не бьет, с Прошкой ведет знакомство, и разговоры по-большому разговаривает. В деревне завелся спор насчет паскотины. Нижнекрайские говорят, чтобы поскотину расширить, а верхнекрайские не соглашаются. Больше всех кричит Гаврил:

— Расширить надо!

— Дак как ты думаешь, Прохор, будем расширять поскотину или нет?— спрашивает Прошку Симка.

— Не для чево! По-моему, местов для скота в поскотине хватает...

— И я так же думаю, что не для чево.».

Изумительно верно выведены типы деревенских подростков, и до чего красиво и художественно!..

Если кто скажет, что повесть неровная, что есть слабые места, так, ведь, и у Максима Горького не все ровно. По-моему, у него «Фома Гордеев» очень неровен (вторая часть мне кажется, значительно хуже первой).

В общем повесть очень хорошая!

О стихах. Стихи, по-моему, все приличные, ровные и одинаковые по качеству. Правда, «Лошадь и человек»—В. Заводчикова выделяется новизной оборотов, выражений («Ох, длинное детство людиное»), некоторой виртуозностью, но впечатление от него не больше, чем от других, и проходит так же скоро. Откровенно говоря, из сибирских поэтов я больше других люблю Илью Мухачева, Ивана Ерошина, хотя и с удовольствием читаю Л. Мартынова, но здесь Л. Мартынова и Ерошина нет, а И. Мухачев не особенно ярок. Мне нравятся такие стихи, от которых остается сильное впечатление, которые пахнут цветами и рожью, от которых на душе хорошо и легко, как после прогулки в сосновом лесу.

Интерсно ли читать кино-сценарий?

Очень интересно!

1. Большой горизонт. Над океаном летит трехмоторный металлический самолет. Заходит солнце. Крылья. Облака. Луна.

Я закрываю глаза и ясно представляю величественную картину океана с летящим над ним самолетом, блеск крыльев самолета под лучами заходящего солнца и облака, чуть зазалевшие от солнца.

Прелесть!

Или:

1. Тайга. Упавшая сосна на скале. Осторожно пробирается соболь, его шкурка блестит на солнце.

Или:

78. Артамон Михалыч с семейством собирается к вечерне.

79. Сапог. Рука жирно мажет дегтем.

Замечательно!

Или:

110. Пустая церковь. На подсвечнике, у иконы качается оставленное попом кадило.

Очень хорошо! Сценарий Вивиана Итина читается очень легко и на немногих страницах дает много.

Надо ли помещать в «Сибирских Огнях» фотографии и др. иллюстрации?

Не мешает.

Правдив ли очерк Мих. Никитина «Кадры»?

Я не знаю студенческой жизни, я никогда не учился в ВУЗ'ах, но почему-то кажется, что т. Никитин не обманывает, вероятно, оттого, что очерк написан убедительно и хорошо.

Общее впечатление от № 4 «Сибирских Огней» хорошее.

Для улучшения журнала надо:

1. Не делать журнал сухим, казенным.
2. Расширить отдел критики.
3. Давать отзывы о рукописях, не помещенных в журнале по каким-нибудь причинам, указывая их достоинства и недостатки.

IV.

Ян. Органишак

«Параграфы, пропущенные в книгах» Г. Павлова представляют определенный «исторический» интерес. Кроме того, эти «Параграфы» сделаны живо, подчас галопно, соответственно ритмике идущих боев (на дню по нескольку раз). На фо-

не этом развернута мечущаяся психология комполка Гривина, бывшего офицера,—и Гривин нам виден. Но «кожаной курткой» с наганом, человеком со «стальной» волей—несгибаемым пролетарием дан комбриг «безусый и длинный латыш». Для подогревания интереса введена Ольга Петровна, присутствие которой с большим трудом можно оправдать с точки зрения композиции.

Читать «Параграфы» можно, в них есть живая сила прошедшего.

Но, скажите, зачем эта повесть «Жизнь отрока Епиксима» Ив. Абабкова, повесть с небольшим, но довольно противным названием, никчемным содержанием, идущим вдалеке от волнующих социальных вопросов? Повесть растянута, напичкана стилизаторскими опытами автора, от которых создается вполне безотрадное впечатление.

В резолюции Сибкрайкома ВКП сказано: «Взять решительный курс на отражение в журнале—прежде всего в литературно-художественном отделе—основных моментов социалистического строительства (коллективизация, узловые хозяйственные вопросы, конкретные задачи культурной революции, индустриализация и др.)». Повесть Ив. Абабкова ни в какой мере этим требованиям не отвечает.

Помещенный в четвертом номере «Сценарий» Вивиана Итина безусловно интересен. Кино охватывает у нас все большие и большие массы. По самым глухим углам двигаются кино-передвижки. В рабочих массах имеется довольно подробное представление о кино,—поэтому печатание сценариев не только интересно, но и нужно. Напечатанный отрывок «Каан Кэрэдэ» свободно проходит в воображении, как восстанавливаемая памятью кино-картина.

«Кадры» Мих. Никитина производят впечатление сделанных наспех заметок. Никитин пишет о новых студенческих кадрах. Поэтому он проводит мысли профессора: «... в военные годы сформировалось новое поколение с совершенно особенной психологией». Поэтому фигурируют в «Кадрах» и бывшие студенты—осколки дореволюционных ВУЗ'ов. Поэтому основное внимание уделено вопросам пола, быта. Выводы, в противовес Малашкинским, правильны. Студенчество провинциальных ВУЗ'ов не страдает такой распущенностью, как у Малашкина (то же, конечно, и в отношении центральных). На 123 стр. Никитин пишет: «Практицизм—отличительный признак нового студента. Он не любит разговоров на философские темы. Мне кажется, что это не плохое качество. Русская интеллигенция любила философию, любила разговоры, но не любила дела (мы думаем, что философия есть род литературы. Нельзя сказать, чтобы это был особенно высокий род). Мы находим, что кропотливая работа в лабораториях полезнее проблемы пола. Практицизм дела желателен».

Нас простят за такую цитату, потому что мысли эти действительно «заслуживают» внимания. Разрешим привести еще одну цитату из очень интересной статьи Н. Трунева «Революция и язык».

«До революции не было сколько-нибудь общепринятого научного и философского миросозерцания, а те, какие были, культивировались в кабинетах. Теперь, такое миросозерцание есть и не кабинетное, отвлеченное: оно связано с каждым моментом общественной, политической, хозяйственной жизни».

Мы не находим достаточно согласования этих выдержек. Редакция мнение Никитина никак не оговаривает,—должно быть, соглашается. Трунев глубоко прав. У нас есть сейчас определенное миросозерцание. Оно становится миросозерцанием миллионов –это марксизм. Скажут—так ведь это азбука. Да, азбука, но Никитин пишет: «Хорошо, что студенты не занимаются философией. Больше практицизма—это лучше. Неужели не ясно, что практицизм не только желателен, а обязателен? Неужели не ясно, что марксизм -это философия, что это «высокая теория», что скобочное примечание о философии, как о роде литературы, есть умничанье невысокого порядка? Сеять такое махательское отношение к философии можно ли? Полезно ли? Практично ли? Ставить вопросы о том, что полезнее, проблема пола или кропотливая работа—толково ли? Практично ли? Нужно думать, что из-за отсутствия определенного миросозерцания скорее родится «богоискательство».

Два очерка, посвященные Антону Сорокину—Мих. Никитина «Дикий перец» и М. Басов—«Антон Сорокин»—дают легкими мазками далеко неясное лицо Сорокина. Ценнее всего биографические материалы, приведенные в статье Басова. Мих Никитин в гораздо лучшем очерке, чем «Кадры», не дает Сорокина-писателя, он дает нам маленькие элементы Сорокина-человека. Нас интересует Сорокин-писатель. Но и «подлинное лицо Сорокина» у Басова тоже не лицо писателя. Мы ждем лицо писателя Антона Сорокина, очень ждем.

Читателю, немного понимающему в политике партии в области литературы и искусства, приходится с удивлением разводить руками, видя перед собой статью

в отделе «Литературной самокритики», направленную против отрицания художественной литературы в ее основном. Неужели сейчас **(на 11 году революции), в период культурной революции,** сейчас, когда хорошо высчитано, что энтузиазм, основанный на классовом сознании, был величайшей силой наших побед и продолжает оставаться этой силой (а наша художественная литература и есть этот энтузиазм борьбы и строительства), неужели статья Курса «Кирпичом по скворешне» тоже самокритика?

СТИХИ.

Стихотворная поэма Вл. Заводчикова не представляет особого интереса. В некоторых местах стихи мелодичны. Обнаруживают умелую работу автора по инструментовке следующие строки:

«Метет, мельтешится метель,
Разведчикам путь заметая.
Бьет в бельма безумная беглая бель,
Крутит каруселью крутая».

П. Васильев в «Прииртышских станицах» показывает приятную самостоятельность. Стихи легковаты, с модным поворотом к Есенину.

«Крой, гармони пестры, крой, гармони звонки,
Понравился я ноне хорошенькой девчонке».

Кто езживал по сибирским трактам, тому приходилось испытывать и наплыв воспоминаний о прошлом, тяжелом прошлом борьбы и каторги, тот видел, как ползут, правда, очень редко, но упорно, тракторы, перевозя деревню на новые пути, тому открывались порой в далеких долинах удивительные миражи. Все это выражено в стихах Ив. Молчанова «Тракт». Именно «Братский тракт», ведущий в бывший Братский острог. Молчанов дает новые образы («и ветерок жует солому хороших солнечных лучей) и такое великолепное, но далеко не новое звучание:

«Там плещется шумливо море,
Там пена в острых зубьях скал,
В безбрежном голубом просторе
Волнуется, гремит Байкал»,

в котором мы разрешаем себе видеть преодоление формы.

В «Великом голосе» Сергея Маркова воспевание радио на практическом... примере. Образы пуританские. Это ведь не лирика С. Маркова.

«Северный пробег» П. Петрова—напевные стихи, но не оставляют никакого целостного впечатления.

«На горном пути» И. Мухачева не ново и даже мало мелодично.

И с прозой, и со стихами в четвертом номере не весьма ладно. Надо протрубить писателям о том, что есть в Сибири фабрики и заводы. Надо, чтобы освещение вопросов строительства шло не только в порядке художественном, а и художественно-публицистическом.

Надо увеличить внимание вопросам быта в виде очерков, фельетонов, специальных статей.

Может, редакция соберется как-нибудь дать журналу подходящий внешний вид. Ведь это «Сибирские Огни»!

V.

Н. Плясунов. (Канск)

Журнал «Сибирские Огни», вступив в седьмой год издания, продолжает все улучшаться, все привлекать новых и новых сотрудников.

В настоящее время по своему ценному, разнообразному содержанию он может быть поставлен в ряд со своими столичными собратьями.

Для нас, сибиряков, вольных и невольных, он их дороже, так как освещает жизнь нашего обширного, но еще мало обследованного, мало индустрированного края, не закрывая глаз на социалистическое строительство во всесоюзном масштабе.

В каждом номере журнала «Сибирские Огни» есть что почитать, есть над чем призадуматься, есть про что побеседовать.

Начнем с беллетристики.

Рассказ Г. Павлова «Параграфы, пропущенные в книгах»—знакомит с переживаниями бывшего поручика Гривина, мобилизованного Красной армией. Первоначально Гривин колебался, не мог освоиться с окружающей его обстановкой, был

полон воспоминаний о прежней жизни, о прежнем круге знакомых. Но после уроков комбрига, хотя и суровых, необходимых в такой исключительной по важности обстановке, Гривин, не только по обязанности, а сознательно стал на защиту рабоче-крестьянской власти, трогательно ухаживая за раненым красноармейцем, который сражался с ним рядом в цепи против белых под Уфой. Полк Гривина победил. Гривин оправдал доверие к нему комбрига—и тот из свирепого, по необходимости, начальника превратился в более опытного, дружественного старшего товарища.

Рассказ Г. Павлова—психологический. Психология его вполне выдержана. Рапорт Гривина о добровольном снижении с должности комполка до комбата вполне вытекает из предыдущего. Уважат ли только его просьбу, вопрос другой.

Таких Гривиных, которых Красная армия перевоспитала и сделала полезными сынами социалистического отечества, довольно много. Гривин типичен.

Язык у Г. Павлова вполне литературен. Только в самом удачном § 11 слово **«резанула»** следовало бы заменить **«резнула»**, что было бы лучше.

Повесть И. Абабкова «Жизнь отрока Епиксима» на фоне дореволюционной деревни рисует переживания мальчика Симки, у которого умер отец, мать вышла замуж за другого, а Симка стал батраком дяди Гаврилы. Смышленый, любознательный мальчик, благодаря помощи дачниц, самоуком научился по картинкам читать, потом, когда подрос, скрылся из своей деревни.

Интересная в общем, написанная с знанием быта, повесть испорчена некоторыми неясностями, недоговоренностями в деталях. Читателю долгое время не ясно, что делает Симка, что скрывает от своей матери. Также чувствуется неудовлетворенность читателя неясностью дальнейшей судьбы Симки. Автору надо было еще немного поработать, расширить рамки его произведения, тогда оно было бы много ценнее, тем более, что он назвал его повестью. Щеголяющий своей ученостью недоучка, пьяница, вымогатель пристав особенно удачно схвачен автором и является украшением повести.

«Истоки» В. Я. Шишкова, «старого» сибирского писателя, представляют собой действительно только «истоки» задуманного им, но, очевидно, не оконченного еще большого романа «Угрюм-река». Произведение в «С. О.» разместилось в двух номерах. Оно развертывает перед нами лишь маленький край того огромного полотна, которое в своем целом должно показать, как старое сибирское купечество путем грабежей, насилий, убийств, зверств и обманов составляло себе огромные капиталы; как более молодые представители этого класса, уже приобщенные отчасти к культуре, стремились еще к более грандиозным обогащениям благодаря полученным в школе знаниям. Хотя приемы сынков были по внешности менее грубы, но качественно не уступали, а порою превосходили деяния их отцов. Параллельно с этим затрагивается уголовная и политическая ссылка, чем увеличивается значимость картины.

Роман, если он будет написан, прольет свет на прошлое Сибири и по своей ценности превзойдет уральские романы Мамина-Сибиряка.

И в настоящем виде в произведении много достойного внимания.

Колоритны фигуры Петра Громова, попа, приказчика Ильи Сохатых, Аганеса Агабабыча, Синильги, хотя автор долго на них не останавливался.

Зато с Прохором Громовым у Шишкова не всегда обстоит благополучно. Сон и явь его как-то неясно отграничены. Кроме того, автор слишком долго заставляет его ехать, не выясняя читателям достаточно понятно цели путешествия.

Похоронивши Прохора в сугробах негостеприимного севера, Шишков придал вид законченности произведению. Но в романе ему, вероятно, придется главного героя своего воскресить. К тому ведет весь ход развертывающихся перед нами событий.

Стихотворная повесть Владимира Заводчикова «Лошадь и человек», шевелящая гуманные чувства не только к инвалидам-людям, но и к животным, испорчена ненужной модой ломания строк. А в стихотворении есть мысль, чувствуется дарование поэта, заметно его уменье быть простым. Надо было этим уменьем воспользоваться.

Из мелких стихотворений в этом номере лучшими следует признать: «Северный пробег»—П. Петрова, «На горном пути»—Ильи Мухачева, «Тракт» И. Молчанова. Это крупинки истинной поэзии. Слабее «Прииртышские станицы»—Петра Васильева и «Великий голос»—Сергея Маркова. «Прииртышские станицы» не вполне выдержаны в смысле композиции, хотя частушечный размер поэта—прелесть и может обогатить собой современную песню. Марков на сей раз не сумел облечь в поэтическую форму небезынтересный материал своих наблюдений из жизни севера Сибири и снизился до рифмованной судебной хроники.

«Сценарий» В. Итина, как видно из предисловия, примечаний автора и вопроса редакции к читателям, представляет попытку узнать мнение на этот счет читателей.

Сценарии интерес представляют: они дают пищу воображению. Только их читать, как беллетристику нельзя,—они не так скоро понятны. Некоторые слова в «Каан-Кэрэдэ», как, например, «наплыв»—не понятны. В этих случаях авторы должны итти навстречу читателям, по возможности об'ясняя темные места, специальные выражения или чересчур большие тонкости.

Мих. Никитин в очерке «Кадры» пытается познакомить читателя с жизнью омского студенчества. Как попытку, эту работу следует приветствовать, так как нам небезынтересно знать, в каких условиях живет, как учится наша надежда—молодежь. В очерке, затрагивающем такую серьезную тему, ожидаешь серьезного отношения автора. Между тем, Мих. Никитин, осветивши немного жизнь студенчества, как-то легкомысленно описывает занятия науками: практику с микроскопом называет «неприятным застарелым репьем», микроскоп ломает, не обнаруживши (перед читателем) познаний, оканчивает ВУЗ. Ко всему этому Никитин приплетает какой-то анекдотический случай: с Карской экспедицией институт получает, вместо научного оборудования лаборатории, ящик с беллетристикой. Что наша молодежь учится, и учится серьезно, приобретает надлежащие знания, об этом свидетельствуют одобрительные отзывы с мест, читанные нами в сибирской прессе. Но в очерке «Кадры» этих сведений как раз нет. Желательно, чтобы о студенчестве, и не только омском, высказался кто-либо другой.

Очерки А. Коптелова, об'единенные названием «Горными тропами», знакомят нас с бытом алтайцев, с некоторыми данными научных экспедиций. Это путевые заметки. Из очерков видна тяга этого добордушного, гостеприимного, долго обижаемого царизмом народа к просвещению, к улучшениям своего быта. Очерки автор, видимо, подправил после того, как они были частично напечатаны раньше в «Сов. Сибири». Только напрасно он отрезал конец у очерка, носившего название «В гостях у Аргамая», где колчаковцы отобрали для кавалерии самых лучших коней. Это место весьма характерно.

Н. Галкин, побывавший в 1926 году у чукчей, знакомит нас с безыскусственными «Сказками полярной ночи» и в то же время зарисовывает быт и природу этого сурового уголка земли.

Статья Слонима «Красные строители и «белый грибок», в которой, кстати, пропущен Канский военный городок, больше пытается выставить заслуги перед революцией красных строителей, чем недостатки строительства и борьбу с ними. Таково впечатление. Но в данном вопросе я не специалист и поэтому в подробности не вдаюсь.

Весьма ценную и в то же время спорную работу представляет из себя статья Н. Трунева—«Революция и язык». Автор на большом количестве материала доказывает и об'ясняет изменения, происшедшие в языке с приходом Октября. Они были и раньше, но, благодаря медленности, не так были заметны. Более интенсивный наплыв новых слов стал проявляться уже с империалистической войны. Нельзя вполне согласиться с Труневым, что бороться с порчей языка так-таки невозможно. Хотя он робко признается: «Порча, снижение, как-будто, — факт бесспорный», «но можно — и нужно — принимать участие в этой революции языка, помогая укреплению здоровых новшеств и борясь с уродливостями, насилием над языком, которые неизбежны в период усиленного роста». Как бороться, он не указывает. Редакции газет и журналов, критики эту работу по охране от порчи языка должны взять на себя, как одну из своих невторостепенных обязанностей. У Н. Трунева выводы получились не совсем оптимистическими. Он безнадежно машет руками и говорит: «Идущий на всех парах паровоз не удержишь за веревочку. Бороться с бурными изменениями русской речи, вызванными революцией, бесполезно, да и не нужно». Автор пришел к такому выводу на основании многочисленного цитируемого и указанного в сносках материала. Работа кропотливая, ценная. Но он переворошил не весь материал. У него совсем отсутствуют ценные работы и изыскания по языку проф. Пешковского и проф. Ушакова. Также не видно, чтобы он читал статьи современных критиков с их жалобами на порчу языка. «Язык должен быть прост и ясен настолько, насколько позволяет содержание»,—с этим выводом можно вполне согласиться. Но, чтобы его осуществить на практике, для этого надо предпринять кой-какие меры. В маленькой заметке нельзя успеть высказать всего. Работа Н. Трунева заслуживает внимательного, подробного разбора.

М. Алексеев в статье «Сибирская ссылка и английский поэт» дает историю откликов на русские события писателей и поэтов Запада. Самой ценной частью в ней является перевод Алексеевым с английского уязыка стихотворения поэта Сю·

инберна «Россия». К сожалению, перевод этого большого произведения дан лишь в отрывках.

Проф. М. Азадовский в Иркутском окружном архивном бюро отыскал «Три записки Чернышевского», до того не известных, и делится по поводу их своими догадками и сопоставлениями.

М. Никитин в очерке «Дикий перец» говорит о своих встречах с покойным сибирским писателем Антоном Сорокиным.

Ему же посвящена статья М. Басова, основанная на материалах.

Обе довольно интересны.

Дальше идет небезынтересная литературная самокритика, где, между прочим, узнаешь, что лавры Л. Толстого в отрицании культуры не дают покоя фельетонисту «Сов. Сибири» Курсу, и в его лице покойный нашел в этом своего последователя.

В отделе хроники в этом номере литературная часть выделена особо, что следует признать плюсом.

Отдел «Критики и библиографии» в этом номере представлен бедно.

К большим достижениям журнала следует отнести прекрасные фотографии этого номера. Весьма желательно их видеть и в дальнейшем. Культурно-просветительное значение их огромно. В некоторых случаях иллюстрации могут быть не только хорошим дополнением, а даже коррективом к статьям и очеркам (как, например, 2 фотографии к очерку «Кадры»).

Журнал «Сибирские Огни» своим существованием, внешним видом и содержанием производит отрадное впечатление.

Для дальнейшего улучшения журнала редакции необходимо устранять ненужные бранные слова в произведениях начинающих беллетристов и советовать им в тексте от своего имени выражаться литературным языком, что послужит благотворным примером для других.

В отделе «Критика и библиография» желательно видеть обзоры выходящих в центре журналов.

VI.

А. Федоровский (с. Еловка, Красноярского окр.)

Хотя я и не могу числиться читателем журнала, так как его не выписываю (денег нет), но решил ответить на ваше обращение, так как журнал меня заинтересовал.

Итак по порядку:

1. **«Параграфы, пропущенные в книгах».** Так как этих книг не читал, то в общем в голове остался сумбур, и личность Гривина, как комполка, в моем мозгу не укладывается. Такого типа я представляю себе в концлагере, флиртующим с крестьянками и способным дойти до крайних форм «опрощенства»; представляю я его в тюрьме, ворожащего на пальцах: убьют или десять лет дадут (правда, тогда двадцать давали); представляю я его в белой армии, гордого чинушу-штабного, храброго в тылу, трусливого на фронте и жалкого в минуты серьезной личной опасности. Но в Красной армии я его не представляю, равно как и сестру милосердия. Был я и в Красной и белой армии, и у меня в голове Гривин, как комполка Красной армии, не укладывается. Во всяком случае редакции надо было дать маленькое примечание, к каким книгам относятся эти параграфы, а то получился отрывок неведомо из чего и для чего. Мы—деревенские читатели—интересуемся или от корня до вершины, или совсем не читаем.

2. **«Жизнь отрока Епиксима».** Очень красивый рассказ, имеющий оттенок действительности, но почему-то, сколько я книг не читал, у меня всегда оставалось впечатление надуманности и нарочитой условности. Может от того, что, проработав 6 лет безвыездно в деревне, я утратил способность отмечать те особенности жизни и языка, которые резко бросаются в глаза свежему человеку, но факт налицо: большинство книжек для деревни не понятны крестьянам, и они считают, что это пишется о каких-то дальних, но «не наших» деревнях.

К достоинствам рассказа отношу: занимательность рассказа (т.-е. то, что во время чтения не уснешь, а хочется дочитать до конца) и отсутствие до некоторой степени предвзятости. Автор не упирает на темные стороны деревенской жизни, не указывает отрицательных сторон деревни только с целью подчеркнуть их и к ним прицепить события, что сейчас делается во всех книгах для деревни. Наоборот, на фоне событий перед читателем встает во весь рост деревня с ее темнотой, жадностью, забитостью и суеверием. Вывод и указания для работы вытекают сами у читателя, а не навязаны ему автором.

3. Стихотворений я вообще терпеть не могу и судить о них поэтому не имею права. Во всяком случае считаю понятной и прочувствованной работу (хотя и экспромптом, быть может) «На горном пути». Все остальное для меня—человека старого поколения (мне исполнилось 30 лет)—неудобоваримо и малопонятно. Погоня за новыми формами и сочетаниями слов, но форма давит содержание. А впрочем,—не мечите бисера... Некоторым учительницам из породы чувствительных нравится все.

4. Не зная начала, трудно судить обо всем целом. В «Истоках» выдержан стиль, колорит сибирской природы (которую я немного знаю), весьма возможно—этнографический. Многое, по-моему, заимствовано из Джека Лондона, хотя герои под русский колорит—немножко мягкотелы. Только мистицизм, любовь красавицы смерти—Синильги не подстать современному читателю. Мы—тысячи разбросанных и заброшенных работников села, старые и новые,—мы строим новую жизнь, мы видим, как она изменяется и растет, благодаря даже нашим микроскопическим усилиям, но наш злейший враг—мистицизм. Мы—старое поколение (беспартийное)—в массе пережили его в период 1917—1922 г. и сейчас нам к нему возвращаться нет смысла. Мы—неврастеники, но не нытики, а строители. У автора хороший язык, интересное содержание, но если все будет проникнуто мистикой, то пускай пишет для эмигрантов, а мы, бывшие поповичи, офицеры, интеллигенты и т. д., волей или неволей попавшие в деревню и работающие без перерыва несколько лет,—мы себя осознали, почувствовали свою ответственность и отдались радости творчества новой, здоровой, разумной жизни, а мистика—это признак отсталости и упадочности. Это мнение не только мое, но и до некоторой степени учительской массы, которую я довольно хорошо знаю.

5. Сценариев я не понимаю и предпочитаю их не читать. Отзыв дать могу только—не печатайте, терпеть их не могу.

6. Замечательно хорошая вещь «Кадры». Не формой, которая слишком фельетонна и для деревенского читателя малоусвояема, но содержанием. Что вузовцы, что учителя—общие темы одинаковы.

С самого начала у автора хвост из несданных зачетов, а у меня—из докладов и отчетов: 8 педагогических, 2 повышения квалификации и 11 общественно-кооперативной работы. Все вопросы, затронутые автором, бьют меня, как учителя, что называется в точку. Поэтому я хочу остановиться подробнее.

Есть и у нас такие типы, как «Желтая опасность» и среди учителей-самоучек, берущих штурмом программы ГУС'а, и среди крестьян—из моей деревни есть один в институте красной профессуры. Все дело в энергии, настойчивости и силе. Люблю таких людей и люблю читать о них, о Мартин Иденах (Дж. Лондона), о «Счастливцах» (У. Дж. Локка) и т. д. Они мне повторяют самого в идеализированной форме. Характерно выражение—громкоговоритель, как синоним типа промежуточного, нечто в роде старого «parvenu». Их у нас, к сожалению, гораздо больше, чем Мартин Иденов, расхлябанность мешает.

Есть у нас типы в роде Могикана, которые все стараются согласовать несогласуемое. Только у нас они стараются уложиться в те или иные рамки, спастись расписанием, только чтобы быть исполнителями, а не творцами. Но и у нас их уже мало. Многие, как и он (Могикан), были у белых, красных и т. д., долго не могли взять верный тон, многие ушли, но те, которые остались, уже не похожи на себя. Есть отдельные типы, которые, как Могикан, зубрят зачеты, пишут очковтирательные доклады. Но их мало.

Так же, как и среди вузовцев, есть поклонники интимных настроений. Пудрятся, мажутся, завиваются, восхищаются поэзией от Жуковского до декаданса, но их мало. Мужчины спиваются и опрощаются, женщины выходят замуж и становятся типичными «бабами», но массе они чужды, хотя иной раз болтологи они недурные.

Еще хуже, чем у вузовцев, дело обстоит у нас насчет «любви» и «семейной жизни». Нет яслей и детсадов. Нанять няньку—причислят в кулаки. Без няньки—прощай общественная работа.

Есть у нас расслоение на старых и новых. Мы—старые, пришедшие путем тяжких испытаний и колебаний к определению своих позиций и платформ—недоумеваем: идет нам на смену молодежь, советская молодежь, но какая-то она расчетливая, скупая и в массе своей склонная к мещанству (варенье, занавески, пудра, одеколон и т. д.). На общественную работу, на пожертвования откликаются туго, а среди них много комсомольцев. Есть исключения. Много их, а все-таки недоумеваешь. Может, это оттого, что мы—старые—окончательно поняли, что советская власть и мы—это нечто неделимое. Мы вытащили школы из разрухи, мы

чувствуем биение новой жизни в деревне и мы отдаем все, что возможно, на культработу в деревне и повышение своего образования (до 40 проц. зарплаты—пожертвования, взносы, литература). В нас еще не остыл энтузиазм, а они выросли в новом и считают его, как нечто должное, а не то, что надо отвоевать.

Об этом упомянуто вскользь. Но, я думаю, что вопрос энергичности и энтузиазма новых кадров не мешало бы изучить.

Во всяком случае статья мне понравилась тем, что она отражает действительность и заставляет задуматься над жизнью вузовцев, которым приходится добиваться знаний, как «верблюду через игольное ушко».

7. Хороший и правдивый очерк «Горными тропами». Типы, выведенные в очерке, встречаются чуть не в каждой деревне. Нравится мне потому, что коротко, но метко и правдиво очерчены типы, верно схвачен язык, и, когда читаешь, чувствуешь живых людей в родной для них обстановке. Изредка только автор нарушает свой простой деловой язык, понятный всем и каждому, литературными выражениями: «Седые бороды лишайника висели на мохнатых ветках кедрача» и т. д.

Вот язык Николая Ефимовича выдержан хорошо, а продуманные литературные обороты, помещенные, по-моему, только для того, чтобы не отстать от «людей», портят настроение. Или то, или другое.

8. «Сказки полярной ночи» хороши по своей безыскусственности и простоте. Они для меня, как краеведа, чрезвычайно важны, научив меня, как нужно передавать и собирать краеведческий материал.

9. «Красные строители «белый грибок» по содержанию и языку вещь очень хорошая. Желательно издание этой статьи, только, конечно, более подробное, отдельной книжкой для деревни и города. Фактической стороны я не знаю.

10. Самая хорошая вещь в журнале—это «Революция и язык». В процессе работы, видя, как туго продвигается строительство новой жизни, иной раз устанешь и расхлябаешься. Думаешь, что топчешься на месте. Но стоит подвести итог и сразу видишь, что мы растем, растем неудержимо, невероятно.

Статья мне и моим товарищам очень понравилась, и мы провели анализ своих чисто просвещенских слов.

11. Что мне еще понравилось в журнале, так это статья о Сорокине. Я сам бродяга-самоучка и много их знаю по деревням. Жаль, безумно жаль, что мы еще настолько бедны, что не можем всех действительных и предполагаемых самородков поставить в льготные условия. Мнительность, болезненное самолюбие, самомнение и чудачество остаются их характерными чертами, как и озлобленность, до настоящего времени.

В общем и целом журнал очень интересен и нужен, но цена на него довольно высока. Кроме того, нет у нас ставки на определенного читателя*).

ОТ РЕДАКЦИИ.

Продолжайте критиковать наш журнал.

Вы можете выбирать тему для критики по своему усмотрению.

Пишите о настоящем номере журнала, об отдельных его произведениях, о «Сибирских Огнях» в целом.

Какой поэт, писатель, печатавшийся в «Сибирских Огнях», вам кажется ближе, интереснее других?

Что вы ждете от современных писателей и поэтов?

Что вы думаете о той мерке, с какой подходят к литературе литераторы из группы «Настоящее»?

Условия конкурса остаются прежние.

---

*) Выводы остальных, не напечатанных, отзывов приблизительно те же. Большинство читателей считают, что журнал улучшается. Только А. Митюков (Новосибирск) находит, «что общее субъективное впечатление от 4-го номера «Сиб. Огней» значительно слабее, чем от первых выпусков журнала за текущий год. Оставляя в стороне вопрос об «идеологической выдержанности», приходится констатировать, что такие вещи, как «Глухомань» или «Иностранцы» воздействуют на психику рядового беспартийного читателя в значительно большей степени, нежели «Параграфы, пропущенные в книгах» или «Жизнь отрока Епиксима».

Повесть тов. Ababкова и статья. Н. Трунева «Революция и язык» вызвали наибольшее количество положительных отзывов. Интересно отметить почти всеобщее одобрение первого опыта редакции с печатанием кино-сценариев. Все читатели приветствуют также помещение иллюстраций, указывая, что рутина внешнего оформления «толстых» журналов должна быть решительно преодолена.

КУЛЬТФРОНТ

СИБИРСКОЕ КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

С сентября приступил к работе научно-краеведческий сектор Сибкрайиздата, созданный, после соглашения правления о-ва изучения произв. сил Сибири с Сибкрайиздатом, для планового обслуживания массового краеведения.

Все программы, инструкции и другие первоочередные работы будут выпущены в течение этой зимы.

В первую очередь будет издана серия программ-инструкций по изучению Сибири: по геологии и орографии, по изучению и сбору минералов; по изучению климата; по изучению почв; по изучению вод, озер и водной фауны; по ботанике; по изучению млекопитающих, птиц, насекомых; по фенологии; по изучению местных форм хозяйства и хозяйственного быта; по изучению охоты и рыбных промыслов; по изучению народного искусства; по изучению местной истории; по археологии; по охране памятников природы. Всего в серии 15 программ-инструкций (от 1 до 1½ печ. листов каждая).

Кроме того, будет издан особый программно-инструкционный сборник для сельских краеведов и просвещенцев на тему: «Хозяйство и быт района» (6 печ. л.). Нужда в этом пособии остро чувствуется на местах.

Чтобы сделать работу по изучению района совершенно наглядной и показательной, решено выпустить, одно примерное описание района, наиболее типичного для Сибкрая. Подбор предлагаемого с мест материала ведется в обществе изучения Сибири и ее производительных сил.

Методический и справочно-инструкционный характер носит принятый к изданию: «Сибирский экскурсионный сборник»—8 печатных листов (в нем будет дано описание важнейших маршрутов по Сибкраю и необходимые указания для экскурсантов). Кроме того, готовится сборник «В помощь сибирскому краеведу» (7 печ. листов). В него войдет: обозрение краеведческой сети Сибкрая, методические памятки по краеведению сибирскому педагогу и политпросветчику, список важнейших библиографических пособий по сибиреведению, библиография краеведческих программ-инструкций и необходимые сведения для организации краеведческих ячеек на местах.

Кроме этой методической литературы, в издательство сектора включен выпуск ряда работ: сборник, посвященный известному историку—сибиряку А. П. Щапову, сборник «Археологические исследования в Сибири за 1917-27 год», I том «Трудов о-ва изучения Сибири и ее производительных сил», работа проф. Вейнберга и проф. Дудецкого «Климат Сибири».

Во вторую очередь предположено издать сборник «Музея Сибирского края», обзор развития и современного состояния музейного дела в Сибири, а также краткие описания отдельных музеев.

ИНСТИТУТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

Ориентировочно, намечается осенью 1929 года открыть в Новосибирске институт народного хозяйства. В первое пятилетие будет работать экономический факультет, а затем будет развернут и промышленно-экономический. При Сибкрайисполкоме образован организационный комитет по созданию института. В комитет включены представители заинтересованных ведомств, общества изучения Сибири и сибирских ВУЗ'ов. Председатель комитета—тов. Эйхе.

В отличие от других ВУЗ'ов Сибирского края, институт народного хозяйства своей основной целью ставит подготовку, по преимуществу, организаторов хозяйства. Учебные планы строятся таким образом, чтобы основные социально-экономические дисциплины были соединены с техническими науками. Солидное место отведено конкретной экономике. Вопросы коллективизации хозяйства—основной стержень всего учебного материала.

Создать такой ВУЗ—дело очень сложное. Потребуется привлечь не только все научные силы Сибирского края, но и широкую советскую общественность. Только при наличии широкой общественной поддержки институт может быть открыт осенью 1929 года.

ИНСТИТУТ КРАЕВЕДЕНИЯ.

По инициативе Общества изучения Сибири и ее производительных сил, был поставлен вопрос о необходимости открытия в Новосибирске научно-исследовательского института краеведения. Комиссия, специально избранная О-вом изучения Сибири, определила структуру этого института в виде следующих секций: культурно-исторической, естественно-исторической, библиотечно-библиографической, музейной и секции экономической географии. Основная цель института—научно-исследовательская работа по краеведению в широком смысле, подготовка новых кадров краеведных работников. Эта интересная мысль общества изучения Сибири была поддержана Сибкрайоно.

В Наркомпрос было направлено специальное ходатайство об открытии института краеведения в Новосибирске с осени текущего года. Однако, в центре к этому вопросу хотя и отнеслись положительно, но, нашли целесообразным открыть этот институт лишь одновременно с организацией института народного хозяйства.

Но 1929 год, когда институт народного хозяйства будет открыт, теперь уже не так далеко. О-во предполагает начать уже сейчас подготовку к организации института краеведения.

РАБОТА ПО УЧЕТУ И ОХРАНЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В СИБИРИ.

При содействии общества изучения Сибири, Сибирский краевой отдел народного образования приступил этим летом к организации работы по учету и охране археологических памятников. Временно, впредь до создания на местах окружных комиссий по охране, — текущую работу в округах Сибкрайоно передало местным краеведческим организациям. Работа была поставлена не по всему краю, а только в Иркутске, Канске, Минусинске, Ачинске, Томске, Бийске, Барабинске и Омске. В качестве опыта, краеведческим организациям этих городов было рекомендовано, начать в первую очередь, сплошное обследование ближайших окрестностей и наладить систематический учет и охрану всех археологических памятников, находящихся вблизи города, в радиусе 25—50 километров. Техника учета — карточная, единая для всего края.

Если опыт этого лета будет удачен, Крайоно предполагает в 1929 г. поставить работу значительно шире.

В работе по учету и охране археологических памятников большая активность проявлена Ачинским музеем в лице т. Чернявского. Взято на учет и ныне переносится на карточки свыше 500 памятников. Значительная работа была проделана также в Красноярске работником музея Приенисейского края т. Карцевым. Минусинский музей привлек к работе музея сотрудника Московского научно-исследовательского института С. В Киселева. В Омске работа проводилась т. Левашевой (музей), в Бийске—т Сергеевым (музей). Сведения из Иркутска от ВСОРГО, из Томска, из Барабинска и Канска еще не получены.

ВАРНИТСО В СИБИРИ.

Варнитсо—это всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству. В Сибири почин в деле создания такой организации взяли на себя научные работники Новосибирска и Иркутска, образовавшие инициативные группы. Теперь организовано Сибирское бюро общества. Намечено открыть отделения в Омске и Томске, где уже работают инициативные группы. Установлена связь с Анжеркой и Кузнецким бассейном.

Цели сибирской организации Варнитсо:

— помочь подготовке новых кадров научных работников и специалистов из рабочих и крестьян,

— содействовать строительству крупных совхозов и созданию тяжелой индустрии в Сибири,

— организовать популярные лекции для рабочих, освещающие для них последние достижения науки,

— вести научную и исследовательскую работу в соответствии с насущными нуждами социалистического строительства,

— и, наконец, работать среди интеллигенции на помощь социалистическому строительству.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИБИРСКОГО БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ.

— Сибирское бюро краеведения наметило создать во всех окружных городах местные бюро краеведения. Эти бюро должны быть связаны с местными краеведческими организациями. Например, Иркутское бюро краеведения состоит при местном бюро общества изучения Сибири, но опирается, главным образом, на ВСОРГО.

— Сибирское бюро краеведения уже разработало схему краеведческой организации в районе и план изучения сельского района. Фактически изучение районов уже проводится. В краевое бюро поступило примерное описание Маслянинского района, Новосибирского округа, составленное местными краеведами. Представитель Кауракской сельской школы и некоторые другие краеведы этого района сделали доклады в Сибирском бюро.

— Издание краеведно-методической литературы также происходит при активном участии Сибирского краевого бюро краеведения, через научно-краеведческий сектор Сибкрайиздата.

Для рассылки на места разработан рекомендательный список программно-мето-

дической литературы по краеведению. Разработанный обществом изучения Сибири план мероприятий по массовой краеведческой работе опубликован в № 5 бюллетеня «Сибиреведение» за 1928 год.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА В НОВОСИБИРСКЕ.

Начаты работы по пополнению библиотеки О-ва изучения Сибири. Получены значительные транспорты книг от Академии Наук, из распределителя Главнауки и из запасного фонда библиотеки Исторического музея в Москве. Уже прибыло и находится в ящиках свыше 10 тысяч томов. Есть возможность получить еще значительное количество книг и заложить фундаментальную основу для научной библиотеки. Но беда в том, что пока у библиотеки нет помещения. Библиотека ютится в зале музея, ящики с книгами лежат в подвалах.

До сих пор научная работа в Новосибирске крайне затруднена отсутствием хорошей научной библиотеки. На 150 тысяч жителей в городе только 70-80 тысяч книг в шести библиотеках (к тому же не имеющих, в большинстве, научной литературы). Единственная научная библиотека принадлежит обществу изучения Сибири. В ней лишь 5500 томов. Есть, правда, еще несколько ведомственных библиотек, из которых самая крупная библиотека Крайплана (8.000 книг).

Готовясь к открытию ВУЗ'а, развивая и об'единяя научно-исследовательскую работу в крае, Новосибирск безотлагательно должен развернуть научную библиотеку.

МУЗЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ.

В Красноярске достраивается здание музея, разрушенное пожаром в 1920 году. Поздней осенью предположено закончить полную отделку нижнего этажа, а зимою приступить к переводу музея из старого тесного здания б. торговых рядов. Переход музея в новое помещение позволит ему развернуть почти целиком свои богатейшие коллекции, насчитывающие более 120 тысяч предметов.

«ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ВЕНЕРА» В СИБИРИ.

Этим летом, при раскопках палеолитической стоянки в с. Мальта, по р. Белой, в 81 клм. от Иркутска, сотрудник Иркутского музея М. М. Герасимов нашел статуэтку обнаженной женщины, сделанную из мамонтовой кости. Такая, находка встречается в Сибири в первый раз и во всем Сов. Союзе в шестой.

Резные изображения обнаженных женщин, сделанных из кости и встречаемые на палеолитических стоянках Европы,—принято называть „Палеолитическими Венерами".

Эти изображения относят обычно к Ориньякской эпохе. Наиболее известна статуэтка, найденная в Виллендорфе (Австрия), представляющая толстую женщину с большими грудями, отвислым животом, толстыми ляжками и бедрами. Затем—известна статуэтка из Брассампуи (Франция), в Ментоне (Италия) и др.

У нас, в СССР, известны 5 статуэток—две из Костеньковской стоянки Воронежской губернии (об одной из них, прекрасно сохранившейся, недавно опубликовала сведения П. П Ефименко) и 3 статуэтки найдено в Тамбовской стоянке.

Найденная этим летом в Мальте статуэтка хорошо сохранилась. Она представляет большой научный интерес. Древний художник не оставил лицо женщины без разработки, как это наблюдается на европейских статуэтках. У «Сибирской Венеры» намечены глаза и нос.

Подробности о находке еще неизвестны. Повидимому, Мальтинская стоянка является более древней, чем до сих пор известные палеолитические стоянки Сибири; повидимому, она древнее и Афонтовой горы, поскольку на новой стоянке обнаружены кости шерстистого носорога, неизвестные в енисейских стоянках.

ПОСОБИЯ ДЛЯ БУРЯТСКИХ ШКОЛ.

Ученый Комитет Б.-М. АССР издал на бурятском языке географию Иванова, часть I, для бурятских школ.

Приступлено к изданию на монгольском узыке четырех книг «Школа и Труд», разработанных студентами Бурпедтехникума. Первая книга в ближайшее время выйдет из печати.

Кроме того, закончен перевод на монгольский язык некоторых книг по сельскому хозяйству.

ЛЕНИН НА БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ.

Президиум ВЦИК'а распределил средства, отпущенные для автономных республик на издание сочинений Ленина и литературы по ленинизму на национальных языках. Для Бурятии ВЦИК отпустил 7 тысяч рублей на издание литературы на бурятском языке.

ПЕСНИ И МУЗЫКА БУРЯТИИ.

Государственная музыкально-инструктивная передвижка, работающая в Бурятии по заданию «Центрального дома искусства в деревне» при Главполитпросвете, закончила свою поездку по Читинскому округу и Бурятии.

Под руководством т. Сальмонта, передвижка пробыла в поездке 48 дней. На лошадях сделано свыше 800 километров. Передвижка посетила 30 населенных пунктов, проехала Хоринский аймак, села Унытэй Курба, Кульское, Эгетуйское и Еравнинский аймак. На севере музыкаль-

ная передвижка достигла р. Витима, посетив с. Телембу—самый дальний восточный угол Бурятии. Имея целью собирательную работу, музпередвижка попутно сделала 36 концертных выступлений. Выступления передвижки посетили 3000 крестьян, хотя ее поездка совпала с временем горячих полевых работ.

За полтора месяца работы собрано и записано 1426 строк русских песен (главным образом, частушек) и 792 строки бурятских песен. Записано 12 русских и 77 бурятских новых мелодий.

Музпередвижка привезла с собой большую коллекцию предметов дацанского культа и завязала связь с 20 населенными пунктами.

Наркомпрос, совместно с Ученым Комитетом Б.-М. АССР, приступил к изданию на русском языке большого труда т. Сальмонта, в котором публикуется до 500 бурятских, семейских и других народностей песен. Будет издан научный труд по исследованию музыки и театра Бурятии.

ФОЛЬКЛОР ОЛЕННЫХ ТУНГУСОВ.

Автор «Тунгусско-русского словаря» Е. И. Титов закончил книгу материалов по художественному творчеству оленных тунгусов. Рукопись представлена в Отделение Исторических наук Академии Наук СССР.

Минувшим летом Титов работал над изучением языка и фольклора туземцев Северной Манчжурии (солон и даур). Близ Хайлара им открыта богатейшая стоянка новокаменного века. Отчет опубликован в журнале «Вестник Манчжурии» (№ 7, 1928 г., Харбин).

СОРОКАЛЕТИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЫ П. С. МИХНО.

Петр Саввич Михно—краевед-исследователь ю.-зап. Забайкалья и сев. Монголии—один из организаторов Троицкосавско-Кяхтинского Музея, открытого в 1891 году и Троицкосавско-Кяхтинского отделения Русск. Географического О-ва, основанного в 1894 г. С 1922 г. Михно состоит директором этого музея. Работая в области ботаники, геологии, минералогии, зоологии, палеонтологии и археологии, он в своих многочисленных экспедициях и экскурсиях собрал и передал в музей весьма ценные и многочисленные коллекции. На основании их специалистами было установлено несколько новых видов растений и животных.

Юбилей отмечается рядом приветствий прежде всего научно-общественными организациями Бурят-Монгольской республики.

РЕДКИЙ ЮБИЛЕЙ.

Исполнилось 45-ти летие врачебной и общественной деятельности старейшего в Сибири врача водного транспорта Н. В. Афонского. Работа д-ра Афонского протекала главным образом, на тобольском севере, порою в очень суровых условиях, особенно при борьбе с эпидемиями среди остяков.

С 1922 года Афонский бессменно руководит амбулаторией водников в Омске, пользуясь исключительной популярностью, как чрезвычайно внимательный и бескорыстный врач.

Пять лет назад, по инициативе коммунистической фракции водников, ему пожаловано звание героя труда.

В нынешнем праздновании 45-ти летнего юбилея принимают участие самые широкие круги омской общественности.

СРЕДИ СИБИРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

За лето 1928 г. часть сибирских писателей об'ездила Сибирь, собирая материалы, часть посвятила свободное время творческой работе.

М. Никитин вернулся из Туханского края, об'ехав с кино-передвижкой тунгусские стойбища. П. Стрижков находится на прииске «Незаметный» на Алдане. Выбраться оттуда в настоящее время невозможно, и Стрижков остался там на работе до весны.

Л. Мартынов в переселенческих районах изучает быт новоселов.

К. Урманов только что вернулся из об'езда совхозов и разрабатывает привезенные материалы.

Иван Абабков закончил две повести из жизни контрабандистов «Люди, не знающие границ» и «Динка».

Н. Анов закончил повесть «Азия» из жизни Семиречья.

Гл. Пушкарев заканчивает повесть «Под кожухом», рисующую развал кержацкой деревни на Алтае под влиянием Октябрьской революции.

Над детскими книжками работают—Б. Благодатный — «Будущая Сибирь», Ф. Техменев – «На Байкале» и Гл. Пушкарев «В стране гор и озер—Алтай» (закончена).

В. Итин пишет повесть «Чистый ветер» и получил предложение от « Киносибири» на сценарий о полярном севере.

В Госиздате (Москва) сдана новая книжка Г. Вяткина «Приключения китайского болванчика». Книга написана на тему из сибирской жизни для детей школьного возраста. Книжка печатается в количестве 20.000 экз.

А. Шугаев работает над пьесой из быта современной деревни. В центре пьесы—вопрос о коллективизации сельского хозяйства.

Ник. Дубняк (Н. Кудрявцев) написал большой рассказ на тему о культурной революции.

Правление союза предполагает выпустить 2-3 номера предс'ездовской газеты. В ней будут подвергнуты предварительному обсуждению основные вопросы повестки с'езда.

---

30 сентября правление союза устраивало в Новосибирске вечер, посвященный памяти Л. Н. Толстого. После докладов Г. Вяткина и И. Воробьева был дан концерт из произведений Бетховена. Весь чистый сбор от этого вечера поступил на создание литературно-издательского фонда союза.

Такие же вечера проводились бесплатно и в рабочих клубах.

Иркутское отделение ССП 22 сентября возобновило, после летнего перерыва, свою обычную работу. 30 сентября на собрании литгруппы обсуждалось «Обращение правления» (опубликованное в «Сов. Сибири» 23 июня с. г. № 144). В прениях принимали участие: И. Гольдберг, Б. Жеребцов, Усов и др.

После прений собрание **единогласно постановило присоединиться к «Обращению правления ССП».** Далее собранием решено предложить правлению разработать конкретный план организационных мероприятий, вытекающих из изложенных в «Обращении» принципов, разослав этот план из места.

Омское отделение нормальную работу возобновило 18 августа. В виду отъезда из Омска уполномоченного ССП т. Никитина новым уполномоченным избран т. Минин.

Омская группа в настоящее время насчитывает не больше 8-10 человек. Собрания литгруппы решено созывать не реже одного раза в месяц. В предстоящей работе предположено большое внимание уделять молодежи.

Барнаульским отделением «Обращение Правления ССП» обсуждалось 9 сентября. В виду того, что с «Обращением» члены литгруппы познакомились раньше, было решено прений не открывать, а сразу присоединиться к мнению правления, зафиксировав свое согласие в анкетах.

На этом же собрании т. Тихоновым была сделана информация о решении правления реорганизовать Барнаульскую группу, заменив уполномоченного союза т. Егорова—т. Сенч, А. А.

В заключение представитель редакции газеты «Красный Алтай» сообщил, что в ближайшем времени газета будет выпускать «Литературную страницу» и просил членов группы давать материал. Помимо этого, при редакции организуется кружок литературно-марксистской критики.

При правлении ССП недавно организовалась и приступила к работе кино-секция. В бюро секции вошли: В. Итин, Г. Пушкарев и А. Гиршликович. В члены секции могут вступать и не члены ССП.

Новой организации ССП уже дан «Киносибирью» заказ на сценарий «10 лет советской власти в Сибири».

По плану—перерегистрация членов ССП должна была закончиться к 15 сентября. Вскоре после рассылки инструкций и анкет, в правление начали поступать с мест заявления с просьбой продлить срок перерегистрации до 1 октября, на что правление согласилось.

Несмотря, однако, на отсрочку, эта важнейшая работа на местах проходит чрезвычайно вяло. До 15 октября анкеты и протоколы прислали только 5 отделений ССП: Иркутское, Омское, Бийское, Барнаульское и Каменское. Остальные отделения (Томское, Красноярское, Семипалатинское, Ойратское, Верхнеудинское, Щегловское, Усть-Каменогорское, Якутское), не только не прислали анкет, но даже не уведомляют, как у них проходит работа.

Такое положение правление считает ненормальным и в последнем своем письме предложило отделениям ускорить работу по перерегистрации.

---

6 сентября с. г. И. Ерошин подал в правление ССП заявление, в котором, осуждая правление за его согласие с известной резолюцией Крайкома ВКП (б) «О «Сибирских Огнях», выраженном в «Обращении правления ко всем писателям, работающим в Сибири», он высказал недоверие правлению и в знак протеста просил исключить его из членов ССП.

Этот вопрос обсуждался правлением 25 сентября. Правление решило, что своим знявлением Ерошин доказал органическую неспособность понять и принять кажущийся ему новым курс работы правления, на деле целиком вытекающий из правильно понятой и действительно проводимой в жизнь платформы ССП.

Правление отдавало и отдает себе полный отчет в том, что этот «новый» курс не понравится и не сыщет себе доверия у таких—к счастью немногочисленных—членов союза, как Ерошин, которые платформу ССП приняли лишь формально, на словах, а практически занимались протаскиванием на страницы рабочей печати произведений с антисоветским, обывательско-мещанским содержанием, стихов с религиозными образами и националистически-шовинистическими аргументами и т. п.

Правление считает, что И. Ерошин принадлежит именно к этим примазавшимся к ССП людям, и вопрос о выходе из союза поднят им своевременно. Поэтому правление постановило:

«1. Исключить И. Е. Ерошина из рядов членов союза, как человека, по своим взглядам не подходящего к ССП.

2. Данное постановление опубликовать в печати».

На этом же заседании был поднят вопрос о третьем члене секретариата правления ССП. Принимая во внимание, что В. Я. Зазубрин уехал в Москву и прямой союзной работы вести не может—правление решило третьим членом секретариата выбрать т. Пушкарева.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИБ. СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ.

Правление союза писателей выпустило 7 книжек сибирских писателей и поэтов. Изданы рассказы: **Н. Анов**—«Ядовитое жало», **А. Даврин**—«За кругом», **С. Марков**—«Голубая ящерица», **П. Стрижков** — «Золотая долина»; стихи: **Г. Доронин** — «Земля подшефная», **П. Петров**—«Партизаны» и сборник «Вьюжные дни».

Низкая цена и опрятная внешность помогли всем изданиям быстро разойтись. На поступающие новые требования приходится отвечать отказом. У издательства нет совершенно средств, и оно не может выпустить тех книг, которые уже приняты к изданию и часть работы по которым уже выполнена.

ДЕТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС.

Редакцией сибирского детского журнала «Товарищ» был об'явлен конкурс среди детей на лучший рассказ, стихи и статью. На конкурс поступило 139 произведений. Премировано 13.

Авторы—ребята в возрасте от 10 до 15 лет. Все премированные вещи помещены в журнале.

В сентябре редакция об'явила новый конкурс на лучшего читателя, в целях изучения читательских интересов ребят.

СРЕДИ ЯКУТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Якутские писатели, пишущие на якутском и русском языках, решили приступить к изданию собственного журнала. Предполагаемое название журнала «Северное Сияние». Решено начать подготовку к организации изд-ва под тем же названием.

Состоявшееся по этому поводу собрание якутских писателей отметило успехи советского строительства в великих просторах крайнего севера СССР: политическое, экономическое и национальное раскрепощение туземного населения от жесточайшей эксплоатации русской туземной буржуазии, последнее техническое завоевание севера в области связи (радиоустановки и аэролинии). Имея в виду растущее экономическое значение крайнего севера, собрание писателей нашло своевременным и целесообразным поднять вопрос об об'единении громадных, но разрозненных и малоизвестных работ по изучению северных окраин, посредством организации журнала и издательства книг, специально посвященных северу, его нуждам, его народам и их быту.

Перед ЯЦИК'ом возбуждено ходатайство о поддержке этого начинания. Собрание поручило оргкомиссии просить ЯЦИК привлечь к разрешению этих вопросов сибирские и московские организаци.

У СИБИРСКИХ ХУДОЖНИКОВ.

Художники, члены общества «Новая Сибирь», усиленно готовятся ко второй всесибирской художественной выставке.

Начнем с томичей. Худ. И. Тютиков заканчивает большое полотно (масло) «Кандальники» и композиционный портрет «Ветеран Октября»; Н. Корин выставит большое полотно (масло)—«Газета в деревне»; В. Мизеров закончил серию полотен (темпера) из горняцкой жизни: «В забое», «На силосе», «В ночную смену»; «Весна на эстокаде» и «На сортировке кокса»; И. Беляев пишет картину (масло) на тему из эпохи аграрных беспорядков—«1905 год», он же готовит серию этюдов—«Мотивы сельской жизни».

В. Уфимцев (Омск) готовит работы из жизни Средней Азии и зарисовки Алтая.

В Красноярске у художника В. Петракова готовы 4 полотна—«Красноармейцы на прогулке», «С базара по р. Енисею», «Сибирские крестьяне», «Вручение знамени», «Канатчики». В. Вальдман работает над большой композицией (масло) на тему социалистического строительства. Он же выставит несколько пейзажей тайги и Енисея. И. Ляхов закончил: «В тайгу» (перекочевка старателей. (Масло), «На дальнем севере» (ледоход в низовьях Енисея. Масло). Готовит две работы—«Футбол» (красноармейский лагерь) и «На стеклозаводе» (индустриальный мотив). Д. Каратанов и А. Лекаренко работают преимущественно над этнографическими зарисовками. Первый—рисует Обской север, второй—среднее Приангарье.

Художник Н. Чевалков (Ойротия) выставит снова ряд полотен, отображающих алтайский этнографический колорит и нарождающийся новый и уходящий старый быт Алтая.

На всесибирской выставке предполагает принять участие старейший национальный художник Ойротии—Г. Чорос-Гуркин.

Художник И. Шмелев, работающий при Казакстанском Наркомпросе, запросил центральное правление о-ва художников «Новая Сибирь»,—возможно ли устроить в Новосибирске выставку работ художников Казакстана. «Новая Сибирь» предложила казакстанским художникам прислать свои работы на вторую всесибирскую выставку. Работы художников Казакстана в большинстве носят этнографически-бытовой характер.

Открытие выставки предполагается приурочить к 11-й годовщине Октябрьской революции. Одновременно намечен созыв второго с'езда художников Сибири.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТОВКА В КРАСНОЯРСКЕ.

Закрылась выставка работ молодого художника-самоучки А. Васильева. Около 80 выставленных работ показывают автора, как художника производственника. На выставке—газетная и журнальная карикатура, политический рисунок, иллюстрация и др. Есть несколько литографированных плакатов и акварельные наброски. Из тематической графики выделяются работы: «Горные орлы» и «Укрощение коня». Единственное полотно — «Индустриальный мотив» (масло)—очень скучно разрешено и все испещрено рядом «грамматических» живописных ошибок. Более убедительны по форме эскизы к театральным постановкам. Выставка прошла со средней посещаемостью.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТУДИЯ В АЧИНСКЕ.

По предложению горсовета, филиал о-ва художников «Новая Сибирь» организует в Ачинске художественную студию. В студии будет преподаваться живопись, скульптура, театральная декорация, графика, черчение, плакат, топография, геодезия и прикладное искусство. Руководство студией поручено художникам—Астаурову, Басину, Чернявскому, Рождественской и др. Занятия в студии начнутся поздней осенью.

ВЫСТАВКА БУРЯТСКОЙ ЖИВОПИСИ.

В Верхнеудинске Наркомпрос и ученый комитет Б.-М. АССР организовали небольшую, но чрезвычайно любопытную выставку творчества национальных художников (картины, этюды, акварели, рисунки).

Четыре ее участника—стипендиаты НК Проса Бурято-Монгольской Республики Мэрдыгеев, Арушнов, Окладников и Ожигов. Они еще совсем молоды. Все учатся в художественной мастерской в Иркутске, у художника Копылова. Говорить о них, как о законченных художниках, еще рано, но несомненно, что все они достаточно одарены и интересны.

ИЗДАНИЕ НОВОГО ЖУРНАЛА.

Во время своего последнего посещения СССР М. Горький выдвинул вопрос о создании нового журнала, который должен отражать на своих страницах успехи советского строительства во всех областях приложения труда и всесторонние достижения советской науки и культуры.

Советская общественность горячо откликнулась на этот вопрос, и выдвинутая М. Горьким мысль перешла на практическое осуществление. Госиздатом приступлено к изданию нового двухмесячного журнала «Наши Достижения».

Ответственным редактором будет М. Горький, заместителями А. Б. Халатов и проф. Кольцов Н. К.

В соответствии с намеченной программой журнал делится на 5 основных отделов:

1) отдел науки, 2) отдел техники и производства, 3) отдел сельского хозяйства, 4) отдел культуры и быта, 5) отдел искусства и 6) отдел хроники.

Журнал будет выпускаться форматом типа журнала «Печать и Революция», каждый номер 12 п. л., 192 стр., подписная цена 6 руб. в год.

Журнал будет богато иллюстрирован снимками и рисунками, что сделает журнал вполне доступным широким кругам масс.

РЕЗУЛЬТАТЫ КОНКУРСА НА КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЬЕСЫ.

Жюри нашло, что ни одна из представленных на конкурс 104 пьес не отвечает полностью условиям конкурса (слабость отображения нового быта, недостатки художественной проработки, необходимая значительная правка материала), поэтому от выдачи первой премии жюри воздержалось.

Вторая премия (150 руб.) присуждена А. А. Сенч (Барнаул) за пьесу «На распутьи» под девизом—«Деревня на широкий путь коллективизации».

Третьих премий (75 руб.) выдано три: 1) А. А. Сенч и С. К. Ляликову (Барнаул) за пьесу «Батраки» под девизом «Сноп и Колос»; 2) А. П. Шугаеву (Новосибирск) за пьесу—«Наша сила» под девизом—«Один горюет, а артель воюет» и 3) П. М. Каряпину (с. Полугрудово, Тарского окр.) за пьесу—«Полезный человек»—без девиза.

Кроме того, жюри нашло возможным рекомендовать к изданию, после значительной переработки следующие пьесы: 1) «Святой ключ» Можарова В. И. (Бийск) под девизом «Двойная тьма—незнанья и веков до наших дней окутывает зренье», 2) «По ошибке»—Герман А. И. (Новосибирск) под девизом—«Гляди в оба—из каждой щели гнилью пахнет», 3) «Сваха подвела»—Старкова С. И. (ст. Китой) без девиза, 4) «Безголосые»—Урманца-Лапко А. М. (Славгород) без девиза, 5) «Волхидки»—Е. Н. Хвощинской (Новосибирск) под девизом—«За поголовную грамотность, за новый быт, за культурную революцию», 6) «Темные силы»—Каряпина П. М. (с. Полугрудки, Тарского округа) без девиза и 7) «Молодые побеги»—Крекнина Г. Я. (Новосибирск) под девизом «Смело, товарищи, в ногу!».

Все пьесы без исключения подлежат отсылке в Главрепертком (Москва), по разрешению которого и могут быть изданными в Сибири.

I.

Повести Нины Смирновой

Нина Смирнова.—Закон земли. Госиздат. М.—Л. 1927. Рассказы. **В лесу.** Повести. Госиздат. М.—Л. 1928 г.

Лидия Сейфуллина, Анна Караваева, Нина Смирнова—три писательницы, почти одновременно начавшие печататься в «Сибирских Огнях». Рассказ «Волчья мечта» Нины Смирновой напечатан в № 3 «Сиб. Огней» за 1922 г., слабый, незапоминающийся рассказ, правленный Л. Н. Сейфуллиной, тогдашним секретарем редакции.

Интересно сравнить литературный путь трех писательниц. Лидия Сейфуллина выдвинулась тремя значительными вещами: «Правонарушители», «Ноев ковчег», «Перегной» еще в 1922 году. («Сиб. Огни». 1922). Творчество Сейфуллиной целиком о современности. Анна Караваева начала с посредственных стихов и рассказов. Творчество ее наполовину о минувшем. Путь Нины Смирновой шел где-то совсем сторонкой, никто не заметил, как создалась ее первая книга «Закон земли», вышедшая в конце прошлого года. И, хотя из трех писательниц Нина Смирнова самая молодая, она пишет о прошлом.

Впрочем, писать Нина Смирнова начала, вероятно, раньше, чем Л. Сейфуллина и А. Караваева. В 1913 году томская газета «Сибирская Жизнь» напечатала ее первый рассказ. Редактор, напечатав рассказ, написал автору о том, что в рассказе слишком заметно влияние Гамсуна. Автор в свою очередь попросил сообщить, «кто такой Гамсун», и сколько будет стоить, если напечатать еще один рассказ. Нина Смирнова была уверена, что в газете за все приходится платить, как за об'явление*).

«Закон земли» посвящен памяти В. Г. Короленко. В «Сиб. Огнях» (№ 4, 1922) опубликовано несколько писем В. Г. Короленко к Н. В. Смирновой. Из этих писем на тему: «Как писать», мы попутно узнаем кое-что о Н. Смирновой. «Вы не поверите»,—цитирует В. Г. Короленко письмо Н. Смирновой,—«какая масса у меня написана» (стр. 166). Это было летом 1916 года, когда самой Н. Смирновой едва минуло 16-18 лет. Н. Смирнова жила где-то в глуши, в Кузнецкой тайге. В. Г. Короленко жаловался, что заказные письма не принимают в такую глушь. Короленко писал: «Эх, Нина Васильевна, поучиться бы вам и прежде всего—грамоте, грамоте!» Но в том же письме В. Г. Короленко серьезно сообщает о возможности помещения одного из рассказов Н. Смирновой в журнале «Русские Записки».

Итак, Нина Смирнова начала писать давно, в Сибири. Неумело, может быть, безграмотно, она записывала жизнь, проходившую мимо нее. Жизнь Щегловского уезда в то время катилась по берегам Томи, вместе с плотами, баржами и редкими пароходами. Уголь и железо, величайшие возможности, таящиеся в недрах ближних гор, еще спали. Лес и хлеб. Нина Смирнова пишет о таежных людях, сильных и первобытных, о грузчиках, баканщиках, таежниках. Впрочем, главное место в этом тяжелом и опасном мире у Нины Смирновой занимает женщина. В. Г. Короленко, первый ощутивший красоту материала, которым владела его талантливая корреспондентка, настойчиво советовал ей работать. И у Смирновой хватило упорства осуществить строгие требования учителя. Нина Смирнова попробовала выступить в Новосибирске. Здесь она поняла относительность успеха появления в толстом журнале. Она уехала в Ленинград, в город учебы. Из окна ее комнаты видна Нева, дворцы, железное кружево мостов, гранитные глыбы набережных и, на горизонте, широкий серп фабричных труб. Но точка зрения Нины Смирновой не переместилась. Она осталась на берегу Томи.

Лучшие вещи Нины Смирновой повести: «Лесные сплавы», «Воловая Мотя», «В лесу». Рассказы Смирновой слабее: ее дарование проявляется не в умелом развертывании сюжета и не в самом сюжете. Повести Смирновой походят на фрески и порой, чем случайнее персонаж, тем он

*) Сообщил Г. Вяткин.

лучше. Такова бабушка Дарья Философовна из повести «Воловая Мотя», таков Назар Миясыч Айтыкин из рассказов Дарьи Философовны. Нина Смирнова принадлежит к большинству сибирских писателей, «хлыстовствующих во стихии». Стихия сильнее человека, и человек даже не пытается бороться с ней, так как человек у Нины Смирновой сам является неотъемлемой частью той же стихии.

«Дед Константин плакал, обнимая каждое дерево.

Луканька мучительно сводил брови, с тревогой заглядывая в лицо старика.

— Они, дедушка, черти? Люди-то? Роняят дерево, а оно богу, небушку жалобится!

— Они, милый, в крови заблудились. Мало им смерти людской да звериной, в лес пришли. Скоро всю тайгу подсочат так,— год умирать заставляют, а потом забудут срубить».

В повести «Воловая Мотя» девушка борется за свою женскую долю и за свое право жить, как она хочет. Но, в сущности, это лишь борьба стихий. Повесть походит на богатырскую былину, пропетую женщиной. «Воловая Мотя» побеждает благодаря своей физической силе, превышающей силу среднего мужика. После смерти отца Моте нашли было в мужья бобыля Павла, но она не захотела с ним жить.

«Павел, смотревший на нее удивленно, понял наконец, что она уходит, и, вскочив, загородил ей дверь. Но Мотя отодвинула его плечом и вышла во двор, перелезла через плетень и пошла полем. А он смотрел на нее изумленно до тех пор, пока она не исчезла из вида. Тогда он вскочил и бросился в деревню.

На деревне бабы зашумели, хотели даже бежать в погоню.

— Родительско благословение нарушила, отец сказывал на землю сядет, а она вот села!».

«Но за мир решил староста Андрей Семеныч, и так крепко решил, что все сразу стали расходиться. Он сказал:

— Коли Мотьку сидеть на земле не потянуло, нет у нас прав ее держать. Но только моя догадка така: дурит Мотька— куда ей итти?—Переждать день, два, она и вернется, а Павлухе, чтоб не ходить взад-вперед, если он все одно решил обабиться, можно и без ее в избе жить».

Мотя вернулась не скоро. Она нанялась в артель грузчиков. Об этой артели, о каждом отдельном ее участнике, Нина Смирнова рассказывает с удивительным мастерством. Здесь она, порой, приближается к М. Горькому...

Мотя жила со многими грузчиками, оставаясь, как прежде, нетронутой и чистой. Бабушка Дарья Философовна любовно говорила ей:

«— Мотька! Су-ука! Сколь мужиков по тебе лазит, неуж брюха ни один сделать не мог?

Мотя в ответ алела с самой шеи тихим бархатистым румянцем, и глаза ее становились растерянные до слез...».

Мотя забеременела. Обращение ее с грузчиками сразу переменилось. Ее пытались изнасиловать; но она сумела испугать их, отбиться и в ту же ночь ушла в свою деревню.

«В избе Игнатия Балабурды была открыта дверь, и розовый свет дымкой лежал на полу. На кровати кверху лицом, полуоткрыв слабый бледный рот, спал бобыль Павел...

— Ну-ка, пусти отсюда.

Открыв глаза, он долго не мог сначала рассмотреть ее, потом, узнав, рассмеялся.

— Пришла! Вот это хорошо и как-раз к зиме.

Но она повторила без улыбки:

— Пусти, уйди, говорю.

Он встал, смотря на нее все еще недоумевающими глазами.

— Ну?

Она подняла его упавшую одежду и снова подала ему.

— Ну, уйди-ка.

Он оторопел.

— Куда?

— Куда знаешь, отседа уйди, говорю, с батюшкиного места, уйди, пока не осердилась я!

Он попробовал рассмеяться.

— Да ведь ты што, я ждал тебя сколе.

Мотя оттолкнула его глазами и, подойдя к двери, стала дожидаться, когда он выйдет. Он прошел возле нее так же несмело, как когда-то хотел остановить ее. На дворе его шаги стали крупнее, а на улице он почти побежал, негодующе размахивая руками и часто оглядываясь назад. Мотя закрыла после него дверь и несколько раз прихлопнула ее, чтобы было крепче, но крючка не наложила. Потом она выгребла из печки золу, протерла окна и подмела пол и, переставив кровать, влезла на нее и скинула сапоги.

Полоса зари еще была видна на шелковистом лиловом небе, медленно наливающемся изнутри синевой ночи. Мотя счастливо посмотрела на нее и опустила ресницы, но под веками Моти горел тот же дрожащий свет, и глаза, погрузившись в него, сразу стали легкими, закачались. Моте показалось, что она потеряла руки и ноги, но почти тотчас же она почувствовала их снова, и все тело ее сладко закружилось в плавающих вокруг нее и в ней золотистых точках».

Зов земли, «закон земли» победил. В этом весь несложный смысл повести.

Обаяние Нины Смирновой в деталях, в языке, в прекрасном знании той далекой жизни, о которой она рассказывает. Ее никогда не заподозришь в сочинительстве.

Особенно хороши записанные сказки, какой-нибудь способ приготовления самодельного чая, бабушкины поверья. Язык писательницы, тот язык, на каком она говорила с детства, может служить образцом органического внесения областного языка в литературу. Здесь нет нарочитости, сомнительной ценности литмонтажа из мимолетных заметок в записной книжке, какими козыряют современные писатели, — язык Нины Смирновой всюду кажется совершенно естественным и единственновозможным у ее персонажей. В этом отношении повести Нины Смирновой станут учебником для сибирских писателей.

Нина Смирнова, как было сказано, пишет о прошлом. Единственная ее дань современности—несколько сцен из гражданской войны в Сибири—очень условна. Гражданская война у Нины Смирновой сводится к проникновению в таежные дебри, к лесным людям, партизанских и белых (карательных) отрядов. Все это служит, в сущности, исключительно для формальных целей. Нам кажется, поэтому, что Нина Смирнова не должна ограничиваться обычными своими темами: такое уменье видеть должно найти более действенное применение. Ведь, несомненно, Нина Смирнова так же хорошо видит жизнь, в которой она принимает живое участие. Она должна соединить свой талант с революционными задачами этой жизни.

Вивиан Итин.

Очередная халтура

Вас. Каменский. Пушкин и Дантес. Роман. Заккнига. Стр. 312. Ц. 2 р. 50 к.

О Пушкине написано более, чем достаточно. Терпеливые и настойчивые пушкинисты десятки лет исследуют каждый шаг поэта, каждую строчку, написанную им. Пушкин, как писатель и как человек, выявлен всесторонне. И если сейчас находят себе оправдание новые исследовательские работы о Пушкине, то только потому, что они дают что-то новое, до сих пор или неизвестное, или известное мало. Вас. Каменский, со свойственной ему лихостью, решил осчастливить читателей большим романом и дать нам нового Пушкина.

Каким же вышел поэт в изображении Каменского?

Об этом лучше всего скажет ряд цитат из романа.

— «В солнечное, бирюзово-изумрудное утро воскресенья конца июня Пушкин встал, как всегда, около семи утра. Взглянув в окно на дивный день (после хмурой недели), наскоро выпив кофе и закусив земляничным пирогом, отправился в кумачевой рубахе, взяв в руку соломенную шляпу и дубовую палку, гулять»... (стр. 49).

— «На лугах, где пахло еще острее, Пушкин подходил к крестьянам-косарям, почтительно здороваясь с ними за руку, дружески разговаривал с ними о хозяйских делах, о разных нуждах, о предстоящем урожае, об обидах помещичьих, о слухах про волю крестьянскую», (стр. 51).

— «Крестьяне дружили с Пушкиным, называли его «молодым Сергеичем» и искренно почитали его, как доброго человека—заступника, сосланного барской властью. К тому же Пушкин одевался по-мужицки и вел себя так простецки, что в общей группе крестьян он ничем внешне не отличался» (стр. 51).

«На полдороге, в сугробах, у сосновой рощи, на высоком холме, Пушкин, будто убедившись, что он один кругом, остановился, глубоко вздыхая.

Подумал: а там бунт... восстание... стрельба... кровь борьбы... друзья в мятеже... может быть, умирают за свободу, добывая жизнью общее счастье..., а я здесь, не среди мятежников...

Пушкин бегом рванулся домой, обуреваемый одной пламенной мыслью: гнать скорей туда...

Радионовна встретила такой же новостью...

— Знаю, знаю, матушка,—трепетал разгоряченный изгнанник, почуяв кровь мятежа,—хочу знать... туда... на помощь...

— Стой-ко, неуимошный,—забеспокоилась Радионовна,—не лучше ли до утра обождать. Утро вечера мудренее»... (стр. 59).

Пушкин не поехал.

Вот описание пребывания Пушкина в Москве.

«Собрались ехать в театр. В театре героя дня ждал **небывалый прием**»... «едва Пушкин появился в партере театра... всюду **молнией радости облетело жгучее слово:**— Пушкин! Пушкин! здесь! Вот-он—Пушкин! **Густая толпа восторженным потоком хлынула в партер к Пушкину, вонзив торжествующие взгляды на освобожденного гения**»... (стр. 92).

— «С верхних ярусов гроздьями винограда **нависали кучи зеленой, сияющей молодежи, устремив лучи васильковых глаз, будто к солнцу, к любимейшему Пушкину**» (стр. 92).

«И вдруг, как гром, грянули горячие аплодисменты, раскаленно возрастая.

Перекрестный огонь восхищенных возгласов слился в один **буревой восторг:**— Пушкин! Пушкин! Пушкин!» (стр. 92).

— «**Мощная, неслыханная встреча, разлившаяся океаном восторгов** во славу Пушкина, надолго задержала начало спектакля, пока **ярые, бурные рукоплескания и**

буйные возгласы стихли, скрывшись в душе каждого, чтобы после разгореться и разнестись пламенной вестью о Пушкине». (стр. 93).

— «Университетская молодежь с утра, как весенний поток, звонко шумела в руслах длинных коридоров, наперебой читая стихи Пушкина, гордо возвеличивая славное, окрыляющее имя.

Мастеровые, трудовое население, хотя и не имело книг Пушкина и плохо разбиралось в достоинствах его поэзии, но каждый, будь то рабочий или сапожник, портниха или прислуга, считали своим долгом горячо поговорить о Пушкине, как о светлой, обещающей надежде на лучшее их, бедняков, будущее, как о друге-человеке, кто шесть лет был в изгнании за вольную думу о русском страждущем народе». (стр. 93).

— «Всюду, на всех углах улиц, в каждом доме, так или иначе говорили о Пушкине»... (стр. 95).

— «Как вся Москва, так и вся Россия знала развернувшееся солнечное имя Пушкина и говорила о знаменитом человеке, с явным пристрастием, чувствуя в нем притягивающую силу неслыханного гения» (стр. 96).

— Передовая Москва, как и вся Россия, с минуты появления освобожденного Пушкина, будто вдруг очнулась после черного, смертного угнетения, вызванного свирепой расправой с декабрьскими мятежниками и теперь, после миновавшей бури, стало легче дышать одной грудью с Пушкиным... вместе с возвращенным из плена Пушкиным зажглась обещающим светом свободная мысль, снова возвышенно радостно заговорили долго молчавшие уста... опять ожили для новой жизни собранья, встречи, кружки, общества... (стр. 96).

И в заключение еще одна цитата:

— «И в кровавом бреду уходящий в вечность поэт шептал запекшимися губами...—откройте окна... ко мне пришел народ... кругом люди... улицы залиты народом... слушай, народ... я жил великой любовью к тебе... прими, народ, я отдаю тебе жизнь мою, чтобы жить в крови твоей»...

Вся улица Мойки, насколько только хватал глаз направо и налево, была запружена массой народа, пришедшего к родному поэту.

Войска, полиция, конные жандармы, сверкая саблями и ружьями, сдерживали приливающий напор массы (стр. 310 и 311).

Вероятно, довольно цитат. А таких же цитат можно было бы привести еще огромное количество. Но уже и из приведенных достаточно ясно, каким рисует Вас. Каменский Пушкина и как рисует.

В сохранившемся дневнике торговца Лапина из Опочки имеется следующая любопытная запись от 29 мая 1825 г.

— «Имел щастие видеть Александра Сергеевича г-на Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одеждою... У него была надета на голове соломенная шляпа, в ситцевой красной рубашке, опоясавши голубою ленточкою с железной в руке тростью, с предлинными черными бакенбардами, которые более подходят на бороду, также с предлинными ногтями, с которыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим апетитом, я думаю около полудюжины» (см. Л. Гроссман—«Вокруг Пушкина»).

Эту «красную рубашку» В. Каменский взял, а так как, видимо, в красной рубашке может ходить только стопроцентный революционер, кумир и партера московского театра, и «рабочих или сапожников», вождь всей России, то малоразборчивый автор и преподнес читателю не талантливого поэта Пушкина, не живого человека, а пародию на него, оставляющую самое гнетущее впечатление и от того высокопарного тона, которым она написана (ведь так могут писать только Гусевы и Чертковы о Толстом), и от бьющих в глаза неправдоподобностей.

Ну, кто же из тех, кто читал литературу о Пушкине, хоть на одну минуту поверит тем благоглупостям, которые преподносит читателям автор «романа». Даже в кинокартине «Поэт и царь» Манске Пушкин гораздо более жизненен, чем Пушкин Каменского.

Никому ненужная, скверная книжонка «роман» В. Каменского.

А. Ансон.

Ходкий писатель

Михаил Зощенко. Статьи и материалы. (Михаил Зощенко. О себе, о критиках и о своей работе.—Виктор Шкловский. О Зощенке и большой литературе.—А. Г. Бармин. Пути Зощенки.—В. В. Виноградов. Язык Зощенки. Библиографическая справка). Л. Academia 1928. (94+2), стр. 8°. Мастера современной литературы. Сборники под ред. Б. В. Казанского и Ю. Н. Тынянова. Цена 70 коп. Тираж 5000 экз.

В нашей повседневной журнальной и газетной критике по отношению к Зощенке установился обычай высокомерной снисходительности или безоговорочного осуждения. «О-во изучения художественной словесности» (в Ленинграде?) пытает-

ся исправить несправедливость оценок по отношению к одному из замечательных мастеров современной литературы.

Популярность рассказов Зощенки необычайна. В течение пяти лет (с 1922 г.) книжки его разошлись в сотнях тысяч экземплярах (цифра, о которой когда-то мечтал Гете: «читателей должны быть сотни тысяч»). Его читают газетные мальчики, крестьяне, рассказывают с эстрады, на полках вагонов, передают по радио. Юморески Зощенко вышли из книг на улицу, превратились в «устную словесность».

В чем причина такого успеха? Сам Зощенко скромно думает, что обязан популярностью языку своей прозы: «Я пишу очень сжато. Фраза у меня короткая. Доступная бедным. Может быть, поэтому у меня много читателей».

Это не совсем верно. Фраза у Зощенко короткая, но не простая и «бедным» не всегда доступна. Язык его прозы может быть понят до конца только при условии полного освоения литературной речи. Сотни тысяч читателей в юмористических миниатюрах Зощенко прельщены сырьем анекдота, их мало трогает то, что язык этих анекдотов—«какой-то лепет дефективного переростка». «Широкий читатель» принимает этот лепет всерьез, он сам так говорит, газетному мальчику едва ли известно, что слово «утопия» происходит не от глагола «утопить», что нельзя сказать «рука специально не гнется», «ихняя собачонка системы пудель» и т. д.

Зощенко создал новую форму художественного слова, введя в литературу сказ, т.-е. устную разговорную речь. Вместо «автора» с его традиционным книжным языком, в повествованиях Зощенки выдвинут рассказчик, связанный тем или иным профессиональным диалектом. Мы встречаем у него язык канцелярий, крестьян, солдатский жаргон, пародии на стиль газетных передовиц и торжественных речей, и особенно фразеологию городской мещанской среды, возникающую при неполном усвоении системы литературного языка.

Наша современность дает богатые примеры своеобразного осмыслевания форм литературного языка, который для неграмотного и полуграмотного большинства носителей русского языка является в значительной степени языком «иностранным».

Излюбленный сказовый прием юморесок Зощенко—имитация бытовых форм вульгарной речи, в которой простонародное смешалось с ложно усвоенными фактами книжного языка. «Герой» первых новелл Зощенки—Назар Ильич г-н Синебрюхов вошел в русскую литературу, главным образом, как носитель смехотворно искаженной, но живой и выразительной речи. Языком г-на Синебрюхова рассказана большая часть произведений Зощенки. «Образование у меня, прямо скажу, никакое, а домашнее»,—так представляет себя читателю Назар Ильич—«ну, а в мужицкой жизни я очень полезный и развитой»... «Для наглядности сюжета взять иностранную державу, ну, скажем, Северную Америку. Хорош-с. Взяли. Идет человек по улице, мужик американский, такой же, как не я... Пальтишко на нем демисезон. Шляпа, полсапожки, может быть, замечательные. Подходит он демонстративно к стене, поворачивает какую-нибудь там еле зримую фитюльку и—Алло!—говорит,—откеда?».

Сказовые приемы Зощенки—установка на голос, на интонацию,—восходят к Гоголю. В языке г-на Синебрюхова много общего с языком капитана Копейкина («Мертвые души»), тоже «военного мужичка» видавшего виды. С неповторимым размахом и необычайной роскошью развернул сокровища русской профессиональной и областной речи Лесков. Это он оставил завет художнику слова: «постановка голоса у писателя заключается в уменьи овладеть голосом и языком своего героя и не сбиваться с альтов на басы».

Но линия Лескова и Гоголя скрещивается в рассказах Зощенки с «мелким жанром» раннего Чехова. Лесковский «анекдот в сказе» получил самостоятельную жизнь, превратившись в новый художественный жанр. Зощенко вернул анекдот к его истокам—к устному творчеству массы. Его имитации так правдоподобны, что уходят из книги и ведут самостоятельную жизнь, превращаясь в фольклор современности. «Зощенко имеет хождение не как деньги, а как вещь. Как поезд». (В. Шкловский).

Е. Титов.

Новинки сибирской поэзии

П. Петров. Партизаны. Поэма. Цена 20 коп.

Г. Доронин. Земля подшефная. Поэма. Цена 16 к. Издания Сибирского Союза Писателей. Новосибирск. 1928 г.

Появление обеих книжек следует приветствовать. Они являются наиболее ценной продукцией поэтов-сибиряков за нынешний год,—ценной не столько с чисто-художественной стороны, сколько с литературно-общественной: это достойные отклики на революционную современность, отклики, рассчитанные не на литературных гастрономов, а на самые широкие круги рабочих, крестьян, красноармейцев.

Характерно предисловие к поэме Петрова—выдержка из протокола с'езда красных партизан Манского района, Красноярского округа. Заслушав поэму, с'езд признал, что «по своему содержанию поэма

не оставляет желать лучшего» и что издание ее «будет хорошим подарком для партизан Сибири к десятилетию красных бойцов». Ценность этой вещи прежде всего в том, что она почти документально-правдива. Автор был одним из организаторов партизанского движения в Пировском районе, занимал пост председателя Исполкома Баджейской республики, состоял членом Армейского Совета и редактировал партизанскую газету. Второе большое достоинство—простота композиции и языка, полулубочный примитив—с резкой светотенью, с простодушной грубоватостью и неуклюжей стихийной силой, которая прет из каждой строки. С формально-технической точки зрения тут ко многим строкам можно бы придраться, но дело не в мелочах, не в шероховатостях отдельных строк строф, а в содержании и тоне произведения, в общей поэтической выразительности его, которую никакие придирки не поколеблют. К книжке приложен портрет автора, в данном случае далеко не лишний.

Если книжка Петрова уже пользуется заслуженным успехом у партизан, то советская деревня не без удовольствия примет «Землю подшефную» Г. Доронина. Содержание ее весьма несложно: в подшефную деревню приезжает представитель рабочих, устраивает беседы, демонстрируют трактор и громкоговоритель. Немного сделали шефы и, пожалуй, не за что их воспевать, но автор строит свою вещь не как агитку, а как жанровую картинку, дает деревню и ее гостей в непричесанном виде и местами с хорошей иронией:

«Упирался трактор, стрекотал не смело,
Керосиновую вонь выплевывал в глаза
И сердился, что его без дела
Пьяным бабам вывезли казать».

В поэме хорошо нарисован быт середняцкой сибирской деревни, еще не совсем «осовеченной», но уже явно сочувствующей советскому строю. Бодрый солнечный фон поэмы тоже нужно учесть, как плюс.

Шероховатости, конечно, есть. Не убедительны некоторые образы («смех завился клубом»), сомнительна грамматическая правильность таких, например, выражений, как «зевали на денек». Книжка напечатана петитом, что для деревни едва ли приемлемо.

Г. Андреевич.

«Вьюжные дни». Сборник стихов под ред. Вивиана Итина. Второе издание Сиб. Союза Писателей. Новосибирск. 1928 г. Цена 25 к.

Первое издание этого сборника, вышедшее два года тому назад и одобренное Сибполитпросветом для клубов и изб-читален, распродано. Потребовалось второе издание, которое ныне и выпущено в дополненном виде.

В сборнике представлены 11 сибирских авторов: В. Ворченко, М. Скуратов, Иосиф Уткин, Леонид Мартынов, М. Терентьева, Г. Павлов, В. Заводчиков, Ив. Молчанов, Ал. Оленич-Гнененко, Р. Фраерман и В. Итин. Тематика сборника—гражданская война в Сибири: одни авторы повествуют о партизанах и красноармейцах, другие—о гибели Колчака, третьи—о борьбе с голодом и разрухой. Здесь отобрано, действительно, все лучшее, что сибирские поэты написали о гражданской войне и революции. Стихи эти представляют богатый материал для декламации на клубных вечерах, для чтения вслух в избах-читальнях. Наименее доступны широкому пониманию вещи В. Итина, своеобразные и сильные, но специфически интеллигентские, где рядовой читатель споткнется о «тангенс высочайшей воли» и о «четвертое измерение». Внешнее оформление книжки удовлетворительное. Обложка худож. Зковряшина, заставки худ. Романова, Нагорской и др. радуют глаз.

Дополнено второе издание скуповато, всего двумя стихотворениями: В. Ворченко и В. Итина.

Г. Вяткин.

Михаил Мечик. «Желтые тени». Владивосток. Издание Приморского отделения Сибирского Союза Писателей. Цена 30 коп.

Неблагополучно в Приморском отделении Сибирского союза писателей. Нездоровые уклоны в творчестве, полнейшее отсутствие самокритики. Чем иначе об'яснить выпуск таких слабых и никчемных книжек, как сборник стихов Николая Толпегина и Михаила Мечик. О Толпегине мы в «Сиб. Огнях» уже писали. Сейчас не можем обойти молчанием книжку Мечика. Ведь как-никак, а на ней красуется штамп отделения Сиб. союза писателей, и читатели в праве задать вопрос о качестве продукции союза. Если бы не это обстоятельство—о книжке, конечно, не стоило бы говорить.

Мечик живет и работает на Дальнем Востоке, на границе Китая. В Китае горит пламя революционной борьбы, китайские рабочие и крестьяне истекают кровью в этой борьбе, но не сдаются. Китай вообще переживает чрезвычайно интересный период своей многовековой истории, и ценного материала для писателя, для поэта здесь сколько угодно. Но что взял у наших соседей Мечик? В одном стихотворении он описывает «чудный» жень-шень, в другом—добычу опия корейцами, в третьем—китайские притоны, где «кто-то тянется к кончику шприца, кто-то сыплет в распухший нос». Таковы «восточные мотивы» Мечика. Насколько они «новы» и «общественно-значительны»—ясно каждому. Затем идут стихи, посвященные какой-то Шуре:

«Уста сгорали, ломались зубы,
И бушевала в теле страсть.
К твоим ногам хотелось грубо,
об стенку лоб разбив, упасть».

Очень жаль, что автор не исполнил своего желания и не разбил об стенку лба. Тогда, по крайней мере, было бы одной плохой книжкой меньше.

О формальных «достижениях» автора говорить не приходится: приведенное четверостишье достаточно иллюстрирует их.

Г. Вяткин.

Шаг назад

Вл. Заводчиков.—«Седое время». Вторая книга стихотворений. Изд. «Прибой». Ленинград. 1928. Тир. 2.000. Ц. 75 к.

Если первая книга стихов молодого поэта говорит о его даровании, то вторая должна показать нам его рост, раскрыть еще больше те богатства, которые несет в себе поэт. Так принято рассматривать каждого поэта и с такой меркой мы подошли ко второй книге стихов Вл. Заводчикова «Седое время».

Первая книга «Горький мед» останавливала внимание. В ней были свежие образы, сравнения, а самое главное, она была о днях революции, о недавно пережитом.

Книга «Седое время» открывается большим белым стихом «Золотые соловьи», имеющим подзаголовок «белая сказка»—почему белая—неизвестно. В этом стихотворении-сне автор рассказывает, как он видел

. . . . . невидимку бога
Богомазы правильно рисуют,
Он, действительно, старик седой,
Со смешной лохматой бородой...
Он видел море, на котором—
Плавая, деревья выростали.
Я смотрел на море изумленно,
А деревья на море росли...
Потом пели «золотые соловьи»:
Соловья мне приходилось видеть
Много раз в обыкновенной жизни:
Маленькая, серенькая птичка—
Пленница счастья и любви.
А ведь это были золотые,
С голубя своей величиной.
Почему их звали соловьями—
Это тоже тайна для меня»...

Разговоры о «золотых соловьях», о «смешных походах», сиречь о войне, о пенье соловьев, которого и малую частицу «не может передать»—пустословие. Что автор хотел сказать, какие тайны мироздания открыть—непонятно и еще более непонятно то, что автор счастлив, увидев этот сумбурный сон.

Печать небрежного отношения к слову лежит на всей книге. В стихотворении «В плену событий» мы находим не только перебои ритма, но и такие вещи:

— «Слепой тоски моей не множь!
...События... каменный дождь»...

Кто не знает этой строки из романса Глинки? Но автор и здесь небрежен: вместо «немой тоски», переписывает к себе в книгу «слепой тоски».

В стихотворении «Перед полетом» читаем такую путаницу:

«Как сон в моем сердце встает»
В другом—
«Бродят песни мои—беглые олени»
И нам вспоминается ерошинская строка:
«Ой, вы, песни,—бродячие лоси».

Подражание и весьма слабое. Мы простили бы поэту, если бы он, говоря об одних и тех же предметах, дал новый живой образ. Этого нет.

В стихотворении «После войны» есть такая строфа:

«О, как им откроюсь в моих неудачах?
Мне крикнут:
— Печаль—околичность!
Но радостной песней не скажешь, что «плачет
Моя одинокая личность».

Мы согласны с автором, что таким стихом с «околичностью» не выразить ни радости, ни печали о неудачах, но мы не согласны с тем, что такими стихами нужно наводнять нашу и до того бесцветную поэзию.

Перелистывая книгу, мы находим массу шедевров авторской небрежности. Даже дата места, где написано стихотворение, дана так:

«Деревня Павлóвское
Смоленской губернии».

Похоже, что автор не знает русского языка.

Есть стихи, которыми автор хотел показать свою виртуозность: дать минимальным количеством слов законченность не только мысли, но и образа. Вот стихотворение, состоящее ровно из пяти слов:

«Уверенность
Растаяла,
Как стая
Журавлей».

Что выражено автором в этом стихе? Тает ли журавлиная стая? Пусть автор об этом подумает сам.

В книге Заводчикова можно найти несколько хороших стихов из цикла «На склоне мая», но в целом вторая книга стихов В. Заводчикова—«Седое время»—серая книжка, заставляющая сомневаться в росте ее автора.

Кондр. Урманов.

Записки примазавшегося.

Леонид Грабарь. «Записки примазавшегося». (Повесть). Молодая Гвардия. 1928 г. Стр. 156. Ц. 1 р. 40 коп.

Молодой интеллигент, сын врача-«абортмейстера» Владимир Кирсенев, кадетствующий во время керенщины, вступает в период военного коммунизма добровольцев в Красную армию с целью получения лучшего пайка, поступает на командные курсы и постепенно пролезает в компартию. С переходом к нэпу он занимает ряд ответственных постов, руководствуясь при работе шкурническими побуждениями. Естественно, что в целях личного обогащения он связывается с нэпманами и втихомолку ведет развратно-разгульную жизнь. Во время последней вылазки оппозиции Кирсенев долгое время не знает, к кому примкнуть, не знает, на чьей стороне окажется победа. Заверяя оппозицию в верности ее лозунгам, он ловко отходит от нее, видя, что ее карта бита. В конце-концов, из-под маски коммуниста окружающие Кирсенева видят настоящую морду шкурника, и Кирсенев должен предстать пред пролетарским судом.

Рассказчику попадает дневник «героя». Сбственно дневник занимает едва лишь третью часть повести, остальное составляют комментарии к дневнику, при чем непосредственным участником одним из главных действующих лиц, является сам комментатор. В композиции романа дневник—исходная точка, от которой отталкивается автор. Мерзость поведения Кирсенева выступает отчетливо не в комментариях, а в кратких записях из дневника. Вот некоторые из них. Кирсенев вступает в партию.

«Думаю, что теперь я не только батальоном, но и полком командовать буду. У них, т.-е. у нас, это, говорят, быстро. Ну, что же: и Наполеон был генералом у республики» (45).

Из времени партийной чистки:

«Об'явился больным. Ну, их к чорту, на проверку ходить, чиститься. Послал документы с секретарем ячейки. А все-таки боязно... Господи, Иисусе, Христе, сыне божий, спасе мой! Сделай так, чтоб все обошлось. И я уверую в тебя...

...Проехало. Видно, фронт помог и то, что добровольно в Красную армию вступил... я им на голову».(70).

Он совсем хорошо устроился. Его тревожит возможность войны с капиталистической Европой:

«Не понимаю: чего нос совать—строим себе социализм, и слава богу. Так, нет, на тебе—надо в конфликт с Англией влезать. Мировая, видите ли, революция. Углекопы. Горняки. Братство. Интернационал. Пролетарии всех стран, соединяйтесь, чтоб вам сдохнуть! (85).

И такая мерзость целых семь лет числилась в рядах революционной партии. Когда же ее раскрыли, она ехидно сама с собой беседует на страницах своего дневника:

...«Все равно когда-нибудь надоело бы притворяться, валять дурака. ...Надо будет купить уголовный кодекс ихний, ознакомиться... Тоже законодатели! Платят не жалованье, а нищенские подачки. И еще хотят, чтоб не растрачивали. Интеллигенцию перетягивают на свою сторону»... (152).

Кирсенев—одно из отвратительнейших явлений нашей эпохи. Это тип, известный, под названием «редиски», тип суб'екта, присосавшегося паразитом к телу трудовой республики и исподтишка сосущего ее жизненные соки. Он не выдуман Грабарем—в нашей жизни много есть Кирсеневых. Так, недавно в газетах промелькнуло сообщение Тасс'а из Артемовска о разоблачении трех «членов ВКП», бывших от'явленных белогвардейцев, занимавших в последнее время ответственные посты в районе Донбасса.

Автор по своему усмотрению пользуется материалом дневника, отнюдь не сохраняя его временную последовательность—он смещает плоскости времени, как того требует художественное оправдание фабулы. Это дает построению произведения некоторую оригинальность. И хотя автор говорит, что «известнейший советский критик ругательски ругал меня как-то в личной беседе за консерватизм моей формы, за нарочитое мое старомодничанье» (стр. 66), нужно сказать, что от «Записок» веет свежестью, любовью к жизни и тоской по мирам иным. Правда, рассказчик («рыжий чорт», как называет его Кирсенев) имеет много интеллигентской дряблости, но все же он хороший парень, и мы недоумеваем, почему умная Роза меняет его на развратного Кирсенева. В манере рассказа у этого «рыжего чорта» есть нечто от Бабеля, особенно там, где он зарисовывает картины прифронтовой жизни. Есть общее с Бабелем и в способе зарисовки, пейзажа, и в характере диалога.

Достаточно реально нарисована фигура старого партийца рабочего Кебрикова, вследствие отрыва от рабочей массы за переводом Шиллера, попадающего в сети революционных фраз оппозиции и разбивающего скрижали оппозиции при столкновении с рабочей средой. Кебриков лучше, нежели кто-либо другой, обладает

классовым чутьем: он хорошо определил сущность Кирсенева с первых встреч с последним.

Психологически не оправдан конец повести—возвращение жены рассказчика Розы Зухер к своему прежнему мужу Кирсеневу в то время, когда этот последний предстает перед окружающими во всем великолепии своего отвратительного существа. Роза, живя с Кирсеневым, достаточно хлебнула человеческой мерзости, рассмотрела, что за птица ее возлюбленный, и выросла, чтоб надевать плащ всепрощающей христианки и итти украшать пошлое существование пошлого человека

А. Низовцев.

II.

Новые работы по языку и этнографии тунгусов.

Jochelson, Waldemar. The yukaghir and the yukaghirized tungus. helden—New York 1926. (470+XVI) p. 4°.

Русский ученый, работающий в Америке, Владимир Иохельсон закончил в 1926 г. свое громадное исследование об юкагирах и юкагиризованных тунгусах. Работа печаталась с 1910 года в трудах Экспедиции Джезупа (The Jesup North Pacific Expedition, Vol. IX.). В 6-м томе этих трудов тот же Иохельсон опубликовал монографию о коряках. Оба его сочинения (вместе с исследованием Богораза о чукчах, напечатанным в VII томе трудов экспедиции) стали образцами этнографических монографий. Они сделали эпоху в науке о народах.

Книга об юкагирах распадается на три части. В первой дан очерк «земли юкагирской» (древняя граница: на западе Лена от Алдана вниз, на юге—Верхоянский хребет, на востоке—Становой хребет, на севере—океан!), затем идет шесть глав о распределении родов, о структуре семьи и рода, о социальной жизни юкагиров. Часть вторая посвящена религии и фольклору (тексты, перевод, словарь), в третьей—материальная культура юкагиров. Книга идет на вас десятками роскошных таблиц и почти двумя сотнями рисунков.

Отметим, что, по исследованиям Богораза, Иохельсона, Штернберга и ряда американских этнографов, наши палеоазиаты (юкагиры, гиляки, коряки, чукчи) находятся в несомненном родстве с индейцами Америки. При чем, по Иохельсону, туземцы Северной Америки когда-то, может быть, в конце палеолита переселились из Азии в Новый Свет по перешейку, бывшему на месте пролива Беринга. Потом часть этих американоидов вернулась обратно в Азию.

2. **Гапанович, И. И.** Амгуньские тунгусы и негидальцы, их будущность. Харбин. ОИМК. 1927. (16+6) стр. 4°.

За последние 6-7 лет автор брошюры об амгуньских тунгусах, И. И. Гапанович, напечатал целую серию этнографических статей в ряде Дальневосточных журналов. Исследователь хорошо знает Северо-Восток Сибири от устья Амура до Чукотки. В рецензируемом этюде И. И. Гапанович дает статистико-экономическое и этнографическое описание тунгусов-оленеводов—бассейна р. Амгуни и негидальцев. Автор приходит к выводу, что негидальцы—скорее отунгусившиеся палеоазиаты (гиляки). Но перечисленные в тексте термины, будто бы гиляцкие по своей природе, на самом деле почти все имеются в языке тунгусов Сибири и отчасти у монгол. Скорее следовало бы предположить, что эти слова заимствованы гиляками у тунгусов в процессе культурного сожительства в бассейне Амура. Работа Гапановича имеет интерес, как одна из немногих по данной народности. С другой стороны, материалы автора о хозяйстве, численности, о бюджете и быте амгуньских тунгусов и негидальцев дают ценное руководство для практической работы среди этих племен. К статье приложена карта Амгуньского района и английское резюме исследования. К сожалению, нет иллюстраций. Этнография без картинок—все равно, что арифметика без цифр.

Schmidt, P., prof. The language of the Oroches. Riga, 1928. (17—62 p. 8°)

Работа проф. П. П. Шмидта по языку орочей представляет собою крупный вклад в нашу науку о тунгусах. Она завершает собою два предыдущих исследования автора по языку негидальцев и ольчей, о которых мы на страницах «Сибирских Огней» своевременно писали. Теперь я пользуюсь случаем, чтобы подчеркнуть важность работ Шмидта. В предисловии к книге Титова: «Тунгусско-русский словарь» допущена неточность: там сказано, что Шмидт пользовался в своих словарях по языку негидальцев и ольчей исключительно чужим материалом. Это не совсем так. В работе по языку негидальцев П. П. Шмидт опубликовал: гольдские и ольчские слова, много орочских и тунгусских, пользуясь собственным манускриптом, написанным в 1908 году во время путешествия по Амуру, и лишь негидальский материал доставлен ему Логино-

вским, Крастиным и Баратози-Балогом. В словаре языка ольчей П. П. Шмидт лишь отчасти использовал материалы Крастина, все остальное добыто самим исследователем. И, конечно, что касается собственных записей Шмидта, их достоверность должна быть очень высока, так как автор является одновременно знатоком языков китайского, монгольского и маньчжурского. Шмидт относит негидальскую языковую группу к северной ветви тунгусского языка, а ольчскую—к южной, близкой к гольдам.

В последнем исследовании Шмидта, названном «Язык орочей», речь идет о двух диалектах тунгусского языка южной группы—орочском и удейхейском. Это два народца (к ним надо присоединить еще кякаров), затерявшиеся в горах Сихота-Алиня в Приморьи. Во время путешествия по Амуру в 1908 году автор встретил двух или трех орочей и удехейцев и одного кякара, и теперь публикует несколько сотен слов, записанных за время короткой встречи с туземцами названных племен. Во введении к словарю автор еще раз подкрепляет свое старое утверждение относительно общности происхождения, так называемых, алтайских языков. Он указывает на то, что в публикуемом списке слов мы находим 69 слов с соответствующими турецкими корнями и только 35 слов, заимствованных у китайцев. При чем половина турецких корней принадлежит к примитивным понятиям, китайские же слова обозначают культурные заимствования. Шмидт указывает далее, что прародиной «алтайских» племен была пустыня Гоби, отводя Маньчжурию и Сибирь (?) палеоазиатам. В доказательство приводится общность термином домашних животных, типичных для пустынь и степей (овца, верблюд, лошадь). При чем, по мнению Шмидта, южную и западную Монголию занимали предки современных тюрков—хунны, а Халху и Забайкалье—тунгусо-маньчжуры. Приводится ряд названий рек будто бы маньчжуро-тунгусского происхождения (Селенга, Орхон, Кяхта и др). Древние ирригационные сооружения Забайкалья—дело маньчжур, единственных земледельцев среди родственных им алтайских племен. Имиграция маньчжур в современную Маньчжурию с северо-запада подтверждается китайской исторической литературой, так как народ ючи переселился этим путем. Монголы жили около 2000 лет назад в бассейне Аргуни и были, вероятно, соседями гиляков, которые занимали бассейн Амура, как показывают названия мест (какие?). В это время гиляки заимствовали несколько древних монгольских слов.

Все эти (интересные) соображения плохо вяжутся с данными археологии указанных районов. Так, например, по мнению Лисанта, пустыня Гоби еще в эпоху новокаменного века была населена народом, комплекс культуры которого близок современной китайской (земледельческой). Лисант говорит, что если бы современный южный Китай почему-либо вымер, то на его месте осталось бы меньше «китайского», чем в стоянках неолита Гоби*). Что до названий местностей, то этот способ доказательства в пользу той или иной комбинации этнических перегруппировок мало надежен. Названия могут изменяться, их современная огласовка большей частью искажена,—смысл приводимых Шмидтом названий кажется странным: почему Орхон значит перо, Кяхта—раковина?

4. **Кормазов, В. А.** Барга. Экономический очерк. Харбин, 1928 г. (VIII+4+282) стр. 8°.

В книге В. А. Кормазова к нашей теме имеет отношение обширная глава о населении. Барга представляет собою в этнографическом отношении живой музей. Тут собраны представители не менее чем пяти рас с большим количеством племенных вариантов. Формы хозяйствования туземцев Барги можно расположить в стройную систему эволюции: охота, скотоводство, земледелие. К сожалению, Барга не изучена в этнографическом отношении. В этом музее до сих пор не был ни один специалист-народовед. В. А. Кормазов сообщает лишь поверхностные сведения по затронутому вопросу, при чем в результате возникает повод к придиркам. Например, язык даур он считает тунгусским, между тем, по сведениям, которые автор этой рецензии получил на месте, поработав немного над изучением аборигенов Барги, дауры—народ монгольской ветви. Сомнительно также, чтобы в Барге были якуты. По всем признакам, это—тунгусы, прикочевавшие в Баргу, может быть, из Якутии. К тунгусам (овонки) надо отнести и солон, и орочен. Историческая справка Кормазова насчет сушеней идет мимо.

Но книга Кормазова интересна, как очерк экономики Барги. В ней много свежего материала. Лицам, занятым проблемой торговых связей Маньчжурии, Монголии и Восточной Сибири, книга дает в некоторых случаях незаменимые факты и цифры. Политики с любопытством перелистают этот толстый том, посвященный самой западной в трех восточных провинциях точке, куда направлен прицел японской торгово-промышленной экспансии.

Ошибку насчет даур, сделанную впервые Л. Шренком, разные писатели повторяют вот уже лет 80. Отмечу этот устойчивый промах еще в двух работах:

*) Результаты последних работ Лисанта; знаю о них из личной беседы с исследователем. Библиографию по археологии Азии с под обными аннотациями смотри в ст. Титова и Толмачева «Остатки неолитической культуры близ Хайлара» (Харбин, 1928 г.).

5. **Липский, А. Н.** Маньчжуро-тунгусы (русской части бассейна Амура. Предварительный обзор). Хабаровск, 1926 г. 48 стр. (с рис.).

6. **Огородников, В. И.** проф. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток, 1927 г. 92 стр. (с картой).

Ссылаясь на источники, которые следовало бы сначала проверить, Липский кладет в один мешок, как зерно того же сорта, солон и даур и накленвает на этот испорченный товар этикетку «контактные» (солоны—тунгусской группе, дауры—маньчжурской). Проф. Огородников, желая быть справедливым, называет даур просто маньчжуро-тунгусами. Обоим автоновского: «Mandjuvica». Образцы, сорам осталась неизвестной работа А. О. Ивалонского и даурского языков». СПБ. 1894. Из списка слов, приведенных этим исследователем, явствует без дальнейших словопрений, что солоны по языку—прямая родня северных тунгусов, а дауры—тяготеют всей своей языковой структурой к монголам.

Липский пытался внести порядок в запутанную номенклатуру тунгусов Амура. Он приводит ряд соображений, ссылаясь на свои наблюдения. Эти наблюдения ценны. К сожалению, манера Липского знакомить мир с результатами своих полевых трудов столь своеобразна, что спорные вопросы становятся еще более запутанными. Вместо того, чтобы спокойно опубликовать собранный материал, Липский набрасывается с необ'яснимой свирепостью на своих предшественников, поносит их, уличает в невежестве, на каждое да выставляет свое нет. Этот прием особенно обнажен в критическом обзоре Липского на книгу Лопатина «Гольды» (Владивосток, 1925). Липский пишет: «не соответствует действительности, так как подобное явление не имеет места» (43 стр.) Этим «методом» опровержения исчерпывается этнография Липского. Этот автор работает экстенсивно.

Тема исследования проф. Огородникова чрезвычайно интересна. Картина культурной жизни на Амуре в XVII веке, восстановленная по отрывкам из казачьих отписок и показаний путешественников, соблазняет любознательность и народоведа, и историка. Но, как сознается сам автор, для полноты реставрации недостаточно одних только «Актов исторических» и «Дополнений» к ним. Основное официальное делопроизводство XVII века находится в архивах Москвы. К этому надо прибавить: и московских архивов недостаточно для того, чтобы писать историю туземцев Амура в XVII веке. Ведь заведомо известно, что эти туземцы в те времена уже имели свою историографию! Писать о маньчжурах, минуя их летописи,—труд тяжелый и напрасный.

Е. Титов.

III.

Сборник трудов исследовательского общества «Саха Кескиле», вып. III—май 1926 г. Якутск. Стр. 191. и выпуск 1 (4)—1927 г. Стр. 153.

Якутское исследовательское общество «Саха Кескиле» продолжает выпускать свои издания. Перед нами новый выпуск сборника, который, выйдя в далеком Якутске, видимо, еще в 1927 г., пришел к нам лишь ныне. Этот выпуск так же интересен и содержателен, как и 2 первых*).

Книжка открывается архивным документом 1769 г., представляющим главу из неизданного «Описания, учиненного в штате состоящими дворянами и детьми боярскими и нерегулярного войска якутских казаков старшинами, о нравах, качестве и обхождениях находящихся в окрестности и ведомстве г. Якутска ясашных разного рода иноверцах». Глава посвящена тунгусам, корякам и чукчам и представляет несомненный интерес с точки зрения изображения нравов и обычаев указанных народов в XVIII в.

В статье «К вопросу о доисторическом прошлом якутов» Е. Д. Стрелов дает подробный разбор статьи проф. Б. Э. Петри «Доисторические кузнецы в Прибайкалье», появившейся в 1922 г. в журнале «Наука и Школа». В своей статье иркутский археолог и этнограф поставил перед собой задачу воссоздать, первые страницы якутского народа. Работа была предпринята им в то время, когда покойный ныне М. П. Овчинников горячо защищал теорию западного (енисейского) происхождения якутов. Неудивительно, поэтому, что редакция журнала «Наука и Школа» сочла необходимым подчеркнуть, что выводы проф. Петри являются новым подтверждением теории именно южного происхождения якутов.

Одним из главнейших возражений Е. Д. Стрелова является указание на то, что «первобытный керамический орнамент настолько элементарен и однообразен, что легко может повторяться у разных народов, совершенно изолированных друг от друга». Этот мотив выдвигается рецензентом и в отношении железных изделий «курумчинских кузне-

*) См. наш отзыв о I и II выпуске в «Сиб. Огнях» за 1926 г. кн. I и II янв., апр. стр. 249, 250.

цов». Признавая такое замечание принципиально правильным, мы все же считаем необходимым указать, что, применяя подобный мотив к определению принадлежности культурных остатков, мы вообще не сможем приурочить их к тем или иным народностям. Только установление для каждой отдельной группы остатков элементов различия с другими группами и с подобными же остатками, бесспорно принадлежащими известной народности, поможет нам правильно подойти к применению принципа сходства, выдвигаемого рецензентом. Проф. Петри частично эту работу проделал, и не его вина, если исследуемый им материал не всегда дает достаточные данные для определенных выводов, о чем он и сам и заявляет в своей статье. Во всяком случае, поскольку Е. Д. Стреловым выдвинут целый ряд фактических возражений, было бы весьма желательно, чтобы проф. Петри по существу ответил своему якутскому рецензенту.

В другом своем очерке «Курганы в районе с.с. Большая и Малая Марха». Е. Д. Стрелов сообщает о результатах обследования им трех курганов под Якутском. Оказалось, что все эти «курганы» обязаны своим происхождением не людям, а выпучиванию поверхностного слоя почвы при замерзании воды в находящемся под ними подземном бассейне с водонепроницаемыми стенками. Отсюда автор делает неожиданное заключение, что «то же самое можно сказать и обо всех курганах Якутии»(?!). Не говоря уже о том, что по трем или даже десяти «курганам» еще нельзя делать заключения о сотнях курганов Якутии, подобное утверждение автора противоречит его же собственному сообщению о раскопке им искусственного кургана и 20 старых могил в Хоринском наслеге Зап.-Кангаласского улуса с остатками якутского погребения XVIII в., равно как и о раскопках Сарычевым подобного же искусственного кургана.

В очерке М. М. Носова «Предки якутов, по преданиям потомков», составленном по старинным сказкам и песням, а также по рассказам лучших знатоков якутской старины, дается в связной форме рассказ о былых временах якутского племени. Очерк представляет несомненный интерес для всех, не достаточно знакомых с этими временами, по данным якутского фольклора. Однако, обществу «Саха Кескиле» с записями материалов у современных рассказчиков следует поспешить, ибо немногочисленное «племя сказителей» вымирает с каждым годом и скоро, кажется, совсем исчезнет с лица земли.

Из других статей рассматриваемого выпуска заслуживают внимания небольшие очерки врача Титова о трахоме в школах Якутского округа и Гриценко о работах «партии по исследованию рек Ленско-Байкальского бассейна» на р. Алдане в 1925 г.

Большую часть III выпуска занимают отчетные материалы—годичный отчет общества «Саха Кескиле» и хроника Якутского областного музея.

К техническим недостаткам рассматриваемого выпуска следует отнести отсутствие оглавления и краткого русского содержания статьи Б. Легынтэепа на якутском языке.

В общем рассматриваемый выпуск сборника по богатству своего содержания производит самое благоприятное впечатление. Недавно вышедший 1 вып. за истекший год отличается значительным разнообразием и хорошим подбором своих статей.

Интересная статья Д. А. Шелковникова «Ввоз, вывоз и торговая политика ЯАССР», вводит читателя в понимание основ современной экономики Якутии. Главной задачей своей автор считает изучение ввоза и лишь отчасти вывоза (за границы республики). За 3 г. (1923-24—1925-26) ввоз товаров увеличился вдвое (с 5.475 т. руб. до 11.550 т. руб.). Первое место среди них занимает мануфактура, за нею в убывающем порядке следуют—мука ржаная и пшеничная, кирпичный чай, бакалея, табаки, сахар, обувь и одежда, охотничьи припасы и проч. Если в Якутию ввозятся преимущественно предметы обрабатывающей промышленности, то вывозится из нее, как страны скотоводческой и зверопромышленной, исключительно сырье—мясо, масло, кожи, пушнина и проч. Данные о вывозе за то же трехлетие, приводимые автором, колеблются: если вывоз 1923-24 г. принять за 100, то в следующем году было вывезено лишь 75,2 проц., а в 1925-26 г.—пока 137,9 проц. Поскольку сведения о вывозе являются неполными, их трудно сопоставлять с данными ввоза. Одно ясно, что торговый баланс Якутии является пассивным.

Следующие две небольшие статьи сборника посвящены естественно-историческим вопросам. В первой из них—«К охране якутских месторождений исландского шпата»—проф. П. Драверт предлагает об'явить все месторождения этого ценного минерала (и особено ахтарандинское) заповедником. Дело в том, что, при добывании исландского шпата, предприниматели нередко практикуют взрывные работы, которые лишают шпат его ценных оптических свойств.

В статье «О мышах и полевках Якутии» Л. Бианки знакомит читателей с отдельны-

ми видами этих вредителей, живущих в Якутском округе, и в конце касается некоторых методов борьбы с ними.

Остальные страницы (22-153) рассматриваемого сборника почти целиком посвящены статьям историко-культурного характера.

Статья М. А. Кротова—«Из истории Якутского областного совета»—описывает интересный период революции в Якутии (с февраля по июнь 1918 года), предшествующий установлению здесь первой советской власти. В историко-революционной литературе этот период освящен очень слабо. По материалам областного земского собрания автор рисует перед нами подготовку Якутска «областным советом демократических организаций» (органом буржуазно-эсеровской власти) ко встрече большевиков, организацию обороны города и состояние этой обороны в момент вступления в Якутск советского отряда т. Рыдзинского. Попутно автор характеризует враждебное отношение якутских рабочих и улусной массы (т.-е. крестьян) к областному совету. Неудивительно, что при появлении небольшого большевистского отряда деятели обл. совета поспешно бежали из Якутии, не пытаясь даже защищаться.

Г. А. Попов по архивным данным изображает в своей статье якутскую мужскую классическую прогимназию. Это было первое светское среднее учебное заведение в Якутии, преобразованное в 1868-1869 гг. из уездного училища, а в 1890 г. в свою очередь превращенное в 6-ти классное реальное училище. Якутское купечество и мещанство, якуты и классицизм! Олекминские золотопромышленники, якутские купцы и сами якуты желали учреждения реальной школы, но получили ненужную им классическую.

В интересном очерке М. А. Кротова «К истории чукчей» изображаются попытки царского правительства в 1850-1900-х гг. подчинить своей власти вольных чукчей, обложить их ясаком и ввести у них общественное устройство. Все эти попытки в общем оказались неудачны. В 1868 г. чиновнику бар. Майделю удалось об'ясачить 224 чукчей, обязавшихся платить ясак по 1 руб. с человека в год. Это была ничтожная часть чукчей, едва ли составлявшая и 10 проц. всего племени. Через 40 лет после этого (1908-1910 гг.) ясак взимался попрежнему тоже с 224 чукчей. Основная причина этой неудачи заключалась в торгово-капиталистическом напоре русских чукчей. В 1908 г. последние просили перенести Пантелеихинскую ярмарку с Колымы на р. Анюй и снизить цену на чай, как на один из главнейших предметов потребления у чукчей. Цены на чай, правда, были снижены, но от переноса ярмарки купцы, из боязни убытков, отказались. Поневоле чукчам пришлось обращаться либо на Анадырскую и Гижигинскую ярмарки, либо к американцам, от которых они получали все товары весьма дешево. Умнейшие из царских администраторов (напр., якутский губернатор Крафт) уже в то время сообщали своему правительству, что наилучшим средством для привлечения чукчей является: 1) устройство среди них торговых факторий 2) организация при помощи архангельских поморов сухопутных и морских звериных промыслов и 3) установление пароходной связи Чукотского и Колымского округов с Владивостоком.

Е. Д. Стрелов в статье—«Лук, стрелы и копье древнего якута»—дает образцовый анализ старинного якутского вооружения, по данным раскопок могильных курганов в Хоринском наслеге Зап.-Кангаласского улуса (1915-1922 гг.). Установив сначала по историческим свидетельствам распространение среди якутов погребения мертвецов в землю (в XVIII в.), наш автор описывает свои раскопки хоринских могил и затем переходит к аналитическому разбору материала и формы древне-якутского лука. Было бы очень хорошо, если бы любители туземной старины изучили старинное оружие наших туземцев с такою же тщательностью, как это сделал в отношении якутов Е. Стрелов.

Вопросу о происхождении и составе якутского языка посвящена в сборнике специальная статья Г... С.—«Якутский язык в его отношении к тюркскому и монгольскому языкам». Не касаясь здесь словарного материала, который и по данным прежних ученых (напр., В. В. Радлова) является на одну треть турецким, на одну треть монгольским и в остальном неизвестного происхождения,—автор обращается к изучению сравнительной фонетики якутского и турецко-монгольских языков. Этот анализ приводит его к заключению, что в отношении корневых коротких гласных якутский язык было бы правильнее считать монгольским, а не турецким. К такому же выводу автора приводит и анализ долгих гласных в якутском языке. Статья не дает анализа якутских согласных и потому является незаконченной. Для окончательного решения вопроса об отнесении якутского языка к монгольской или турецкой группе языков автору было бы необходимо применить в своем исследовании плодотворные методы языкового изучения, впервые введенные в науку акад. Марром.

Последней большой статьей рассматриваемого сборника является исследование якутского поэта П. Ойунского — «Якутская сказка, ее сюжет и содержание». Работа представляет несомненно большое значение для изучения якутского фольклора, так как дает очень много нового и ценного в научном отношении. Вместе с тем исследование П. Ойунского несвободно и от целого ряда недостатков.

Таково в существенном содержание рецензируемого сборника «Саха Кескиле». Сборник начинает привлекать к себе все большее внимание интересующихся Якутией. Выпуск издан на хорошей бумаге.

Проф. В. Огородников.

«Жизнь Бурятии» № 4-6, 1928 г. Изд. Госплана Б.-М. АССР. Верхнеудинск, стр. 163. 5-й год издания.

За последнее время журнал стал ухудшаться, и внутренне, и внешне. Достаточно посмотреть оглавление в начале рецензируемого номера. В оглавлении: М. Рехов. Передовая. «Основные контуры пятилетнего плана», в тексте: «Замечания и предложения по перспективному плану», или другой пример—в оглавлении: Ескевич: «Вопросы культурного строительства», в тексте же: «К пятилетним перспективам культурно-социального развития» или Бессолицын: «Овцеводство» (в связи с новым постановлением СТО), в тексте: «Овцеводство бурятии и его перспективы».

Количество недосмотров можно увеличить.

Редакторская небрежность проникает и в текст. По данным Н. Н. Козьмина, средние температуры характеризуются следующими цифрами—читаем на стр. 144 и дальше идет таблица. Можно подумать, что Н. Н. Козьмин—метеоролог. С таким же правом можно написать «По данным Плужникова (автора статьи), средние температуры и т. д.». Здесь недосмотр редактора. Основной мотив содержания № 4-6—пятилетние перспективы Бурято-Монгольской республики. Этой теме посвящены 4 больших статьи.

М. Ряхов в статье под крайне неудачным заголовком «Замечания и предложения по перспективному плану» констатирует ряд трудностей построения перспективного плана, специфических для Бурято-Монгольской республики, намечая следующие перспективы развития народного хозяйства Бурятии: А. По сельскому хозяйству: 1) рост валовой продукции зерновых культур на 43 проц.; 2) доведение площади пшеницы с 17 проц. до 27 проц. всех посевов; 3) разведение промышленного овцеводства (Агинский и Селенгинский аймаки), табунного коневодства; 4) оседание восточных кочевников и полукочевников; 5) реконструкция социальных отношений в деревне (в настоящее время производственно кооперировано 5-6 проц. всех крестьянских хозяйств). Б. По промышленности: 1) постройка механизированного стекольного завода в г. Верхнеудинске 6,4 милл. руб., 500 рабочих и служащих; 2) овчинно-шубный завод там же—229 тыс. руб., 140 чел. рабочих и служащих; 3) механизированный лесозавод (место не выяснено)—1 милл. руб., рабочих 108-150 чел.; 4) бадано-экспортное производство— 1 милл. руб., 125 ч. рабочих; 5) бум. комбинат—10 милл. руб., 1390 раб. и служ. О перспективах в области транспорта (а это больной вопрос Бурято-Монгольской республики) почти ничего не сказано, ни о Кяхтинской ж. д., ни о водных путях. А проведение Кяхтинской ж. д.—факт, который может радикально изменить экономический облик района.

Другие статьи по пятилетнему плану: Плужников — «Пятилетние перспективы местного бюджета Бурято-Монгольской АССР. Бессолицын — «Овцеводство Бурятии и его перспективы», Ескевич—«К пятилетним перспективам культурно-социального развития». Наиболее интересная статья посвящена на первый взгляд теоретической проблеме, а на самом деле она имеет большой практический интерес именно в связи с построением пятилетнего плана, я говорю о статье Соллертинского Сельско-хозяйственное районирование». Статья представляет конспект большой работы, произведенной т. Соллертинским, и снабжена замечаниями редакции о несогласии с некоторыми положениями автора, пользующегося неправильным методологическим приемом при построении районов (базирование на элементах физико-географического ландшафта и второстепенная роль экономических факторов).

Григорьев в статье «Водно-энергетические ресурсы Прибайкалья в связи с вопросом о Южно-Байкальском промышленном кусте» приходит к выводу о возможности снабдить недорогой гидроэнергией (по цене не свыше 2 к. в количестве до 70 милл. клв-час) промышленные предприятия около Мысовска. Автор доказывает необходимость дальнейшего исследования Южно-Байкальского побережья с точки зрения запасов белого угля.

М. Ряхов—«К вопросу о расслоении деревни» популяризирует статью Струмилина «Расслоение советской деревни» («Плановое хозяйство» № 3, 1928 г.) и производит некоторые исчисления для Бурято-Монгольской республики соответственно Струмилинским указаниям.

Многие из авторов представлены двумя статьями, что указывает на узкий круг сотрудников журнала. Даже двойные, тройные номера не помогают сконцентрировать около журнала обширный круг сотрудников. Редакции следует приложить все усилия для того, чтобы журнал действительно выражал квинт-эссенцию экономической мысли молодой Бурятии и стал на прежнюю высоту.

П. И. Комаров.

Справочник для ходоков и переселенцев. Составил А. П. Яхонтов. С приложением путевой карты и справочными таблицами. Издание Переселенческого отдела НКЗ РСФСР. Москва, 1928 г., стр. 87, тираж 30.000.

Хорошее дело написать популярную книжку для широкого массового читателя! Такая книжка зачастую бывает полезнее толстого фолианта с ограниченным кругом требовательных читателей... Плохо только, что это хорошее дело часто делается так, что становится обидно и за автора, и за читателя.

В нынешнем году Наркомзем дебютирует солидным по об'ему (87 стр. мелкого убористого шрифта!) «Справочником для ходоков и переселенцев».

Нечего говорить, что такая книжка нужна. К сожалению, автор ее не сумел справиться с поставленной перед ним задачей и—мало того—допустил в книжке промахи (странные для ответственного работника отдела переселения Наркомзема).

«Справочная книжка» изложена до-нельзя скучным, монотонным языком, водяниста и бесцветна. Сугубо-официальный язык автор пытается кое-где сдобнить слащаво-претенциозными фразами (см. стр. 8), но и они не спасают положения.

Не везде толково изложены важные для читателя основные положения. Так, на стр. 6-й справочника говорится: «Переселяться на новые земли могут все желающие—переселение по закону дело свободное». Через четыре же страницы автор сообщает: «Советская власть... не может сейчас разрешить переселение всем желающим». Конечно, мы не думаем, что сам автор смешивает понятие планового переселения с вопросом легализации переселения вообще. Но подобное смешение двух разнородных понятий может получиться у читателя, тем более такого, на какого рассчитывается книжка.

Самое же главное заключается в том, что автор справочника не дает действительно нужные советы переселенцу и ходоку в сложный и трудный момент ликвидации его старого хозяйства, поисков новых земель и организации на них нового хозяйства.

В книжке, изданной в 1928 г., мы не видим ясной и выпуклой ставки на коллективизацию, между тем, как в ряде случаев только коллективные методы и принципы могут оказать действительную помощь переселенцу.

На стр. 7 вполне правильно говорится, что переселенческая семья должна быть здоровой и сильной, т.-е. обеспеченной рабочим составом. Ну, а когда этой обеспеченности нет? Тогда справочник просто-напросто советует иметь в два раза больше денег, чтобы с самого начала нанять одного-двух работников. Ни слова не сказано о том выходе, который дает подобной маломощной семье об'единение в переселенческое т-во. Напротив, на стр. 13 подчеркивается, что переселенцу необходимо итти «с достаточным капиталом», точно это единственное условие успешности проживаемости на новом месте.

С 43 страницы начинается описание, как переселенец должен устраиваться на новых местах. На двадцати страницах говорится о многом, включая разбивку поселков и постройку искусственных цистерн для воды. Но почему-то замалчиваются моменты коллективизации переселенческого хозяйства на месте водворения. О кооперировании переселенцев говорится вскользь, всего два раза: когда речь идет о выдаче ссудных кредитов и там, где упоминается о мелиорации переселенческих участков через посредство мелиоративных товариществ.

Помимо этой основной ошибки автора, в справочнике имеется ряд утверждений, звучащих довольно рискованно.

Так на стр. 8-й утверждается, что переселенческая семья через два-три года (?) после переселения окрепнет настолько, что будет чувствовать себя лучше, чем на родине. На стр. 21 автор уверяет, что «большая ходаческая партия не побоится перейти через ненаселенные степи или через тайгу и горы за несколько сот верст от железной дороги». (Где это он нашел переселенческие участки, удаленные за несколько сот верст от железной дороги? У нас, в Сибири, таких участков нет). На стр. 50 сообщается, что «размеры посева на первый год водворения на участке следует доводить до 3-х десятин земли (?)». В другом месте читаем: «во многих местах на помощь переселенцам приходят железные лошади—тракторы... Однако, их мало еще у нас, да и при них в хозяйстве нужны все-таки лошади»...

И, наконец, разве не странно в отношении к переселенческим постройкам давать советы, чтобы высота комнат была не менее 3 с половиной аршин, чтобы кирпичные стены были не тоньше двух кирпичей и т. п.? Странно звучат и советы «в одну линию с жилым домом поставить конюшню, а между ними погреб», «в углу между цистерной и плодовым садом (!) разместить дворовый огород, так, примерно, по площади—десятую часть усадьбы».

Мы не останавливаемся на ряде других мест, в которых находятся противоречия с указаниями самого же НКЗ по переселенческому делу (не даром Сиб. Перес. Упр., получив этот «справочник», решило сложить его в подвал и не выпускать в обращение).

Нас интересует общий вопрос: когда же мы научимся выпускать действительно нужные популярные книжки?

Н. Юрцовский.

А. Я. Тугаринов.—«Птицы Приенисейской Сибири». Список и распространение. Записки Средне-Сибирского Отдела Государственного Географического Общества изд. под ред. В. П. Косованова и А. И. Березовского, т. I, вып. I, серия II, стр. 43, Красноярск, 1927 г.

Рецензируемая работа является завершением многолетних орнитологических исследований автора в бассейне р. Енисея Автор дает детальную схему распространения птиц в Приенисейском крае от берегов Северного Полярного моря до границ с Монголией, разделяя огромную и интересную страну на 23 зоогеографических участка, характеризуемых известным комплексом данных положительной и отрицательной характеристики фауны. Углубленный анализ фауны, проделанный автором и чувствующийся на каждом шагу при чтении этой работы, свидетельствует не только о широком кругозоре автора, но и той педантичной аккуратности, с которой он относится к вопросам изучения фауны Приенисея. В таблицах автор для сравнения приводит данные, касающиеся сопредельных областей—Западно-Сибирской низменности, Алтая и т. д. И, если в части, касающейся фауны Приенисейского края, автор дал исчерпывающую картину распространения, то в отношении этих сопредельных областей местами проскальзывают пропуски, недосмотры, являющиеся, очевидно, недоступностью сибирских фаунистических работ, вышедших в период 1921—1925 г. (например: «Вестник Томского Орнитологического Общества», «По Чулыму»—Г. Э. Иогансена и др.). Знакомство с этими работами внесло бы некоторые дополнения в работу А. Я. Тугаринова.

Вторая часть работы заключает анализ элементов, из которых слагается фауна Приенисейской Сибири, при чем автор устанавливает значительное влияние различных фаун. В третьей части даются зоогеографические подразделения и краткое физико-географическое описание 23 участков Приенисейской Сибири. В конце работы приложена контурная карта с нанесением границ этих участков, что в значительной мере облегчает усвоение построений автора.

Внешне книга издана неважно. Прямотаки вопиющим недостатком является громадное количество опечаток. Мало того, допущено 6 ошибок даже в списке опечаток! Рецензируемая статья, несмотря на небрежность печати, не теряет своего интереса и научного значения.

И. Залесский.

Мих. Горев.—Последний святой. Последние дни романовской церкви. Канонизационный процесс Иоанна Тобольского 1914-1917 г. Госиздат. 1928. Стр. 280, цена 3 руб.

Намечая в 1922 г. пути религиозной пропаганды, В. И. Ленин писал:

«Особенно важно использование тех книг и брошюр, которые содержат много конкретных фактов и сопоставлений, показывающих связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды».

Наши архивы, только теперь ставшие доступными, дают о такой связи богатейший материал.

Тов. Горев сделал интересную попытку на основе документальных данных (огромное количество документов им приводится в книге) дать читателю историю «последнего святого»—Иоанна Тобольского, канонизированного с большим шумом перед Февральской революцией в Тобольске. Интерес этой попытки особенно в том, что автор дал не научно-исследовательскую работу, а заставил печальных героев печальной комедии «двигаться, действовать, жить». Сделано это с целью большей популяризации книги и сделано в общем не скверно. С огромным интересом читаются десятки страниц, описывающих всевозможные махинации с получением «аттестата на святость», придворные и синодские интриги, похождения небезынтересных—епископа Варнавы, Тихона, и мн. других «столпов» церкви, бывших фактически на побегушках у двора.

Стоит ли «последний святой» того, чтобы давать о нем книгу в 280 стр., да еще по несуразной цене (хороша популяризация!)—это еще вопрос. Может быть, многих мелочей событий вокруг канонизации можно было бы и не помещать. Но, что следует поставить в упрек автору, это чрезмерное злоупотребление «крепкими» словами и хлесткими фразами. От таких слов и фраз книга популярна не стала. Книгу следует рекомендовать широко всем библиотекам и всем антирелигиозникам. «Конкретных фактов» она дает много.

А. А.

Письмо в редакцию

ТОВАРИЩ РЕДАКТОР!

В номере 9-ом журнала «Настоящее» помещена статья тов. Курса—«Концентрат профессора Круссера», являющаяся ответом на мою статью «Новый проект идеологического разоружения», напечатанную в «Сибирских Огнях».

Я считаю необходимым отметить следующее:

1. Как член редколлегии «Сиб. Огней», я не имел никакого отношения к печатанию романа Югова и прочих «шедевров» и поставил вопрос о своем уходе из старого состава редакции за два месяца до переформирования коллегии. Тов. Курсу, как работнику отдела печати Крайкома, это было хорошо известно, и мне непонятно—кому и для чего нужна эта легкомысленная клевета?

2. Статья тов. Курса совершенно не отвечает на принципиальные вопросы, поставленные мной, и ограничивается своеобразным «психоанализом», служащим маскировкой тех идеологических позиций, которые автор создал в своем фельетоне «Кирпичом по скворешне».

На мои возражения об'ективного характера, связанные с теоретической и политической оценкой искусства и литературы, тов. Курс нашел в своем инвентаре только передержки и выпады чрезвычайно суб'ективного свойства. Теоретические проблемы, важные и интересные как читателю, так и писателю, для тов. Курса оказались несуществующими.

Поощрять и снисходительно относиться к статьям, в которых сквозит: «Каждый сам себе марксист», вредно и не следует. В ближайшем номере «Сиб. Огней» я принужден буду еще раз вернуться к тов Курсу—и на ряде его статей, подвергнув их тщательному анализу, показать теоретическую и практическую несостоятельность вольных индивидуальных установок.

3. Чрезвычайно симптоматичны мысли тов. Курса «О кустарно-промысловых профессорах и хозяйственных эстетах». Монополия на литературное жречество—устаревшая установка, и очень полезно, когда хозяйственник по-хозяйски посмотрит, какую продукцию выпускают для широкого потребления литературные жрецы.

Г. Круссер.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: А. Ансон. В. Итин. А. Оленич-Гнененко.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1. П. Петров.—Борель (роман) 3
2. А. Козлов.—Баллада о молодом пастухе (стихи) 37
3. А. Несмелов.—Короткий удар (рассказ) 41
4. Г. Павлов.—Возвращение комполка Мигайлы (рассказ) 62
5. И. Молчанов.—Тридцать один (стихи) 73
6. Н. Чертова.—Лицо денег (рассказ) 76
7. Е. Анучина.—Бунт (рассказ) 86

СТИХИ: Л. Черноморцев, Н. Титов, А. Несмелов . . . . 97—101

8. В. Шкловский.—Два броневика (сценарий) 102
9. Е. Булатов.—237 и Комбайн 117
10. Л. Мартынов.—Турксибстрой 123
11. Н. Ауэрбах.—Краеведение и газеты 143
12. Куллэ.—Современный европейский театр 150
13. С. Дурылин.—О Льве Толстом 166
14. Б. Вариль е.—Встреча с Маминым-Сибиряком 169
15. А. Топоров.—Деревня о современной поэзии 173

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ (отзывы читателей о № 4 «Сибогней») . . 191

КУЛЬТФРОНТ 204

БИБЛИОГРАФИЯ: Г. Андреевич, А. Ансон, Г. Вяткин, И. Залесский, В. Итин. П. Комаров, А. Низовцев. проф. В. Огородников, Е. Титов, К. Урманов, Н. Юрцовский 211

Г. Круссер.—Письмо в редакцию 227

Портрет Л. Толстого—работы художника С. Липина.